ВОЙНА И МЫ

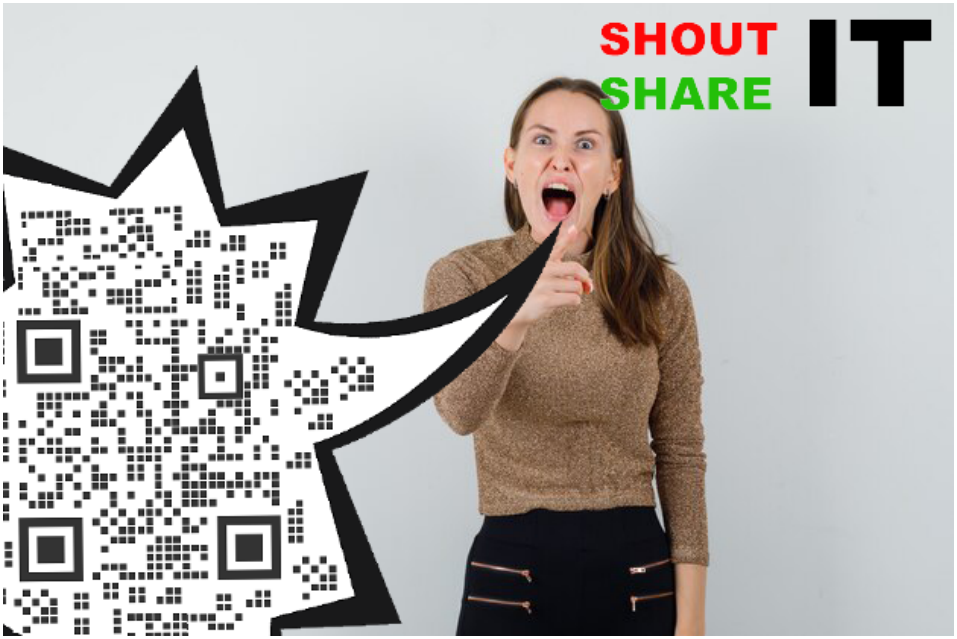
окопная правда

Составитель серии Артем Драбкин

На службе у бога войны

В прицеле черный крест

Петр Демидов


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — ветеран Великой Отечественной, прошедший со своей батареей от Ленинграда до Берлина. «Я уже приспособился стрелять на поражение всей батареей без пристрелки. На этот раз быстро «ухватил» свои разрывы, ввел все же некоторые поправки и перешел на поражение цели беглым огнем. Первые же залпы взметнули в воздух фонтаны черной жирной земли и огня, поражая врага. Вскоре три орудия были уничтожены, два повреждены, и только одно немцам удалось с большим трудом увезти за бугор. Контрбатарейная стрельба продолжалась. Стреляли мы, стреляли и немцы. Поле боя затянулось дымом, разрывы снарядов рвали воздух с оглушительным треском. Большие потери не остановили гитлеровцев, они упрямо лезли вперед. Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Трудно приходилось нашей пехоте, кое-где начались рукопашные схватки. Решаю помочь мотострелкам и открываю огонь шрапнелью по вражеской цепи. Гитлеровцы заметались, залегли, потом, пятясь, побежали. Наши снаряды провели хорошую «прополку» в их рядах. И эта атака захлебнулась…»

- Петр Михайлович Демидов
  - Предисловие
  - Вступление
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

Петр Михайлович Демидов
На службе у бога войны

Предисловие

Будучи членом Санкт-Петербургского клуба Кавалеров ордена Александра Невского, цель которого — формирование патриотического сознания прежде всего у молодежи на примере жизни и деятельности заслуженных ветеранов войны, мне приходилось много встречаться с учащимися средних школ, кадетских корпусов и суворовского училища, студентами ВУЗов, и было видно, что молодые люди в полной мере не представляют себе те трудности и невероятные усилия, которые пришлось перенести нашему поколению в годы войны.

О войне я знаю не понаслышке, прошел с боями от Ленинграда до Берлина. Участвовал во многих оборонительных и наступательных операциях.

На войне все ее участники что называется «варятся в одном котле», друг у друга на виду, всё слышат и видят, откровенно рассказывают о себе, своих чувствах, делятся с товарищами своими переживаниями, мыслями, впечатлениями и воспоминаниями, понимая, что могут больше не увидеться — идет война.

Свои взгляды, события и впечатления я постарался изложить так, как они были мне известны, как я видел, чувствовал, понимал умом и сердцем двадцатилетнего офицера, оказавшегося в гуще событий тех грозных героических лет. Изложил без прикрас и преувеличения, откровенно и правдиво, без какого-либо вымысла.

Надо сказать прямо, что войну выиграли молодые лейтенанты и капитаны. Это они вместе с солдатами ели из одного котелка, спали в одной землянке, прятались в одном окопе, вели бойцов в атаку, стреляли из пушек, водили танки в бой, сидели за штурвалом боевых самолетов и кораблей и, жертвуя собой, добывали победу над немецкими захватчиками.

Эта книга посвящается тем, кто пал на полях сражений, а также ветеранам войны — тем, кто выжил в этой кровавой, жестокой бойне.

Прочитать «Записки полевого командира» желательно было бы и нынешним молодым людям, которые недостаточно знают о Великой Отечественной войне, о жизни нашего народа в трудные годы военного лихолетья. Прочитав книгу, они узнают много нового и полезного для себя.

Хочу выразить особую благодарность писателю Прудникову Виктору Васильевичу за большую работу и оказанную мне помощь, как литератора, в редактировании и в дополнительном

сборе материала. Он успешно способствовал тому, чтобы работа над книгой велась и была закончена.

Демидов, полковник в отставке.

Вступление

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков, которая длилась 1418 дней и ночей, где решалась жизнь и судьба нашего первого в мире социалистического государства — СССР.

Согласно немецкому плану «Барбаросса», группа армий «Север» наступала на Ленинград, группа армий «Центр» — на Москву, группа армий «Юг» — на Киев — Кавказ. На нас была брошена полностью отмобилизованная и отлично вооруженная, хорошо обученная, имеющая боевой опыт (к моменту нападения на СССР Германия захватила почти всю Европу — 12 стран), численно превосходящая армия в составе 190 дивизий (5,5 млн человек, 3700 танков, 5000 самолетов), имея задачу молниеносным ударом (блицкригом) через несколько недель захватить Москву, Ленинград, а осенью выйти на Урал и через три месяца покончить с СССР. Цель войны — превратить наш народ в рабочую силу, отдать землю помещикам, фабрики и заводы — немецким капиталистам, а советских людей заставить работать на них.

И вот в 3 часа 30 минут неожиданно, без объявления войны, вероломно Германия напала на СССР. Сея смерть и разрушения, немцы двинулись вглубь нашей страны. Имея огромное преимущество в живой силе и технике, особенно в танках и самолетах, умело используя большие просчеты по политическим, народнохозяйственным и особенно военным вопросам со стороны руководства СССР (точнее, лично Сталина), немецко-фашистские войска на пятый день войны захватили Минск и вскоре вышли к Ленинграду, Москве, Сталинграду, Кавказу. Беспорядочно отступали на всех фронтах, попадали в окружение дивизии, корпуса и целые армии, войска попадали в плен и несли огромные потери. Повсюду возникла паника и неразбериха. Врагу оставлялись обширные территории на западе страны с их мощными материальными и техническими ресурсами. Казалось, никакая сила не может остановить эту мощную, отработанную до автоматизма роботизированную военную машину.

Все это произошло неожиданно, почти молниеносно и вопреки тому, о чем нам ежечасно, ежедневно твердили по радио, писали в газетах, что слышалось в речах и в кино: в стране все идет хорошо, мы всех сильнее и бить врага будем только на его территории — быстро и малой кровью.

Какие же причины привели нас к тому, что мы терпели тяжелые и горькие поражения в эти первые месяцы и годы войны?

Анализируя эти события с высоты сегодняшних дней, когда стали известны многие факты тех лет, тщательно скрываемые от народа, на мой взгляд, их было в основном четыре.

Первая причина наших неудач состояла в том, что Сталин с начала 30-х годов взял власть в стране в одни руки и по существу стал диктатором. Он отошел от демократических норм партийной и государственной жизни, правил страной и принимал все решения единолично, не терпел ни возражений, ни критики. Не было никакой коллегиальности, гласности и демократии.

Руководство и управление партией и страной проводил при помощи созданной им командно-административной системы, которая была порочной и тормозила продвижение страны вперед. В основе ее — централизация решений и пунктуальное, неукоснительное подчинение и исполнение директив «верхов» низами. Никакой инициативы, никаких широких прав и самостоятельности на местах. Система калечила личность человека, в ней роль людей, даже стоящих на высоких ступенях «лестницы управления», сводилась к винтикам государственного механизма, сковывалась инициатива, она не позволяла думать, принимать правильные решения.

Система породила не только культ личности, но и всенародный страх, подневольный труд, разлад между словом и делом, очковтирательство, вранье, приписки, обман, воровство, приспособленчество, взятки, бюрократизм. Особенно тормозило развитие общества отсутствие материальной заинтересованности, требование работать на энтузиазме, уравниловка, а отсюда — низкая производительность труда. Система вела к нравственным потерям, неверию людей в социализм, в наше будущее, вызвала апатию и безразличие к результатам труда и общественной жизни. Народ прекрасно видел, когда официальная пропаганда говорила и выдвигала хорошие, правильные лозунги и теоретические положения, а в практической жизни все делалось наоборот. Отсюда и неверие в справедливость и в наше общее дело. Все это резко ослабило страну.

Другая причина наших неудач в начале войны — нездоровая морально-нравственная атмосфера в стране, созданная культом Сталина. Все важнейшие политические, военные, хозяйственные решения как в верхних эшелонах, так и на местах принимались в обстановке страха перед возможными репрессиями, которые заканчивались смертью или тюрьмой. Чтобы не стать «врагом народа», руководители всех рангов командовали на своих местах с оглядкой на «Самого» и делали то, что он хотел, а не то, что требовало дело, обстановка. Причем доказать свою правоту в том, что некоторые указания «сверху» не верны, что их выполнение

наносит огромный вред, было практически невозможно. Это было страшное время, когда культ одного человека мешал огромной армии командиров принимать разумные, основанные на здравом смысле и опыте решения. В результате страна приостановилась в своем развитии, несла огромные моральные и материальные убытки. Говорить о недостатках в нашем обществе, критиковать какие-либо действия «верхов» значило пойти на самоубийство. Такого человека немедленно объявляли «врагом народа» и уничтожали.

Сталин ввел в стране произвол, беззаконие, опричнину в виде «ежовщины» и «бериевщины», целое государство и его народ превратил в бездумных исполнителей-рабов. Страной овладел страх.

Третья причина наших неудач в начале войны — физическое уничтожение перед началом войны и разгром лучших военных и гражданских кадров. Был расстрелян цвет нашей армии от командиров полков до командующих округами и заместителей наркома обороны. Тысячи и тысячи замечательных патриотов нашей Родины ушли из жизни с клеймом «враг народа». Сотни тысяч опытных в военном деле людей, которые составляли больше половины старшего и высшего командного состава, не приняли участия в Великой Отечественной войне, что отрицательно сказалось на ходе войны, особенно в ее первые годы, так как армия была обезглавлена.

В журнале «Новый мир» (№ 1 за 1988 г.) на 204-й странице читаем: «…Вот перед нами подсчеты, сделанные генералом А. И. Тодорским: сталинские репрессии вырубили из пяти маршалов трех (Егоров, Тухачевский, Блюхер), из пяти командармов 1 ранга (генералов армий) — трех, из 10 командиров 2 ранга (генерал-полковников) — всех, из 57 комкоров — 50, из 186 комдивов — 154, из 16 армейских комиссаров 1 и 2 ранга — всех, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 64 дивизионных комиссаров — 58, из 456 полковников — 401. Кроме того, оставшиеся кадры были морально подавлены, боялись действовать решительно, правдиво, а армия в целом перед началом войны оказалась по неразумной воле «верхов» в труднейшем периоде незаконченного перевооружения. Неопытные молодые кадры, выдвинутые Сталиным вместо уничтоженных, не могли правильно и хорошо командовать. Чтобы вырастить командующего армией, фронтом нужны десятки лет, так как эти кадры должны пройти все ступени служебной лестницы, получить достаточные знания, опыт.

Как мог вчерашний капитан командовать полком или дивизией, ведь у него не было для этого ни знаний, ни умения, ни

опыта — отсюда большие ошибки в военных действиях, огромные потери в людях, технике, паническое отступление.

Не будь репрессий 1937–1938 годов, не было бы и лета 1941 года, мы могли бы быть сильнее во всех отношениях и особенно в военном.

Гитлер в своих планах при нападении на СССР делал ставку на страшный урон в военных кадрах, который сам себе организовал Сталин, рассчитывал, что эти потери будут невосполнимыми и армия наша в условиях большой войны окажется небоеспособной.

Четвертая причина наших неудач в начале войны — неподготовленность страны в военном отношении и непринятие мер к определению начала военных действий.

Сталин не проявил достаточной бдительности и дальновидности в определении начала войны. Так как он являлся диктатором и все решения принимал единолично, то обязан был знать намерения врага. Гитлер, прикрываясь заключенным договором о ненападении, вел усиленную подготовку к войне с СССР и перехитрил Сталина. Многие видные деятели страны видели коварную игру Гитлера и предупреждали Сталина о намерениях Германии, но он им не верил, обвинял в измене, арестовывал и судил. Маниакальная подозрительность к своим соратникам в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу. Вопреки реальности Сталин верил, что Германия не нападет на СССР еще два-три года. Поэтому он панически боялся всяких предложений о принятии оборонительных мер, чтобы не вызвать гнев Гитлера и обвинений с его стороны о подготовке нами нападения на Германию.

Сталин, конечно, несет ответственность за то, что с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков, но главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, в которой десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не имели возможности доказать главе государства масштаб опасности и принять достаточные меры к ее предотвращению. Вот она административная система в действии — стена, которую ничем не прошибешь.

В результате всех ошибок Сталина страна по-настоящему не была подготовлена к ведению войны, не были приняты элементарные меры обороны: правильное перевооружение армии, неоправданное уничтожение старых оборонительных сооружений и техники, не были своевременно подтянуты войска к границе, не была проведена мобилизация и др.

Наступили тяжелые для нашего народа дни — жестокие

неудачи на фронтах, бомбардировки сел и городов, отход войск и населения вглубь страны, эвакуация промышленности на восток. И в который уже раз в богатой драматическими событиями истории страны русский многострадальный народ, терпя неимоверные трудности, лишения и страдания, принял на свои плечи всю тяжесть лихой годины. Особенно трудными были 1941 и 1942 года. В кратчайшие сроки наша страна превратилась в единый боевой лагерь, весь народ от мала до велика встал на защиту своей Родины, своей свободы и независимости под общим лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Постепенно страна набирала силу.

Глава I
Профессия — защищать Родину

Много воды утекло в Неве за годы моей долгой и нелегкой жизни. Я говорю в «Неве», а не в какой-то другой реке — Волге, Днепре, Енисее или Амуре. Говорю так, потому что большая часть моей жизни прошла на берегах Невы, в одном из красивейших городов мира — Санкт-Петербурге, в прошлом — Ленинграде, хотя родился я в центре России, в селе Захаровке (Захарово) Рязанской области. Здесь тоже есть своя река с красивыми, живописными берегами и пойменными лугами — Ока.

В семье я был шестым ребенком, а на свет божий появился 20 июля 1921 года и принадлежу к тому поколению людей, которое в суровую годину Великой Отечественной войны было почти полностью истреблено. Мне повезло, остался жив и вернулся домой.

В этих «Записках» я постараюсь беспристрастно рассказать о войне, о которой нынешнее поколение молодежи знает очень мало, рассказать так, как видел ее я, двадцатилетний лейтенант, прошедший путь от Ленинграда до Берлина.

Пока же — расскажу несколько о себе, о моем детстве и юности. Своей малой родиной — Рязанщиной — стал интересоваться еще в школе. В первую очередь интересовался селом, в котором родился. Любовь к родной земле и людям труда нам прививали с детства родители и учителя, поэтому у каждого школяра были свои обязанности по дому, которые выполнялись неукоснительно. Тогда мы понятия не имели о правах ребенка, знали одно, что надо учиться и помогать родителям.

Рязанщина и по сей день в моей памяти представляется бескрайней широкой степью, изредка изрезанной холмами и оврагами. Земля здесь плодородная, насколько хватает глаз — тянутся разноцветные квадраты полей: зеленовато-желтой ржи, крупных колосьев пшеницы, низкого светлого овса, темно-коричневой гречихи. Рязанское поле сравнимо разве что с морем, которое так же волнуется от небольшого дуновения ветерка. Если внимательно прислушаться, то можно понять, как шепчутся колосья. Спросите — о чем? Конечно, о жизни. Бывало, идешь по полю и дышишь полной грудью, поднимешь голову, увидишь в небе небольшую точку — это жаворонок, трели которого раздаются с раннего утра.

Забравшись на пригорок, я всегда любовался своей родной Захаровкой. Село большое, расположено в 35 километрах от

Рязани, в нем когда-то было восемь улиц, вдоль которых без учета строгой планировки строились дома. Их тоже насчитывалось немало — около 600. В прошлом — село государственное, принадлежало царской казне. Жители были вольными хлебопашцами, работали много и трудно. Налоги платили царю-батюшке и на судьбу свою не жаловались.

В школе я узнал, что в период татаро-монгольского нашествия Рязанское княжество одно из первых подверглось ударам пришедших с востока кочевых орд и попало в зависимость от золотоордынских ханов, которым платило дань. Почти три столетия Русь вела борьбу за свою независимость. Рязанские и московские князья организовывали дружины для отпора кочевникам, южнее Рязани, в так называемом Диком поле. Они возводили сторожевые крепости, строили заставы и опорные пункты. Тут же возникали временные поселения, куда приезжали татары и половцы, которые вели меновую торговлю с русскими поселенцами. Линия таких укреплений проходила по нынешним селам Федоровке, Захаровке, городу Михайлов и реке Воронеж.

В XIV-XV веках рязанские князья имели довольно сильные дружины, набираемые из вольных людей, казаков, которые охраняли южные рубежи России от набегов кочевников. Вокруг поселений казаки сооружали земляные укрепления — рвы, остатки которых существуют и по сей день. Высота таких рвов была такова, что за ними мог укрыться всадник вместе с конем, за рвами защитники прятались от вражеских стрел и копий, отсюда велось наблюдение за войском противника и осуществлялась разведка. Словом, на войне как на войне.

В детстве, поднявшись на эти рвы, я давал волю своему воображению, которое уносило меня в далекое прошлое. Передо мной возникали картины сражений русских дружин с татарами, половцами и прочими завоевателями. Там, за вершинами холмов, мне виделось, как с гулким топотом мчалась вражеская конница и как ей навстречу стремительной лавиной двигались русские всадники. Гудела земля от стука копыт, в воздухе молниями сверкали сабли, конники сшибались в злой, отчаянной схватке.

Беспокойное то было время. Моим предкам, жившим в этих краях, наверно, нелегко приходилось, много крови они пролили, чтобы защитить свою землю от захватчиков.

Когда Русь освободилась от татаро-монгольского ига, сторожевые поселения стали утрачивать свое значение, но люди не покидали обжитые места, здесь возникали села и деревни, некоторые из них с течением времени превратились в города.

Село Захаровка известно с XVII столетия и, по утверждению местных краеведов, стало бурно развиваться после отмены

крепостного права. Многие его жители занимались отхожим промыслом, уходили на временные, сезонные работы в крупные города — Рязань, Москву, Петербург, позже — в Донбасс.

«Отходником» был и мой отец — Михаил Трофимович Демидов. Пятнадцатилетним юношей уехал он в Петербург, и кто-то из земляков помог ему определиться в «мальчики» (так тогда называли учеников) на городскую скотобойню, а повзрослев, и сам стал бойцом, забойщиком скота. С селом, однако, связей не порывал, домой приезжал обычно летом, помогал матери, моей бабушке Наталье, вести домашнее хозяйство. В один из приездов женился на шестнадцатилетней местной девушке — Евдокии Григорьевне Головиной. Это была моя мать.

В осенне-зимний период, когда работы на селе практически не было, мать ездила к отцу в город. В результате таких челночных поездок у моих родителей появилось шесть человек детей, включая и меня. Мы жили не безбедно, имели землю, вели хозяйство, держали скотину, матери и бабушке приходилось много работать, а когда подросли старшие дети, стало легче — все были при деле. Не забывал нас и отец.

Об отце, Михаиле Трофимовиче, хотелось бы сказать несколько подробнее. Несмотря на свою природную замкнутость и некоторую угрюмость, человеком он был добрым и мудрым, ко всем детям относился ровно, старался никого не обделять ни лаской, ни вниманием. Не припомню, чтобы в воспитательных целях он прибегал к ремню, хотя что уж тут скромничать, все мы проказничали, не без этого.

Главное, отец был честным и порядочным человеком. Когда я стал взрослым, он рассказал мне один случай из своей жизни. Еще до революции, да и в первые годы советской власти в Петрограде (Ленинграде), развелось столько разного жулья, бандитов и грабителей, вроде Леонида Пантелеева, что житья от них не было. Действовали они группами и в одиночку. В районе скотобойни, в рабочих кварталах, проживал профессиональный вор-одиночка по кличке «Федька», который никогда здесь не воровал. «Визиты» наносил состоятельным гражданам-буржуям и тем, у кого можно было чем-то поживиться.

Однажды Федька заглянул к моему отцу, которого хорошо знал и спросил:

— Дядя Миша, можно я поживу у вас несколько дней? Домой мне возвращаться сейчас не с руки.

Отец разрешил, и они вместе провели несколько вечеров. Прощаясь, вор в знак благодарности презентовал моему родителю небольшой черный чемоданчик, наполненный столовым серебром. Подержав подарок в руках, Михаил Трофимович вернул

его гостю со словами:

— В жизни я не брал чужого, тем более краденого. Не возьму и сейчас, хотя понимаю, что это серебро денег стоит. Вот ежели б ты, Федька, на честно заработанные деньги купил простую вилку или нож и подарил мне, я бы тебе спасибо сказал.

Вор понял все и на отца не обиделся. Ушел и больше никогда не появлялся.

Шло время. Я взрослел, познавал мир, который с течением времени менялся у меня на глазах. Выросли мои старшие братья, обзавелись семьями, вышли замуж сестры и уехали в Москву, в селе с матерью осталась одна Марфа. Как-то незаметно ушла из жизни бабушка Наталья, насколько себя помню, всегда опекавшая всех нас. Без нее в доме стало неуютно и пусто. Но вскоре я примирился с ее утратой, пошел в школу, и у меня появилось много друзей.

Всякий раз, когда отец приезжал домой, для меня был настоящий праздник. Он раздавал всем подарки, которые были хотя и скромными — обновки, сладости, книжки, — но всегда грели душу: мы чувствовали его заботу и внимание. Гостил отец недолго (неделю, не больше) и сразу же отбывал в Ленинград, видимо, боялся остаться без работы.

Когда началась коллективизация, жизнь на селе превратилась в сплошной кошмар. Помню, как в Захаровке организовывался колхоз «Красный пахарь», как по указанию властей крестьяне сводили из своих подворий коров, лошадей, овец, свиней в общественные скотные дворы и конюшни. Потом колхозные правленцы забирали в каждом дворе сельскохозяйственный инвентарь — плуги, бороны, веялки, молотилки, телеги. Дошло дело и до семян. Такого грабежа, наверно, не было и во время татаромонгольского ига.

Отдавать в колхоз свою живность, сельхозинвентарь и зерно большинство селян не желали, тогда власть стала применять силу. В Захаровку приехали уполномоченные ГПУ и милиционеры. Вооруженные наганами и винтовками, они шастали по дворам, переворачивая все вверх дном в поисках зерна и сельхозинвентаря. С рассветом над селом стоял шум и плач — процесс «раскулачивания» вступал в новую фазу. Чтобы сохранить хотя бы какую-нибудь живность и имущество, крестьяне записывались в колхоз, но как только село покидали уполномоченные из района, немедленно забирали свои заявления и снова становились единоличниками.

Идея коллективного хозяйствования никого не прельщала. Разрушить веками сложившиеся крестьянские устои, их быт и привычную жизнь было не так просто. На этой почве

разыгрывались настоящие трагедии. Люди не понимали, что происходит, да и колхозную идею им никто толком не объяснил. Активисты из комбеда и сами-то не знали, что творили, зачем нужны эти колхозы и совхозы. Однако приезжие начальники железной рукой наводили порядок. Тех, кто «добровольно» не желал записываться в колхоз, объявляли кулаками, врагами советской власти и отправляли на Север или в Сибирь на перевоспитание.

Коллективизация — страшное и трагическое время, даже я, совсем еще несмышленыш, понимал, что происходит что-то ужасное. Мать растерялась и срочно вызвала из Ленинграда отца. Состоялся семейный совет, на котором решено было немедленно ликвидировать наше хозяйство, дом и имущество, которое у нас имелось, продать, самим переехать в город к отцу. Эту идею я поддержал с радостью. Мне хотелось увидеть Ленинград, город, в котором, по рассказам отца, «делалась» история Российского государства, где много заводов и фабрик, исторических памятников, где рабочий класс имеет вес и местные власти с ним считаются.

Меня волновала учеба, ведь я уже учился во втором классе, поэтому и спросил у отца:

— А как же школа? Где я буду учиться?

Михаил Трофимович лукаво усмехнулся, успокаивая меня:

— Не беспокойся, Петя, школ в Ленинграде больше, чем во всем нашем районе. Недалеко от нашего дома, на улице Егорова, есть хорошая школа, вот туда я тебя и определю. Так что можешь не волноваться. — И тут же обратился к матери: — А ты, Дуняша, тоже поспеши со сборами, путь нам предстоит не ближний.

Решение покинуть Захаровку взволновало меня до крайности. Пока родители занимались распродажей имущества, я места себе не находил. Жалко, конечно, было расставаться со своей школой, учителями, школьными друзьями, да и пугала неизвестность — большой город, в котором скоро мне предстоит жить. Но рядом со мной были родители, и я смирился со своей участью.

Мое настроение, видимо, передалось и маме, я видел, как она хлопотала в эти дни обо мне и об отце, очень боялась что-то упустить перед отъездом. Лицо ее, всегда спокойное, явно выказывало тревогу.

Мама! Святое для меня слово. Даже после ухода ее из жизни у меня остался в памяти ее светлый образ, самые теплые воспоминания. Она была душевным, спокойным и трудолюбивым человеком. К детям относилась внимательно, была с ними ласкова и терпелива. Как и отец, на провинившегося не набрасывалась с криком: «Аспид ты этакий, что ты натворил?»

Лишь, покачав головой, скажет с укоризной: «Нехорошо так поступать, запомни это». В этом, пожалуй, и заключалось ее наказание.

Евдокия Григорьевна хотела, чтобы все мы получили образование. По тем временам закончить четыре-семь классов сельской школы считалось большим достижением. Мать всегда говорила: «Надо учиться». Внешне своих чувств к детям она старалась не проявлять, и если делала это, то незаметно, исподволь, хотя все мы знали, что сердце у нашей матери доброе и щедрое.

С переездом в Ленинград мы жили на Московском проспекте, в большой коммунальной квартире, в которой было, кажется, шесть комнат. В каждой комнате полно людей, как семечек в тыкве. Жильцов я долго путал, не мог запомнить их имен. У нас была комната площадью одиннадцать квадратных метров. Тесно, конечно, но, по сравнению с другими семьями, в которых было по четыре-пять человек, я чувствовал себя «вольным казаком».

Вскоре я заметил, что в этой скученности и тесноте люди как-то умудрялись жить дружно, без ссор и скандалов. Моя мать, например, сразу же вписалась в женский коллектив на кухне. Соседи к отцу относились с уважением, видимо, ценил и его за скромный образ жизни. Это действительно так. Во всем Михаил Трофимович проявлял умеренность и скромность, жил по средствам, расчетливо, деньги, которые доставались ему огромным трудом, не транжирил, никогда ничего не брал в долг, считая это зазорным, в то же время задевающим его мужское достоинство.

Отец, как и обещал, определил меня в школу, которая была недалеко от дома на улице Егорова. Кто такой этот Егоров, я долгое время не знал. И только в классе пятом или шестом учителя объяснили, что Егоров — это известный в Ленинграде революционер. У него было еще другое имя — Кирилл Орлов. В годы революции Егоров (Орлов) возглавлял отряды Красной гвардии.

Надо заметить, что в те годы революционному воспитанию ленинградских школьников отделы народного образования придавали особое значение: как-никак Ленинград — колыбель революции. Так говорилось во всех школьных учебниках по истории и литературе, школьную программу я осваивал вполне сносно, хотя на первых порах приходилось трудновато. Осваивался и с городской жизнью, ритм которой был здесь совершенно другим. Всем классом мы часто ходили на экскурсии в музеи, посещали концерты, гуляли в парках. Особенно нравился мне Летний сад, куда я бегал по выходным дням.

Я уже настолько привык к городской жизни, что считал: ничто уже не может нарушить ее привычного течения. Но в середине 30-х годов неожиданно заболел отец. Сказались тяжелые условия труда, может, и сырой ленинградский климат. Вскоре Михаил Трофимович умер. А было ему всего пятьдесят два года. Потерю своего кормильца мы с мамой переживали особенно тяжело. Пенсии (110 руб.), которую мы стали получать за отца, было явно недостаточно, приходилось с трудом сводить концы с концами. Чтобы выжить, мать подрабатывала где только можно было. О старших детях она уже мало беспокоилась, но меня еще надо было «ставить на ноги». Ей так хотелось, чтобы я окончил школу, получил хорошую специальность, возможно, и дальше продолжил бы учебу, стал «человеком» — если не ученым, то инженером, занимающим в соответствии со своим образованием солидную должность.

Меня же далекая перспектива не волновала, я жил проблемами советского школьника на скромный наш с мамой семейный бюджет, отказывая себе во многом. Жил и не тужил, увлекался художественной литературой, которая в моей жизни занимала значительное место. Книги, если водились деньги, покупал на рынке. В большинстве случаев это были приключенческие романы. В библиотеке брал историческую и военную литературу. Потом неожиданно увлекся кино, с каждым годом властно вторгавшееся в нашу жизнь. Мне нравились комедийные фильмы с участием Игоря Ильинского, Чарли Чаплина, с удовольствием смотрел фильмы военные. Первый звуковой фильм «Путевка в жизнь» с участием Михаила Жарова, нас, школьников, совершенно потряс.

В то же время, как все мальчишки, стал заниматься спортом. У каждого из нас были свои любимые спортивные общества. Я отдавал предпочтение «Спартаку». Занимаясь академической греблей, накачивал мышцы, благо для этого вида спорта в Ленинграде — настоящее раздолье: Нева, Невка, многочисленные каналы. Бегал иногда в тир, хотелось пострелять из малокалиберной винтовки. Ребята нашего двора ходили в Горный институт на бокс, увлекли и меня с собой. Тогда считалось: чтобы постоять за себя, надо непременно заниматься боксом. Лыжи — это уже само собой. Обычно лыжню прокладывали с первым снегом в каком-нибудь парке, но совершали и дальние вылазки в традиционные для ленинградцев лыжные места — Юкки, Парголово или Кавголово.

Занятие спортом не только укрепляло здоровье, но и вселяло уверенность в свои силы, расширяло кругозор в познании физических возможностей человека. В спортивных секциях я

встречался с интересными людьми — известными тренерами, без которых вряд ли можно было добиться хороших спортивных результатов.

Вся наша страна жила тогда напряженной жизнью, мы знали, что врагов у нас не счесть, особенно иностранных империалистов, готовых задурить первое в мире советское государство, поэтому нам надо было быть во всеоружии, чтобы достойно встретить суровые военные испытания. Я всегда хотел походить на героев гражданской войны, мечтал стать командиром Красной армии.

С упоением прочитал роман Всеволода Иванова «Пархоменко», который печатался в журнале «Молодая гвардия». Командир Пархоменко погиб в боях с бандами Махно в 1921 году. Его место в жизни должен занять сын Иван. Но без помощи Сталина сделать это невозможно, и писатель сводит молодого Пархоменко с вождем: «…В середине лета 1924 года робкий юноша в длинной истрепанной кожанке, должно быть, с плеча старшего, вошел в большой дом на Воздвиженке, где находился ЦК ВКП(б). Это был Ваня, старший сын Александра Пархоменко. Юноша приехал учиться в Москву на подготовительный курс какого-то института. У него не было ни комнаты, ни стипендии, ни знакомых. Тогда он написал письмо Сталину и теперь входил в дом за ответом…

В дверях, обитых клеенкой, показался секретарь. Он подошел к юноше и сказал:

— Товарищ Пархоменко, прошу вас к товарищу Сталину.

Сталин стоял позади стола, возле кресла, держа в руке белый конверт. Лицо его было задумчиво. Он усадил юношу и стал расспрашивать о семье Пархоменко, о Харитине Григорьевне, о младшем брате.

— Вы знаете, Ваня, где Кремль? — спросил он негромким голосом. — Возьмите это письмо, пойдите туда, во ВЦИК, и мне думается, что жизнь ваша наладится, вам необходимо продолжать ваше образование».

В этом же номере журнала был еще один очерк — «Маршальские звезды». Он посвящался Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, близкому к Сталину человеку, герою гражданской войны. Я-то видел Семена Михайловича уже в годы Великой Отечественной. Тут у него были другие «подвиги».

Какими наивными мы были тогда, пацаны 30-х годов!

Начинать свою военную карьеру мне пришлось со спецшколы. В Ленинграде были и военные училища, но до них я еще не дорос: надо было иметь среднее образование.

С каждым годом советское правительство все больше уделяло внимания укреплению Вооруженных сил страны. Парады войск на

Дворцовой площади свидетельствовали о том, что у нас, кроме пехоты, кавалерии и артиллерии, уже были и танки, авиация, флот (в Неву заходили боевые корабли).

Уделялось также большое внимание подготовке командного состава. В 1937 году в Ленинграде и других городах были открыты специальные военизированные артиллерийские средние школы Народного Комиссариата просвещения РСФСР. Сделано это было после сталинских чисток офицерского и генеральского составов, когда стало ясно, что командовать войсками некому. В Положении о таких спецшколах говорилось: «Спецшколы комплектуются из числа политически проверенных учащихся, окончивших на «хорошо» и «отлично» семь классов средней школы… Все учащиеся носят присвоенную им форму одежды…»

Учеба в такой школе продолжалась три года — с восьмого по десятый класс. Кроме общего образования, учащиеся получали определенные знания и навыки по артиллерийскому делу. Выпускники спецшкол имели потом право поступать в артиллерийские училища.

Посоветовавшись с матерью, я решил податься в одну из таких спецшкол. Мой выбор она одобрила, благословила на долгий путь служения родине. Так я попал в 9-ю спецшколу, которая размещалась на Красноармейской улице, в старинном здании бывшей женской гимназии. Школой руководил известный в Ленинграде педагог Казанцев.

Подав необходимые документы и пройдя мандатную и медицинскую комиссии, я с нетерпением ждал своей участи — зачислят или не зачислят меня в спецшколу. Наконец все решилось, меня приняли. Я был горд, меня распирало от радости, и, едва переступив порог отчего дома, я выпалил:

— Мама, поздравь меня, я буду артиллеристом!

Так началась моя трехгодичная учеба в 9-й артиллерийской спецшколе, в которой я пребывал с 1937 по 1940 год.

С первых же дней наш класс (взвод), насчитывавший 30 человек, был разбит на три отделения. Командир взвода — старослужащий, а помкомвзвода и командиры отделений назначались из своей среды, из учащихся. Это были младшие командиры, носившие на петлицах отличительные знаки — рубиновые треугольники.

«Спецы» изучали общеобразовательные предметы по обычной школьной программе — математику, физику, химию, историю, литературу, русский и иностранный языки. Кроме того, занимались изучением стрелкового и артиллерийского вооружения, проходили строевую подготовку. В дни государственных праздников, наряду с войсками Ленинградского

военного округа, принимали участие в парадах на Дворцовой площади. В летнее время выезжали в лагеря при 1-м Ленинградском артиллерийском училище, которые размещались в районе города Луги.

Лагерная жизнь была, пожалуй, самой интересной из всего процесса обучения. Мы жили в летних палатках по курсантскому распорядку дня, на практике закрепляли знания, полученные зимой в классе. У нас были настоящие 76-миллиметровые пушки и боеприпасы различного назначения. Правда, стрелять пока не разрешалось, но азы огневой подготовки мы успешно осваивали, умели пользоваться артиллерийскими приборами — буссолью, биноклем и стереотрубой. В конце лагерных сборов «спецы» присутствовали на боевых стрельбах по мишеням, проводимых курсантами старших курсов. Так, день за днем мы привыкали к размеренной армейской жизни, постигали ее суть, мужая в учебе и походах.

Став взрослым, уже пройдя суровыми дорогами Великой Отечественной войны, я с большим волнением вспоминаю то время, когда пребывал в стенах 9-й артиллерийской спецшколы. Там я получил не только общее среднее образование, но и военные знания. Школа помогла найти свой путь в жизни, привила чувство боевого товарищества. Для нас, ее выпускников, патриотизм, любовь к своему народу и Родине не были абстрактными понятиями. Мы доказывали это делом и собственной жизнью, когда на нашу долю выпали жестокие военные испытания.

Воспитанники 9-й спецшколы героически сражались на фронтах войны, командовали батареями, дивизионами, полками. После войны многие успешно продвигались по службе, некоторые — стали известными военачальниками. Генерал-полковник Юрий Забегайлов впоследствии был заместителем командующего ракетными войсками стратегического назначения, генералы Гиленков, Кузнецов и Сахаров занимали высокие командные должности в советской армии, а Виталию Белоусову, учившемуся со мной в 10-м классе, было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению, Виталий погиб, защищая свою Родину. Погибли и многие «спецвыпускники». Из 200 выпускников школы 1940 года после войны в Ленинград вернулось только 60 человек.

Годы учебы в спецшколе забыть невозможно — зубрежку, составление шпаргалок, экзамены. Три года пролетели почти незаметно, и вот — выпускной. Сколько радости! У нас на руках — аттестаты об образовании. Теперь мы взрослые, каждый отвечает за себя и свои поступки.

Дома после выпускного вечера меня с нетерпением ждала

мать. Она с каким-то благоговением и трепетом держала в руках мой аттестат зрелости, одобрительно отзывалась об оценках, которые я получил на экзаменах. Когда ее волнение улеглось, спросила:

— Что, сынок, собираешься делать дальше? Перед тобой теперь открыты все пути!

— Учиться буду, мама, ты ведь так этого хотела. Я давно решил — поступаю в артиллерийское училище!

Оценки в моем аттестате были приличные, и меня без экзаменов приняли в 1-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ). После прохождения карантина все 30 человек из 9-й спецшколы были сведены в один учебный взвод 8-й батареи 3-го дивизиона. Командиром дивизиона был у нас майор Рыков, прекрасный воспитатель, о котором у каждого из нас остались добрые воспоминания.

К распорядку дня нам не привыкать, все это мы уже проходили в спецшколе: подъем в 7.00, физзарядка, туалет, завтрак — и на занятия. На вооружении батареи состояли 76-миллиметровые пушки, с которыми мы познакомились на лагерных сборах. Перевозились они конной тягой — шестеркой лошадей, а за лошадьми, как известно, требовался постоянный уход. Так что еще до завтрака весь наш взвод строем шел на конюшню, к нашим лошадкам. Лошадь была не только орудийным тяглом, но и весь командный состав в походе передвигался только на лошадях. В батарее насчитывалось до 80 животных. А чтобы лошадь исправно несла службу, она должна быть накормлена, напоена, вычищена и подкована. За каждым курсантом закреплялось отдельное «средство тяги», и он полностью отвечал за его боевую готовность.

Лошадь — животное особенное, требующее к себе внимания и деликатного обращения, уход за ней — дело не из легких. Помимо того, что за лошадью надо убирать навоз, ее еще надо каждодневно чистить, а это занятие тоже тяжелое, кропотливое и нудное. Ко всему привыкаешь, привыкли и курсанты работать скребницей и щеткой, как заправские коневоды.

За мной закрепили коня по кличке «Партизан». Это был высокий, стройный, с длинной шеей мерин. По характеру спокойный и покладистый. Мы с ним быстро подружились, и как только я входил к нему в стойло, «Партизан» поворачивал голову, прядал ушами и тихонько ржал, ожидая угощения — сахара, печенья или корочку хлеба. Когда я с ним разговаривал, он все понимал, хотя и бессловесная тварь.

После работы на конюшне нам отводилось время на туалет, приведение в порядок одежды и обуви, и только тогда можно

было становиться в строй на утренний осмотр. Если замечаний со стороны воспитателей не было, все также строем, а часто и с песней, шли на завтрак. Прием пищи проходил тоже по расписанию, затем — «развод» на занятия по классам.

Артиллерия считается одним из древнейших видов оружия. Как только появился порох, сразу же появились и пушки. Артиллерию стали применять как основную ударную силу для достижения победы над врагом. В исторических источниках сообщается, что создателем артиллерии в России был московский князь Дмитрий Донской, использовавший невиданное оружие в битве против татар на Куликовом поле.

Чтобы стать хорошими командирами, мы изучали уставы, тактику, топографию, материальную часть артиллерийских установок, боеприпасы, артиллерийские приборы, средства связи, проходили артиллерийскую и конную подготовку. Знание математики — важная составляющая подготовки артиллериста. Правильно рассчитать расстояние до цели, ввести соответствующие коррективы при ведении огня — залог успеха. Еще одна важная деталь: мы знали, что наша страна имела с Германией пакт о ненападении, но в то же время знали, что именно с Германией предстоит скрестить оружие, видимо, поэтому так упорно зубрили немецкий язык.

Наш рабочий день был всегда плотно насыщен теоретическими занятиями, хозяйственными делами, уходом за лошадьми, несением караульной службы, так что первое время курсанты так уставали, что валились с ног. Наш растущий молодой организм требовал калорий и хорошего отдыха. «Мертвый час» — сон в обеденный перерыв — только расхолаживал, спать все равно хотелось. Возможность немного вздремнуть появлялась у нас во время самоподготовки или во время работы на конюшне. Бывало, прислонишься к теплому телу «Партизана» и тихонько сопишь носом, а он, как бы понимая твое состояние, стоит тихо, лишь иногда поворачивает свою умную голову в мою сторону, словно проверяя, не проснулся ли я?

Вот в таком напряженном ритме и проходила наша учеба. Взвод стал единой семьей, все делалось у нас по команде, видимо, только такой режим мог спаять наш небольшой коллектив. Обучение велось по суворовскому правилу: «Тяжело в ученье — легко в бою!». Теорию постигали в классах, практику — в поле, на полигоне. При работе с приборами в поле мы не выезжали, использовали наше любимое место отдыха — садик на территории училища, примыкавший одной стороной к Фонтанке. Выкатив из артпарка парочку орудий, приводили их в боевое положение, наводили по буссоли на какую-нибудь цель, строили

веер, «вели огонь», условно, конечно. Так отрабатывались действия номеров боевого расчета.

А вот занятия по тактике и топографии требовали определенных полевых условий. Для этих целей у нас был свой полигон в районе Пулковских высот под Ленинградом. Еще в спецшколе мы получили определенные знания по этим дисциплинам и теперь их углубляли, с каждым днем открывая для себя новые тайны военной науки.

Тяжеловато пришлось зимой 1941 года, когда выпал снег и ударили морозы. Неожиданно командир батареи старший лейтенант Шевчук, наш отец и воспитатель, в котором мы души не чаяли и которого любили за прямоту, честность и справедливость, на построении объявил, чтобы батарея была готова к маршу из Ленинграда в Лугу, где на полигоне нам предстояло обеспечивать зачетные боевые стрельбы курсантов второго курса.

Началась подготовка к нелегкому для нас походу. Предстояло пройти 200 километров — путь не такой уж короткий — по дорогам Ленинградской области. Проверялось все: техника, боевое снаряжение — ранец, винтовка, противогаз, одежда.

В назначенный день прозвучала команда: «К походу построиться!». На улице мороз, стужа лютая, ветер едва не валит с ног. Батарея походным порядком, громыхая колесами пушек по ленинградским улицам, двинулась в сторону Луги.

Марш был не из легких. Походная колонна все дальше и дальше удалялась от Ленинграда. Привалы устраивались по деревням, принимали пищу, кормили и поили лошадей. После короткого отдыха — снова в поход по заснеженным дорогам в ожидании очередного привала. К концу дня усталость чувствуется во всем теле, глаза слипаются, мышцы сводят судороги. После ужина, едва доберешься до постели, как засыпаешь мертвецким сном.

Наконец, после нескольких дней трудного пути, батарея прибывает на полигон. Командир ставит задачу личному составу, и мы занимаем боевой порядок. Отрабатывается тема: «Действие батареи во встречном бою». Шевчук разворачивает карту и указывает передний край условного противника, а также расположение наших войск, размещение огневой позиции (ОП) и наблюдательного пункта (НП), определяет время готовности батареи к ведению огня. Командирами батарей поочередно выступают второкурсники. Они заметно волнуются: принять правильное решение в сложившейся тактической обстановке-дело непростое. Мы же, первокурсники, были на должностях рядовых и сержантов, одним словом, обслуга.

Когда все готово к стрельбе, командир батареи выстраивает все расчеты и задает вопрос: «Что должен знать артиллерийский командир?» Ответы следуют бодро и четко: «Артиллерийский командир должен уметь ориентироваться на местности, читать карту, правильно выбирать ОП и НП, подготовить данные для стрельбы, знать баллистику полета снаряда, он должен уметь пользоваться средствами связи и разведки, знать материальную часть орудий, а во время стрельбы — поразить цель наименьшим количеством снарядов».

Эти прописные истины заучиваются курсантам как «Отче наш», разбуди курсанта-артиллериста, он среди ночи расскажет, что должен знать артиллерийский командир и тут же снова уснет. Шевчук ответами доволен и все же добавляет еще ряд важных положений: «Командир всегда должен обладать сообразительностью, быть находчивым и в сложных условиях уметь принимать нестандартные решения. Без этого в бою успеха не добиться!»

Я хорошо запомнил эти наставления нашего умного воспитателя, на войне не раз применял их на практике.

Заняв боевой порядок, батарея изготовилась к стрельбе. Снаряд привычно входит в казенник, и с лязгом закрывается замок. «Готово!» — раздается команда.

Расчеты замирают. Для первокурсников это первые в жизни «всамделишные» стрельбы из настоящих пушек. Мы стараемся, как можем, быстро наводим орудие на цель. Звучит команда: «Огонь!». С воем пошли первые снаряды, а через несколько секунд было видно, как вдалеке, где расставлены мишени, поднялись клубы дыма и снежной пыли. Зрелище для артиллериста впечатляющее.

Задача, поставленная командованием на этих учениях, выполнена на «хорошо». Значит, труды наши не пропали даром. Мы возвращаемся в Ленинград, в ставшую родной казарму. Приведя в порядок технику, оружие, накормив и напоив своих лошадок, у нас еще оставалось время для отдыха. На следующий день нас отпустили в увольнение. Было воскресенье. Я навестил мать, вечером побывал с друзьями в кино. Дальше — все как положено. Перед отбоем докладывал: «Курсант Демидов из увольнения прибыл!»

Всю зиму мы трудились в поте лица, грызли, как говорят, гранит артиллерийской науки, сдавали зачеты и экзамены, изучали новые артиллерийские системы, слушали лекции по международному положению. В воздухе пахло военной грозой, но об этом командование училища старалось не говорить вслух. А когда весной второкурсников стали выпускать досрочно и

направлять в воинские части, стало ясно, что война не за горами.

Уходил от нас и старшина Морозов. Командование заранее стало готовить ему замену. Меня вызвал командир батареи Шевчук и объявил, что я назначен старшиной вместо Морозова:

— Пока старшина не убыл в часть, перенимай его опыт, присмотрись, что и как он делает! Командирского опыта у меня не было никакого, поэтому я сразу заартачился:

— Товарищ старший лейтенант, я ведь никогда никем не командовал, справлюсь ли?

— Справишься, — настаивал Шевчук. — Все равно придется командовать, коль решил стать командиром. И запомни, Демидов, не боги горшки обжигают!

Так неожиданно я стал младшим командиром. Я — старшина батареи. У меня в подчинении сотня курсантов. Спасибо Морозову, перед тем, как покинуть училище, он добросовестно учил меня премудростям «старшинского» дела, рассказывал, а подчас и показывал, что и как надо делать.

В конце мая 1941 года выпускники в звании лейтенантов разъехались по своим частям, а мы, второкурсники, воинским эшелоном отправились в лагеря в Лугу.

Лагерная жизнь обычно быстро входит в нормальное русло, и курсанты свои теоретические знания, полученные в классах, стараются подкрепить практикой. Мы уже знали, что такое полевые занятия. Перевозить пушки на новые позиции, таскать тяжелые ящики с боеприпасами, заботиться о своих лошадках — дело для батарейцев привычное.

Второкурсники — народ уже бывалый, на прошлых сборах многому научились, теперь готовились к более напряженной программе — сдаче зачетов по боевым стрельбам.

Открытие лагеря назначено было на 22 июня. Как правило, такие торжества проходили на стадионе, куда прибывало училищное начальство и представители командования Ленинградского военного округа. В этот день подъем прошел как обычно — в 7.00, но на завтрак мы отправились несколько раньше, чтобы успеть приготовиться к параду: подшить свежие воротнички, почистить одежду, надраить до зеркального блеска бляхи ремней и сапоги.

Батарея была построена к торжественному маршу. Наш комбат старший лейтенант Шевчук, чисто выбритый, пахнущий одеколоном, свеженький, как огурчик с грядки, ходил перед строем, осматривая внешний вид и заправку каждого курсанта. Нами он был доволен, это видно было по выражению его лица.

На стадион мы пошли с песней. Наш песенный репертуар был не так велик, но, помнится, что батарейный запевала затянул:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если черная сила нагрянет,
Как один человек,
Весь советский народ
За любимую Родину встанет…

Мы тогда слабо представляли себе эту «черную силу», которая уже давно отмобилизована и развернута вдоль наших западных границ. Изредка газеты с тревогой писали о напряженных отношениях СССР с Германией, но партийное и советское руководство страны заверяло своих граждан, что нет никаких оснований беспокоиться, границы, дескать, у нас на замке.

По пути на стадион мы еще не знали, что «черная сила» нагрянула, что германские войска вероломно напали на нашу Родину, что уже около пяти часов идет война. Не успели мы ступить на стадион, как нашу колонну остановил подскакавший на взмыленной лошади командир и приказал возвращаться в казарму.

Праздник был сорван.

Только спустя примерно час мы узнали о страшной беде, постигшей нашу страну, наш народ. Война неожиданно и грозно ворвалась в наш дом. В полдень по радио с заявлением от Советского правительства выступил нарком иностранных дел В. М. Молотов. С затаенным вниманием слушали мы слова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра без объявления войны… германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке наши города…»

Речь Молотова заканчивалась словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

В тот день нам казалось, что начавшаяся война будет победоносной, стремительной и короткой. Мы будем бить врага не только на своей, но непременно и на его территории. Ведь такой она всегда представлялась в пафосных речах наркома обороны Ворошилова, так писали все газеты, так показывалась война в кинофильмах. Тогда никто из нас, курсантов, и представить себе не мог, какой долгой и жестокой, какой опустошительной будет эта война, какого огромного напряжения сил и средств она потребует и какие колоссальные жертвы придется принести нашему народу во имя Победы.

Я не хочу говорить о виновниках войны — диктаторах

Сталине и Гитлере, о них достаточно сказано, не собираюсь выяснять причины войны, их уже более полувека выясняют историки и политики, моя задача поскромнее — рассказать о войне так, как ее видели 18-20-летние командиры, которые прошли ее от начала и до конца…

Как только стало известно о начале войны, лагерь был сразу закрыт, а курсанты отправлены в Ленинград. Пока что войны мы не чувствовали, она была еще далеко, где-то на западе, но каждый понимал, что прежняя жизнь закончилась, ушла от нас бесповоротно. Сводки Совинформбюро мы слушали регулярно, но они были сухими и ничего не давали ни уму, ни сердцу. Разве можно было понять что-то из таких сообщений: «На северо-западном направлении идут бои с переменным успехом» или «У города Станислава отбита очередная атака немцев». Возникал вопрос: «Когда же наши славные войска перейдут в решительное наступление и погонят зарвавшихся фашистов?». Но враг по-прежнему продолжал наступать, брал город за городом.

По возвращении в училище мы еще какое-то время продолжали занятия, однако уже чувствовалось, что грядут какие-то перемены. Наши предчувствия оказались верными.

Положение на фронте становилось угрожающим. Враг рвался к Ленинграду. Как позже стало известно, немцы планировали захватить город к 21 июля, то есть практически через месяц после начала войны.

Продолжать учебу, естественно, не было никакого смысла. Ленинград надо было защищать. Бои уже шли на Лужской оборонительной линии, в тех местах, где находились наш лагерь и полигон. По приказу командования в училище был сформирован артиллерийский дивизион трехбатарейного состава и отправлен на фронт. 16 июля 1941 года дивизион занял боевые порядки на Лужской оборонительной линии. Здесь развернулись упорные бои, которые продолжались до 5 августа. Курсанты артиллерийского училища поддерживали действия пехотного училища имени Кирова. Силы были неравные, в боях на Лужском рубеже погибло много курсантов — молодых, необстрелянных ребят. Среди павших были и мои друзья — Миша Новиков и Володя Петров.

Вскоре командование догадалось заменить курсантские подразделения кадровыми частями, а нас снова вернули в Ленинград.

Учиться дальше нам, разумеется, не пришлось, уже было не до учебников. В спешном порядке командование собрало второкурсников в актовом зале, и начальник училища полковник Солодченко зачитал приказ о присвоении нам звания

«лейтенант». Новоиспеченные командиры были сразу же расписаны по воинским частям. Я был направлен для прохождения службы в город Вологду, в артиллерийский полк 286-й стрелковой дивизии. В этом северном городе формировались резервы Красной армии. Я считал, что отсюда скоро попаду на фронт, теперь я командир, и моя профессия обязывала ко многому. Я должен защищать Родину!

В запасе у меня оставался один день, и я его провел дома, выспался всласть, словно предчувствовал, что другого такого случая у меня не будет. Утром, простившись с матерью и соседями, отбыл на Московский вокзал, откуда уходил поезд в сторону Вологды. На перроне встретил нескольких наших выпускников, и мы гурьбой отправились занимать места в вагоне. Еще не успели разместиться, как раздался свисток дежурного по вокзалу. Паровоз нервно вздрогнул, и состав тронулся, постепенно набирая скорость. Прощай, Ленинград!

Глава II
Ленинградский фронт

В жаркий августовский день 1941 года мы, несколько выпускников 1-го Ленинградского артиллерийского училища, в новенькой, как медные пятачки, форме прибыли в Вологду и сразу направились в военкомат. Там, рассудили мы по дороге, наверняка в курсе всех наших дел. Звеня шпорами, остановились у двери с надписью «военком».

Нас встретил подполковник. О его звании говорили три «шпалы» на петлицах. Он сразу же спросил:

— Ну что, гусары, воевать приехали?

Мы хором ответили, как положено по уставу:

— Так точно! Прибыли за назначением!

Военком смерил нас пристальным взглядом. Видимо, наш бравый вид ему явно понравился, все в таком же ироническом тоне он продолжал:

— Не сомневаюсь: как только вы появитесь на фронте, от одного звона ваших шпор немцы бросятся врассыпную. А пока, мои дорогие гусары, вот вам направление на проживание в гостинице. Ждите, вас вызовут.

Мы в недоумении переглянулись, взяли направления и простились с подполковником, так разлюбезно встретившим нас. На листочках бумаги, которые мы получили, было указано название гостиницы — «Золотой якорь», внизу стояла подпись военкома.

Гостиница сплошь была забита военными, в основном командирами, в большинстве выпускниками училищ, которые, как и мы, ожидали назначения в воинские части. Разместившись в номерах со всеми удобствами, мы стали ждать обещанного вызова. Пока же суть да дело, решено было пообедать в ресторане, а затем побродить по Вологде, городу, о котором у нас были довольно смутные представления.

Первое, что бросилось в глаза во время прогулки, это маршевые колонны, которые со всей своей техникой уходили с центральной площади на фронт. Скоро и нам будет уготована такая участь. Пока же мы, как заправские туристы, бродили по улицам, рассматривая архитектурные достопримечательности и восторгаясь стариной северного города.

Вологда — типичный купеческий город, возникший на рубеже XII-XIII веков, — расположена по обоим берегам небольшой речушки одноименного названия. Речка тихая и

спокойная, но, оказалось, что по ней ходят катера и «плоскодонки», небольшие суда с осадкой не более 50–60 сантиметров.

С незапамятных времен здесь сохранились великолепные архитектурные сооружения: Софийский собор, который начал строиться еще в 1568 году, Спасский собор, церковь Иоанна Предтечи. Невысокие, в два-три этажа, каменные дома соседствовали с деревянными постройками. Дома на окраинах города исключительно деревянные, к каждому дому примыкает приусадебный участок. Создавалось впечатление, что здесь живут люди, еще не порвавшие с землей.

Еще из курса школьной программы по географии мы знали, что Вологда знаменита своими мастерами. Здесь делают сливочное масло, слава которого известна даже за пределами страны. А какие кружева плетут здешние мастерицы — загляденье! Всегда есть спрос и на изделия с чернением по серебру. А какая же хозяйка откажется от льняного полотна вологодских ткачей? Много связано здесь и с лесом. Кругляк, пиломатериалы и мачтовый лес идут на экспорт, а дары лесов — грибы и ягоды — всегда были деликатесом на любом столе.

За несколько часов прогулки по городу мы многое узнали о Вологде и области в целом, но больше всего тревожило нас неопределенное положение.

Ежедневно мы ждали вызова из военкомата, но его почему-то не было. Вскоре платить за гостиницу стало нечем, деньги, которые нам выдали в училище, быстро таяли, да и было их не так много. Потихоньку, не поднимая шума, решено было перебраться в соседнее здание — среднюю школу № 9 на берегу Вологды, в которой также жили военные. Спали на жестких двухъярусных нарах, зато бесплатно. От ресторана тоже пришлось отказаться, он был заменен общепитом.

Всему приходит конец, иссякли и наши денежные запасы, а сколько придется жить в этой школе, никто не знал: военком молчал, как рыба. Радовало уже то, что у нас была крыша над головой. Мой приятель Толя Михайлов был в ужасе:

— Что делать будем, Демидов? Ты был старшиной, значит, должен думать о своих подчиненных. Мы ведь, по сути, еще курсанты, хотя на петлицы нам нацепили по паре «кубарей». Скоро откажемся от завтраков, потом — и от обедов. Этак до фронта не дотянем. В один прекрасный день военком найдет на нарах наши бездыханные молодые тела.

— Успокойся, Толя, не думаю, чтобы здесь, в Вологде, нас уморили голодом. Я понимаю твой юмор, но ты забыл, что мы уже не курсанты. А теперь послушай бывшего старшину: если

продать на рынке что-нибудь из постельного белья и другие вещи, которые нам выдали в училище, то можно продержаться еще несколько дней.

От такой «блестящей» идеи Михайлов воспрянул духом. Быстро завернули по парочке простыней, полотенец и наволочек в газетную бумагу и — прямехонько на рынок.

Рынок, то есть барахолка, уже с раннего утра шумел, как потревоженный улей. Народу — не протолкнуться. Присмотрели место в «торговых» рядах. Видим: пожилые тетеньки и дяденьки раскладывают свой товар прямо на земле, подстелив домашнюю рогожку. Наиболее предприимчивые продавцы со своим барахлишком — плащами, брюками, кофтами, юбками — прохаживаются взад-вперед по рядам, предлагая товар первому встречному. Кто-то спрашивает о цене, кто-то уже яростно торгуется, то и дело слышны голоса: «Почем штаны?», «А юбочку за сколько продаешь?».

Мы с Толей переглянулись: пора, мол, и нам разворачивать газету, и показывать товар лицом, но ни у того ни у другого не хватало духу. Стоим, мнемся — ну какие мы торговцы? Оба высокие, под два метра ростом, в новенькой командирской форме, на нас скрипят еще не обносившиеся кожаные ремни, а на начищенных до блеска сапогах звенят шпоры малиновым звоном. Говорю Михайлову:

— Давай, Толя, рекламируй товар. Да смотри, не продешеви, если покупатель найдется!

Михайлов не знал, с чего начать: то ли просто развернуть газету и ждать покупателя, то ли кричать на весь базар: «А вот полотенца, простыни, наволочки, совсем новые, — подходи, не стесняйся!».

Но приятель стоял, не в силах вымолвить и слова, а только хлопал глазами, глядя на снующих мимо людей. Вдруг он страдальчески произнес:

— Нет, Петя, у меня ничего не получится. Начни ты, мне кажется, ты посолиднее выглядишь, значит, доверия больше. Постой, вон видишь, старушка так ласково смотрит на тебя, сейчас наверняка подойдет торговаться.

И действительно, маленькая сгорбленная старушенция, которую, видимо, привлек не наш товар, а скорее всего, спор, кому открывать торговлю, подходит к нам и спрашивает:

— Что, товарищи командиры, продаете?

Пришлось разворачивать газету и показывать товар, а она, проклятущая, щупает наши простыни и чуть ли не на зуб пробует. Рядом остановились три девицы, смотрят на этот цирк и хохочут-закатываются, показывая на нас пальцем. Гляжу, Михайлов стоит

красный как рак, такого позора он, наверно, никогда не испытывал, да и я, признаться, сгорал от стыда при виде того, как старушка переворачивала наши тряпки, цокала языком, шепелявя что-то про себя, привлекая тем самым новых зевак.

Неожиданно Михайлов выхватил у бабули простыню, которую она с таким тщанием рассматривала, засунул под газету и, обернувшись ко мне, почти шепотом сказал:

— Рвем отсюда!

Мы помчались с рынка, как молодые кони, подальше от привередливой старушки, от нахальных девиц, которые от души посмеялись над нами, незадачливыми коммерсантами. Однако делать нечего, надо что-то предпринимать. Говорить военкому о нашем бедственном положении не хотелось. Кушать хочется, а денег у нас кот наплакал. Из щекотливого положения все-таки вышли: Михайлов где-то нашел мужика, загнавшего наше имущество и получившего за проведенную операцию соответствующие комиссионные.

Настроение у нас значительно поднялось. После хорошего ужина мы, лежа на нарах, даже затеяли дискуссию о том, была ли готова к войне Красная армия? Одни утверждали, что Красная армия сильна как никогда, что скоро из центральных районов подойдут резервы, и тогда врагу, посягнувшему на нашу священную землю, несдобровать, а от хваленых танковых дивизий, которыми немцы ломали нашу оборону, ничего не останется. Они ссылались на недавние примеры — Хасан и Халхин-Гол, на походы в Польшу, Прибалтику и Финляндию. Другие, наоборот, считали, что война будет носить затяжной характер и не закончится ни в три месяца, ни через полгода. И тоже приводили свои аргументы — большие потери войск и техники в первых оборонительных боях, начиная с 22 июня 1941 года.

Как оптимисты, так и пессимисты оставались при своих интересах, а между тем сводки Совинформбюро с каждым днем становились все тревожней, из которых было ясно, что враг теснит наши войска, и они сдают города и села Белоруссии, Украины, Смоленщины, Брянщины. Немцы подходят к Ленинграду и Москве.

Здесь же, в Вологде мы не чувствовали дыхания войны, не видели ее ужасов. Но прибывавшие с фронта эшелоны с ранеными говорили о том, что где-то идут бои и льется кровь.

Пользуясь случаем, пока нас не отправили на фронт, мы проводили время по своему усмотрению: днем ходили в кино, вечером — на танцы, а у кого водились деньги — в ресторан. У нас с Михайловым лишних денег не было, поэтому мы

предпочитали танцы.

Однажды на танцплощадке увидели тех трех девиц, которые недавно досаждали нам своими насмешками на барахолке. Они зыркнули глазами в нашу сторону, о чем-то пошептавшись, весело засмеялись, видимо, вспомнили базар. Но мы их проигнорировали, сделали вид, что никогда с ними не встречались.

И все же своим вниманием вологодские девушки нас не обделяли, у Толи Михайлова появился свой предмет увлечения, у меня свой — медсестра из военного госпиталя. После танцев я провожал свою подругу домой. Жила она на окраине города, в районе, где в беспорядке стояли деревянные дома, где, наверно, на каждого жителя приходилось по десятку собак, готовых с каждого прохожего спустить штаны. Я всегда ходил в этот район с большой опаской, но, слава Богу, любовь моя быстро угасла и вот почему. Проходя как-то мимо госпиталя, увидел шествующую под ручку «даму своего сердца» с каким-то командиром из выздоравливающих, на груди которого сверкал орден Красного Знамени. Тут я понял: орден в любви играет важное роль.

Когда я рассказал своему другу о разбитой любви и женском «коварстве», Толя только улыбнулся:

— Добегался, рогоносец. Мой тебе совет — вызови своего соперника на дуэль!

Я не знал, что ответить Михайлову: ведь чертовка запала в мое сердце, которое еще никогда не любило. А тут еще друг стал издеваться, запел свой любимый романс:

Встреча была для обоих случайная,
Ты не хотела поверить в любовь.
Пусть эта встреча останется тайною
И никогда не повторится вновь.
Память о прошлом пусть вас не тревожит:
Ведь разговор был намеренно строг.
И мы расстались, как двое прохожих,
На перепутье случайных дорог.

Голос у лейтенанта Михайлова был приятный — бархатный баритон, и это еще больше раздражало меня. Я готов был запустить в него подушкой, как когда-то, в спецшколе, мы устраивали «подушечные бои», но воздержался: возраст не тот и обстановка другая.

А «солист» продолжал тихонько напевать:

Мы никогда не любили друг друга,

Мы расставались, как двое чужих.
Ты не признала хорошего друга
И отреклась от мечтаний своих…

Когда концерт закончился, я подумал, что приятель посочувствует моему «горю», а он, стервец, еще больше распалил мою сердечную рану:

— Вот видишь, Петр Михайлович, какое значение в наше время играет орден, какие он дает преимущества. Имей ты хотя бы медаль, разве случилась бы такая «конфузия»? Нет, надо срочно на фронт, иначе там раздадут все ордена, и нам ничего не достанется. Девушки, естественно, будут обходить нас стороной, и завянем мы с тобой как сорванные полевые цветы в жаркую погоду. Завтра идем к начальству.

К начальству идти все же пришлось, только не по поводу орденов. Деньги от коммерческой сделки мы проели, жить стало не на что, а умирать с голоду никому не хотелось. В казарме нас таких безденежных набралось еще человек двадцать. Гурьбой и отправились в военкомат решать свою судьбу, поставив вопрос ребром: или нас должны кормить, или немедленно отправить на фронт!

«Ультиматум» возымел свое действие. Начальство пошло на уступки и определило нас на временные должности в подразделениях формирующегося артиллерийского полка. Меня зачислили на должность преподавателя конного дела, Михайлова на такую же должность, только в другой батарее.

Я с жаром взялся за любимую работу, стал учить солдат, как обращаться с лошадью. Практически весь день пропадал на конюшне в обществе любимых мною лошадок. Для солдат, призванных из деревни, не надо было объяснять, что такое конь как тягловая сила, но для горожан, впервые столкнувшихся с этими животными, конь — диковинка, с ними надо было делиться опытом, полученным на конюшне артиллерийского училища.

Только наша педагогическая деятельность длилась недолго. Однажды, в конце дня, в казарме появилось высокое начальство. Нам было приказано взять свои вещи и построиться на улице. Через пятнадцать минут казарма опустела, а ее обитателей, молодых лейтенантов, посадили на поезд и отправили в неизвестном направлении. Мы думали, что сразу попадем на фронт. Как бы не так! Не доезжая города Череповца, нас высадили на какой-то маленькой станции, скорее даже — на разъезде.

Пехотный капитан, сопровождавший нашу команду, снова построил нас, и колонна тронулась в сторону видневшегося

километрах в двух-трех поселка. По обеим сторонам разбитой колесами машин дороги, по которой мы уныло топали, стеной стоял дремучий лес. Наконец мы остановились на поляне. Наше внимание привлекли огромные бараки, обнесенные в несколько рядов колючей проволокой. По краям бараков — смотровые вышки. Тут мы поняли, что это — не что иное, как лагерь для заключенных. Настроение у доблестных гусар упало до нижней отметки. Мой друг Толя Михайлов, оставаясь верным себе, продолжал шутить:

— И за что нам такая кара? В чем мы провинились? Все-таки, наверно, начальство дозналось о нашей «коммерческой» сделке на вологодской барахолке. Вот и упекло сюда искупать свою вину. Но какая несправедливость — ведь без суда и следствия!

Утешая приятеля, я предложил немного подождать:

— Не волнуйся: приговор объявят!

Действительно, «приговор» последовал незамедлительно. Появился командир подполковник Деркач и объявил, что здесь будет формироваться 856-й артиллерийский полк, который организационно входит в 286-ю стрелковую дивизию. Командовать полком приказано мне.

Немного отлегло от сердца, а то мы совсем измаялись в своих предположениях и догадках. Заняв несколько комнат, в которых, видимо, когда-то жило лагерное начальство, стали ждать дальнейших распоряжений. Деркач вызывал каждого офицера на собеседование и после непродолжительного разговора распределял по подразделениям. Меня направил командиром огневого взвода в 1-ю батарею. В этом подразделении числилось шесть командиров и около семидесяти солдат и сержантов. Кадровых офицеров только два — я и командир батареи старший лейтенант Веселов. Остальные прибыли из запаса. Если офицеры-запасники имели хоть какое-то представление об артиллерии, то с бойцами, призванными по мобилизации из Вологодской и Ленинградской областей, предстояло основательно поработать, дать им элементарную грамоту по военному делу. Среди мобилизованных были и люди пожилого возраста, участники финской кампании, в большинстве случаев они стали цементирующим составом в каждом подразделении.

Постепенно в полк стали прибывать орудия, приборы и средства связи, повозки и лошади — основная тягловая сила артиллерии. Я стал формировать боевые расчеты, в моем взводе их было два, в каждом — по семь человек. Беседуя с бойцами и сержантами, выяснял личные качества каждого человека и только потом определял, кого на какую должность назначить. Особое внимание уделял командирам орудий и наводчикам, так как от

их умения зависела не только боевая надежность орудия, но и результативность ведения огня.

Собственного боевого опыта у меня было с гулькин нос, но я прекрасно понимал, что война ошибок не прощает, и от того, как я научу бойцов воинскому мастерству, так они и будут воевать. От профессиональных навыков, быстроты действий каждого человека зависело многое, если не все, — и сохранность боевой техники, и жизнь всей батареи. Офицеры жили рядом с солдатами и сержантами, питались из общей солдатской кухни. Это сближало нас, давало возможность присмотреться к каждому человеку, чтобы понять, на кого можно положиться в бою. Командир должен многое предусмотреть: успех или поражение зависит от людей.

Несмотря на изнурительную августовскую жару, расчеты каждодневно изучали материальную часть пушки и боеприпасы, они уже неплохо выполняли обязанности номеров при боевой работе. Я учил солдат старательно, без скидок на возраст. В напряженной учебе летело время, взвод стал вполне боеспособным подразделением. Я радовался умению и мастерству, той ловкости, с которой действовали бойцы, вчерашние новобранцы.

По вечерам с нами вели работу комиссары. Всех волновал вопрос — что происходит на фронте? К сожалению, никто из комиссаров так и не смог объяснить, растолковать причины неудач Красной армии в оборонительных боях. Ведь мы так надеялись, что скоро все прояснится, на фронте произойдет перелом, подойдут резервы и наш полк тоже с марша пойдет в бой, только до боевых действий, оказывается, было еще далеко.

Непростительно медленно формировался наш артиллерийский полк. Лишь в конце августа пригнали табун лошадей, и мы отправились в поле подбирать тягло для пушек и верховых лошадей для командного состава. Осмотревшись, я заметил в сторонке серого в яблоках орловского рысака, спокойно щипавшего травку. Он сразу понравился мне: стройный, с гордо поднятой головой, мощной мускулатурой. Красавец. Правда, для верховой езды немного тяжеловат, но ведь я брал его не для скачек. Не теряя времени, быстро «схапал» понравившуюся мне лошадку и незаметно, чтобы начальство не перехватило, привел ее на батарею. С общего одобрения рысак получил кличку «Васька». Коняга оказался добрым и ласковым, мы с ним быстро нашли общий язык. Когда я садился на него, он моментально преображался: перебирал ногами, ходил ходуном и «просил повода».

С этим конем у меня было немало приключений. Как-то раз,

оседлав своего любимца, я подъехал к группе верховых командиров, обсуждавших вопросы готовности расчетов к боевым действиям. И тут случилось невероятное: «Васька» с ходу налетел на командирских лошадей и стал всех подряд бить копытами и кусать. От неожиданности я едва удержался в седле, а мои коллеги дружно «брызнули» в разные стороны. «Васька» же, разогнав всех лошадей, с торжеством победителя описывал на площадке круги и тихонько похрапывал. Позже выяснилось, что он недолюбливал своих сородичей, но людей уважал, дружелюбно относился к тем, кто подходил к нему с лаской или кусочком сахара.

Как ни старался я уберечь своего «Ваську» от завистливых взглядов более высокого начальства, сделать это не удалось. Глаз на него положил командир дивизиона майор Векилов. Пришлось уступить: начальство как-никак! Но проказник и ему преподнес сюрпризец. Во время полевых учений майор приказал всем офицерам собраться впереди колонны. Мы были в седлах и ждали командира. Рысью подскакал Векилов и сразу же оказался в окружении всадников. Увидев танцующего «Ваську», я злорадно подумал: «Сейчас будет концерт!» И точно. Рысак на несколько секунд растерялся, обалдел что ли от такого количества сородичей и, сердито фыркнув, ринулся крушить их всей своей мощью. Все бросились врассыпную, а Векилов кулем свалился на землю. Конь, описав круг почета, остановился и спокойно стал обозревать поле боя.

Прихрамывая и чертыхаясь, Векилов подошел ко мне:

— Забирай своего «зверя», лейтенант, и уговор — не попадайся мне на глаза со своим конем.

Так мы снова «воссоединились» с «Васькой» и продолжали нести все тяготы фронтовой службы. К сожалению, в одном из боев под Ленинградом срезала его вражеская пулеметная очередь. Я очень сожалел о своем друге — веселый, добрый и ласковый был конь.

Полк учился воевать. Прошли полевые тактические учения с боевыми стрельбами. Общее впечатление от сколоченных подразделений было неплохое, если не считать одной оплошности, допущенной Веселовым: своим заместителем он назначил лейтенанта Речкова, из запасников, уже пожилого человека, который в полном объеме не мог выполнять свои обязанности. Хорошо, что это обнаружилось на учениях, а не в бою. Комбат сделал перестановку, меня назначил своим заместителем, а Речкова определил на мое место. Так, еще не понюхав как следует пороху, я неожиданно получил повышение по службе.

Наконец пришел приказ об отправке полка на фронт. Никто, конечно, не знал, на какой фронт нас отправляют. Но это уже было не существенно, важно другое — скоро в бой! На станцию подали теплушки, то бишь, «телячьи вагоны», так, кажется, в народе их называют, для погрузки людей и лошадей, а также платформы — для орудий и прочего артиллерийского имущества. И вот наш эшелон уже мчится на запад, в сторону фронта. По названию станций, мелькавших перед нашим взором, мы догадывались, что едем все же на Ленинградский фронт. На станциях и переездах, где состав замедлял ход, стояли люди и махали нам руками, желая победы. Мы, сгрудившись у открытых дверей вагонов, махали им в ответ пилотками и фуражками, мол, будьте спокойны, враг дальше не пройдет.

Так нам хотелось думать и хотелось верить в то, что так и случится. Об истинном положении вещей на фронте мы, младшие командиры, естественно, не знали. Нам было известно лишь то, что немцы захватили Лугу, Мгу, Гатчину и Пушкин, что их передовые части вышли к Стрельне, Лигово, Пулково. От линии фронта до Кировского завода оставалось не более 5 километров. Перерезав Октябрьскую железную дорогу и продвинув свои войска далеко вперед, командующему группой армий «Север» генерал-фельдмаршалу фон Леебу удалось блокировать город на юго-западе, на севере, со стороны Карельского перешейка, финские войска вышли к реке Свирь. Таким образом, Ленинград почти с трехмиллионным населением оказался в кольце вражеской блокады.

На пути немецких войск, клином двигавшихся к Ладожскому озеру, встала 286-я стрелковая дивизия.

Вечером наш эшелон прибыл на небольшой полустанок, где-то в районе станции Назия, и остановился. Последовала команда разгрузиться и построиться в походную колонну. Мы двинулись в сторону Мги, где виднелось зарево пожаров и откуда доносился гул артиллерийской канонады. Ночь застала колонну в пути, но мы продолжали двигаться по разбитой дороге. Видимо, недавно здесь прошли бои: все вокруг было изрыто взрывами бомб и снарядов, на обочинах валялись убитые лошади и люди, перевернутые повозки и полевые кухни. В воздухе стоял смрадный запах мертвечины и тола. Это уже была настоящая война. На нас сразу повеяло смертью и неизвестностью, тревожно забилось сердце. Каждого мучил вопрос: «Что ждет нас там, впереди?»

Прозвучала команда: «Слезай!», и батарея остановилась. Веселов со взводом управления направился в сторону фронта. Им предстоит оборудовать наблюдательный пункт, откуда будут

поступать команды при ведении артиллерийского огня.

Я вызвал командиров взводов. Нам нужно было найти место для огневой позиции, установить пушки, которые пока в бездействии стояли на дороге. В небольшом лесочке нам приглянулась поляна, которая располагалась на небольшой высотке и как нельзя лучше подходила для таких целей. Кругом — бескрайний лес и болота, а единственная дорога, извиваясь, уходила в сторону фронта. Если противник станет наступать, то пойдет только по этой дороге.

Работа кипела всю ночь. Нужно было проконтролировать размещение каждого орудия. К счастью, грунт на поляне оказался песчаным, и уже к утру были вырыты окопы для пушек и ровики для личного состава. Средства тяги — лошади — уведены в укрытия метрах в четырехстах. Бойцы горкой выкладывали снаряды, тщательно протирая их ветошью.

Батарея была замаскирована ветками, даже воздушный разведчик вряд ли мог ее обнаружить. Я решил взглянуть со стороны на результаты нашей работы. Вроде бы предусмотрено все, что положено сделать перед боем. Осмотрев батарею со стороны дороги, я вернулся на огневую позицию. Раздался телефонный звонок с наблюдательного пункта — связь налажена. Получены исходные данные по запланированным целям и рубежам. Командиры расчетов быстро записывают их мелом на щитах орудий. Можно сказать, что батарея готова к открытию огня.

Наступал рассвет. Где-то невдалеке попискивала синица, из леса доносились и другие птичьи голоса. С первыми лучами солнца из болота медленно поплыл туман и, достигнув поляны, стал рассеиваться на глазах. Из-за вершин деревьев выглянуло солнце, разбрызгивая свое тепло и обогревая наши остывшие за ночь тела и души. Что день грядущий нам готовит?

О готовности батареи к бою я доложил командиру, затем решил немного отдохнуть. Где там! Раздался зуммер телефона. С наблюдательного пункта сообщили: противник пошел в наступление. Поступила команда: «Батарея к бою! Неподвижный заградительный огонь один, четыре снаряда, беглый, огонь!»

Расчеты быстро заняли свои места, проходят секунды, и пушки уже заряжены. Подаю команду: «Залпом, огонь!» Первые снаряды выпущены по вражеским целям. Об их результативности мы еще пока не знаем, но то, что мы начали боевые действия, для нас много значило.

Наша 76-миллиметровая пушка системы «УСВ» — отличное оружие. Легкая, низко сидящая, подвижная, с полуавтоматическим затвором, она быстро и точно наводится на

цель, неплохо маскируется в складках местности. Большая скорострельность и хорошая начальная скорость полета снаряда при стрельбе с закрытых позиций и прямой наводкой позволяет успешно поражать танки, ДОТы и пехоту противника.

При всех достоинствах, надо сказать, что стрельба из этой пушки — хлопотное дело и требует определенной сноровки. Если плохо закреплены сошники станины, то после выстрела пушка откатывается назад и подпрыгивает, как строптивая лягушка. К тому же ее звонкий, резкий и хлесткий выстрел с силой ударяет в уши, изрядно глушит обслуживающий персонал. С тех пор, как я стал воевать старшим офицером на Ленинградском фронте, прилично оглох, что сказывается и по сей день.

Бой разгорался все сильнее. Через какое-то время меня вызвал к телефону командир батареи и приказал одно орудие направить на наблюдательный пункт, откуда оно будет бить прямой наводкой по прорвавшимся танкам противника. Для меня стало ясно, что положение там незавидное, хотя с болью в сердце отправил орудие со своим лучшим расчетом. Больше я его не видел. Позже узнал, что батарейцы подбили две машины с пехотой, но и сами попали под гусеницы немецкого танка.

Бой на какое-то время затихал, потом снова накатывался лавиной: немцы подбрасывали к переднему краю новые силы. Неожиданно с наблюдательным пунктом прервалась связь. Рядом, в ровике, телефонист усиленно вызывал «Фиалку», но ему никто не отвечал. Я приказал выйти на линию и исправить повреждение.

В бою без связи, как без рук. Я был в отчаянии и не знал, что предпринять. Но наш НП держал связь также и со 2-й батареей, которая стояла на расстоянии километра от моей. Ею командовал мой однокашник лейтенант Графов. Он догадался прислать связного с приказом командира дивизиона — встретить танки противника, прорвавшиеся через передний край и движущиеся к нам в тыл.

Связь с наблюдательным пунктом мне так и не удалось установить. Мой связист, возможно, погиб при взрыве снаряда. Три оставшиеся пушки я решил поставить на прямую наводку. Батарейцам приказал в первую очередь выбивать танки врага.

Когда приготовления к бою были закончены, к удивлению, по единственной дороге, ведущей на нашу огневую позицию, стали отходить части дивизии. Сначала с необычайной резвостью в тыл покатились хозяйственные повозки с испуганными возницами на передках, батальонные кухни, санитарные двуколки с ранеными, затем отдельными группами потянулись солдаты со своими младшими и старшими командирами. Этот всеобщий «драп»

действовал на нервы моих батарейцев. Но они — молодцы, стояли у орудий, не поддаваясь панике.

К середине дня дорога опустела, не видно было ни отступающих наших частей, ни наступающих немцев, хотя еще вдалеке гремела артиллерийская канонада, слышались разрывы бомб и снарядов.

Я все же решил стоять до конца. Пехота оказалась позади батареи, что противоречит всякой логике. Собрал командиров оставшихся трех орудий и, ставя задачу, говорил спокойно, не повышая голоса, даже как-то слишком буднично, словно мы находимся на учениях:

— Вон видите впереди, на опушке, отдельно стоящую у дороги пушистую елочку, это — наш ориентир № 1. Как только появятся танки и достигнут этого ориентира, по моей команде открывайте огонь.

Затем я попросил еще раз проверить маскировку орудий, а сам прошелся вперед, чтобы лучше осмотреть местность. Этот ориентир выбран мною был не случайно. По единственной дороге у елочки будут проходить немецкие танки: других путей здесь нет. Слева и справа непроходимое болото, куда соваться с техникой совершенно бесполезно.

Канонада прекратилась, наступила зловещая тишина. Потянулись минуты тягостного, тревожного ожидания. Солнце продолжало нещадно палить, а я с самого утра так и оставался в шинели, к тому же мне все время мешал болтающийся противогаз, который нужен был сейчас, как собаке пятая нога.

Едва успел избавиться от шинели и противогаза, как до моего слуха дошли звуки тихо работающих моторов. Танки! Они все ближе и ближе подходили к нашим позициям. Мои батарейцы были спокойны, как никогда, и с поля боя без хорошей потасовки уходить не собирались.

Я подал команду: «Приготовиться! Стрельба прямой наводкой… взрыватель фугасный, зарядить!» Прошел мимо каждого орудия, напомнил еще раз наводчикам об ориентире № 1. Батарейцы замерли, напряженно наблюдая за дорогой. Вот из-за поворота показался броневик. Понятно, разведка. При выходе из леса броневик открыл огонь из башенного пулемета, прощупывая местность. Батарея молчала. Не обнаружив ничего подозрительного, немцы двинулись дальше. Когда машина поравнялась с елью, я громко крикнул: «Огонь!» Орудия дружно хлестнули по первой показавшейся цели, выбросив длинные лоскуты пламени. В воздухе сразу запахло едкой пороховой гарью.

Три снаряда с дистанции 300 метров — это стрельба почти в

упор. Броневик козликом подпрыгнул от взрыва снарядов, развернулся поперек дороги и густо задымил. Счет открыт. Через несколько минут появился первый танк и стал справа обходить своего меньшего собрата. Снова ахнули три выстрела, и танк моментально загорелся. На дороге образовалась пробка из двух дымящихся машин. Батарея опять затаилась. Незаметно подошел второй танк и открыл огонь по нашей позиции. Разорвавшийся снаряд, выпущенный из этого танка, вывел из строя одну из наших пушек, стоявшую ближе к дороге, ее расчет не подавал признаков жизни. Открыв огонь, немцы демаскировали себя. Двумя выстрелами мои батарейцы зажгли третий костер.

На какое-то время наши пушки остудили наступательный порыв немцев. Танки в этом месте больше не прорывались, но начала откуда-то издалека бить артиллерия. В болоте то и дело разрывались снаряды, поднимая в воздух грязные фонтаны воды.

Я подошел к разбитому орудию. Моим глазам предстала удручающая картина: из семи человек расчета четверо погибли, трое оказались ранеными. Раненых я приказал отправить в тыл, а погибших похоронить. Самым непонятным было для меня то, что на месте взрыва немецкого снаряда все вокруг пылало синим пламенем. Горели бронированный щит и станины разбитого орудия, расплавленный металл стекал на землю сине-белыми каплями. Всепоглощающий адский огонь ставил меня в тупик: что бы это значило?

Позже узнал, что немцы на фронте стали применять термитные снаряды, которые для нас были в диковинку. Они использовались в основном для борьбы с нашими танками и артиллерией. Корпус такого снаряда начинялся термитом, температура плавления которого превышала 3000 градусов. Во время разрыва термитное вещество загорается, разбрызгивая во все стороны горящие струи, зажигая и поражая все на своем пути.

Бой продолжался. На поляне то и дело бухали артиллерийские снаряды. Еще один разорвался совсем рядом с нашей батареей. Едва дым рассеялся, как раздался душераздирающий крик: «А-а-а!» Оглянувшись, я увидел, как командир огневого взвода лейтенант Речков, выбравшись из ровика, в котором находился во время обстрела, схватился за голову и бросился бежать по дороге, ведущей в тыл. Видать, нервы у него не выдержали, струсил, и он пустился наутек, совершенно не помня себя и ничего не видя перед собой. С возгласом: «Речков, Речков, стой!» — я бросился догонять его.

Преследование продолжалось несколько минут, пока беглец наконец не выдохся и не упал ничком вниз, все так же держась руками за голову. Опустившись рядом с ним на колени, я стал его

упрекать: «Что же ты, Речков, так опозорил всю батарею. Ты же командир — пример для подчиненных». В гневе я что-то еще говорил ему, но, убедившись, что лейтенант совсем невменяем, оставил свои проповеди.

Забегая вперед, скажу: военный трибунал судил Речкова за трусость, его приговорили к десяти годам тюремного заключения, которые потом заменили отбыванием на фронте. Лейтенанта разжаловали до рядового, но оставили на батарее — телефонистом. На него жалко было смотреть, он опустился, стал нелюдимым и неразговорчивым. В ходе дальнейших боев Речков попал в какую-то другую часть, и я о нем больше ничего не слышал.

Мы же продолжали драться. Немцы опять зашевелились, не отказались от мысли пробиться вперед по этой самой дороге, на которой уже дымились броневик и два средних танка. Поводив «цейсом» по придорожному кустарнику, я обнаружил еще один замаскированный танк, который хотел обойти горящие машины, но застрял в трясине. Слышно было, как натужно, на высоких оборотах, работал его мотор, машина дергалась взад-вперед, натыкаясь на деревья, верхушки которых раскачивались во все стороны. Тут мы немцев и засекли.

Подготовив орудия, шарахнули фугасными снарядами и по этому танку. Машина задымила. А чтобы немцы не могли вести спасательные работы, выпустили по ним до десятка шрапнелей. На дороге, за поворотом, сразу все стихло.

Меня больше всего беспокоило отсутствие связи с командиром батареи, но решение у всех было твердое — стоять на занимаемых позициях и вести бой. Солнце нещадно палило, очень хотелось пить, но воды у нас не было, да и не до нее было: враг стоял в буквальном смысле «перед носом», и что он предпримет — неизвестно. Болотная же вода для употребления не годилась. Я уже подумывал о том, чтобы отправиться на поиски брошенных кухонь, но сейчас каждый человек был на счету. Создавалось впечатление: немецкие танки прорвались далеко вперед, оставив позади себя пехоту. Только окажись пехота сейчас на переднем крае, она бы обошла по болоту нашу батарею и смяла нас в считанные минуты.

Мы ждали, что подойдет хотя бы какое-то подкрепление, но ждали напрасно. Видимо, положение на фронте сложилось настолько скверное, что о батарее просто забыли. Вдруг в небе послышался все нарастающий шум, и на горизонте черной точкой появился немецкий самолет-разведчик, корректировщик артиллерийского огня — «Хейнкель-126», которого наши бойцы окрестили «костылем», или «кривой ногой» за торчащий в

хвостовом оперении стабилизатор. Я понимал, что летчик сейчас вызовет артиллерийский огонь по нашей позиции. Мои предположения вскоре оправдались. Сделав два круга и определив наши координаты, «Хейнкель» удалился. И немцы тут же обрушили на нас шквал огня. Земля заходила ходуном. Мои артиллеристы вместе со мной попадали в укрытия. Мысль работала только в одном направлении — попадет снаряд в твой ровик или пролетит мимо?

Над лесом снова появилась эта чертова «стрекоза», делающая очередной заход. Я злился оттого, что снять ее было нечем. Однако надо было что-то делать, принимать какие-то меры, иначе немецкая артиллерия добьет и так уже изрядно потрепанную батарею. В экстремальной ситуации мозг работает с удвоенной энергией, и у меня возникла мысль — увести свои орудия из зоны обстрела. Пока «костыль» развернется еще раз и будет передавать информацию на землю, у меня есть шанс — не более 10 минут.

Выскочив из ровика, я подал команду: «Передки на батарею! Орудиям отбой!» Сразу все пришло в движение: расчеты знают свое дело. Пушки из окопов выкатили через несколько минут. Но где лошади? Как медленно их подают! Смотрю на часы. Секундная стрелка на моих «кировских» бежит так быстро, что боюсь не успеть. Наконец лошади поданы. Цепляем к передкам оставшиеся пушки, грузим несколько снарядных ящиков, на станины — раненых и убитых и немедленно покидаем огневую позицию.

Не успела батарея удалиться на сотню-другую метров, как поляну в пух и прах разнесла немецкая артиллерия. Ездовые яростно погоняли лошадей, стараясь как можно быстрее уйти из зоны обстрела. Чуть притормозили у 2-й батареи лейтенанта Графова, которая тоже готовилась принять бой. На ходу крикнул лейтенанту о том, что вел бой с фашистскими танками, потерял одно орудие, теперь меняю огневую позицию.

Я надеялся, что мой сосед еще имеет связь с командиром батареи и успеет передать: 1-я батарея жива и сражается с врагом. Отмахав еще километра полтора, я приказал колонне остановиться, чтобы перевести дух, осмотреться. На батарейцев, еще недавно державших марку, страшно было смотреть — почерневшие от орудийной копоти, уставшие до изнеможения, они валились с ног. Все взоры теперь были обращены на меня, как на бога, словно в моих руках была их дальнейшая судьба. Впрочем, так оно и было.

Я это понимал и старался, как мог, облегчить их участь. Немного передохнув, мы продолжили движение в тыл, надеясь соединиться с какой-нибудь частью. В ходе боя батарея потеряла

не только людей, но и тягло. В передки теперь впрягали по три-четыре лошади.

Вскоре колонна выехала из леса и остановилась на поляне, размером чуть поменьше, чем предыдущая, но вполне пригодной для новой огневой позиции на случай встречи с противником. Я осмотрелся вокруг. Невдалеке протекала речка, за которой виднелся густой смешанный лес. Неожиданно на поляну выкатились наши легкие танки Т-70 и БТ. Сюда же стали подходить пехотинцы из какой-то разбитой части. Вокруг танков бегал маленький полковник, наверное, командир этой части. Энергично размахивая руками, он отдавал какие-то распоряжения и на чем свет честил своих подчиненных. В том, что происходило на поляне, чувствовалась какая-то бестолковщина и неразбериха. Никто толком не знал, что происходит на фронте и что надо делать в создавшейся обстановке.

Пока что я не хотел представляться полковнику как старшему здесь по званию, ожидая, как будут развиваться события дальше. Сам же уже прикидывал, что можно переправиться по мостику через речку, перетащив на другой берег свои пушки, там организовать огневую позицию, закрепиться. По моему разумению, это было тактически правильно: речка стала бы естественным препятствием для фашистских танков, к тому же под огнем нашей батареи они бы не рискнули ее форсировать.

Но мои планы поломал откуда-то взявшийся командир батареи Веселов. Он появился на поляне без фуражки, в рваной гимнастерке, но с пистолетом в руках. При виде моих батарейцев его испуг моментально сменился бурной радостью. Он бросился ко мне на шею, восклицая: «Живы! Ну, слава Богу! И орудия еще спасли, ну совсем молодцы!» Командир даже прослезился, видимо, здорово переживал за потерянные пушки, боясь ответственности. Правда, о том, где остались его разведчики и связисты и где находится все имущество взвода управления, он не сказал мне ни слова. Вид у него был довольно жалкий, но постепенно он успокоился и пришел в себя.

Как дисциплинированный командир, я доложил ему, как своему непосредственному начальнику, о результатах боя с немецкими танками и тут же предложил переправиться на противоположный берег речки, где можно закрепиться и продолжать бой. Веселов вначале согласился с моим предложением, но, увидев полковника-танкиста, пошел согласовывать свои действия с ним. Полковник, скорее всего, не был силен в тактическом применении артиллерии и приказал оставить наши пушки на поляне. Теперь тут были и танки, и артиллерия, и пехота, но построить разумную оборону ему не

удалось. В общем хаосе отступления многие военачальники, не имея командирского опыта, чувствовали себя неуверенно, и их безграмотные решения становились порой причиной многих наших неудач.

Вот и на этом маленьком участке фронта — лесной поляне — в беспорядке перемещались с места на место остатки разбитых частей, словно какой-то злой волшебник манипулировал человеческим сознанием. Такое в начале войны случалось нередко.

Мой командир не сумел, а вероятнее всего, и не пытался доказать полковнику пагубность принятого им решения — сконцентрировать у дороги пусть небольшие, но боеспособные силы. В результате таких действий я стал командовать одной пушкой, а Веселов — другой. Моя пушка стояла у дороги, как гриб на поляне. Ее даже не удалось замаскировать, как начался новый бой.

Немецкие танки теперь уже шли вместе с пехотой. Разгромив батарею Графова, они подошли к нашей поляне. Завязался ближний бой. Вскоре все перемещалось, закружилось, завертелось: лязг гусениц, треск пулеметов и залпы орудий, рев моторов и взрывы снарядов. В такой неразберихе трудно было понять — где немцы, где наши. Вот тут я здорово пожалел, что связался со своим незадачливым командиром, не вовремя оказавшимся на поляне без подчиненных и без оружия и помешавшим мне осуществить переправу через речку.

Мои батарейцы в считанные секунды приготовили пушку к стрельбе. Вижу, как два танка, выделившись из огненного клубка, направляются в нашу сторону, готовые раздавить гусеницами пушку со всем его расчетом. С первого же выстрела один танк был подбит. Он, словно конь на скаку, споткнулся и остановился. Подаю новую команду — перенести огонь на вторую машину, которая уже поворачивала свою короткоствольную пушку в нашу сторону. Тут произошел очень редкий во фронтовой практике случай: немцы и мои пушкари пальнули друг в друга почти одновременно. Танк задымился, но и пушка тоже была подбита. Снаряд разорвался в нескольких метрах от нашей позиции, но осколки ударили по стальному щиту, колесам и стволу. Взрывной волной меня повалило на землю, рядом лежал весь мой расчет. Подняв голову, огляделся: мои пушкари живы, только озираются, как зайцы.

Придя в себя, я тут же сообразил, что без пушки нам больше нечего делать на этой поляне. Пропадать за понюх табаку не хотелось, и я увел свой расчет к речке, надеясь укрыться за крутыми берегами. Не успели мы сделать несколько шагов, как

ударил немецкий пулемет. Пули густо зашумели вокруг нас, впиваясь в землю. Мы стали пробираться мелкими перебежками. После резкого броска я плюхнулся носом в траву, огляделся и тут же оцепенел: ко мне медленно приближалась очередь трассирующих пуль. Пулеметчик держал меня на прицеле. Это конец!

За свою долгую жизнь я прочитал много книг о войне. Чего только в них не написано?! Даже такое: перед смертью герой прокручивает, как в кино, всю свою жизнь, видит лица близких и родных. Думаю, что это — домысел автора. В стрессовой ситуации возможен лишь нервный срыв, такой, например, как произошел с лейтенантом Речковым, о котором я уже рассказывал. Лично у меня в этот момент не было никаких эмоций — один страх. Страх сковал во мне все — и тело, и мысли, тут уж не до воспоминаний.

Метрах в двух от меня огненная «змея» вдруг притихла и потухла совсем. Видимо, пулеметчик понял, что я убит, а может, кончились у него патроны, во всяком случае огонь прекратился. Неприятная это штука — быть мишенью на открытой местности, лежать и ждать, когда тебя ухлопают!

Приподняв голову, я определил, что до спасительной речки будет еще метров семьдесят. Пока пулеметчик перезарядит ленту — успею. Это расстояние я преодолел быстрее орловского рысака, прыгнул с обрыва и кубарем скатился к воде. Почувствовав себя в безопасности, с жадностью припал к холодным струям, утоляя жажду. Таким же путем к речке спустились мои батарейцы. Нас осталось пять человек, теперь мы в «мертвом пространстве», и ни пули, ни снаряды не могут причинить нам вреда.

Радости нашей не было предела. Мы смеялись, обнимались — живы! Умылись, наполнили фляги водой, пожевали сухариков, оказавшихся в ранце одного из батарейцев. Приняли решение перейти речку и двигаться в тыл. Вид, конечно, у нас был явно не армейский. Скорее, мы походили на лесных разбойников, чем на военнослужащих, — в грязных гимнастерках и телогрейках, из всей пятерки только у одного из нас был головной убор. Солнце прогревало воздух и эту грешную землю, а на мне по-прежнему была одета теплая шинель, перепоясанная походными ремнями. В дополнение ко всему, с одной стороны у меня болталась полевая сумка, с другой — пистолет и противогаз. Когда всю эту амуницию я снова успел на себя напялить, не помню. Видимо, после короткого отдыха. Расстегнув крючки и ослабив ремни, почувствовал наконец свободное дыхание, снял и бросил в речку ненужный противогаз, который в дальнейшем не носил до конца войны.

Перейдя вброд речку, мы углубились в тыл на несколько километров. Топали по бездорожью, пока не набрели на свою родную 286-ю стрелковую дивизию, точнее, ее остатки, которые, выйдя из окружения, собрались в небольшом хвойном лесу. Тут я впервые увидел командира дивизии. Он был в звании полковника. «Эмка», на которой он только что приехал, стояла у дороги, а шофер, подняв капот, копался в моторе.

Сколько здесь, в этом прифронтовом лесу, собралось людей — рота, батальон или полк — сказать трудно. Поставив в цепь пехотинцев, танкистов, артиллеристов, ездовых и даже поваров походных кухонь, комдив бросил все это воинство в атаку. Наша пятерка тоже оказалась в этой цепи.

Что это была за атака, описать трудно! С криком «Ура!» мы бросились на противника. Немцы подтянули минометы и пушки, снаряды и мины стали разрываться прямо в цепи атакующих. Ближнего боя цепь не выдержала, автоматным и пулеметным огнем противник выкашивал наши ряды. Командира дивизии ранило, и его вынесли с поля боя на плащ-палатке. Атака захлебнулась.

Положение стало угрожающим. Наша цепь откатилась назад, о новой атаке и речи быть не могло: ее некому возглавить. Да если бы и нашелся кто-то повести бойцов в бой, это были бы напрасные жертвы. Мои батарейцы держатся рядом. В связи с общей неразберихой мы не испытывали никакого желания попасть немцам в лапы, поэтому приняли решение показать им спину. Рядом бежали, отстреливаясь, еще десятка два бойцов. У них еще есть патроны, а у нас они давно кончились.

Отмахав километров пять, пока не стало слышно стрельбы, мы остановились. Упали на землю, отдышались, посмотрели друг на друга испуганно-бегающими и чуть виноватыми глазами. Снова живы, и даже никто не ранен! Выйти из огненного ада, наверно, все-таки — везение. Один из моих батарейцев, ездовой Тимофеев, сказал, что господь Бог даровал нам жизнь. Возможно, он и прав. Я потом не раз наблюдал, как солдаты при артобстрелах и бомбежках, сидя в окопчике, осеняли себя крестным знаменем, хотя единственным Богом для нас тогда был Сталин, ему и молились. Только когда смерть подступала совсем близко, о Сталине никто не вспоминал.

Передохнув, мы снова тронулись в путь, держа направление на восток. Так и брели с невеселыми мыслями по лесу, пока не натолкнулись на штаб нашего дивизиона. Радости не было границ!

Появился командир батареи старший лейтенант Веселов. Последний раз мы его видели в рваной гимнастерке, без

фуражки. Теперь же он был в полной форме и, кажется, доволен собственной судьбой, докладывать мне было не о чем: все, что осталось при мне от батареи, — четверо бойцов. Он и сам прекрасно все понимал, приказал отвести нас на кухню и накормить. Пока ели кашу, Веселов рассказал, что большая часть батареи погибла или попала в плен, а почти вся наша техника осталась на поле боя.

Картина не радостная, что и говорить. В сентябрьские дни 1941 года 286-я стрелковая дивизия потерпела сокрушительное поражение. Разве только 286-я? Целые армии Ленинградского фронта оказались в окружении.

Здесь, в тихом лесу между Мгой и Назией, после первых жестоких боев, оставшись без орудий и средств тяги, мы медленно приходили в себя, ожидая дальнейшей участи. Останется ли батарея действующей или ее расформируют? На следующий день мы узнали, что батарея будет сохранена, так как знамя врагу не досталось. Скоро прибудет новое пополнение, подвезут пушки, пригонят лошадей, и мы снова будем воевать.

За последние дни мы многое узнали о Ленинградском фронте, о трудном положении Ленинграда. Невыносимо тяжело было сознавать, что наш любимый город, с его революционными и культурными традициями, с его памятниками, оказался в блокаде, что он подвергается ожесточенным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам, что со 2 сентября его жители получают уменьшенный хлебный паек. Гитлеровские войска, выйдя к Ладожскому озеру и замкнув кольцо блокады, начали штурм города. Генерал-фельдмаршал фон Лееб был настолько уверен, что ему удастся осуществить свои преступные планы в самое ближайшее время, что даже отозвал из Франции горную дивизию «Эдельвейс» и бросил ее против мужественных защитников. Подвыпившие вояки этой дивизии предприняли психическую атаку, в бой шли с музыкой и песнями, дорогу им пробивала артиллерия и до 500 танков.

Трудно пришлось нашей 42-й армии. Ее командующий Иван Федюнинский вынужден был собрать всю артиллерию, вплоть до тяжелых 152-миллиметровых орудий, и приказал прямой наводкой бить по хваленой гитлеровской дивизии, пока от нее ничего не останется. Полевую артиллерию поддерживали форты и корабли Балтийского флота, оборонявшие главное Пулковское направление. Удар был настолько сильным, что почти вся дивизия полегла на подступах к Ленинграду. В то же время немцы получили отпор и на других участках фронта.

Нас радовало, что на фронте происходят какие-то подвижки, немцы остановлены и встречают сопротивление наших войск.

Если раньше гитлеровское командование было уверено в скором падении Санкт-Петербурга (Ленинграда) и уже назначен был комендант города — генерал Кнут, а на Дворцовой площади 7 ноября 1941 года планировалось провести парад победителей, то теперь эти успехи стали призрачными. С 25 сентября немецким войскам пришлось переходить к обороне.

Конечно, обо всем этом нам стало известно позже. Узнали, что фон Лееб Гитлером смещен и назначен новый «фон», только уже Кюхлер. В конце сентября 1941 года в логове фашизма — Берлине — появляется новая директива Гитлера «О будущности города Петербурга», в которой говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для существования этого большого населенного пункта… Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей… С нашей стороны нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».[1]

Вот такая участь была уготована Ленинграду, который предполагалось разрушить до основания, вывезти из него материальные ценности, а землю передать союзникам — финнам.

Город, однако, сражался, несмотря на невероятные трудности — голод, холод, бомбежки и артобстрелы. Сражался и Ленинградский фронт, которому помогала вся страна. В небывало трудное время ленинградская поэтесса Ольга Берггольц написала строки, которые доходили до сознания каждого защитника города — рабочего, интеллигента, солдата:

Смотри — материнской тоскою полна,
За дымной грядою осады,
Не сводит очей воспаленных страна
С защитников Ленинграда…

Спасибо тебе за тревогу твою —
Она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
Защитники Ленинграда…

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашею будет победа…

Продолжала сражаться и наша, измотанная в боях, 286-я

стрелковая дивизия. Она теперь занимала оборону на рубеже речки Черная, Вороново, Тортолово, Гайтолово, полустанок Назия (южнее течения речки Назия). Каждый боец, сержант и офицер вносил частичку своего ратного труда в оборону Ленинграда. Из таких частичек и складывалась несокрушимая мощь защитников города.

Немного отдохнув, мы снова стали восстанавливать нашу батарею. Уже прибыло людское пополнение, а вскоре — и лошади. Я со своими батарейцами поехал на железнодорожную станцию Назия получать пушки. Но при виде того, что нам прислали, у нас едва не случился обморок. Оказалось, что это были допотопные системы образца 1890 года, хотя калибр все тот же — 76 мм. Дальность стрельбы у таких пушек не превышает 4,5–5 километров уменьшенными зарядами. Таких пушек не было давно даже в артиллерийском парке училища, хотя курсанты теоретически знали их устройство. Противооткатным устройством у этих пушек служили резиновые круги-шайбы, одетые на шток, как баранки на палочку. Потом, когда мы уже освоили это чудо артиллерии, после стрельбы приходилось менять 2–3 кольца, для чего у каждого орудия на дереве или на столбе, врытом в землю, висела связка в 20–30 таких «баранок».

Командир батареи, увидев пушки, которые мы доставили на боевые позиции, набросился на меня коршуном:

— Лейтенант Демидов, из какого арсенала ты достал эту рухлядь? Это же оружие петровских времен. Как мы будем воевать?

Зная, что нам ничего другого сейчас не дадут, я решил «подыграть» Веселову:

— Товарищ старший лейтенант, а ведь эти пушки исправно служили армии в русско-японской войне, они могут послужить и сейчас. Ну, лежали законсервированными в каком-то арсенале, так дождались же своего часа!

Нещадно ругая Артиллерийское управление за такой «подарок», Веселов удалился. А нам ничего не оставалось делать, как осваивать эту чудо-технику. На учениях мы действовали довольно успешно, выполняли боевые задачи, хотя и стали посмешищем всего артиллерийского полка. В октябре 1941 года батарея снова была готова к боевым действиям в обороне.

Огневую позицию мы оборудовали у деревни Вороново, в двух километрах — наблюдательный пункт (НП). В сторону фронта направили своих разведчиков. Это были хорошо подготовленные группы. Кроме того, с НП постоянно велось наблюдение за перемещением войск противника. В изобретательности нашим людям трудно было отказать. Они

додумались вести наблюдение за передним краем с 10-15-метровой сосны, на которую надо было забираться по лестнице. В мощной кроне дерева соорудили площадку из досок, установили на ней стереотрубу, сюда же протянули телефонную связь, на случай обстрела вырыли окопы и ровики для укрытия. В этой лесной и болотистой местности нашей артиллерийской батарее суждено было простоять до прорыва блокады, хотя огневую позицию пришлось менять довольно часто.

С приходом осени световой день значительно уменьшился, лес преображался на глазах, кроны деревьев поредели, а под ногами лежал сплошной ковер из опавших листьев. На полянах еще зеленела трава, ее стебли упрямо тянулись к уже не такому яркому солнцу. По ночам скопившаяся в лунках вода затягивалась тонким ледком. Дороги раскисли от осенних дождей и стали труднопроходимыми. Но наша фронтовая жизнь не претерпела никаких изменений.

Немцы, перейдя к обороне, постоянно тревожили нас своими вылазками, приходилось отбиваться всеми доступными средствами, используя в первую очередь свои допотопные пушки. На переднем крае у противника появилась звукозаписывающая техника. Как только мы открывали огонь, эти хитрые звукозаписывающие машины по выстрелам засекали координаты нашей батареи. Минут через 15–20 появлялась бомбардировочная авиация или открывался огонь из дальнобойной артиллерии. Зная тактику немцев, мы всегда старались уходить на другую огневую позицию.

В один из прохладных осенних дней я по заданию командира батареи отправился на поиски нового места для огневой позиции. На карте это был лесистый и болотистый район. Почти полдня гонял своего коня по рощам и оврагам, сличая карту с местностью, пока не набрел на большой участок леса, окруженный со всех сторон болотом. Мне он показался сказочным царством Берендея, в котором вполне можно разместить нашу батарею, найти место и для укрытия лошадей. Немцы сюда вряд ли сунутся, а если и засекут нас, то будут долбить по болоту. Дороги, правда, к этому острову нет, ее придется проложить, сделать настил из бревен и веток. Эта мысль всецело овладела мной, и я вернулся на батарею.

Веселов внимательно выслушал меня, взвесил доводы «за» и «против», в конце концов согласился с моим предложением. Дорогу на остров мы соорудили быстро, хотя сил было затрачено немало: топь. Уложили бревнышко к бревнышку, получился хороший мостик, по которому мы перетащили пушки, оборудование, вот землянки только получились не очень

удобными, сырыми из-за почвенных вод. Но и тут нашли выход — вырыли колодцы, из которых по утрам вычерпывали воду. Наладили освещение — керосинки, сделанные из гильз снарядов. Если керосина или масла не было, жгли телефонный провод, выделявший огромное количество сажи, отчего после сна мы были похожи на туземцев из Африки. Позаботились и о лошадях. Учитывая опыт прежних боев, для животных соорудили срубы, которые могли уберечь их от осколков.

Первый артналет оправдал наши расчеты. Поскольку чудо-пушки стреляли в радиусе 4–5 километров, особого ущерба противнику они наверняка не наносили, скорее щекотали нервы. Тем не менее звуковую разведку немцев мы постоянно вводили в заблуждение, им и в голову не могло прийти, что основная наша база находится как раз в центре болота, а не у дороги.

Зимой 1941–1942 года противника мы беспокоили не так часто. Войскам, стоявшим в обороне под Ленинградом, выделяли мизерное количество боеприпасов. Они больше нужны были в сражениях под Москвой, Сталинградом, на Украине, поэтому наша батарея вела огонь по врагу раз в десятидневку. Зато каждый раз после нашей стрельбы немцы открывали ответный огонь и обстреливали единственную дорогу, ведущую в это болотистое место. Дело доходило до того, что во время артобстрела некоторые смельчаки выходили из своих убежищ и считали разорвавшиеся в болоте снаряды, комментируя:

— И снова пальцем в небо!

Лишь только один раз немецкий наводчик, скорее всего, ошибся в установке прицела, и несколько снарядов разорвалось за батареей, не причинив нам никакого вреда.

В зимнее время фронт застыл. Нашего наступления в этом районе не предполагалось. Притихли и немцы. Их авиация, все время господствовавшая в воздухе, тоже стала реже появляться над нашими головами. Сидеть в бездействии было невмоготу. Солдаты больше спали, чем двигались. Наступили холодные и голодные дни.

Иногда нашу беспросветную жизнь разнообразило командование полка своим появлением. Начальник штаба хвалил нас за удачно выбранную огневую позицию. Уезжая, даже обещал представить меня и командира батареи к ордену Красного Знамени.

Орденов мы так и не получили: всю обедню испортил комиссар полка Вайнштейн, который тоже изволил посетить наш «островок». Комиссар был полнейшим профаном в военном деле, зато с непомерными амбициями. Он даже учинил мне экзамен, задав вопрос: «Как будешь действовать, лейтенант, если с фронта

появятся танки противника?»

Когда я выбирал место для огневой позиции, разумеется, предусматривал разные варианты борьбы и станками противника, и с его пехотой. Но ни один из вариантов не укладывался в комиссарской голове. Он предлагал от каждого орудия прорубить просеку, сделать гати из деревьев и по ним, в случае опасности, рассредоточенно вывозить пушки в тыл.

«Если мы, даже рассредоточенно, появимся со своими пушками на дороге, — стоял я на своем, — вражеская авиация нас немедленно засечет, и тогда нам уже ничто не поможет. Батарея пока не обнаружена благодаря хорошей маскировке. У нас есть мост, и гати от каждой пушки делать нет необходимости. Мы здесь находимся не для того, чтобы при первой опасности драпать, а для того, чтобы сражаться».

Вайнштейн являлся чистым политработником и в артиллерийской тактике вряд ли был сведущ. Не желая вникать в суть дела, комиссар впал в амбицию и стал настаивать на выполнении его распоряжения.

Я вспылил, считая это распоряжение очевидной глупостью, но, не повышая голоса, заявил, что буду делать то, что считаю нужным, так как не хочу подвергать риску людей и вверенные мне пушки, при этом как-то машинально передвинул кобуру с пистолетом, висящую на ремне сбоку. Вайнштейн мгновенно уловил это движение. О чем он подумал, можно догадаться. Только сразу скис и прошипел: «Мальчишка!» Бочком стал отступать, потом резво вскочил на коня и был таков.

Наша с Вайнштейном перебранка происходила на виду у всех батарейцев, и как только он уехал, раздался взрыв смеха и возглас одного из наводчиков:

— Ай да комиссар, видать, большой оригинал!

Я понимал, что комиссарская оригинальность мне может выйти боком, хотя правоту свою готов был отстаивать и дальше. Правда, по молодости я тогда не придал значения очень важному обстоятельству: «институт комиссаров» в годы Великой Отечественной войны продолжал действовать, как и в гражданскую, может, даже пожестче. Комиссар имел больше прав, чем командир, и единоначалия, как такового, не существовало. Любой приказ должен быть скреплен комиссарской подписью, если ее не было, приказ не имел силы.

Мысль о том, что я нажил себе врага в лице Вайнштейна, оправдалась. Хорошо, что у него хватило ума не докладывать об инциденте вышестоящему начальству, но на меня он заимел «зуб». За сентябрьские бои я вместе с командиром батареи был представлен к ордену Красного Знамени. Комбат орден получил,

а я не получил ничего. Когда пришел приказ наркома обороны о представлении к очередному званию офицеров, которые находились на фронте более трех месяцев, меня снова обошли. Стало ясно, что пока я нахожусь под властью Вайнштейна, ходить мне в лейтенантах до окончания войны, да и боевые награды будут цеплять себе на грудь такие комиссары. Надо искать возможность поменять место службы, хотя я и понимал, что на фронте это сделать не так просто.

Как бы ни складывались обстоятельства, я уже имел некоторый жизненный и фронтовой опыт, помнил золотое правило одного из преподавателей артиллерийского училища майора Рыкова: безвыходных положений не бывает. Вспомнил, что со мной в артполк прибыло около десятка выпускников. Среди них — Юра Забегайлов. Еще в спецшколе мы с ним стояли рядом в строю, постоянно общались и в училище. Все его звали «Негусом», наверно, за курчавые черные волосы, как у царствующей абиссинской особы. После войны «Негус» стал генерал-полковником, заместителем командующего ракетными войсками страны.

Забегайлов служил офицером штаба и по совместительству выполнял обязанности адъютанта начальника артиллерии 286-й стрелковой дивизии полковника Коробченко, впоследствии тоже крупного военачальника, генерал-полковника, начальника Военно-артиллерийской академии.

Коробченко — типичный украинец, невысокого роста, с круглым лицом и объемистым животом, довольно подвижный, энергичный, грамотный офицер, любитель выпить «на халяву». Когда он первый раз приехал на батарею, я пулей вылетел навстречу высокому гостю. В своей землянке угощал его водкой, при этом извинялся, что у меня нет приличной закуски. Приложившись к фляге, полковник садился на снарядный ящик и расспрашивал меня о боях, о делах батареи, но ни разу не поинтересовался бытовыми условиями, в которых живут мои бойцы.

Как-то по пути в полк Коробченко снова заглянул на наш островок. Причем, инициатором визита был он сам. Сказал своему адъютанту: «Давай-ка, Юра, заедем к твоему другу и послушаем байки о том, как его батарея била немецкие танки». Это означало, что начальство желало выпить и демократично поболтать с «низами». Что уж тут скрывать, дело прошлое, фронтовое. И заезжали, и выпивали, и болтали. Спиртное у меня всегда водилось. Я человек непьющий, и свои наркомовские сто грамм сливал во фляжку. Так что друзей всегда было чем угостить.

Пока Коробченко беседовал с моими батарейцами, я увел Забегайлова в сторону и рассказал ему о столкновении с комиссаром полка Вайнштейном. «Негус» удивленно поднял брови:

— Хочешь перевестись в другой полк?

Я не скрывал своих намерений:

— Сам понимаешь: житья Вайнштейн мне не даст. Черт с ним, этим комиссаром, обидно только — все получают ордена и медали, а этот замухрышка всегда вычеркивает меня из списка.

— Все, Петя, я тебя понял. Можешь не волноваться, постараюсь с Коробченко уладить этот вопрос.

И «Негус» поспешил к своему патрону.

Наше «сидение» на болоте продолжалось до декабря 1941 года. К этому времени немцы создали второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Но мы знали, что город живет и борется, работают многие предприятия, дающие фронту оружие, люди ходят в театры и кинотеатры, читают газеты. Самой страшной для жителей города была именно эта зима. Голод, цинга, дистрофия убивали людей тысячами. Хорошо, что в самом начале войны я посоветовал матери уехать в деревню на Рязанщину, а то бы, наверно, мы с ней никогда и не свиделись. Ведь только в ноябре 1941 года начала действовать ледовая трасса на Ладоге — «Дорога жизни», как ее называли ленинградцы, по которой в город шло продовольствие, а из города вывозили женщин, стариков и детей на Большую землю.

На фронте положение было не лучше, чем в городе. Гитлеровские войска, перейдя в наступление на Волховском направлении, захватили Тихвин, перерезав таким образом коммуникации 54-й армии, по которым шло продовольствие, вооружение и боеприпасы частям Красной армии, действующим на внешнем кольце обороны Ленинграда. Голод стал мучить и нас. Продукты для батареи и сено для лошадей снабженцы завозили с большими перебоями. Лошадям приходилось давать ветки деревьев, срезанные в лесу. Их мелко рубили, по возможности запаривали, смешивали с сеном или соломой. Наше тягло стало дохнуть от бескормицы. Болели и люди. Одно время я передвигался по огневой позиции с палочкой, не слушались ноги, кружилась голова, голод давал о себе знать.

Как-то меня вызвали в штаб дивизиона на совещание. Проезжая до основания разрушенную деревню, от которой остались лишь кирпичные трубы да почерневшие от огня ветлы, я решил опробовать свой пистолет, из которого давно не стрелял. К тому же хотелось посмотреть, как будут взрываться бронебойно-зажигательные пули: на вооружение недавно поступили новые

боеприпасы. Произведя несколько выстрелов, не обнаружил, чтобы пули что-то пробивали или зажигали. Ударяясь о кирпич, они рвались лишь маленькими огненными шариками. Разочаровавшись в новинке, я выстрелил по стае ворон, сидевших на ветках. Птицы лениво вспорхнули и, описав круг, опустились на дорогу, чтобы поискать себе пищу в конском навозе. Тут во мне проснулся азарт охотника. Подстрелив трех ворон и положив трофеи в переметную суму, двинулся дальше.

Дома, передавая ординарцу трофеи, в суме обнаружил только двух ворон, третья, видимо раненая, оклемалась, сумела выбраться и убежала в лес. Но все равно «вороний» суп оказался вполне съедобным. С тех пор кто-то из нашей команды охотился на эту совсем не промысловую птицу, которая частенько попадала к нам на стол.

За все время окопной жизни, если мне не изменяет память, один раз на обед у нас был настоящий глухарь. Пробираясь на батарею, командир огневого взвода заметил на замерзшем болоте лакомившегося клюквой глухаря. От такого зрелища у взводного даже ноги подкосились. Прибежав в землянку, он схватил автомат и пулей помчался на болото. Глухарь, как ни в чем не бывало, продолжал спокойно склевывать ягодку за ягодкой. Раздалась очередь, и расцвеченный петух пал жертвой своей беспечности. Для такого случая я тогда не пожалел фляжку с наркомовской водкой.

Несколько месяцев «болотной» жизни надоели до чертиков, что мы уже мечтали о наступлении. Когда в ноябре 1941 года под Тихвином начались бои, мы думали, что и 286-я дивизия будет принимать в них участие. Но этого не случилось.

Самое неприятное, что зимовали мы в летней одежде, поэтому мерзли по-страшному. Бойцов, заступавших в караул, я старался одеть как можно теплее, но поношенные шинели и дырявые сапоги плохо держали тепло. По прошествии десятилетий я вспоминаю обмороженные лица своих батарейцев и то, как в холод и голод выполняли они нелегкую, прямо скажем, адскую работу.

В 80-х годах попалась мне на глаза небольшая книжка стихов поэта Виктора Шутова, защитника Ленинграда. Он, как никто другой, точно отразил в своих стихотворных строчках фронтовую действительность тех страшно тяжелых лет:

Наград не густо на груди —
Был в обороне я, в блокаде.
Огонь стеною — впереди,
А голод, как трясина, — сзади.

И все бои, бои, бои —
Ни отступать, ни продвигаться,
А рядом сверстники мои,
Как по ранжиру, всем по двадцать.
Но мы дубленые уже
И на ветру, и на морозе.
Стоим на смертном рубеже,
Ни хлеба, ни воды не просим.
…Не густо на груди наград,
В блокаде путь военный пройден.
Но жив и славен Ленинград —
На всех один великий орден.

Только после взятия Тихвина наши страдания закончились. В январе 1942 года снабженцы подвезли долгожданное зимнее обмундирование. Мы оделись в стеганые ватные брюки, телогрейки, шапки-ушанки, валенки. Офицеры получили отличные полушубки, меховые безрукавки, теплое байковое белье и портянки. Нам казалось, что все невзгоды теперь остались позади, хотя фронтовых проблем было еще много. Вот только бездействие расхолаживало как бойцов, так и командиров. Притуплялась бдительность, чем, конечно, воспользовались немецкие разведчики. Сытые, здоровые, они зачастили к нам в тыл. Нередко выкрадывали из окопов часовых, взрывали наши блиндажи и землянки, а однажды даже увели из пехотного батальона 45-миллиметровую пушку с боевым расчетом. Это был большой конфуз для нашей дивизии. Немцы перешли линию фронта, пробрались в тыл, нагрянули на огневую позицию батареи, стоявшую позади пехоты, сняли часовых, подняли в землянках расчет орудия, заставили его впрячься в лямки и тащить пушку через передний край в свое расположение. Это был «конфуз» на весь фронт. Командующий армией издал по этому поводу приказ и наказал многих начальников.

После этого случая несение караульной службы заметно улучшилось. Но бдительность, как известно, может перерасти в подозрительность. Комиссару нашей батареи почему-то показалось, что ездовые средств тяги игнорируют последние приказы полкового командования по несению караульной службы. Он решил убедиться в этом своими глазами. Ночью, когда бойцы отдыхали, а часовой давал корм лошадям, комиссар тихонько пробрался в землянку, где едва мерцал догоравший огонек, вытащил пистолет и заорал: «Хенде хох!» Ошалевшие, ничего не понимающие ездовые спросонья подняли руки. Дальше

все происходило, как в детективном романе. Сверхбдительный «уставник» приказал всем одеться и выйти наверх. Более получаса он прорабатывал на морозе еще не пришедших в себя бойцов, поносил их разными словами, даже называл изменниками Родины.

Когда я узнал об этом дурацком методе проверки несения караульной службы, то, встретившись с политработником один на один, высказал ему все, что о нем думаю. Ведь могло быть и такое: кто-то впотьмах схватил бы карабин и за милую душу пристрелил проверяющего. Вот и получилось бы «Хенде хох!», только наоборот.

Мучились мы и дальше с этим комиссаром, кто-то из моих помощников даже предлагал походатайствовать, чтобы его направили на повышение, только бы не путался под ногами. Особенно я опасался, что комиссар вмешается и испортит все дело при проведении одной довольно деликатной операции.

Разведка обнаружила в деревне Вороново дом отдыха гитлеровской солдатни, и командир батареи Веселов приказал его ликвидировать при первой же возможности. Деревня находилась недалеко от наших позиций, и я приказал своим батарейным разведчикам еще раз перепроверить наличие такого дома отдыха, куда, по слухам, немцы по ночам привозили русских девушек. Наша разведка подтвердила: такой дом существует. Когда обсуждали план ликвидации этого увеселительного заведения, наш доблестный комиссар в безоглядном раже настаивал на том, чтобы, как он выразился, выжечь начисто это фашистское гнездо. А провести операцию надо было деликатно, так, чтобы не пострадали жители деревни.

И мы ее провели, причем довольно удачно. Проложили из нашего болота дорогу, заранее выбрали место для огневой позиции, перетащили туда пушки, все делалось ночью тихо, скрытно. Об операции немцы не подозревали, в дом отдыха проходили спокойно, чувствовали себя в полной безопасности.

Обстрел решено было начать утром, когда сон бывает самым крепким. Батарейцам пришлось немного померзнуть. Проходя от орудия к орудию, я слышал, как они беззлобно кляли войну и Гитлера. Мое имя пока не упоминали. Стало светать. Легкая морозная дымка опутывала полупрозрачным маревом видневшуюся вдалеке деревню. Наконец дымка рассеялась, и в бинокль отчетливо просматривалась наша цель — публичный дом.

Командир первого орудия не выдерживает:

— Товарищ лейтенант, пора!

Да, пора начинать стрельбу, пока деревня не проснулась.

Подаю команду: «По бардаку гранатой, первому — взрыватель фугасный, второму — осколочный! Прицел… Уровень… Огонь!» В утренней тишине хлопают два выстрела. Поднимаю бинокль — недолет. Ввожу поправку. Теперь снаряды ложатся в цель. Стреляные гильзы с легким звоном падают на мерзлую землю. Расчеты работают спокойно, слаженно, без всякой суеты.

Публичный дом уже горит ярким пламенем. Мы сделали еще несколько выстрелов для уверенности, и сразу же ездовые подали передки. Прицепив орудия, расчеты быстро удалились из опасного места. Так, без потерь мы прибыли в свое расположение, наказав фрицев за их беспечность.

Мы потом не раз делали дерзкие вылазки, не давая противнику спокойно отсиживаться в занятых селах и деревнях. Наученные горьким опытом, немцы усилили посты и караулы, постоянно следили за передним краем, использовали для наблюдения даже аэростат. Первое время наши разведчики не могли определить, откуда он поднимался. Маскируясь на фоне леса, аэростат взмывал на небольшую высоту, корректировщики успевали засечь цели на нашем участке фронта и спокойно уходили в неизвестном направлении. Пробовали его сбивать — безрезультатно.

И все же корректировщиков подвела немецкая аккуратность. Чувствуя свою безнаказанность, аэростат стал подниматься в одно и то же время, хотя и из разных точек. И все же мы его подловили. Эту штуковину на нашем участке фронта мы больше не видели. Огнем нашей батареи он был сбит.

Однако какие бы вылазки мы ни делали, в каких бы стычках ни участвовали, в зачет эти, пусть и небольшие, победы нам не шли. Вайнштейн постоянно напоминал о себе. Я был уверен, что Юрий Забегайлов не оставит меня в беде. Февральской ночью 1942 года раздался звонок из штаба артиллерии. Звонил Юра. Он сообщил, что освободилась должность командира штабной батареи, и поинтересовался, каково мое мнение на этот счет. Я сразу же спросил об обязанностях командира штабной батареи. Выяснилось: сей командир в основном обслуживает высокое начальство. Я — полевой командир, и быть мальчиком на побегушках мне не хотелось. Юра это понял, но моя просьба оставалась в силе.

Прошло еще какое-то время. Снова звонок Забегайлова. На этот раз предложение — поехать в Москву, в Артиллерийское управление. Оно формирует новые артиллерийские части. Должность командира батареи мне будет обеспечена. Это предложение я принял с радостью.

Ждать отъезда долго не пришлось: пришел приказ об

откомандировании моей персоны в Москву. Командир полка подполковник Деркач ничего не знал о хлопотах моего приятеля, был даже удивлен тому, что меня отзывают в Артиллерийское управление. Сказал только, что ценит меня как командира, помнит по сентябрьским боям и хотел, чтобы я продолжал служить в полку, сулил повышение. Тут я малость струхнул. Любая должность меня не устраивала, ведь все равно пришлось бы быть в подчинении Вайнштейна.

Пришлось открыться Деркачу, рассказать о столкновении с комиссаром полка. Подполковник выслушал меня, покачав головой, сказал:

— Теперь я понимаю, почему мстительный Вайнштейн всегда отказывался подписывать представления о твоем награждении и о присвоении очередного воинского звания. Помнится, всегда придумывал какую-нибудь причину. Но я, честно признаюсь, о ваших отношениях не имел никакого понятия.

Деркач согласился отпустить меня с миром и, пожелав в дальнейшем хорошей службы, тут же попросил отвезти письмо для жены. Видимо, не хотел, чтобы его читала цензура:

— Письмо опустишь в почтовый ящик, вот и все твои хлопоты. Надеюсь, это будет не обременительно.

На этом мы расстались с командиром артиллерийского полка, человеком, как мне показалось, душевным и порядочным во всех отношениях.

Трогательным было прощание с батарейцами, с которыми я несколько месяцев просидел, в полном смысле этого слова, в болоте, беспокоя дерзкими вылазками противника. Это время незабываемо, оно осталось в моей памяти навсегда. У Петра I было сидение «азовское», а у меня и моих батарейцев — «ленинградское».

В штабе артиллерии, куда я приехал проститься с Юрием Забегайловым и поблагодарить его за участие в моей дальнейшей судьбе, меня захотел увидеть сам полковник Коробченко. Вместе с адъютантом мы вошли в его «апартаменты». Полковник был в хорошем расположении духа, весьма доброжелателен. В ходе беседы сообщил, что до войны работал в Управлении кадров Красной армии и знает многих работников Артиллерийского управления, в том числе и его нынешнего начальника полковника Гамова. Тут же посоветовал:

— Если в Москве возникнут какие-нибудь проблемы, иди, не стесняйся к полковнику Гамову, мужик он хороший, непременно поможет.

Коробченко заранее заготовил два письма. Одно предназначалось жене, которое я должен, как и письмо Деркача,

опустить в городе в почтовый ящик, другое — своей «пассии». По последнему письму мне пришлось выслушать строгие наставления. Моя «боевая задача» заключалась в том, чтобы я убедил Сашу (так звалась пассия Коробченко) ни в коем разе не появляться на фронте. Она бомбардирует его письмами, в которых настаивает, чтобы он дал «добро» на ее приезд в дивизию.

Коробченко настоятельно рекомендовал:

— Убеди Сашу не делать такую глупость. Как мужчина, ты меня поймешь: не время сейчас заниматься любовными утехами.

Как мужчина и как подчиненный, я его прекрасно понимал. Сказал:

— Все будет исполнено!

Кроме наставлений, полковник добавил:

— Если в гостиницу не попадешь и негде будет остановиться, я в письме прошу Сашу, чтобы она тебя приютила. Ну, действуй, лейтенант!

Поблагодарив Коробченко, расцеловавшись со своим другом Юрием Забегайловым, который сыграл в моей дальнейшей судьбе не последнюю роль, я отправился на попутных машинах на станцию Жихарево, являющуюся конечной остановкой на пути к Ленинграду. Отсюда также отправлялись составы и в другую сторону — на Москву.

Глава III
В 1-м танковом корпусе

Первые дни марта. Это уже по календарю весна. Только зима неохотно сдавала свои позиции, хотя под весенними лучами солнца снег садился и быстро таял. Стряхивали снежный покров деревья и кустарники, на полянах и буграх появились первые проталины, кое-где потекли маленькие ручейки, заблестели блюдца небольших лужиц, днем заметно теплело, но к вечеру снова подмораживало и становилось холодно. Все равно чувствовалось, что воздух наполняется живительной влагой, темный лес несет свежесть и очищение. На некоторых деревьях появились набухшие почки — это говорило о том, что природа начала просыпаться. Во всем живом мире пробуждались таинственные жизненные силы.

С приходом весны связывал и я надежды на изменение своего служебного положения, радовался тому, что удалось уйти из-под опеки ненавистного комиссара Вайнштейна. Я не знал, как сложится моя дальнейшая судьба: война еще впереди, и конца ей пока не видно. На фронте особых изменений не произошло, хотя немцы получили достойный отпор под Москвой и на какое-то время их наступление приостановилось. Из газет и информационных сводок было известно, что положение на фронте все еще остается тяжелым, так что воевать мне придется еще долго.

Добравшись до станции Жихарево, я узнал, что пассажирского сообщения, как такового, не существует, иногда цепляют теплушки к военным составам, и таким образом пассажиры добираются до Москвы. Прождав на вокзале несколько дней, я совсем отчаялся, потому что на исходе были харчи. Когда в полку рассчитался со всеми службами, мне выдали довольствие всего на трое суток и продаттестат, в котором писарь сделал какие-то исправления, из-за чего снабженцы посчитали документ «поддельным» и мне нигде больше не выдавали продукты.

Наконец, на путях я обнаружил санитарный поезд с ранеными, направляющийся в Москву, к нему было прицеплено несколько теплушек. Одна из них оказалась офицерской, и мне не без труда удалось в нее втиснуться.

Фронтовая теплушка! Без нее не обходилось ни одно воинское передвижение, она давала тепло, возможность в пути отдохнуть, хорошо выспаться. Обычный грузовой вагон, только переоборудованный для перевозки людей: нары в два яруса,

вместо матрацев — солома или еловые ветки, вместо подушек — солдатские вещмешки, противогазы, полевые сумки, шапки. Одеялом служит всепогодная армейская шинель. В зимнее время на середину вагона ставится печка-буржуйка, рядом в ящиках или прямо на полу — каменный уголь или дрова. У печки круглосуточно дежурит солдат-дневальный, который постоянно поддерживает живительный огонь. В таком вагоне тепло и уютно, хорошо спится под размеренный, убаюкивающий перестук колес, особенно когда на улице трескучий мороз.

Вскоре эшелон тронулся в путь. Оглядевшись и немного освоившись, я начал знакомиться с попутчиками. Испокон веков в светском обществе существовала иерархия, в армии она особенно заметна. Сразу же бросилось в глаза, что в вагоне на привилегированном положении находятся два подполковника и майор, видать, сослуживцы-штабники, в окопах никогда не были. В одной компании с ними были две медички с лейтенантскими нашивками, причем, одна из них довольно симпатичная, скорее всего чья-то ППЖ (походно-полевая жена). Об этом можно было догадаться: покровитель позаботился о ее военной форме, она была пошита на заказ, сидела как влитая. В пользу моего предположения говорило и обилие продуктов, которыми ее снабдили на дорожку — хлеб белый и черный, рыбные консервы и американская тушенка, настоящий индийский чай, чего на фронте я не видел уже давно.

Глядя на разносолы, которые вынимали эти пассажиры из баулов и походных чемоданчиков, мне стало не по себе. В моем вещмешке можно было обнаружить разве что пару сухариков да ложку с алюминиевой кружкой — важные и необходимые атрибуты походной жизни. Отвернувшись к стене, я лежал на жестких нарах и размышлял, как Шура Балаганов, где снискать себе пропитание, иначе не доеду до Москвы, протяну ноги.

Поезд часто останавливался, и я всякий раз выходил из теплушки, чтобы размять ноги и посмотреть на окружающий мир. В очередной раз, когда наш состав, сбавив ход, остановился, не доезжая какой-то станции, я снова вышел прогуляться. Около санитарного вагона у меня промелькнула мысль: здесь должна быть кухня, а значит, и еда. Вот куда надо нанести дружественный визит!

В соседней теплушке ехали солдаты и сержанты. Они тоже выбегали подышать свежим воздухом. Среди этой братии выделялась группа человек в пять-шесть. Это были моряки-балтийцы. Я подметил, что еще в начале пути моряки были уже «навеселе», но вели себя добродушно и вежливо. Смотрю, и сейчас они тоже, «поддавши», весело балагурят, поют песни. Они

даже со мной немного побеседовали, пошутили.

Состав тронулся, и я оставил подвыпивших моряков. Рядом медленно проплывал санитарный вагон, не помню, как влетел в тамбур. Стою этак в сторонке, играю шпорами, постукивая ногой об ногу. Мимо проходят врачи, медсестры, легкораненые. Вот появилась маленькая сестричка с котелком каши, видимо, предназначенной для лежачих больных. В нос пахнул дурманящий запах пищи. Я тронул ее за руку и как бы между прочим заметил, что каша, должно быть, вкусная и раненые ее с удовольствием едят. Она улыбнулась и прошла в вагон.

Ничего не оставалось делать, как ждать улыбнувшееся мне создание. Когда она возвращалась с пустым котелком, я снова остановил ее. Мы разговорились. Девушка оказалась ленинградкой, студенткой мединститута. В процессе нашей милой беседы я рассказал ей историю с «поддельным» продаттестатом и тут же показал его для убедительности, в результате чего уже несколько дней сижу на «диете». Сестричка быстро сообразила, что к чему, отправилась на кухню и принесла полный котелок гречневой каши, заправленной консервами. Хотя я и старался есть медленно, котелок опустел в считанные минуты. Возвращая его своей спасительнице, я пообещал после войны пойти с ней в любой ленинградский ресторан по ее выбору и отведать все деликатесы, которые там найдутся. В дальнейшем она еще несколько раз подкармливала меня. Жаль только, что так и не удалось встретить мою благодетельницу. Кем она стала, бог весть? Да и выжила ли в горниле войны? Немецкие летчики так часто охотились за санитарными поездами!

На следующий день в теплушке по соседству снова шло веселье и слышалась разудалая песня «Шумел камыш». Тут я почему-то подумал: сколько же надо запасти водки на таких здоровенных лбов, чтобы гулять несколько суток подряд, не просыхая?

Объедать раненых было неудобно, и на очередной остановке я направил свои стопы к балтийцам. Они обрадовались моему приходу, пригласили за стол и стали угощать спиртом. Для вида пригубил это отвратительное зелье, но с большой охотой закусил. В ходе застолья слушал, как матросы смачно «травили баланду» о своих подвигах на суше и на море, в свою очередь, я тоже рассказал о бое с немецкими танками. Постепенно наше знакомство стало переходить в панибратство, меня хлопали по плечу и пожимали руки. Один из матросов, еле стоявший на ногах, заплетающимся языком произнес: «Братцы, а лейтенант свой парень, нальем ему еще!»

Трудно было удержаться от такой похвалы, и я снова

приложился к спирту. Тот же пьянчужка, наклонившись к своему соседу, заговорщически произнес: «Может, поделимся с артиллерией, добра этого у нас хватит до самой Москвы». Сосед кивнул головой.

Балтийцы поведали мне сокровенную тайну: в конце состава прицеплен товарный вагон. Вагон как вагон, но в нем есть цистерна, в которой перевозили спирт. Она считается пустой, но если на веревке опустить в нее котелок, то можно «нацедить» ведро спирта-сырца. Взяв с меня слово, что я никому «ни-ни», моряки помогли мне добраться до своей теплушки и пожелали спокойной ночи.

Тайну я все же нарушил, о цистерне рассказал своему соседу, лейтенанту-артиллеристу, ехавшему, как и я, в Москву в командировку. Лежа на нарах, мы разработали «стратегический» план операции под кодовым названием «Спирт». Одним словом, решили тоже попытать счастья, стать «виночерпиями». На какой-то станции сняли со щита два противопожарных ведра, выкрашенных в красный цвет, раздобыли веревку. Котелок позаимствовали у солдата-истопника. Едва стемнело, отправились на промысел. Пломбу сорвали моряки-»первооткрыватели», с ней не надо было возиться, дверь легко подалась, и мы юркнули в вагон. На ощупь нашли лестницу, прислоненную к цистерне как раз напротив горловины. Слегка приоткрыв дверь, чтобы не задохнуться от удушливых паров спирта, приступили к делу. Мужественно преодолевая «газовую атаку», я раз за разом черпал котелком настолько ядовитую жидкость, что вскоре у меня закружилась голова и стало подташнивать. Но ведро уже было полнехонько. Наверху меня сменил «подельник». И второе ведро наполнилось до краев.

К счастью, наш состав, скрипнув тормозами, остановился, и мы попрыгали, как зайцы, на землю. Аккуратно, чтобы не расплескать с таким трудом добытую жидкость, мы побрели к себе в вагон. Узнав, какой продукт мы принесли, доблестные лейтенанты и подполковники встретили нас, как национальных героев. Одно ведро поставили на стол — пей сколько хочешь, второе — разлили по флягам и бутылкам, так сказать, для личного пользования.

Офицерский вагон «гудел» целые сутки. Съестные припасы, у кого они были, вытряхивались из вещмешков и шли в «общак». Вот так, вполне благополучно, но с приключениями, я доехал до Москвы. Устроился у сестры Моти, преподнес ей в подарок флягу спирта, которую она на следующий день обменяла на хлеб.

После шумной теплушки и некоторых возлияний спал я в тихой московской коммуналке блаженным сном праведника.

Проснувшись, невольно вспомнил своих попутчиков, пир горой. Чего только не сделаешь в борьбе за существование в этом распрекрасном мире. Диалектика!

Сестра напоила меня чаем, почистила и отутюжила обмундирование, и я стал походить на офицера Красной армии. Мы еще долго беседовали, вспоминали маму, о которой я совершенно не имел никакой информации. Мотя сообщила, что мама успела эвакуироваться из Ленинграда на Рязанщину, в Захаровку. Понимал: тяжело ей там. Мы повздыхали еще немного, и я стал собираться в Управление артиллерии Красной армии.

Сестра опасалась, что в этот же день меня направят на фронт, советовала, как только получу назначение, хотя бы на несколько часов забежать к ней. Но она волновалась напрасно. В отделе кадров меня принял «через окошечко» какой-то майор, типичная тыловая крыса. В дополнение ко всему еще и невыносимый бюрократ. Разговаривал со мной свысока, через губу. Взял мои документы, выдал талоны на питание в столовой штаба артиллерии и велел прийти через два дня. Ничего не объяснив, захлопнул окошко перед моим носом. Я понял, что добиваться каких-либо разъяснений в этом учреждении не положено. Но нет худа без добра: у меня впереди двухдневный отпуск, который надо было использовать для выполнения поручений моих бывших начальников.

Выйдя из управления, сначала опустил письма Коробченко в первый попавшийся почтовый ящик, а с еще одним письмом, так сказать, деликатного свойства, отправился с визитом к Саше. Ее адрес был на конверте.

Меня встретила приветливая, миловидная женщина лет двадцати пяти, среднего роста, брюнетка. Я сразу успел подумать: «У Коробченко губа не дура». Узнав, что я с фронта и кем послан, Саша несказанно обрадовалась. Но, прочитав письмо, немного взгрустнула. Затем быстро организовала чай. На стол поставила баночку варенья, положила хлеб и колбасу, принесла бутылку вина, видимо, припасенную для особого случая. Сначала мы оба немного смущались. Я первый раз сидел в интимной обстановке с женщиной. Замечу, с женщиной, а не девушкой, и, честно говоря, не знал, как себя вести. Старался держаться уверенно — все же фронтовик, но почему-то все равно нервничал. Саша вела себя внимательно, была ласкова, и это немного успокаивало.

Освоившись, я приступил к выполнению поручений Коробченко, стал рассказывать о страшных боях на Ленинградском фронте, о каждодневных вражеских обстрелах. У нас, плел я дальше, случается, что снаряды и пули роем летают на позиции, косят бедных солдат и офицеров сотнями. Что уж тут

говорить: достается генералам и полковникам. Особенно бывает много жертв после налета вражеской авиации. Укрыться негде, разве что в окопе или в каком-нибудь ровике, в общем — ад кромешный. А полковник ведет себя геройски, едва ли не каждый день ходит в атаку.

Я смотрел на свою собеседницу, чувствуя, что еще не «дожал» ее до конца, поэтому на ходу продолжал сочинять «ужастики» один другого страшней. Я вошел в роль так естественно, врал так вдохновенно, наверно, не хуже шолоховского деда Щукаря, что Саша, добрый и мягкий человек, воспринимала мой «треп» за чистую монету. По ходу рассказа, когда я достиг кульминационного момента при описании ужасов фронта, когда опасность на передовой быть убитым или искалеченным подстерегает тебя на каждом шагу, моя слушательница стала охать и ахать, из глаз ее покатилась слеза.

Мне стало ясно: цель достигнута. Саша вдруг с грустью сообщила:

— А я, знаете, собиралась поехать на фронт, давно не видела полковника. Мы с ним давние друзья. Теперь воздержусь, пока там не улучшится обстановка.

Напугал я ее основательно, можно было считать, что задачу свою выполнил. После таких «страшилок» ей вряд ли захочется покидать тихую Москву, куда вражеские самолеты залетали последнее время довольно редко.

Мое вдохновенное вранье так сблизило нас, вино расслабило обоих, что я засиделся допоздна, не заметил, как в городе наступил комендантский час. Посмотрев на свои «кировские», стал торопливо собираться. Саша запротестовала:

— Куда же вы на ночь глядя? Мне бы не хотелось, чтобы патруль забрал вас в комендатуру. Отдохнете здесь, а утром пойдете по своим делам.

Я недолго сопротивлялся для приличия, потом с превеликим удовольствием согласился «отдохнуть» у хлебосольной хозяйки. У нее было две комнаты, так что места хватало. Саша разобрала мне постель, а сама ушла в другую комнату, оставив немного приоткрытой дверь, чтобы можно было переговариваться.

Лежа в постели, я как-то бессвязно отвечал на ее вопросы, а сам дрожал, как на вулкане. Разумеется, мне хотелось побыть в объятиях этой славной женщины, но не знал, с чего начать. Был я неопытным в таких делах, ведь тема интимных отношений мужчины и женщины в школе, а затем и в училище, была темой запретной, считалась аморальной. Каждый доходил до всего сам путем проб и ошибок, нередко получая моральные травмы.

Слышу, как в комнате Саши щелкнул выключатель и погас

свет. Мы еще продолжали о чем-то говорить, но смысл ее слов до меня совершенно не доходил. В голове вертелось одно — что делать? Как начинать? Все мое существо трепетало, не давая покоя, мысль о предстоящей близости с женщиной будоражила молодое тело и плоть, сердце стучало невыносимо громко, готовое выскочить наружу. А Саша все говорила и говорила. Наконец-то до меня, кретина, дошло, что бесконечные разговоры и приоткрытая дверь — не что иное, как приглашение к любви. Я несмело позвал Сашу к себе, мол, вдвоем будет веселее и теплее. Она ответила: «Нет, лучше вы идите ко мне».

Совсем обалдевший от радости, я поднялся с кровати и, натыкаясь на углы мебели, двинулся на ее тревожный и зовущий голос. В темноте подошел к ее постели — тут меня встретили мягкие, ласковые руки и обняли за шею. Дальше все происходило, как в тумане. Вначале Саша приняла меня за настоящего мужчину и вела себя подобающим образом, потом, разобравшись, поняла, что я еще мальчик, но сказала об этом как-то ласково и трогательно. Я окончательно сник. Лицо мое горело от стыда и беспомощности. Не такого я ожидал от таинства природы. Хорошо, что ночь была длинной, и все стало на свое место. Я упивался своей первой любовью!

Утром Саша провожала меня по-доброму, вела себя так, как будто ничего не случилось, приглашала заходить еще. Но я больше у нее не был: мешала застенчивость. А так хотелось навестить этот гостеприимный дом!

Через два дня, как было предписано, я снова появился в отделе кадров артуправления. Майор-бюрократ объявил, что в данный момент вакантных должностей командиров батареи нет и мне надлежит отправиться в резерв артиллерии, который находится недалеко от Москвы. Документы для направления в резерв я могу получить после обеда. На мои протесты майор не обратил никакого внимания и так же, как и в первый раз, захлопнул дверцу окошка.

Совершенно расстроенный, пошел я в столовую, пообедал, погулял по улицам, чтобы убить время. «Придется идти к полковнику Гамову, если этот мухомор из отдела кадров будет выкидывать новые номера, — думал я с нескрываемым раздражением. — Не зря же предусмотрительный Коробченко назвал мне эту фамилию и по-дружески рекомендовал в случае каких-то неувязок обращаться к Гамову».

Вернувшись в отдел кадров чуть раньше положенного времени, я все же решил узнать, кто же такой этот полковник Гамов? С этим вопросом я обратился к молодому лейтенанту, который, видимо, как и я, добивался назначения. Он охотно

объяснил, что Гамов — «артиллерийский Бог», куда захочет, туда и пошлет служить нашего брата. Но он, нами, лейтенантами не занимается: для этого у него хватает подчиненных. Вон, видишь, генералы ждут у него приема. Тоже жаждут должности!

Мой собеседник, в свою очередь, поинтересовался, кто я и откуда, с какого фронта? Пришлось рассказать обо всем, вкратце затронув и свою проблему. Слово за слово, и мы уже беседовали, как давно знакомые люди. Лейтенант, оказывается, находился в том самом резерве, куда хотел отправить меня артиллерийский кадровик. Жизнь там тяжелая: питание скудное, по тыловым нормам, неустроенные бараки, муштра, с офицерами обращаются, как с солдатами-первогодками. Офицеры разными способами стараются выбраться из резерва в любую часть или на фронт. И уж совсем доверительно лейтенант сообщил: «Я ведь уехал из расположения части без уведомления командования, рискуя попасть под трибунал. Вот и ты, если угодишь в резерв, совсем пропадешь!»

Поблагодарив собеседника за информацию, столь для меня важную, я еще больше укрепился в мысли, что надо идти к этому загадочному Гамову, «артиллерийскому Богу», как его здесь называют.

В это время из приемной вылетает начищенный и отутюженный лейтенант. Окинув меня быстрым, оценивающим взглядом, он прошел мимо, потом вдруг остановился, еще раз внимательно посмотрел на меня и с криком: «Старшина!» бросился ко мне в объятия. Я опешил от столь бурного проявления чувств незнакомым человеком, но, присмотревшись к франтоватому лейтенанту, понял, что где-то мы с ним встречались. Разговорились. Оказывается, когда я был на втором курсе и носил старшинские нашивки, он только что стал курсантом. За какую-то провинность я отвалил ему два наряда вне очереди, это запомнилось. Мы поговорили об училище, вспомнили батарею, ребят, разбросанных войной по всем фронтам.

Бравый лейтенант (к сожалению, фамилию его уже запамятовал) служил адъютантом у самого Гамова. В конце беседы я поведал ему о своих бедах и упомянул, что начальник артиллерии 286-й стрелковой дивизии полковник Коробченко до войны служил в Артуправлении и хорошо знает Гамова. Он передает ему привет. Адъютант заверил меня, что все будет в порядке, он это дело уладит и тут же помчался с докладом к своему патрону.

Я чинно уселся на свободное место, генералы стали косо посматривать на меня, дескать, откуда такой гусь выискался,

который тоже ждет приема у самого Гамова.

Открылась дверь, и адъютант торжественно произнес: «Лейтенанта Демидова просит зайти полковник Гамов!» Из приемной вхожу в огромную комнату, обставленную старинной мебелью, в глубине которой восседает тучный полковник. Как дисциплинированный офицер, подхожу к столу, по уставу четко докладываю:

— Товарищ полковник, лейтенант Демидов по вашему приказанию прибыл!

Гамов даже немного смутился от такого напористого доклада, затем слегка приподнялся из кожаного кресла и через стол подал мне три пальца огромной ручищи. Я сделал два шага вперед, почтительно, с полупоклоном пожал начальственную руку. Полковник еще раз оглядел меня с головы до ног своими колючими глазами, предложил сесть в кресло, в котором обычно принимал посетителей, пододвинул пачку «Казбека». Я сказал, что не курю. Он одобрительно кивнул головой и чуть даже улыбнулся. Всемогущий «артбог» начал беседу не о деле, которое привело меня в этот кабинет, а с расспросов о моей службе, о боях, в которых я участвовал и, конечно же, о Коробченко.

Рассказывая, я чувствовал себя очень скованно, одним словом, был не в своей тарелке, но когда стал описывать обстановку на участке фронта, оборону, которую держала 286-я стрелковая дивизия, откуда-то появилось красноречие, и меня понесло. Коробченко изобразил волевым, умным и грамотным командиром. Я понимал, что достоинства того или иного высокого начальника определяют не лейтенанты, но, видел, что Гамов смягчился, одобрительно кивает головой, говоря: «Мой ученик!» или «Молодец, Коробченко, далеко пойдет!».

После моих восторженных похвал гамовского ученика разговор пошел уже в другом тоне, стал совсем теплым, и полковник спросил:

— Чем могу помочь?

Не знаю, что и как расписывал адъютант, мой однокашник, заслуги лейтенанта Демидова перед армией и фронтом, но Гамов почему-то сразу предложил мне стать адъютантом начальника штаба артиллерии Красной армии генерала Самсонова.

От такого предложения я даже растерялся и промямлил, что все так неожиданно, надо подумать. Мое неуверенное «Надо подумать» Гамов расценил как незнание обязанностей адъютанта и тут же направил проконсультироваться к начальнику оперативного отдела штаба артиллерии.

Длинными коридорами меня проводил мой однокашник. И вот я стою перед «начоперотом». Это был тоже полковник,

средних лет, очень вежливый и корректный. Тоже, как и Гамов, поинтересовался моей учебой, службой, участием в боевых действиях, затем спросил, какая у меня стоит оценка по топографии.

Я сообразил, что ему хотелось знать, умею ли я работать с картой. Но по дороге в оперативный отдел уже принял решение: как бы ни складывались обстоятельства, от адъютантской должности отказаться, не мое это дело. Такое решение пришло мне в голову, может быть, еще и потому, что я абсолютно ничего не знал об адъютантских обязанностях и у меня было об этом превратное представление: подать машину, чай, сидеть в приемной и никого не «пущать» без доклада. Еще в училище у курсантов сложилось отрицательное мнение о штабах, штабных работниках, адъютантах. Нам, артиллеристам, важнее была своя стихия — любимые нашему сердцу пушечки.

Начоперот не собирался расписывать прелести службы у генерала Самсонова, деликатно предупредил, что дело это добровольное, если я не захочу принять предложение, «давить» на меня никто не собирается. Не кривя душой, я сразу отказался — только в артиллерию и только на батарею. Полковник не стал меня переубеждать. На этом мы и расстались.

Вернувшись в приемную Гамова, я рассказал его адъютанту, что от соблазнительного предложения отказался. Мой однокашник улыбнулся и сказал:

— Ну и дурак! Такая перспектива открывалась!

Я же почувствовал большое облегчение, словно гора свалилась с плеч.

Моему решению Гамов не удивился, может быть, в душе и одобрил его. Постучав костяшками массивных пальцев по столу, он произнес:

— Вот что, лейтенант Демидов, даю тебе, как фронтовику, боевому офицеру и, видать, хорошему артиллеристу, месяц отпуска. Поживешь в Москве, отдохнешь, а я подумаю, куда тебя определить. Сейчас позови-ка мне майора, у которого получал талоны на питание.

Ничего не понимая, я пошел в отдел кадров, к майору-бюрократу. На стук в окошко высунулась толстая физиономия. Я доложил:

— Товарищ майор, вас вызывает полковник Гамов!

Нужно было видеть, как задергался этот прохвост, изменившись в лице. Он выскочил из своего «убежища», поправляя ремень на гимнастерке, заикаясь, спросил:

— О чем вы беседовали с полковником и по какому вопросу он меня вызывает?

Я, чтобы еще больше распалить этого чинодрала, подлил масла в огонь:

— Беседовали о войне, о фронтовых делах, потом рассказал, как дважды обращался к вам..!

Последние мои слова привели майора в смятение. Смотрел я на эту штабную крысу и думал: «Есть еще такие людишки, лизоблюды, готовые до конца войны отсидеться в тылу, на тепленьком месте, а потом будут бить себя в грудь и говорить: «Мы тоже пахали».

В кабинете Гамова майор также выказывал свое подобострастие, не «ел», а «пожирал» начальство. Во всем его подленьком существе таилось одно — боязнь навлечь на себя чей-то гнев. Гамов даже не заметил взвинченного состояния своего подчиненного, коротко приказал: «Лейтенант Демидов находится в распоряжении Управления кадров артиллерии Красной армии сроком на 50 дней. Прошу выдать ему предписание. Кроме того, прошу обеспечить питанием на тот же срок».

Затем, обращаясь ко мне, Гамов протянул руку, пожелал хорошего отдыха и сказал:

— Жду тебя, лейтенант, здесь, в этом кабинете, ровно через месяц. До свидания!

Когда мы снова пришли в отдел кадров, майор нырнул в свою «нору», быстро оформил все документы, выдал талоны на питание и угоднически сообщил, мол, если в дальнейшем возникнут какие-нибудь вопросы, то я могу обращаться прямо к нему.

Кивнув в знак согласия, я покинул Управление…

Сестра Мотя так обрадовалась, когда узнала, что я получил месячный отпуск, что даже расплакалась. Был в восторге и я. Еще бы! Целый месяц можно гулять по Москве, побывать в театрах, посмотреть новые фильмы, походить по музеям. И все это можно будет делать без спешки и суеты.

Несколько дней я отсыпался, навещал московских близких и дальних родственников, потом начались культурные мероприятия. Пересмотрел репертуар многих театров.

За время войны это был единственный отпуск, который я использовал, как говорится, на полную катушку. Мой отдых не испортил даже налет на город гитлеровской авиации. Правда, это случилось единственный раз. Я уже настолько свыкся с мирной жизнью, что мне иногда казалось, войны не существует вообще, но она, проклятая, напомнила о себе.

Возвращаясь как-то домой после визита к родственникам, на улице застал меня сигнал воздушной тревоги. Москвичи, спокойно, без суеты разбегались по укрытиям, я же не знал, куда мне идти, и стоял на тротуаре, словно парализованный. Откуда-

то появился милиционер и предложил спуститься в метро. Вняв его совету, я отправился в метро, но спускаться не стал, остановился у входа и решил понаблюдать за воздушным боем. В небе уже вспыхивали ослепительные краски выстрелов, перекрещивались десятки ярких лучей прожекторов, выстрелы зениток и гул невидимых самолетов — все сливалось в один протяжный вой и грохот. На фронте довелось повидать и не такое, но сейчас, под прикрытием стен мощных зданий, мне почему-то стадо жутковато, наверно, уже отвык от артиллерийской канонады.

В запасе у меня оставалось еще несколько дней отпуска, но бездеятельность, праздное провождение времени мне страшно надоели, и я раньше времени предстал перед полковником Гамовым. Он искренне удивился тому, что я не использовал до конца свой отпуск, но принял по-деловому, тут же предложил должность командира батареи в армейском соединении, которое начало формироваться в Москве. Это был 1-й танковый корпус генерала Михаила Катукова. Об этом генерале много писали фронтовые газеты, как о герое боев на подступах к советской столице.

Гамов с каким-то восторгом говорил о том, что наша промышленность сейчас сумела наладить массовый выпуск современных танков и это позволяет создавать крупные танковые единицы, такие как корпуса, а потом и армии, которые будут играть решающую роль в дальнейших наступательных операциях. Именно они будут громить противника на всех направлениях.

Я еще не мог представить себе картину, нарисованную полковником: на Ленинградском фронте мы всегда ощущали острый недостаток и танков, и авиации, и даже артиллерии. Но мне было приятно узнать, что буду служить в новом соединении на должности командира батареи, занимать подобающее мне место.

Видя мою неподдельную радость, Гамов продолжал:

— Воевать с такими танкистами, как у Катукова, интересно и почетно. Костяком корпуса станет 1-я гвардейская танковая бригада, но и мотострелковая бригада, в которой предстоит служить лейтенанту Демидову, — не довесок какой-нибудь, а важная ударная сила. Боевому офицеру будет где развернуться.

Искренне поблагодарив «артиллерийского Бога» и его адъютанта за помощь и доброе участие в решении моей судьбы, я тепло простился с ними. Их мне словно само провидение послало в трудную минуту. Получив документы у майора-бюрократа, который при прощании даже улыбнулся и пожал мне руку, я в хорошем расположении духа направился в военный городок

Спасских казарм, расположенных на окраине Москвы, где формировалась 1-я мотострелковая бригада 1-го танкового корпуса.

Трамвай шел медленно, позванивая на перекрестках, а я, глядя в окно, вспоминал свои приключения, которые начались у меня еще на станции Жихарево. Немало их было и здесь, в Москве. Размышляя об этом, я пришел к выводу: при любых сложных и непредвиденных обстоятельствах надо идти до конца, бороться и не падать духом, не мириться с временными неудачами, все равно когда-то появится свет в конце тоннеля.

Встретил меня командир 461-го артиллерийского дивизиона майор Вересов. Это был человек лет тридцати пяти, среднего роста, сухощавый, с овальным лицом, веселыми серыми глазами. Говорил он негромко, с хрипотцой. Сразу же бросилось в глаза, что ведет он себя как-то странно, беспокойно, его руки нервно двигались, мяли носовой платок. Позже я узнал, что это был типичный алкоголик. Стоило ему выпить стаканчик водки, и человек преображался, становился совершенно неузнаваемым. Сослуживцы говорили, что он храбро сражался и пользовался авторитетом у личного состава дивизиона. Но тяга к спиртному в дальнейшем погубила этого в общем-то хорошего человека, толкового командира. Когда и как он приобщился к алкоголю, никто не знал. Но мне с ним пришлось долго воевать, так что запомнилось многое.

С Вересовым мы беседовали около получаса. Его интересовало буквально все — мое образование, здоровье, где и как воевал. Интерес ко мне был вполне естественным: для него я новый человек, а воевать предстояло вместе. После беседы майор подвел меня к окну, показал рукой на казарму и сказал:

— Мест там много, можешь занимать любую койку. Если захочешь познакомиться с начальником штаба, его кабинет напротив.

Расставшись с Вересовым, я постучался в другую дверь. Мне никто не ответил, но я все же ввалился в кабинет, держа впереди себя свой походный вещмешок. Моему нахальству начальник штаба ничуть не удивился, видимо, в эти дни у него бывал разный народ. Я представился, объяснил, что назначен командиром 2-й батареи.

— Вы садитесь, лейтенант Демидов, и оставьте свой «сидор», он вам пока не нужен, — произнес начальник штаба и протянул руку: — Мироненко, Виктор Арсентьевич. Старший лейтенант.

В это время зазвонил телефон. Пока Мироненко разговаривал с каким-то начальником, я обратил внимание на его внешность: среднего роста, как и Вересов, плотный, черты лица правильные,

светлые волосы, лоб высокий с небольшими залысинами, глаза внимательные, улыбчивые. В его движениях чувствовалась неторопливость и спокойствие.

О непосредственном начальстве подчиненный должен знать если не все, то, во всяком случае, многое, тогда удается избежать многих неприятностей. Это армейское правило я усвоил еще в артиллерийской спецшколе. Позже многое узнал и о самом Мироненко. Попал он в дивизион недавно и с первых же дней после назначения на новую должность взялся укомплектовывать батареи дивизиона командным и рядовым составом.

Закончив телефонный разговор, начальник штаба в неторопливой беседе «перелистал» мою биографию, а узнав, что я закончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, заметил:

— Вот и хорошо. Теперь у меня будет два выпускника этого училища. Василий Власенко, командир 3-й батареи, не встречались?

— Нет, не довелось. Он, наверно, раньше или позже закончил училище.

— Если мне не изменяет память, в 1940 году, — уточнил Мироненко и добавил: — Вы еще с ним познакомитесь. И непременно загляните к командиру 1-й батареи Вилли Хацкевичу. Он совсем еще мальчишка, из училища. Боевого опыта — никакого. Возьмите над ним шефство, поучите уму-разуму.

Со всеми командирами батарей я потом быстро познакомился, о них еще успею рассказать. Успел познакомиться и с комиссаром. Сразу признаюсь, что за время пребывания на фронте мне с комиссарами почему-то не везло. У меня, сторонника единоначалия в армии, сложилось мнение, что это — лишние люди в батарее, роте, дивизионе, полку. Но на этот раз — поверить трудно! — сразу сработался с человеком, который был старше меня годами и к которому в ходе боевых действий проникся глубоким уважением. Это мой командир Александр Федоров, мордвин по национальности, инженер по образованию, партийный работник по призванию. Любое дело комиссар всегда доводил до конца, в бою показывал пример храбрости и отваги, не прятался, как многие, в блиндажах и не старался быть поближе к кухне.

Меня пока мало интересовало высокое начальство — командир корпуса, командиры и комиссары бригад. Но вот о комбриге С. И. Мельникове сразу же услышал нелестные отзывы — любит «заглядывать в бутылку». Эти отзывы потом подтвердились в одном из боев, после которого комбриг получил хорошую взбучку от Катукова, а позже даже был смещен.

Формирование корпуса началось в Москве, а закончилось в

Ливнах. Корпусное командование старалось сделать все, чтобы к началу наступления все части были укомплектованы личным составом, вооружением и техникой.

Артиллерийская батарея по штатному расписанию и в 1942 году не претерпела каких-то серьезных изменений. По-прежнему она насчитывала шесть офицеров, семьдесят солдат и сержантов. Когда я приступил к своим обязанностям, говорить о том, что батарея уже обрела вид воинского подразделения, не приходилось. Работы еще хватало. Много помогал мне комиссар Федоров. Как только поступили на вооружение пушки, мы сразу же закрепили за ними личный состав, определили наводчиков, подносчиков снарядов, шоферов. Если раньше пушки перевозились конной тягой, теперь их транспортировка осуществлялась машинами. Да и сама пушка была уже не времен японской или первой мировой войн, а современная, образца 1942 года, ЗИС-3. Дальность стрельбы у нее была свыше 10 километров. Предназначалась она для борьбы с пехотой, огневыми средствами и танками противника. Ее автоматический затвор, дульный тормоз, удлиненный ствол обеспечивали повышенную скорость полета снаряда, а применение подкалиберных и кумулятивных снарядов — высокую эффективность огня в борьбе даже с такой грозной техникой, как немецкие танки «тигр» и «пантера», появившиеся в 1943 году на Курской дуге.

С автомашинами ЗИС-5, признаться, мы хватили лиха, пока они не были заменены американскими «студебеккерами», поставляемыми по ленд-лизу. «Студебеккеры» — мощные тягачи, «короли дорог», с двумя и даже тремя ведущими мостами. Использовали мы также и американские полуторатонные «доджи», на которых перевозили личный состав взвода управления батареи — разведчиков, телефонистов, радистов. Свои отечественные полуторки использовали в основном для хозяйственных нужд — перевозки батарейного имущества и походных кухонь.

Машинизация артиллерийской батареи облегчала в значительной степени работу обслуживающего персонала и настраивала на успех в бою. Но успех может сопутствовать только в том случае, если весь личный состав батареи, дивизиона, полка, бригады и корпуса в целом работает как единый организм.

Укомплектовав батарею, я сразу же приступил к подготовке боевых расчетов. Занятия проводил в помещениях или на плацу, в центре городка. И хотя половина личного состава батареи уже участвовала в боях, тем не менее учиться пришлось заново: изучать устройство новой пушки, приборов, средств связи. Мой

фронтовой опыт говорил, что надо уметь воевать в любое время суток, без скидок на погоду.

Побывав на 3-й батарее, посмотрел, как идут дела у Василия Власенко, тоже фронтовика. Он уже успел многое сделать, даже провел учебные стрельбы, которые мне еще предстояло провести. Нас с Василием сближало то, что оба были выпускниками Ленинградского артучилища, и много общих взглядов на жизнь. С первой встречи я узнал, что он с Украины, уроженец города Сумы. На фронте с первых дней войны. Командовал батареей, попал в окружение, с большим трудом вышел к своим. Его долго проверяли особисты, потому что предстал он перед ними не в командирской форме, а в валенках, со старым кожушком на плечах, на голове шапка, напоминающая воронье гнездо. Эту одежонку подарил ему какой-то крестьянин, чтобы он мог перейти линию фронта. После проверки Власенко появился в 461-м артиллерийском дивизионе майора Вересова.

Между боями я потом частенько заглядывал к Власенко, чтобы пообщаться с ним, обсудить текущие дела. Лейтенант не любил вспоминать прошлое, но мне всегда приятно было слушать его украинский говорок. Этот хохол своим обличьем — нос с горбинкой и густыми черными бровями — напоминал мне казака с репинской картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». От него всегда исходила какая-то внутренняя теплота, и была уверенность, что этот человек в бою не подведет, в беде не оставит.

Забегая вперед, скажу, что с Василием Власенко мы прошли от Москвы до Берлина, были ранены, лечились, снова становились в строй. И все же в конце войны наши пути разошлись, я потом остался в армии, а он, демобилизовавшись, восстанавливал сельское хозяйство на Черниговщине, стал Героем социалистического труда.

Пока же мы готовили свои батареи к новым боям, которые были не за горами, изучали опыт боев 1-й гвардейской танковой бригады, обобщенный генералом Катуковым в небольшой брошюре, изданной Воениздатом.

Много в этой книжице было полезного — из своего опыта и из опыта противника. Да, Михаил Ефимович рекомендовал не отказываться и от опыта противника.

Учеба теоретическая и практическая давалась батарейцам нелегко, особенно новичкам. Но я готовил их для суровых испытаний, для войны, чтобы мы могли громить врага даже в самых сложных ситуациях, повторяя суворовское правило: «Враг оттеснен, отброшен — неудача, окружен и уничтожен — удача».

Любая учеба, тренировка, повторение одних и тех же

действий десятки, а может, и сотни раз, становится нудным занятием. На батарее были ребята острые на язык, им палец в рот не клади, отхватят сразу. Вот такой острячок, уже понюхавший пороху, отступавший от самой западной границы, критически оценив мои наставления, как-то сказал:

— Товарищ лейтенант, нам бы сейчас думать не об окружении и уничтожении немцев, а хотя бы о том, чтобы оттеснить их подальше от Москвы, Ленинграда, изгнать с Кавказа, Украины и других районов, это тоже было бы большой удачей.

Я соглашался с такой оценкой бывалого воина, но старался смотреть в будущее, считал, что грядут большие перемены, и Красная армия будет бить врага, как тогда говорили, и в хвост и в гриву.

Мои познания в истории войн, в стратегии и тактике военных действий были еще невелики, но была уверенность в том, что Красная армия, после стольких неудач в первый период войны, обретет мощь и силу, станет могильщиком вермахта. После разгрома немцев под Москвой наступила оперативная пауза, которую Главное командование использовало для подготовки войск к новым наступательным операциям. Мы пока что не достигли технического превосходства над врагом, уступали ему по многим видам вооружений, уступали в маневренности, да что там говорить, — боевого опыта у нас тоже было маловато.

Как ни трудно приходилось на фронте и в тылу, как ни тяжелы были потери, понесенные в предыдущих боях, всюду царило спокойствие и уверенность в том, что любые невзгоды удастся преодолеть. Порукой тому служило то, что в небывало короткие сроки начали работать заводы, вывезенные из европейской части Советского Союза. Из Поволжья, Урала и Сибири на фронт шли эшелоны с новым вооружением — танками, самолетами, артиллерией. В стране создавались мощные обученные резервы.

Конечно, готовился и противник. Фашисты спешно восполняли потери, увеличивали свою армию, по-прежнему на полную мощность работали военные заводы Германии, а также завоеванных западноевропейских стран — Чехословакии, Франции, Румынии, Болгарии, Бельгии, Голландии и др.

В ближайшее время две многомиллионные армии должны были снова столкнуться в кровопролитной жестокой битве, от исхода которой будет зависеть многое, если не все. Нам нужна была только победа, хотя каждый солдат и генерал понимали, что она будет нелегкой, и многие защитники своей страны сложат головы на полях предстоящих сражений.

Наше командование возлагало большие надежды на танковый

корпус Катукова. Его формирование шло ускоренными темпами. Ударную силу корпуса составляли три танковые и мотострелковая бригады, а также другие отдельные части и подразделения обслуживания. Всего в соединении насчитывалось около 6 тыс. бойцов и командиров и 170 танков. Сила довольно внушительная по тем временам, способная решать сложные фронтовые задачи. Где будет использована эта сила, не знал даже командир корпуса, не говоря уже о нас, младших командирах. Но в том, что скоро пойдем в наступление, никто не сомневался.

Мы это чувствовали, потому что корпусное начальство постоянно навещало нашу бригаду, тормошило комбрига Мельникова, требуя в кратчайшие сроки закончить формирование частей и подразделений. Видели мы здесь, в Спасских казармах, и комкора М. Е. Катукова. После войны Михаил Ефимович издал книгу «На острие главного удара», в которой уделил достаточно много внимания и нашей мотострелковой бригаде. Об этом периоде он писал: «Закончив дела в Главном автобронетанковом управлении, мы с Михаилом Федоровичем Бойко (комиссар 1-й гвардейской танковой бригады) поехали в Спасские казармы. Там формировалась наша 1-я мотострелковая бригада. Познакомились с народом. Среди командного состава люди были преимущественно бывалые, обстрелянные, и это вселяло надежду, что бригада в самый короткий срок станет в полном смысле этого слова боеспособной единицей».[2]

Разные начальники приезжали в Спасские казармы. Тут я впервые увидел знаменитого маршала С. М. Буденного, героя Гражданской войны. О Семене Буденном и Климе Ворошилове нам в спецшколе и в училище преподаватели прожужжали все уши. Теперь маршал Буденный предстал перед нами не в лучшем свете. К танковому корпусу, в том числе и к стрелковой бригаде, он не имел никакого отношения, а вот рядом с нашими казармами квартировались кавалерийские части, и кавалерийским начальникам Семен Михайлович отпускал маты по полной программе. Из-за чего взбунтовался инспектор кавалерии, мы не знали, но даже маршальская свита отворачивалась, чтобы не слышать нецензурщину своего патрона.

Мы мало что знали о других маршалах, таких как Блюхер, Тухачевский, Егоров. У нас было поверхностное представление о руководителях, как сейчас принято говорить, силовых структур — Ягоде, Ежове, Берии. Кстати, Берия тоже носил звание маршала. Это сегодня, открыв книгу, например Владимира Карпова «Расстрелянные маршалы», можно прочитать о Тухачевском, Блюхере, Егорове, Кулике, даже о Берии. Или, если заглянуть в книгу Николая Черушева «1937 год. Элита Красной армии на

Голгофе», то найдешь материал о том, как преступно, нарушая все законы, проводилась чистка Красной армии в годы культа личности Сталина.

Можно найти материал и о маршале Буденном, который из карьеристских соображений убрал с дороги организатора крупных кавалеристских соединений в годы Гражданской войны Бориса Думенко, расстрелянного по ложному обвинению. Это он, бывший вахмистр Буденный, охаивал в 30-х годах Тухачевского, Иссерсона и Триандафилова, военных теоретиков и практиков, отстаивая конницу как важнейший род войск, по его понятию, который в будущих операциях современной войны будет играть решающую роль. Это он, Маршал Советского Союза, инспектор кавалерии РККА, член военного трибунала, ставил свою подпись, после Ворошилова, под обвинительными документами невинных жертв, обрекая их на смерть.

Готовясь к войне с Советским Союзом, германская разведка руками Сталина, Ворошилова и других убирала из Красной армии лучших наших военачальников, которые обвинялись в шпионаже в пользу Германии, Японии, Польши и других государств. Многие из них бывали за границей, проходили стажировку в германском генеральном штабе. Посылал их туда не кто иной, как нарком Ворошилов, он же потом и обвинял в том, что они «снюхались» с зарубежными разведками.

Когда судили маршала Тухачевского, Буденный зачитывал приговор о расстреле. Михаил Николаевич спокойно выслушал приговор, потом бросил в лицо Буденному: «Был ты вахмистром, вахмистром и остался!..»

В годы войны при разных обстоятельствах я еще не раз буду сталкиваться с маршалом Буденным и другими высокопоставленными армейскими особами. Об этих встречах еще успею рассказать. Для нас, молодых лейтенантов, такие встречи с высоким начальством мало что значили, это лишь эпизоды военного лихолетья, которые почти никак не отражались на нашей судьбе. Лишь после войны на встрече ветеранов кто-то нет-нет да вспомнит: «Вы не забыли, как к нам приезжал…» И это все.

Для нас в те весенние дни 1942 года главным было другое: мы поняли, мы почувствовали, мы поверили в победный конец войны. Ведь не зря же собралась такая сила только в одном нашем танковом корпусе!

Может, и не все удалось сделать в Москве при формировании корпуса, что-то доделывали в Липецке, куда по приказу переместились все наши части весной 1942 года. 7 апреля штаб бригады издал приказ на марш. В нем определялся порядок

движения частей по маршруту: Москва — Подольск — Тула — Елец — Липецк. Колонны шли своим ходом в ночное время, соблюдалась строгая маскировка. Переход был тяжелым, на скорость движения оказывали влияние бездорожье и распутица. Реки Туровец, Ока и Неруч разлились настолько, что пришлось наводить понтонные мосты.

Наконец корпус добрался до Липецка, места своего назначения. Танкисты разместились по одну сторону города, мотострелки — по другую. Здесь проводилось доукомплектование частей до полного штата и их довооружение. Снова началась учеба, пошли тренировки, политические занятия. Офицерскому составу разрешен был выход в город, и я с командиром 1-й батареи Вилли Хацкевичем успел даже побывать в местном театре, где ставилась пьеса Шиллера «Коварство и любовь». Все это время корпус находился в резерве Верховного Главнокомандования, но со дня на день ждал приказа о переброске в район боевых действий.

И приказ поступил: корпус передавался в распоряжение Брянского фронта.

В мае 1942 года обстановка на фронте осложнилась до предела. Гитлеровские войска вновь перешли в наступление и временно захватили стратегическую инициативу.

Таким образом, 1-й танковый корпус генерала Катукова оказался в самых горячих точках боевых действий.

Глава IV
На Брянском фронте

Во второй половине июня 1942 года последние части танкового корпуса прибыли в новый район расположения — небольшой городок в Орловской области под названием Ливны. Как правило, весь личный состав и боевая техника размещались не в городе, а на окраинах либо в близлежащих деревнях. Такое рассредоточение не стало исключением и на этот раз. Это делалось с той целью, чтобы избежать потерь в случае налета вражеской авиации. В большинстве случаев немцы бомбили города, а на поселки и небольшие деревни особого внимания не обращали. В одной из таких деревень, в трех-четырех верстах от Ливен, расположился и наш дивизион.

Пока о планах командования нам ничего не было известно: где будет воевать корпус? Забежав в штаб к Виктору Мироненко, я пытался выведать у него хотя бы что-то, но он только развел руками:

— Сам ничего не знаю, а у комбрига Мельникова одна отговорка: ждите приказа.

Вопрос сам по себе, возможно, был и некорректным. В армии, тем более на фронте, вся жизнь течет просто: приказ — исполнение. Я уже собирался уходить, но Мироненко остановил меня и, то ли в шутку, то ли всерьез, посоветовал:

— Если тебе невтерпеж, Демидов, позвони в штаб корпуса, он тут недалеко, в селе Воротынск.

Звонить, конечно, я не стал, в этом необходимости не было, да и приходил я к Мироненко лишь с единственной целью — пригласить на гулянку. Наши батарейцы уже подружились с местными девчатами, и как только наступал вечер, брились, умывались, чистили сапоги — и на танцы.

В тот теплый июньский вечер на танцы пошел я один. Гармонист, местный паренек лет пятнадцати-шестнадцати, проиграв кадрили и польки, перешел на вальс. В танце, кроме солдат, кружились и наши молодые офицеры. Когда вальс закончился, ко мне подошел Вилли Хацкевич, наш с Власенко подопечный и, переводя дыхание после быстрого танца, смеясь, спросил:

— Что ж так поздно, Петр Михайлович? Девиц уже всех разобрали. Вон наши ребята как воркуют. Что значит артиллеристы!

А артиллеристы тем временем снова ринулись в пляску,

поднимая пыль на пятачке. Девицы осыпали их градом частушек и прибауток:

Артиллеристов любят девушки,
И я буду их любить:
Образованные люди,
Есть о чем поговорить.

Батарейцы в долгу не оставались и выдавали свои частушки:

Ты звени, голосок,
Спозараночку,
Разноси мои частушки
Под тальяночку.

Переплясать да перепеть деревенских девушек было не так просто. Тут были настоящие мастера «частушечного» жанра. Одна такая курносенькая, видать, заводила в девичьей компании, так и сыпала остротами:

Пошла плясать
Молодешенька,
Кто б меня ни целовал,
Я радешенька.

Импровизированный концерт обещал быть затяжным. Веселье было уже в полном разгаре, когда появился наш начштаба Витя Мироненко, успевший где-то пропустить рюмочку-другую. Он был на «взводе», но на ногах держался крепко. Благодушно улыбаясь во всю ширину своего круглого лица, он подошел к стоявшим отдельной группой офицерам, поздоровался. В это время гармонист заиграл танго «Утомленное солнце», и кавалеры бросились приглашать дам. Мироненко, увидев двух красоток, подошел к ним, галантно поклонился и, стукнув каблуками, пригласил одну из них на танец. Девушки почему-то странно посмотрели на него, потом, громко прыснув со смеху, убежали на круг. Старший лейтенант стоял растерянный, не понимая, что случилось.

Взглянув на смущенного Мироненко, я понял причину столь веселого поведения девиц. Из открытой ширинки его брюк торчали рожки ярко-белых на фоне темно-зеленой формы одежды тесемок от кальсон. Дело в том, что даже летом мы носили такое

нательное белье, у которого вместо пуговиц были длинные тесемки. Их полагалось завязывать бантиком. Видимо, старший лейтенант недавно заходил в кусты, под которыми Родина-мать дозволяет справлять естественные надобности, но, будучи под «градусом», забыл привести себя в порядок.

Я взял Виктора под руку, отвел в сторонку и указал на непорядок в его туалете:

— А тесемочки-то надо завязывать, товарищ старший лейтенант, и вовремя закрывать калитку.

Мироненко так расстроился, что стал трезветь на моих глазах, затем с поникшей головой ушел с гулянки. Мы с ним еще долго воевали, но этот случай на танцах в деревне под Ливнами вспоминали с веселым смехом.

Иногда молодым лейтенантам удавалось вырваться в город, чтобы посмотреть его достопримечательности. Ливны — городок небольшой, стоит на возвышенном месте. Война обошла его стороной, наверно, поэтому он выглядел каким-то чистеньким и ухоженным. В центре городка располагались каменные здания, на общем фоне выделялись церкви с луковичными куполами, над которыми искрились позолоченные кресты, чуть ниже звонницы с наборами колоколов.

Как-то, будучи в Ливнах, мы с Мироненко зашли в фотографию и решили запечатлеть свои физиономии на память. Клиентов у старого мастера не было, и он провозился с нами около получаса в поисках ракурса. За снимками предложил зайти через денек-другой. Но снимки мы так и не успели получить: началось немецкое наступление.

На следующий день немцы стали бомбить городок. Более сотни бомбардировщиков обрушили на Ливны свой смертоносный груз. Еще недавно мы любовались красивыми чистенькими улицами и площадями, теперь тут ничего не узнать: целые кварталы превращены в руины и пепелища. Погибло много мирных жителей. Наши войска, рассредоточенные по окрестным деревням, практически не пострадали.

В конце июня 1-й танковый корпус был выведен из района сосредоточения и переместился севернее города Ливны. Его части заняли оборону вдоль левого берега реки Кшень.

Совершив ночной марш, дивизион занял оборонительную позицию у деревни Жерновка. Места здесь, прямо скажем, весьма живописные: небольшая речка, яблоневые сады, на полях высокая рожь, на лугах и в балках пасутся небольшие стада коров и овец. Даже не верилось, что здесь зимой гремели жестокие бои.

Огневую позицию своей батареи я разместил на окраине деревни, в садах и огородах, пушки приказал тщательно

замаскировать. Место для наблюдательного пункта нашлось на склоне небольшого бугра, откуда просматривалась местность на расстоянии нескольких километров. Впереди нашей батареи занял оборону пехотный батальон. Пехотинцы окапывались, устанавливали противотанковые ружья и пулеметы. Мои батарейцы тоже торопились, в мягкой податливой земле рыли ровики, расставляли приборы, устанавливали связь с огневой позицией. Приготовив к бою огневую позицию и наблюдательный пункт, мы стали ждать развертывания дальнейших событий.

Стояли жаркие летние дни. Орудийные расчеты работали до седьмого пота. Людей я не щадил, знал, что адский труд спасет жизни многих из них. Таковы суровые законы войны. Дав небольшой отдых бойцам, я снова и снова проверял готовность батареи к бою. Забравшись на какой-нибудь холм, поросший мелким кустарником, проверял маскировку огневой позиции и наблюдательного пункта.

28 июня 1942 года немцы перешли в общее наступление на Брянском фронте. Тяжелые бои начались у наших соседей — 16-го танкового корпуса под командованием генерала Павелкина, затем в бой вступили и мы. Фронтовое командование поставило задачу перед танковыми корпусами — уничтожить противника в междуречье Кшень и Тим. Мощной атакой нам удалось смять немцев и оттеснить их километров на пять. Дальше двигаться было невозможно: немецкое командование бросило в бой крупные наземные и воздушные силы, которые держало до сих пор в резерве. Зарывшись в землю, мы отражали одну атаку за другой. Особенно беспокоила нас вражеская авиация. Целые стаи, в полном смысле этого слова, «мессершмиттов» и «юнкерсов» ходили над нашими головами. Атаку авиации отражала зенитная батарея 37-миллиметровых пушек 1-й гвардейской танковой бригады, стоявшая позади нашей батареи на ржаном поле. А вот наших самолетов, к сожалению, не было видно в воздухе. От бомбардировок 1-й танковый корпус нес большие потери.

В эти дни Катуков вынужден был обратиться к командующему 13-й армией генерал-майору Пухову с просьбой обеспечить воздушное прикрытие корпуса: «Выделенных для обеспечения операции корпуса 10 истребителей и 10 бомбардировщиков явно недостаточно, так как со стороны противника в воздухе над районом расположения корпуса появляются одновременно свыше 50 самолетов противника. Прошу Вашего ходатайства перед командующим войсками Брянского фронта об усилении прикрытия корпуса с воздуха».[3]

30 июня в бой вступили танкисты 1-й гвардейской танковой бригады в районе Бараново — Евлановка. Их поддерживал

батальон мотострелков. Бой разыгрался нешуточный. На этот участок немцы бросили до десятка танков и более батальона пехоты.

Со своего наблюдательного пункта я внимательно следил за действиями противника. Сначала показались танки, за ними по ржаному полю в полный рост шли цепи пехоты. Шли как на параде, рукава гимнастерок закатаны по локоть, в зубах — сигареты, автоматы прижаты к животу. Периодически солдаты открывали огонь, даже без бинокля было видно, как из стволов вылетали светлячки пламени.

Неожиданно позади цепей вражеской пехоты галопом вылетела 75-миллиметровая батарея на конной тяге и прямо на поле стала разворачиваться для стрельбы прямой наводкой. Я жду приказа командира дивизиона на открытие огня. Вересов молчит. Зато позвонил Мироненко. Надо сказать, что в дальнейшем боем всегда руководил не командир дивизиона, а начальник штаба. Мироненко твердой рукой держал дивизион, он любил артиллерию, к тому же превосходно стрелял. Мы учились у него выдержке, умению определить цель и тут же поразить ее.

Я готов был открыть огонь по вражеской батарее, но Мироненко осадил меня, сказав, что ее расстреляет Власенко. И действительно, ухнула 3-я батарея. Немцы не успели установить свои пушки, как по ним был открыт беглый огонь. Что там от них осталось, трудно было разглядеть. Все внимание мы сосредоточили на приближающихся немецких танках. Их встретила 1-я батарея Вилли Хацкевича.

Мироненко в этом бою показал, что он стоящий артиллерист. Цели выбирал, пользуясь каким-то своим особым чутьем, по их важности, то есть опасности, которую они представляли для нас. Немецкая атака на время захлебнулась. Видно было, как на поле черными кострами пылали три вражеских танка, два других — с развороченными бортами — уткнулись хоботами пушек в горячую землю. Бой возобновился, отчаянный ближний бой!

В дело вступила моя батарея. Последовал короткий подбадривающий звонок Мироненко:

— Петя, на тебя смотрит вся Россия! Не осрамись!

Я, конечно, понимал, что от моей батареи во многом будет зависеть исход боя. Россию, может, и не спасу, но мои пушкари, которых я чему-то все же научил, сумеют постоять за себя. Быстро оценив сложившуюся обстановку, я понял, что для пехоты и для нас, артиллеристов, представляет опасность появившаяся на переднем крае шестиорудийная батарея противника, которую засекли наши разведчики. Это на данный момент моя главная цель. Подаю команду: «Батарея, к бою! Залп!» Ловлю в бинокль

четыре воздушных взрыва.

По правилам стрельбы, пристрелочный огонь по цели следует вести одним орудием по одному снаряду, постепенно приближая разрывы к цели, беря ее в «вилку», а на поражение идет стрельба всей батареей, четырьмя орудиями. В ходе боя стреляют и соседние батареи, поэтому трудно определить, кто бьет по этой цели. Я уже приспособился стрелять на поражение всей батареей без пристрелки.

На этот раз быстро «ухватил» свои разрывы, ввел все же некоторые поправки и перешел на поражение цели беглым огнем. Первые же залпы взметнули в воздух фонтаны черной, жирной земли и огня, поражая врага. Вскоре три орудия были уничтожены, два повреждены, и только одно немцам удалось с большим трудом увезти за бугор.

Контрбатарейная стрельба продолжалась. Стреляли мы, стреляли и немцы. Поле боя затянулось дымом, разрывы снарядов рвали воздух с оглушительным треском. Большие потери не остановили гитлеровцев, они упрямо лезли вперед. Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Трудно приходилось нашей пехоте, кое-где начались рукопашные схватки. Я решил помочь мотострелкам и открыл огонь шрапнелью по вражеской цепи. Гитлеровцы заметались, залегли, потом, пятясь, побежали. Наши снаряды провели хорошую «прополку» в их рядах, и эта атака захлебнулась. Бой постепенно затихал. Приближался вечер.

Последнее время я взял себе за правило записывать важнейшие события дня. Вот и теперь, вытащив из планшетки тетрадь, нацарапал карандашом: «Уничтожена батарея врага. Пушкари работали четко и слаженно». Таких коротких записей к концу войны наберется много, и они сослужат мне хорошую службу: помогут восстановить в памяти многие события.

Выдержав тяжелый бой, мы привели себя в порядок, осмотрели пушки, с большим аппетитом поели пшенной каши с мясными консервами. Я приказал батарейцам не покидать огневую позицию, а сам отправился на командный пункт к Вересову. Комдив встретил меня радушно, поблагодарил за хорошую «работу», особенно — за уничтожение вражеской батареи. Тут же вытащил карту, ткнув пальцем в зеленоватое пятно, приказал взять под наблюдение лощину, уходящую клином к переднему краю. Вересов опасался, что по этой лощине ночью немцы могут подбросить подкрепления и атаковать нашу пехоту. Эти опасения были вполне обоснованными.

Возвратившись на батарею, я принял, как мне казалось, единственно правильное решение — вести одним орудием так называемый «беспокоящий огонь» в течение всей ночи. Если

немцы захотят по этой лощине подтянуть резервы, то они будут попадать под наш поражающий огонь. Пристреляв это место на всю глубину, командир орудия, меняя угломер и прицел, через определенные промежутки времени производил новый выстрел. В этом и заключалась наша маленькая хитрость.

Ночь на батарее прошла спокойно, тихо, если не считать стрельбы одним орудием. Утром немцы снова пошли в атаку, и снова завертелась огненная карусель. По нашему переднему краю прицельно била с закрытой позиции немецкая батарея. По звуку выстрелов и разрывам снарядов я определил, что она находится где-то недалеко. Но где? На карте, левее нашей позиции, обнаружил маленькую деревеньку. В бинокль просматривались только деревья и крыши некоторых домов при дороге, уходящей куда-то в степь.

Стал прикидывать, где бы, будучи на месте немецкого командира батареи, я поставил пушки? Конечно, где-нибудь в садах, за домами. В деревне их замаскировать легче, чем на открытой местности. Приказал разведчикам внимательно понаблюдать за деревней, выявить кольца дыма, которые появляются после выстрела над стволами орудий, хотя самих орудий может быть и не видно. Разведчики подтвердили мою догадку.

В стереотрубу я заметил эти чуть голубоватые дымки, по ним определил положение немецкой батареи и нанес ее на карту. Стреляли по деревне, не жалея снарядов. Батарейцы и на этот раз не подвели. Сначала над деревней появился черный дым, затем к небу взметнулось желтое пламя. Видно было, как по дороге промчались лошади, запряженные в артиллерийский передок. Я дал еще несколько залпов — раздался мощный взрыв, видимо, наши снаряды угодили в склад боеприпасов. Больше немецкая батарея не стреляла. На нашем счету появилась еще одна уничтоженная цель.

Спесь с немцев мы сбили, но они еще продолжали чувствовать себя на фронте хозяевами положения. Мы были свидетелями интересного явления: наступало обеденное время, и они прекращали стрельбу, брались за котелки и принимали пищу. В общем, война войной, а обед по расписанию.

Наблюдая за противником, разведчики заметили, как в овраге, поросшем кустарником, по тропинке ходят с котелками немецкие солдаты. В кустарнике они еще как-то маскировались, а на открытой местности сделать это было трудно. Соображаю, что где-то в овраге у них кухня. В полдень картина повторяется. Говорю своим батарейцам:

— А что, хлопцы, испортим фрицам аппетит? Дадим на

десерт им несколько залпов? Батарейцы улыбаются:

— Знамо дело, дадим!

Я определил координаты новой цели, нанес на карту, подготовил исходные данные и передал команду на огневую позицию. Мы еще немножко подождали, пока немцев соберется побольше, и шарахнули всей батареей. Что творилось в овраге, можно было себе представить. Но, скорее всего, было очень жарко.

Позже я узнал у командира дивизиона о том, что немцы понесли большие потери от огня 2-й батареи. Во всяком случае, противник утром отказался от атаки на нашем участке фронта. Вересов обещал доложить о наших успехах комбригу Мельникову, чтобы в приказе отметить моих бомбардиров.

В ходе июньских оборонительных боев наш дивизион справился со всеми поставленными задачами, чего не скажешь о всей 1-й мотострелковой бригаде. Я знал, что Катуков был недоволен действиями комбрига, но в чем тогда провинился Мельников, мне не было известно. После войны, уточняя некоторые детали боевых действий частей, в которых мне довелось воевать, в архиве обнаружил приказ по 1-му танковому корпусу, датированный от 1 июля 1942 года, в котором говорилось: «Преступно отнесся к делу командир 1-й мсбр полковник Мельников: был пьян, руководить боем, как положено, не мог, штаб во главе с майором Емельяновым был беспомощен». [4]

Из этого документа я узнал, что Мельников приказал посадить пехоту на танки, но успеха добиться не сумел. Бригада понесла значительные потери. Не вмешайся тогда Катуков, потери в живой силе и технике были бы еще больше. «Много еще нужно сделать тов. Мельникову, чтобы искупить свою вину перед Родиной», — таков был вывод штаба корпуса.

Позже полковник Мельников был отстранен от командования бригадой.

После небольшого затишья, накопив силы, немцы форсировали реку Кшень, повели наступление на села Огрызково и Пожидаево. Чтобы восстановить положение, Катуков приказал бросить в бой 1-ю танковую и 1-ю мотострелковую бригады, а также подчиненную ему 15-ю стрелковую дивизию полковника А. Н. Слышкина. Снова развернулись тяжелые бои, в которых наша сторона несла большие потери, особенно в танках. В танковых бригадах было около 40–60 % малоэффективных устаревших машин Т-60. Эти машины имели слабую броневую защиту и были вооружены 20-миллиметровыми пушками «швак». Их можно было применять против пехоты, но в борьбе с танками

они не годились.

В июле 1942 года командование Брянского фронта, опасаясь прорыва немцев к Воронежу, создало группу войск под командованием Катукова, в которую вошли, кроме 1-го танкового корпуса, 16-й танковый корпус и 15-я стрелковая дивизия. Перед группой была поставлена задача: «Упорной, активной обороной и нанесением частных ударов не допускать расширения фронта, прорыва противника и развитие его успеха в северном и северо-восточном направлении. Всеми средствами уничтожать его живую силу и технику и, с началом наступления главных ударных сил, активными действиями во фланг и тыл противнику отрезать ему пути отхода, не допускать подвоза новых резервов, уничтожая их на рубеже р. Кшень».[5]

Одиннадцать дней шли непрерывные бои. Села Огрызково, Бобраки и Новая Жизнь несколько раз переходили из рук в руки. Изменялась обстановка, и я менял огневую позицию батареи. Случалось и такое: только мои батарейцы установят пушки, как следует приказ Мироненко — немедленно сниматься с места и перебазироваться в другой район. Делать нечего, подгоняли машины, цепляли орудия и уезжали на новые позиции.

Нам часто приходилось вести огонь с закрытых позиций, а то и прямой наводкой. Так было у села Огрызково, куда прорвались немецкие танки и пехота. Тогда мы вели огонь из четырех пушек. Комиссар батареи Александр Федоров подносил снаряды, наводчик первого орудия матрос-балтиец Томилин, сбросив гимнастерку и оставшись в одной тельняшке, быстро и сноровисто наводил орудие на цель, при этом успевал покрикивать молодым бойцам: «Торопись, салаги, дадим еще огоньку фрицам!» Я откровенно любовался работой Томилина. Вот что значит «БЧ-2»! Это я потом узнал, что «БЧ-2» — это артиллерийская служба на корабле.

А между тем немцы продолжали лезть вперед, обтекая нашу огневую позицию с флангов. Тогда я не знал, что нашу бригаду с одним мотострелковым батальоном, без поддержки танков, Катуков оставил закрывать брешь, образовавшуюся в ходе боев. Его приказ был жестким: любой ценой продержаться сутки, задержать противника. Это означало, что мотострелковая бригада отдана была немцам на съедение.

Перед нами замаячили танки с крестами на борту, за танками шли цепи автоматчиков. Моя батарея оказалась без какого бы то ни было прикрытия. Я понимал, что ситуация критическая, из которой мы выберемся с трудом или не выберемся вообще. Приказываю командирам трех орудий сниматься немедленно и занять огневую позицию южнее деревни Жерновка. Командиру

четвертого орудия сержанту Пампейну и наводчику Богатыреву — оставаться на месте и прикрывать отход батареи.

Днем прошел дождь, и все полевые дороги совсем раскисли. Двигаться по ним, преодолевать лощины и овраги было особенно тяжело. Наши машины с пушками на прицепе шли черепашьим ходом. Наконец выбрались на дорогу, от которой еще исходил легкий влажный пар.

Проскочив Жерновку, мы начали устанавливать пушки. Но пушка сержанта Пампейна до сих пор не появлялась даже на горизонте. В душу закралась тревога — уж не разбита ли? Пока батарейцы готовились к бою, я отправился на поиски пропавшей пушки. В обычный ЗИС-5 с надетыми на колеса цепями приказал посадить десять бойцов. По дороге нас обстрелял «мессер», сделав два захода. Но все обошлось благополучно, мы лишь выпачкались в грязи.

Километрах в трех-четырех от Жерновки нашему взору предстала такая картина: ЗИС-тягач оказался в грязи по самые оси, отцепленная пушка приведена в боевое положение, рядом с ней стоял наводчик Богатырев с двумя противотанковыми гранатами в руках, а весь расчет с остервенением пытался вытащить застрявшую машину.

Разбираться, что тут произошло, не было времени, и так все ясно. Приказал сержанту Пампейну вытаскивать застрявшую машину с помощью нашего ЗИСа, а сам отправился на разведку. Я опасался, что гитлеровцы начнут наступление, тогда нас прихлопнут в этой трясине, как навозных жуков. Пройдя не более сотни метров от дороги, наткнулся на окопы. Здесь, видимо, вчера шел тяжелый бой. Вокруг разбросаны солдатские каски, противогазы, винтовки и патроны. В окопах — трупы погибших солдат. В ходе поспешного отступления наших частей их так и не успели похоронить. В воздухе стоял сладковато-приторный запах разлагающихся человеческих тел. На бруствере одного из окопов я увидел сложенный из расстрелянных гильз крест. Понял, что солдат, который защищал этот кусочек нашей земли, был верующим человеком. Чувствуя, что ему отсюда уже не выбраться, он вспомнил о боге.

Я уже говорил, что в ходе войны не раз приходилось наблюдать, как в критические минуты солдаты обращались к Всевышнему. Как ни сильна была в стране антирелигиозная пропаганда, какие бы репрессии ни обрушивались на людей, власти так и не сумели вытравить из человеческого сознания старые традиции. Невольно вспомнился Ленинградский фронт, бои под Мгой. Тогда моя батарея потеряла половину личного состава, все орудия и средства тяги. Оставшейся в живых ездовой

первого орудия солдат Тимофеев, мой земляк, ленинградец, рассказывал, что выжил лишь потому, что молился Богу. Стрелял и молился. Мне тогда не хотелось разубеждать солдата: на войне каждый верит в свою звезду.

Я не знал, остался ли жив этот солдат, сражавшийся у Жерновки и выложивший крест из стреляных патронных гильз. И никто этого никогда не узнает.

Из задумчивости у этого страшного места меня вывел шум моторов. Тут я увидел, как несколько немецких танков подтягивались к дороге. За ними шла пехота. Все это происходило на расстоянии не более двух километров. Оставив свою наблюдательную позицию, я бегом помчался к машинам. Батарейцы уже вытащили из грязи застрявший ЗИС и цепляли к нему пушку. На ходу объясняю Пампейну: если сейчас не уберемся с этого места, немецкие танки расстреляют нас в мгновение ока.

Взревели моторы, и машины на бешеной скорости понеслись по дороге, разбрасывая налипшую грязь. Нам надо было проскочить открытое пространство и спрятаться за бугор. Наше спасение — в быстроте действий, скорости и… нахальстве. Став на подножку первой машины, я крикнул шоферу: «Выжимай из своей клячи все лошадиные силы!» Набрав приличную скорость, мы резко повернули за бугор, в складках местности было наше спасение. Но на подъеме немцы все же заметили нас и из танковых орудий выпустили несколько снарядов, которые разорвались позади. Оглядываюсь назад и вижу — второй ЗИС с подскакивающей на ухабах пушкой резво бежит следом за нами. Ну, слава Богу! Петляя по лощинам и оврагам, мы благополучно добрались до расположения своей батареи.

Несколько позже, когда батарея в полном составе готова была встретить огнем противника, я узнал, что же произошло с орудием Пампейна. Сержант, укладывая горкой снаряды, неторопливо рассказывал: «Оставшись на позиции, наше орудие почти в упор расстреливало немцев. Их цепь мы положили метрах в двухстах от пушки. Атака приостановилась. Воспользовавшись затишьем, быстро прицепили пушку к тягачу и стали уносить ноги. Впереди на дороге показалась большая лужа, объехать которую не было никакой возможности. В ней мы и застряли. Проклиная весь белый свет, пытались выбраться на сушу, но ни одна из попыток успеха не имела: машина все глубже уходила в зловонную жижу. При появлении противника решено было подорвать гранатами пушку и машину, самим же выбираться кто как может».

Только теперь я понял, почему наводчик Богатырев стоял у

пушки с гранатами в руках. Это ему поручалась ответственная миссия. Хорошо, что вовремя подоспела наша помощь и моим батарейцам не пришлось уничтожать материальную часть своими руками.

Вот тут мои ребята и проявили так необходимую иногда взаимовыручку. Взаимовыручка и помощь стали законом не только в бою, но и в повседневной жизни. И это при том, что люди у меня на батарее были разные, в том числе и с подмоченной репутацией. Иными словами, осужденные за различные провинности.

Когда формировался дивизион, ко мне на батарею прислали человек десять осужденных. Штрафных батальонов тогда не было, и такой «контингент» направляли в обычные воинские части. Первый, с кем мне пришлось беседовать по «душам», был Богатырев. Уже не юноша, человек лет тридцати пяти, среднего роста, плотного телосложения, с загорелым сухощавым лицом, движениями спокойными и неторопливыми. Он смотрел на меня в упор темными, умными глазами. Одет был в офицерское обмундирование: танкистскую черную куртку, на петлицах которой оставались следы от трех кубарей, знаков различия политрука.

Поздоровались. На вопрос: «За что разжалован?» Богатырев, усмехнувшись, ответил: «Долго рассказывать, лейтенант». Время у меня было, и я решил выслушать подчиненного, к тому же обязан был это сделать. Тут мой батареец и открылся. Он проходил службу в танковой дивизии в должности комиссара батальона. На фронте с первых дней войны. Дивизия отступала от самой западной границы, ведя жестокие бои с противником. Потери в дивизии были огромные, из-за чего ее расформировали. Рядовых и сержантов распределили по другим частям, а офицерский состав и комиссаров отправили в резерв Красной армии. Так он попал в Горький. Ждал направления на фронт неделю, другую, месяц — не вызывают. Денег в карманах скопилось много, потратить негде. Вот и решил с дружком махнуть в Москву и кутнуть в каком-нибудь ресторане. Разумеется, все это было сделано без предупреждения начальства. А тут проверка, чего раньше ни разу не было. «ЧП» в части, доклады «наверх». Когда друзья возвратились в Горький, сразу попали под военный трибунал, который отвалил каждому по десятке лет тюрьмы. За каждый день гулянки дали по году заключения, с заменой отсидки в лагере — искуплением вины на фронте.

Бывший политрук понравился мне не только за откровенность, но и за стремление действительно искупить вину. Я поверил в него, назначил наводчиком орудия, заверив, что,

если в ближайших боях он проявит себя с наилучшей стороны, то буду ходатайствовать перед командованием о снятии судимости и присвоении ему офицерского звания. И Богатырев доказал, на что был способен, сражался дай Бог каждому.

По моему ходатайству с батарейца-наводчика сняли судимость, присвоили звание младшего лейтенанта и назначили в моей батарее командиром огневого взвода. К сожалению, Богатырев вскоре погиб во время бомбежки.

Мне до слез было жалко этого человека: он был хороший офицером, да и порядочности ему не занимать. Еще до снятия судимости и присвоения офицерского звания он попросил разрешения побывать на наблюдательном пункте, чтобы посмотреть, как работают разведчики и как осуществляется ведение огня. Он словно предчувствовал, что будет командовать огневым взводом. Все, что наводчика интересовало, я показал и рассказал. Собираясь уходить с НП, Богатырев передал мне записку, написанную помощником командира взвода управления сержантом Селивановым. Записка адресовалась офицеру военной контрразведки (с мая 1943 года — СМЕРШ) старшему лейтенанту Рябкову. Под ней стояла подпись — «Черный». Почерк Селиванова я знал. Это был донос на меня. И хотя сержант о моих боевых качествах отзывался положительно, все же отметил, что я не сдержан, в порыве гнева пускаю в ход кулаки.

Я никак не ожидал, что бывший комиссар способен на такой «подвиг», С его стороны — это не доносительство, а предупреждение о том, что батарея находится под пристальным вниманием «особистов». С чего бы это?

Разумеется, еще со времен училища я знал, что в армии существуют отделы контрразведки, но на то, что делается у меня под носом, как-то не обращал внимания. У Богатырева я выпытал, как к нему попала записка Селиванова.

— Чисто случайно, — ответил наводчик. — Сержант Селиванов рыл ровик для установки телефонного аппарата. Я подошел и попросил закурить. Он, не отрываясь от работы, сказал, что махорка у него в кармане шинели, а шинель висит на дереве. Вместе с кисетом я вытащил эту записку. Хотел пустить ее на раскрутку, но, прочитав, оставил себе. Вот и вся история.

История с доносительством на этом не закончилась. На одном из совещаний в дивизионе я показал записку «Черного» Рябкову. Тот матерно выругался по адресу своего осведомителя, не умеющего соблюдать конспирацию, и пообещал «прочистить ему поры». Как он чистил, это уже меня не интересовало. Каждый на фронте делает свое дело.

Своего отношения к сержанту Селиванову я не изменил, он

исправно воевал, но проучить его как-то все же пришлось. Наверно, этот случай и стал поводом к доносу в особый отдел. Мордобой, признаюсь, имел место. В сложной фронтовой обстановке батарея меняла наблюдательный пункт. Для того чтобы танки имели свободу маневра, мы подавляли с закрытых позиций огневые точки противника. Сделав свое дело, двигались следом за танками и пехотой. Взвод управления и связисты всегда находятся впереди батареи. Во время боя как назло прервалась связь. Тогда-то я и приказал Селиванову восстановить ее и как можно скорее, потому что на поле боя горело уже несколько наших машин и помочь танкистам я ничем не мог. Шло время, но ни связи, ни самого Селиванова не было. Когда он появился на батарее и сказал, что заблудился, я не сдержался и влепил сержанту затрещину. На этом считал инцидент исчерпанным. А оно вон как все обернулось.

Продолжая рассказ о своих батарейцах, хотелось бы прежде всего поведать о Мише Пампейне, без которого, наверно, не было бы духа дружбы и товарищеской спайки не только у орудийного расчета, а пожалуй, и у всей батареи. Его история примечательна своей необычностью. Миша родом из Прибалтики, в детстве мечтал стать моряком, как все юноши приморских городов, но какие-то обстоятельства привели его в танковые войска. Служил честно, как подобает солдату. Его приметил комиссар танковой бригады и взял к себе в ординарцы. Бригада отступала, теряла людей и материальную часть. Комиссар оказался трусом. Желая спасти свою шкуру, он предложил Пампейну выстрелить ему в руку из карабина, чтобы иметь возможность попасть в госпиталь. Тот, не задумываясь о последствиях, выполнил приказ своего начальника. Комиссар попал в госпиталь, но там специалисты установили факт членовредительства. Дознание. Приговор трибунала. Что положено комиссар получил, а заодно и его ординарец — за соучастие.

В военное время не давали год или два, отматывали на всю катушку. Так и попал Пампейн на батарею. Воевал отлично, с него сняли судимость, присвоили звание сержанта, первого на нашей батарее наградили орденом Отечественной войны.

Если Богатырева и Пампейна судил трибунал, то остальных восемь человек — уголовный суд. Это были хулиганы, воры, бандиты. Когда началась война, эти заключенные одни из первых подали заявления в ЦИК СССР с просьбой направить их на фронт. Что толкнуло их на такой шаг? Свое поведение они объясняли просто, не вдаваясь в тонкости политики, — враг напал на нашу землю, и мы обязаны ее защищать. Тюрьма — не рай, фронт — не дом отдыха, но если удастся искупить вину перед своим народом,

это — шанс стать полноправным гражданином.

Среди этой восьмерки лидером, безусловно, был некий Коваленко. Не помню уже, в какой колонии он отбывал срок и за что, но это был спокойный, уравновешенный человек и, надо сказать, неглупый. Я его назначил командиром расчета 4-го орудия. Претензий у меня к нему не было, воевал солдат исправно, но прошлое в нем нет-нет да я проявлялось.

К этой же «компании» принадлежал и бывший уркаган Волошин. Попав на батарею, сам попросился в разведку, видимо, в силу своего характера — любил острые ощущения. Надо сказать, разведчиком оказался толковым, информацию приносил всегда достоверную, при этом всегда проявлял храбрость. Был он общителен с другими бойцами, мне же много рассказывал о тюремных обычаях и порядках. В среде заключенных, оказывается, существовала жесткая иерархия — начальники и подчиненные. Власть лидера всегда была выше власти лагерного начальства. Признавалась власть сильного, то есть власть кулака.

Последний год «за хорошее поведение» в колонии Волошин был расконвоирован, то есть свободно перемещался по зоне. Его даже назначили в команду по обслуживанию членов семей «изменников Родины» (ЧСИР). Это были родственники репрессированных и расстрелянных известных советских государственных и партийных деятелей, а также командиров Красной армии. Он часто общался с женой маршала Тухачевского Ниной Евгеньевной, приносил ей в барак воду и дрова. Больно было смотреть на страдания этой сорокалетней статной и красивой женщины, еще не совсем сломленной тюрьмами и ссылками.

Вот такой «контингент» был в составе моей батареи на Брянском фронте. Расчет 4-го орудия в офицерской среде иногда даже называли «бандитским расчетом», с чем, конечно, я не был согласен и, как мог, защищал своих батарейцев.

Бои на Брянском фронте были тяжелыми и кровопролитными. Мы теряли людей и технику, пополнялись и снова шли в бой. Вот архивные данные о потерях корпуса только со 2 по 10 июля 1942 года: части и соединения оставили на поле боя 56 танков, среди которых КВ — 11, Т-34-26, других типов — 19.

Понес потери и противник: танков — 51, бронемашин — 5, пушек — 118, ПТО — 81, минометов — 56, станковых пулеметов — 52, ручных пулеметов — 42, автомашин — 59, тягачей — 5, самолетов — 2, сбит аэростат с наблюдателем, убито свыше 10 тыс. солдат и офицеров.[6]

В этом донесении штаба корпуса в Военный совет Брянского

фронта есть и частичка труда нашего дивизиона и нашей батареи. Не зря же о нас писали: «Личный состав частей не жалеет сил и жизни, героически сражается с врагом, не уступая ему ни метра своих позиций, нанося большие потери противнику в живой силе и технике».[7]

В середине июля 1942 года мотострелковая бригада вела бой на рубеже Ломигоры — Большая Ивановка. От непрерывных боев бойцы страшно устали. Это чувствовалось по их поведению. Хорошо, что скоро Ставка вывела корпус на непродолжительный отдых: не знаю, как бы мои батарейцы воевали дальше. Все имеет свои пределы, в том числе и человеческие возможности.

По корпусу отдается приказ: сдать свои позиции 15-й и 134-й стрелковым дивизиям, принять матчасть у 16-го танкового корпуса и переместиться северо-западнее Воронежа, где занять позицию от села Сухая Верейка до правого берега Дона. Пройдя своим ходом по тылам 13-й армии, корпус разместился в указанном районе, фактически оставаясь в подчинении Брянского фронта, хотя в это время был уже образован Воронежский фронт.

Танковые и мотострелковые части были расквартированы в селах Каменка, Килово, Большая Верейка, Муравьевка, Суриково, Озерки. Нам предстояло провести техосмотр материальной части и сделать ремонт. На все это было отпущено совсем немного времени.

Мои батарейцы рады были смыть с себя грязь и пороховую гарь, накопившуюся на телах за столько дней боев. Они плескались у колодцев, как малые дети, брились, стирали белье. К постирушке подключались и сердобольные деревенские женщины, мужья и сыновья которых тоже были на фронте. Батарея напоминала не воинское подразделение, а скорее цыганский табор. Но все это в порядке вещей, бойцы должны и помыться, и отдохнуть, и пообщаться с местным населением.

Фронтовой отдых, как правило, бывает коротким. На совещании в штабе дивизиона Вересов ориентировал всех командиров на то, что в ближайшее время бои возобновятся. На этот раз нам будут противостоять немецкие дивизии из группы армий «Вейхс», которые стремятся переправиться через Дон. Драка предстоит серьезная.

Вскоре корпус получил приказ фронта — «действовать на участке 340-й и 193-й стрелковых дивизий, при выходе стрелковых частей на тактическую глубину обороны противника войти в прорыв на фронте сел Хрущево, Лебяжье, уничтожить артиллерию, резервы и штабы противника, овладеть районом Руда, Сомово, Гремячье, развить успех в южном направлении».[8]

Чтобы выполнить эту задачу, частям корпуса предстояло с

боем форсировать реку Сухая Верейка. Сухая река только по названию — на самом же деле на подходе к ней раскинулись болотистые места, и мне потом пришлось со своими тягачами искать обходные пути.

По замыслу командования корпус вводился в прорыв только после того, как стрелковые дивизии прорвут фронт противника на тактическую глубину и подготовят переправы на реке Сухая Верейка.

1-я стрелковая бригада выступила из села Перекоповка. И мотострелки, и артиллеристы должны были поддерживать наступление танковых подразделений.

Завязавшиеся бои выявили мощную оборонительную линию, которую немцы успели построить в довольно короткий срок. Выяснилось также и то, что берега Сухой Верейки — сплошное минное поле. Рано утром 21 июля танки пошли в бой, и несколько машин подорвалось на минах. Только 1-я гвардейская танковая бригада потеряла 8 танков. Танкисты вынуждены были своими силами разминировать проходы. Из земли извлекли около 100 мин.

Наши мотострелки шли во втором эшелоне за 49-й танковой бригадой, прикрывая правый фланг корпуса от возможных контрударов противника с запада. За мотострелками шла артиллерия.

Когда я привел свою батарею к Сухой Верейке, выяснилось, что стрелковые дивизии не сумели прорвать линию обороны противника, части 340-й дивизии овладели лишь небольшой высотой у села Арущево, а 195-й — вели бой у села Лебяжье. Противник удерживал также южный берег реки.

Только на второй день комбриг Мельников отдал приказ мотострелкам переправиться через Сухую Верейку, пропустив 2-й танковый корпус по единственной переправе в районе села Лебяжье. Свою батарею я стал разворачивать между селами Лебяжье и Гремячье, чтобы поддержать наступление 49-й танковой бригады, которая долго топталась у села Малая Верейка.

Катуков, наверно, не ожидал, что немцы в этом районе окажут такое яростное сопротивление и что так активно будет действовать вражеская авиация, а то, возможно, и запросил бы в штабе фронта для прикрытия войск хотя бы с десяток истребителей. На переправе наши части потеряли много людей и техники. Немецкие самолеты постоянно «висели» в воздухе, они заходили тройками и пятерками, сбрасывая бомбы на наши позиции. В ходе боев зенитчики сбили «Хейнкель-111», второй самолет повредили, и он, пустив длинный шлейф дыма, ушел на

свою территорию.

Пришла пора и моей батарее вступать в бой. Позвонил Мироненко. Он сообщил, что потесненный противник, собравшись с силами, наращивает удары, наступление 49-й танковой бригады приостановилось. Немцы стали бить из дальнобойной артиллерии.

Моя батарея стояла в низине между балками, а наблюдательный пункт — на небольшой высоте, позади обороняющихся стрелковых батальонов. С НП хорошо было видно, как тают облака воздушных разрывов. Артобстрел длился минут пятнадцать, затем показались немецкие танки, за которыми цепью шла пехота.

В бой вступил весь артдивизион. Рядом с моей батареей открыл огонь из минометов капитан Атляков. Он бил по немецкой пехоте, моя задача была — выбивать танки. Весело тявкали мои родные 76-миллиметровые пушечки. Беглым огнем удалось поджечь несколько вражеских машин, остальные отступили.

И все же, несмотря на плотный огонь, немецкая пехота лезла напролом. Вне всякого сомнения — психическая атака! Мне уже не раз приходилось видеть, как накаченные шнапсом немецкие вояки шли в атаку, словно манекены. Такая атака рассчитана была на наше устрашение. Только на моих батарейцев она не действовала, они работали в обычном режиме.

Бой то затихал, то возобновлялся снова. У немцев оказалось достаточно резервов, и они все прибывали и прибывали на передовую. Мы несли большие потери. У Катукова оставалась в резерве лишь одна 69-я танковая бригада, которой он затыкал образовавшиеся бреши то в одном, то в другом месте. Штаб фронта требовал любой ценой закрепиться на Сухой Верейке, пока из Касторной не подошли новые танковые силы немцев.

Два дня подряд наш отдельный 461-й артиллерийский дивизион не покидал позиций, два дня на Сухой Верейке не смолкала канонада. Были моменты, когда батарея стреляла с такой интенсивностью, что докрасна накалялись стволы пушек. Я опасался: еще часок-другой такой стрельбы, и пушки начнут разваливаться на куски. Некогда было даже пообедать. Бойцы, засунув в рот сухарь и глотнув воды из фляги, снова брались за дело.

Стояла жаркая июльская погода, солнце нещадно жгло землю, расчеты изнемогали от жары и усталости. В ходе боев много раз приходилось менять огневую позицию и наблюдательный пункт. Продолжая стрелять, я все время думал: «Когда же закончится эта чертова «карусель»?» На наблюдательном пункте шла

напряженная работа. Сюда стекалась вся информация о противнике. Я определил наиболее важные цели и отдал команду на их поражение. Вот уже уничтожено несколько немецких танков, противотанковых орудий и ДОТов, а сколько полегло немецких солдат от нашей шрапнели — не счесть, а бой все не утихает.

На одном из участков нашей обороны немцы, оттеснив мотострелков, полезли на высоту, на которой размещался мой наблюдательный пункт. В бой вступил огневой взвод. Я уже готов был отдать команду свернуть НП и переместиться на другое место, как пришло подкрепление. К высоте стремительно подлетели боевые машины РС («катюши»). В одно мгновение они развернулись и всем дивизионом дали залп по наступающей немецкой пехоте. Более сотни мин с раздирающим душу воем пронеслись над нашими головами, и сразу же на склонах холмов встали клубы дыма и языки пламени. Там все горело. Сотни фашистов остались на почерневшей земле, а среди тех, кто еще уцелел, возникло замешательство. Этим воспользовалась танкисты. Из укрытий они вывели свои боевые машины и атаковали врага. Видимо, Катуков следил за ходом сражения и, чтобы переломить ситуацию, бросил в бой реактивную артиллерию. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как танки развернулись в боевой порядок и, стреляя на ходу, двинулись в контратаку.

Противник упорно сопротивлялся. Далеко в степи слышалось лязганье танковых гусениц и рев моторов, в воздухе пахло порохом и гарью отработанного бензина и солярки. С земли поднимались черные столбы дыма горевших танков. Еще рвались снаряды, но уже чувствовалось, что бой теряет силу, а к вечеру он совсем затих.

Прожит еще один день войны — 26 июля 1942 года. Это был тяжелый день. Я потом участвовал во многих боях, но июльские бои на Дону запомнились особенно ярко. Мы тогда наступали и отступали, дрались в полуокружении и окружении. Спустя много лет, просматривая оперативные сводки и отчеты о боевых действиях 1-го танкового корпуса, я сделал выписку из документа: «Бригады корпуса с остатками 193-й стрелковой дивизии продолжали в полуокружении отбивать яростные атаки танков и пехоты противника с севера, запада и юга».[9]

Промелькнула и еще важная для меня информация о том, что «против группы Катукова в районе Большой Верейки, Павлово, Ломово и Нижней Верейки действовала венгерская танковая дивизия (230 танков), которая поддерживала немецкую пехоту».[10]

Силы, конечно, была неравные, поэтому в ночь с 26 на 27 июля Катуков принял решение отвести свои части на рубеж западнее села Крещенки, оставив для прикрытия мотострелковый батальон.

Отступление — еще не поражение. Отвод войск, решение, по сути, верное, да и другого выхода у комкора не было: уж слишком напирал противник, особенно беспокоила нас немецкая авиация. Только в течение одного дня, 25 июля, самолеты 14 раз бомбили наши позиции, в том числе и штаб корпуса, располагавшийся в селе Суриково.

Познакомившись с оперативными сводками, а также приказами, которые отдавались тогда командованием фронта, армий, которым подчинялась группа Катукова, я обратил внимание на выводы, связанные с июльскими боями 1942 года. Выводы, сделанные в штабе корпуса, были, прямо скажем, неутешительные:

> «1. Наступательная операция была проведена в короткое время, в течение одного дня — 24.07.42. В результате чего командиры батальонов не имели возможности познакомиться с организованной обороной противника, не сумели изучить характер местности, познакомиться с командирами танковых и артиллерийских подразделений.
>
> 2. Письменный приказ о наступлении поступил в штабы только к вечеру 20.07.42, поэтому на организационную работу — подготовка к наступлению, уточнение вопросов взаимодействия штабов — корпуса, бригад, батальонов и рот — оставалась только одна ночь.
>
> 3. Стрелковым частям не был уточнен передний край обороны противника. Считалось, что по линии ряда высот — северной окраины Большой Вершины — проходит боевое охранение противника, поэтому артиллерийская и авиационная подготовка была проведена в районе Гремячье, Большая Трещевка, Лебяжье, Казерья. Основные огневые точки противника оказались на переднем крае, они ожили при наступлении наших танков и пехоты.
>
> 4. Танки и пехота в отдельных случаях оказывались без артиллерийской поддержки.
>
> 5. Авиация противника в течение всей операции господствовала в воздухе, безнаказанно бомбила наши боевые порядки и командные пункты, нарушая управление боем.

6. Стрелковые дивизии не подготовили условия для прорыва. Корпус сам прорывал брешь в обороне противника в районе р. Сухая Верейка — Лебяжье, вынужден был уничтожать огневые средства противника, разминировать проходы и наводить переправы, неся огромные потери. Стрелковые дивизии оказывали слабую поддержку корпусу.

7. Переправившиеся через Сухую Верейку части 1-го и 2-го танковых корпусов не были поддержаны другими соединениями, упущен момент, и противник, перехватив инициативу, сам перешел в контрнаступление.

8. Части 7-го и 11-го танковых корпусов, находившиеся в резерве командования фронта, совершенно для активных действий не были использованы. Их роль при прорыве сводилась лишь к тому, чтобы задержать продвижение противника на север. Они не оказали никакой поддержки 1-му танковому корпусу и 195-й стрелковой дивизии.

В результате невыполнения задач стрелковыми дивизиями, самостоятельного прорыва танками переднего края противника, темп наступления был замедлен. Противник, закрепившись на новых рубежах, подтянул резервы, нащупал слабые места в обороне 284-й и 340-й стрелковых дивизий, нанес решительный удар во фланг ударной группировке, создал угрозу окружения вклинившимся нашим частям. — Парирование контрудара было организовано поздно, а резервы ударной группы уже были задействованы в боях».[11]

Эти детали боевых действий ударной группы Катукова мне тогда не были известны, но потери в мотострелковой бригаде и артиллерийском дивизионе были ощутимы: убито и ранено 135 бойцов и командиров, на поле боя осталось 2 орудия и 5 автомашин. В числе убитых оказался и мой товарищ Вилли Хацкевич, командир 1-й батареи. Схоронили мы его в братской могиле в треугольнике между селами Крещенка, Домино и Негачевка.

Противник тогда продвинулся на север всего на несколько километров и выдохся. Немцы стали зарываться в землю, а это означало, что, по крайней мере, в ближайшие дни наступать они не будут.

Перешла к обороне и наша бригада. Приказ комбрига Мельникова был предельно прост: «Окопаться!» Мои батарейцы отрыли окопы и ровики и стали готовиться к ночлегу. Вскоре на

батарею подкатила запоздалая походная кухня. Проголодавшиеся бойцы поели горячей пищи и сразу повеселели. За перекуром уже делились своими впечатлениями о прошедших боях. Вскоре появились тыловики и снабженцы, подвезли боеприпасы, горючее, сухие пайки. Тут и у меня уже изменилось настроение: начни немцы наступление, будет чем воевать.

На следующий день в дивизион прибыли комбриг Мельников и комиссар Игнатов. Они вручили ордена и медали отличившимся артиллеристам. Получил и я свою первую награду — медаль «За боевые заслуги». Когда ее обмывали, Мироненко признался, что меня представляли к ордену Красная Звезда, но по каким-то причинам не получилось. Я не опечалился, сказал:

— Первая награда всегда дорога. С орденом не получилось, невелика беда. Я согласен на медаль!

Пока на фронте стояло непродолжительное затишье, наши части пополнялись личным составом и вооружением. В полках появились новые танки, в том числе и тяжелые — «КВ».

В августе 1942 года Ставка предприняла все усилия, чтобы задержать немцев на реках Сухая Верейка и Дон. В районе Воронежского обвода — Козинка, Лобановка, Ивановка, Спасское, Малая, Большая и Нижняя Верейка противник заранее подготовил мощные укрепления. Здесь было сосредоточено 5 пехотных и 2 танковые дивизии. Этими силами немцы собирались ударить по нашим войскам.

Что противопоставляло немцам советское командование?

Из приказа командующего 38-й армией генерала Н. Е. Чибисова от 8 августа 1942 года следовало:

> «1. 38-я армия прорывает оборону противника на участке Ивановка — р. Дон, уничтожает Землянскую группировку противника и овладевает рубежом Михайловка, Малая Верейка, Землянок, Перлевка, Русская Гвоздевка.
>
> 2. Справа группа генерал-майора Лазарева наносит главный удар правым флангом из района Озерка, прорывает фронт противника в районе Высочино и с ходу овладевает рубежом Гремячье, Лебяжье, в дальнейшем развивает удар на Сомово, Чистую Поляну, Малую Верейку.
>
> 3. Слева 282-я стрелковая дивизия 60-й армии форсирует Дон и наступает в западном направлении с рубежа Чудовская — Хвощеватка.
>
> 4. Оперативная группа генерал-майора Катукова (1-й тк, 157 од, 104 сбр, 1112 ап РГК, 124 гап РГК, 65 гмп)

наносит главный удар в направлении Каверье, прорывает фронт на Большую Верейку и к исходу дня 10.08.42 выходит на рубеж Чуриково, Каверье, Скляево, в дальнейшем развивает удар в направлении Русская Гвоздевка.

5. Для развития успеха с выходом опергруппы генерала Катукова и 382-й стрелковой дивизии на рубеж Каверье — Ольховатка, резерв фронта — оперативная группа генерала Кравченко (2-й тк, 150 тбр, 253 сбр) наносят удар из района Скляево — Вериловка в направлении Сиверцово, Каверье, Медвежье, Приволье». [12]

Это, так сказать, общий приказ. Каждый командующий группой, корпусом, командир дивизии и бригады издавал свой приказ, в котором обговаривались действия частей и подразделений. Например, в приказе Катукова командирам предписывалось основательно изучить фронтовую обстановку, увязать взаимодействие танков и авиации, пехоты и артиллерии, придавать первостепенное значение инженерному обеспечению войск, ставить частные задачи командирам и проверять их усвоение.

В августовском наступлении у нашего дивизиона была задача прежняя — поддерживать огнем танковые бригады, которым снова предстояло прорывать оборону на реке Сухая Верейка.

Август — время уборки хлеба, и немцы решили воспользоваться трудом наших колхозников, торопясь убрать рожь и пшеницу, чтобы пополнить свои продовольственные запасы. В ходе наступления мы им испортили всю уборочную кампанию: три дня вели непрерывный огонь по площадям.

Силовая разведка, проведенная в ночь с 10 на 11 августа, показала, что противник успел восстановить разрушенную в июльских боях оборонительную линию, снова на ней появились блиндажи, ДОТы ДЗОТы, в лесных массивах, деревенских садах, сараях и даже в домах поставлены противотанковые пушки. Разрывать эту линию потом пришлось с большим трудом.

12 августа была проведена 30-минутная артиллерийская подготовка, после которой войска ринулись в атаку. К 18 часам, сломив сопротивление противника, отдельные части стрелковых дивизий и танкового корпуса достигли северной окраины села Большая Верейка, приблизились к Верейским Выселкам и Чуриково. Здесь пришлось закрепляться.

2-я батарея поддерживала атакующих танкистов и мотострелков, они успешно продвигались вперед. Успеху содействовала и авиация, которая в воздухе находилась всего

один день. Потом ее не было видно совсем. Зато «юнкерсы» почти беспрепятственно бомбили танковые батальоны, рвущие оборону противника.

Всякий раз, когда на реке Сухая Верейка складывалось тяжелое положение, надо было подавлять вражеские огневые точки. Мироненко бросал мою батарею то к селу Чуриково, то к Скляево, к селу Каверье, в один и тот же день пришлось дважды перевозить свои пушки.

У села Чуриково батарея вместе с танкистами 89-й бригады попала под жестокую бомбардировку. «Юнкерсы» налетели неожиданно в тот момент, когда шла переправа через Большую Верейку. Танки стали расползаться в разные стороны, а мои батарейцы горохом высыпали из машин и попрятались в воронках и ямах, ожидая конца налета. На наших глазах бомба угодила прямо в танк, и он развалился на куски. При этом один каток взвился высоко в небо и со свистом начал падать на землю. Мы с политруком Александром Федоровым смотрели на этот «снаряд» и со страхом ждали — пронесет или угодит в нашу воронку. К счастью, все обошлось. Политрук с вымученной улыбкой произнес:

— Повезло нам с тобой, Петя. А ведь могли бы враз отдать Богу душу!

Придя в себя, я поддержал его:

— Значит, еще поживем на этом свете!

Самолеты улетели, и мы, стряхнув пыль и грязь со своей одежды, стали обозревать поле, на котором дымилось несколько танков и грузовых машин, вокруг лежали трупы наших бойцов. Неприятная и трагическая картина!

Переправившись через Сухую Верейку, мы быстро оборудовали новую огневую позицию и наблюдательный пункт, протянули связь. С НП была подана команда: «Можно начинать!» Своим огнем мы выковыривали немцев из окопов и блиндажей, разбивали ДОТы и ДЗОТы, помогая танкистам и мотострелкам занимать новые рубежи.

Любое наступление никогда не развивается по определенному сценарию. Так было и на этот раз. Некоторые оперативные группы ушли далеко вперед, другие — столкнулись с непреодолимыми препятствиями и топтались на месте. И те и другие несли большие потери.

Меняя позицию в очередной раз, мы по дороге на село Скляево стали свидетелями необычной картины: шесть солдат во главе с сержантом тянули на постромках такую же, как и у нас, 76-миллиметровую пушку. Остановив машину, спрашиваю у сержанта:

— Куда путь держим?

Приложив руку к пилотке, сержант доложил:

Ищем свой дивизион!

Выяснилось, что пушка принадлежала артполку 167-й стрелковой дивизии. Батарею расстреляли немецкие танки, осталось одно орудие, но без тягача. Тягач сгорел на поле боя. Израсходовав весь боезапас, расчет решил искать свой дивизион. Как он вместе с пушкой выбрался на дорогу, было непонятно. Не раздумывая, приказал прицепить орудие к машине взвода управления огнем, бойцов разместить в кузове. Так на моей батарее появилось еще одно — пятое орудие. Несколько дней эти ребята воевали вместе с нами. Оказалось, расчет не раз бывал в сложных переделках, все бойцы награждены орденами и медалями, а наводчик к тому же еще и Герой Советского Союза.

Я уже подумывал узаконить присвоение «бесхозного орудия», как на батарее появился командир того дивизиона, которому принадлежал этот неожиданный «трофей». Он был в звании майора. Увидев свой расчет живым и невредимым, командир стал столь бурно выражать благодарность за спасение людей и материальной части, что мне стало даже немного неудобно.

— Сегодня мы помогли вам, завтра вы поможете нам, — сказал я в ответ. — У нас на батарее закон: солдат солдату друг и брат!

Признаюсь, приятно было смотреть на счастливое лицо командира дивизиона, потерявшего в последних боях большую часть орудий вместе с расчетами, поэтому радость майора в связи с «находкой» была нам, батарейцам, понятна. Мы тепло расстались с майором и его расчетом, пожелав им успехов в боевых делах.

За селом Скляево батарея поддерживала атаку батальона 1-й гвардейской танковой бригады. Танкисты напоролись на противотанковую батарею и уже потеряли две машины. Двигаться дальше было рискованно. Комбат по радио сообщил: «Немецкая батарея, замаскированная в складках местности, не дает нам ходу. Лейтенант, успех атаки зависит от тебя».

Со своего наблюдательного пункта, расположенного в пятистах метках от догоравших Т-60, я стал просматривать поле боя. Наши танки попали под обстрел в лощине. Откуда бы немцы могли вести огонь? Пожалуй, из-за бугров, которые, как бородавки, торчали на ровном месте. Спрятать батарею можно только там, других мест для прицельной стрельбы в округе нет. В этом и заключалась вся немецкая хитрость.

Эти проклятые бугры мы так обработали, выпустив изрядное количество снарядов, что там, наверно, никого живого не

осталось. Танкисты, не встречая огневого сопротивления, сначала несмело, потом, ускоряя ход, рванулись на вражеские окопы, достигли впереди лежащей высоты и, перевалив через нее, скрылись в тылу противника.

Мы уже собирались переместиться на новую позицию, как на батарею влетел капитан-танкист с возгласом:

— Спасибо, братцы-артиллеристы, выручили! Эти немецкие пушки не давали нам ступить ни шагу. А тут еще комбриг Горелов шумит по радио, требует выполнить приказ. Какой к черту приказ, я и так потерял две машины.

Расцеловавшись со мной, капитан умчался также быстро, как и появился. А похвалу мои батарейцы восприняли как заслуженную награду.

Августовский день угасал, а вместе с ним затихал и бой. Изредка постреливали немецкие батареи, да на переднем крае раздавались пулеметные очереди. День у нас был напряженный, но удачный. Батарейцы приводили пушки в порядок, осматривали тягачи. Скоро их ждал ужин и положенный отдых.

Перед сном я доложил начальнику штаба Мироненко о том, чем закончился день. Оставалось еще связаться с мотострелками, выяснить положение дел у них. Мотострелки располагались в окопах впереди нашей батареи. Они хорошо знали передний край немцев и давали нам информацию об обнаруженных огневых точках.

На этот раз я отправил к мотострелкам командира взвода управления Гордина с двумя разведчиками, а сам занялся составлением отчета для штаба дивизиона.

Время шло, а лейтенант Гордин не появлялся. Меня уже начали одолевать нехорошие предчувствия. Ночью возвратились разведчики с неприятной вестью. Их рассказ ошеломил меня. На берегу Сухой Верейки в небольшом домике Гордин разыскал командира роты мотострелков. Когда они уточняли обнаруженные огневые точки противника, на домик упал шальной снаряд. Шальной снаряд, как и шальная пуля, иногда бьет точно по цели. Домик взлетел на воздух вместе с людьми. Среди бревен разведчики обнаружили еле живого Гордина, привели его в чувство и отправили в госпиталь.

Дней через двадцать лейтенант вернулся на батарею и приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Чувствовал себя он нормально, только я стал замечать, что с ним происходит что-то неладное. Появилась задумчивость, отрешенность от всего мира. Иногда в разговоре он вдруг замолкал, глаза его делались совсем пустыми. Фельдшер Выдыборц, осмотрев Гордина, ничего особенного не обнаружил.

Танковый корпус продолжал сражаться в Придонье уже больше месяца. Силы его таяли с каждым днем, резервы были исчерпаны. А немцы между тем из-под Воронежа перебросили свежие силы — 57-ю и 68-ю пехотные дивизии и танковый батальон 22-й дивизии. Ставка решила вывести корпус Катукова в резерв.

В справке, отправленной в штаб Брянского фронта, командование корпуса делало вывод по июльско-августовским боям: «В результате героических действий, смелости и отваги всего личного состава корпуса, задача поставленная перед корпусом, была выполнена с честью. Где бы противник ни пытался развить успех, всегда встречал сокрушительный отпор танкистов и на север продвинуться не смог».[13]

Конечно, потери были — и немалые. В той же справке в штаб фронта начальник управления бронетанкового снабжения и ремонта П. Г. Дынер отмечал, что 31 танк вообще не подлежал ремонту. Это безвозвратные потери. 80 танков, подорванных на минах и подбитых вражеской артиллерией, были эвакуированы с поля боя и отправлены в ремонт.

На фронте не бывает оправданных и неоправданных потерь, хотя некоторые высокопоставленные начальники и пытались делать различие между этими понятиями. В сложных условиях июльского 1942 года наступления на воронежском направлении генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, временно заменявший командующего Брянским фронтом Ф. И. Голикова, видя, что 5-я танковая армия несет большие потери, приказал ее командующему генерал-майору А. И. Лизюкову самому сесть в танк и вывести с поля боя бригаду, сражавшуюся в окружении. Оскорбленный недоверием, обиженный несправедливым к нему отношением, командарм выполнил этот нелепый приказ. Он сел в танк и умчался в бой, из которого уже не вернулся.

К счастью, таких случаев в 1-м танковом корпусе не наблюдалось, хотя роты, батальоны и даже целые бригады оказывались в труднейшем положении.

В августе 1942 года танковый корпус после боев западнее Воронежа был вывезен эшелонами на переформирование. Сначала уехали танкисты, потом — мотострелки и артиллеристы. Мы уже знали, что наши части размещаются в районе Тулы, в знаменитой Ясной Поляне.

Во время движения эшелона мы с лейтенантом Гординым решили покинуть душную теплушку и на очередной остановке перебраться на железнодорожную платформу, на которой стояли наши пушки и тягачи. Когда поезд остановился, мы успели осуществить свою задумку, сели в кабину «доджа» взвода

управления. Расстегнув ремни и освободившись от сапог, стали наслаждаться легким ветерком, обдувавшим кабину нашей машины. Мимо проплывали небольшие деревеньки, болота, подернутые тиной, леса, чуть тронутые желтизной, предвестником приближающейся осени. Мы беседовали о прошлой жизни, строили планы на будущее. Гордин вдруг изменился в лице и как-то тихо, страдальчески сказал:

— Знаешь, Петя, я скоро умру.

Я сначала не понял, о чем говорит мой собеседник, затем резко повернулся к нему:

— Ты о чем, лейтенант? Выбрось эти дурные мысли из головы. Мы, правда, на войне, и с каждым может всякое случиться!

Но мой боевой товарищ смотрел на меня стеклянными глазами и продолжал нести какую-то чушь. Я понял, что с Гординым случилось что-то серьезное. Про себя подумал: «Доберемся до Ясной Поляны, обязательно отправлю его в госпиталь». Так мы добрались до Тулы.

На станции дивизион выгрузился и своим ходом направился в Ясную Поляну, всем известное имение писателя Льва Толстого. До войны здесь был музей. Во время наступления немцев из музея были вывезены все ценности, но фашисты, заняв Ясную Поляну, не пощадили усадьбу и парк, в котором любил гулять автор «Войны и мира».

Гордина я сразу отправил в госпиталь на дополнительное обследование, а батарейцев стал размещать кого в палатках, кого по домам. Пока стояли августовские теплые дни, солдаты, обустраивая свое жилье, помогали и жителям Ясной Поляны.

Мы понимали, что наше пребывание в Ясной Поляне будет непродолжительным, и все равно старались не повредить ни музейные постройки, ни парковые деревья.

За время войны я видел много разрушений, в том числе и исторических памятников, но музей «Ясная Поляна» оставил в моей памяти незабываемое впечатление. Здесь уже работала директор музея Софья Андреевна Толстая-Есенина, имевшая «охранную грамоту», справку, выданную начальником Тульского гарнизона полковником Чекмазовым. В справке говорилось о том, что «район Ясная Поляна — парк, место могилы Л. Н. Толстого, музейные служебные, жилищные и хозяйственные постройки, леса заповедника — освобождаются от размещения и постоя воинских частей, как исторические места и музейные учреждения».[14]

Солдаты с пониманием относились к музейным ценностям, и у меня, как командира, не было жалоб ни от сотрудников музея,

ни от жителей Ясной Поляны на моих батарейцев.

Переформирование не предполагало спокойную жизнь далеко от войны, от фронта. Части пополнялись личным составом, обновлялись новой техникой. Я не забывал об учебе не только молодых бойцов, но и тех, кто уже имел некоторый боевой опыт. И все-таки, по моим наблюдениям, мирная жизнь расхолаживает не только солдат, но и командиров. Я уже говорил, что наш командир дивизиона Вересов любил выпить и повеселиться. Он слыл «рубахой-парнем», мог пить со штабными офицерами, командирами орудий и рядовыми бойцами.

Как-то с несколькими офицерами Вересов решил «проветриться» в Тулу, где в каком-то кабаке устроил драку с гражданскими парнями. На шум прибыл военный патруль, и артиллеристам пришлось прорываться с «боем». На следующий день, протрезвев, участники попойки сильно переживали, гадая, доберется ли до них комендант Тулы полковник Чекмазов или командир корпуса Катуков? Ведь дело пахло трибуналом.

Об этом «ЧП» судачили в дивизионе, как на базаре. Командир корпуса был занят важными делами в Москве, а комбриг Мельников, хотя и знал о «ЧП», занял в этом деле нейтральную позицию: сам грешен по части выпивки. Но если бы о подвигах Вересова узнал комиссар бригады подполковник Д. И. Игнатьев, несдобровать бы нашему бравому командиру дивизиона и его собутыльникам. Дмитрий Иванович был настоящим комиссаром и с подчиненных спрашивал по полной мере.

Дело с пьянкой угасло как-то само по себе, и дивизион помаленьку начал втягиваться в учебный процесс. Солдаты изучали матчасть, а офицеры — топографию. Из штаба поступили новые карты местности. Как-то мы сидели с батарейным комиссаром Александром Федоровым и рассматривали карту российских областей, находящихся под немецкой оккупацией. Я почему-то обратил внимание на Тулу, затем механически перевел взгляд на Рязань, нашел город Михайлов, село Воронино (районный центр), а вот и моя родная Захаровка. Только на карте она обозначена была как Захарово. Здесь живет моя мама и сестра Марфа. От них я недавно получил письмо. Повидать бы их. Эта мысль так и застряла у меня в мозгу. Вряд ли во время войны мне удастся с ними встретиться. А тут такой случай. Отмахать каких-то двести километров — не велика проблема!

— Послушай, Саша, — сказал я. — У меня есть возможность съездить на родину и встретиться с родными. Ты понимаешь, что это такое?

Федоров поднял на меня удивленные глаза, но сумасбродную идею поддержал:

— Мой тебе совет — обратись к комиссару бригады. Игнатьев — добрый мужик, поймет. Я тут же возразил:

— Нет, Саша, пойду сначала к Вересову, он как-никак мой прямой начальник. Не получится, тогда буду обращаться к Дмитрию Ивановичу.

И вот я стою перед майором Вересовым, усиленно убеждаю его отпустить меня всего на одни сутки, чтобы повидать мать. «Давлю» на психику, мол, такого случая больше не представится. На войне убивают, и я свою маму больше никогда не увижу. Майор молчит, переводит взгляд с меня на сидящего тут же начальника штаба Мироненко. Продолжаю «психическую» атаку:

— От Ясной Поляны до Рязани всего двести километров, а там до дома — рукой подать. Машина у меня новая, шофер Калачев — специалист высокого класса, ему эти две сотни километров — не расстояние. А за сутки вряд ли что может случиться.

Наверно, моя речь была настолько убедительной, что Вересов, поколебавшись, согласился отпустить меня, но все же обратился к Мироненко:

— Как, начштаба, дадим «добро» лейтенанту?

Тот, не задумываясь, ответил:

— А ведь действительно, когда еще Демидов увидит своих родных? Надо уважить командира одной из лучших батарей.

Поблагодарив начальство, я пулей вылетел из штаба дивизиона и помчался на батарею. Вызвал шофера Калачева, приказал ему подготовить машину в дальнюю дорогу, прихватить с собой двухсотлитровую бочку с бензином, на всякий случай — цепи на колеса, продукты, шинель и оружие.

Когда все было готово к отъезду, на батарее появился Вересов и попросил подвезти до Рязани еще одного попутчика, комиссара 3-й батареи. Узнав, что я еду в этом направлении, тот уговорил начальство отпустить и его.

Наконец, мы тронулись в путь. Стояла солнечная погода, по небу бежали легкие светлосизые облака. Наша машина легко бежала по дорогам Тульщины, затем — Рязанщины, оставляя за собой пыльный столб. Мимо проплывали еще неубранные поля. Вот оно русское раздолье!

Дороги пустынны, по ним некому было ездить. Протарахтит иногда повозка с нехитрой кладью со стариком ездовым или промчится «эмка» с каким-нибудь тыловым чиновником

— и снова ни души. Пролетели город Михайлов, за которые промелькнуло несколько полуопустевших деревень, и на горизонте показалось большое село Воронино.

В Воронино остановились, решили немного размяться и

отдохнуть. К нам подошла средних лет женщина, посмотрела на меня и улыбнулась. Ба! Да это же тетя Надя, мать моего товарища Коли Потапова, с которым мы жили в Ленинграде в одном доме. Тоже, видать, эвакуировалась в эти края. Обрадовавшись такой встрече, тетя Надя затащила нас в дом, угостила чаем. Поговорили, вспомнили Ленинград, родных, знакомых. Я узнал, что Коля жив, воюет, а старший ее сын Михаил работает в Рязани.

Распрощавшись с тетей Надей, двинулись дальше. Когда показалась Захаровка, сердце мое учащенно забилось, готовое вылететь из груди. Как-то меня встретят? В село въезжали на малой скорости. Вот она — моя родная Захаровка! Почти не изменилась. У шоссе — с десяток домов. Это — Дворики. Называлась эта часть села Двориками, видимо, потому, что эти дома стояли чуть поодаль, в стороне от остальных. Недаром же говорят, что своя земля и в горсти мила!

Остановились у дома Марфы. Нас встретила детвора мал-мала меньше. Все они оказались детьми сестры. На шум выбежала Марфа, за ней — мать. Они остановились на ступеньках, не понимая, что тут происходит. Первой узнала меня мать и, всплеснув руками, бросилась на шею. Полились слезы, начались материнские причитания. Сестра была более сдержанной, мы с ней расцеловались, и у нее из глаз тоже покатились слезинки. С детьми, своими племянниками, я знакомился после того, как отпустил машину. Калачеву приказал отвезти комиссара в Рязань, а утром быть в Захаровке.

Моему неожиданному, можно сказать, и негаданному появлению в родных пенатах все были несказанно рады. Мать ни на шаг не отходила от меня. Марфа собирала на стол. Угощение по тем временам было царским — хлеб, свежий картофель, яйца, вареная курица и даже мед, невесть откуда раздобытый. Такого я давно не едал и, выпив со всеми по рюмочке водки, с удовольствием принялся за домашнюю снедь.

Мать и сестра забрасывали меня вопросами, на которые я едва успевал отвечать. Но на главный вопрос: когда же закончится война? — я так и не смог толком ответить. Говорил, что скоро мы погоним проклятых фашистов, освободим нашу землю и будем добивать их в Берлине. Только это «скоро» затянулось потом еще почти на два года.

После обеда я походил по селу, навестил колхозный сад, побродил по полям и, уставший, долго стоял у нашей маленькой речки под названием Ведерка. Откуда такое название, я и по сей день не знаю. Смотрел на чистую воду, в которой плескались маленькие рыбки и думал: «Увижу ли я все это еще раз?»

Утром из Рязани возвратилась машина. Шофер Калачев

выглядел бодрым, видимо, за ночь успел отоспаться. Комиссар тоже был в хорошем расположении духа: дома у него все оказалось в полном порядке. Собираясь в дорогу, я выгрузил из кузова машины плащ-палатки, шинели, брезент, ватники и бензин — оставил Марфе. Все это в хозяйстве пригодится.

Прощание с родным домом было тягостным: снова слезы и причитания. Мать, ухватившись за дверцу машины, кричала:

— Береги себя, Петенька, я буду молиться за тебя! Возвращайся живым!

Машина, набирая скорость, выехала на дорогу. Я сидел рядом с Калачевым, погруженный в свои невеселые думы. Шофер, заметив мое упаднические настроение, проговорил:

— Бросьте грустить, товарищ лейтенант. Еще вернетесь к отчему тому. Ей-богу, вернетесь!

— Конечно, вернусь, — согласился я. — Ты только внимательно смотри на дорогу и не забывай давить на газ.

Возвратились мы в Ясную Поляну в середине дня. В дороге никаких происшествий не случилось, а тут — нате вам — дивизиона на месте не оказалось. Солдат-регулировщик объяснил: дивизион грузится в эшелоны. Кричу шоферу: «На станцию, быстро!»

Калачев сразу же понял, что надо делать. Развернув машину, на полном ходу погнал ее на железнодорожную станцию. Погрузка людей и матчасти уже заканчивалась. Нашу машину едва ли не последней пришлось ставить на платформу. Промедли в пути хотя бы полчаса, состав ушел бы без нас. Вот оно — военное везение: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь!

В теплушке разместились уже все офицеры батареи. Я был несказанно рад тому, что снова оказался вместе со своим боевым коллективом, стал рассказывать о своей поездке на родину, в деревню. Подошел комиссар Александр Федоров и сообщил печальную новость. После моего отъезда застрелился лейтенант Гордин. В этот день он возвратился из госпиталя, бродил, словно тень, не находя себе места. Потом исчез. Нашли его к вечеру под кустом уже мертвым. Гордин выстрелил из пистолета себе в висок.

Весть действительно была печальной. Только теперь я понял, что при взрыве снаряда офицер был сильно контужен, серьезно нарушена психика, а врачи в госпитале не обратили на это никакого внимания. И вот исход!

Мне до слез стало жаль командира огневого взвода. Это был исполнительный офицер, человек чуткий и внимательный. Мне его очень будет не хватать. Война продолжала безумствовать, увеличивая счет людских потерь!

На очередной остановке я зашел к Вересову с докладом о своей поездке. Он уже знал, что я возвратился в последнюю минуту и не стал журить за опоздание, только признался — изрядно за меня поволновался.

Майор уже принял на «грудь» свои двести грамм, навеселе были и его друзья. Они вели себя шумно, раскованно, пытались и меня угостить водкой. Я отказался. Тогда Вересов предложил:

— Ну, раз выпить с нами не хочешь, тогда я тебе сыграю на баяне.

Он достал из-под нар инструмент в кожаном футляре, открыл его и, как заправский музыкант, прошелся пальцами по перламутровым пуговкам. Играл он неплохо, сначала что-то веселое, разухабистое, потом перешел на песни из полюбившихся довоенных кинофильмов — «Трактористы», «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» и других. Я слушал музыку, в конечном итоге она мне надоела. Простившись с веселой компанией, я отправился в свою теплушку. Забравшись на нары, заснул мертвецким сном…

В начале сентября эшелон прибыл на станцию Мичуринск, где стал разгружаться. Мы сняли крепления с пушек и тягачей, и вот уже наша техника на земле. Подана команда построиться в колонну. Батарея за батареей продвигались мы на окраину города, любуясь здешними яблоневыми садами. Как раз шла уборка яблок. Никто не знал, сколько мы пробудем в этом красивом русском городе.

Я устроился в небольшом домике, владельцем которого была миловидная хозяйка, согласившаяся готовить пищу на всю нашу офицерскую братию.

После обеда все офицеры разбрелись по своим квартирам, а я решил вздремнуть, как говорил наш дивизионный старшина Ярмощук, если не шестьсот минут, то хотя бы девяносто. Не успел уснуть, как появился вестовой: Вересов собирает всех офицеров. Когда все офицеры собрались, командир дивизиона объявил приказ: батареям построиться в колонну и следовать на станцию! Снова погрузка. Ох уж эта фронтовая неизвестность!

Вечером эшелон, стуча колесами, двинулся на север. Проехали знакомую Тулу, затем Серпухов, простояли около суток на окружной дороге у Москвы и снова в путь. Каждый задавал себе вопрос: куда?

Глава V
Калининский фронт

Когда мы стояли в Ясной Поляне, Катуков находился в Москве на приеме у Сталина. Решался непростой вопрос — создание 3-го механизированного корпуса, который предполагалось бросить на Калининский фронт, где складывалась не совсем ясная обстановка.

Механизированный корпус по огневой мощи превосходил танковый в несколько раз. Кроме двух танковых бригад, в него теперь были включены 3 мотострелковые бригады и другие части.

Наша 1-я мотострелковая бригада по-прежнему оставалась под властной рукой генерала Катукова, но именовалась уже не мотострелковой, а механизированной. По штату, кроме артиллерийских и стрелковых частей, в нее вошел танковый полк (35 машин).

Артиллерийский дивизион разместился не в самом Калинине, а в 15 километрах от него, недалеко от деревни Эммаус. Рядом Волга!

Когда мы двигались в район сосредоточения, невольно бросались в глаза калининские леса, высокие, стройные, тянувшиеся иногда на десятки километров. Местность здесь была почти на каждом шагу болотистая, с многочисленными речками и ручейками. Мне почему-то казалось, что именно в таких дремучих лесах должны жить сказочные герои Пушкина. Воздух был пропитан туманной влагой и испарениями, постоянно поднимающимися из многочисленных болот. Как тут использовать тяжелую технику, представить себе трудно. Проехать на телеге по лесным дорогам — проблема, а уж пройти танку или ЗИСу с прицепной пушкой — почти невозможно.

Проблема дорожного движения в калининских лесах стала головной болью всех командиров и командира корпуса Катукова, ходившего со своими танками по украинским лесам, приволжским и донским степям, по Подмосковью. Но и он, известный вояка, по прибытии на Калининский фронт оказался в труднейшей ситуации. В своих воспоминаниях он писал: «В район сосредоточения мы выступили глубокой осенью. Шли ночами через калининские леса и болота. Бездорожье, грязь. Двигались по гатям — настилам из жердей, бревен и хвороста. На многие десятки километров протянулись жердевые дороги. Сойти с них и не думай: шаг-другой в сторону — и увязнешь в болотистой топи. Нужно ли говорить, что скорость нашего движения в те ночи не

превышала пешеходную. Днем укрывались в лесных массивах, иначе узенькие, в ниточку, гати могли бы стать большим кладбищем для наших войск. Фашистская авиация по-прежнему господствовала в воздухе. «Костыли» с восхода до захода солнца маячили в небе, «мессеры» с ревом проносились над частями, контролируя подходы к фронту».

В районе размещения все части корпуса привлекли к строительству новых дорог — «жердянок» и гатей, иначе не подвезти ни горючее, ни продовольствие, не протащить и технику.

Мужика греет не шуба, а топор. Сколько же порубили деревьев мои батарейцы, чтобы сделать «жердянку», ведущую к небольшой площадке, на которой нам отведено было место для временного пребывания, не счесть! Работали все — солдаты и офицеры, как на корабле во время «аврала». Комбриг Мельников, побывавший в дивизионе, остался доволен нашей работой.

Приезжал к нам с проверкой и главный артиллерийский начальник корпуса полковник И. Ф. Фролов. С Иваном Федоровичем на фронте приходилось встречаться довольно часто. После строительства дорог и обустройства землянок для личного состава я сразу же приступил к занятиям по боевой подготовке. Неожиданно на батарее появился Фролов. Вересов почему-то всегда направлял проверяющих на мою батарею, словно она числилась у него в образцово-показательных. Как полагается, я отрапортовал: «Товарищ полковник, батарея проводит занятия по огневой подготовке. Тема: «Ведение огня с закрытых позиций!»

Скомандовав «Вольно!», полковник внимательно посмотрел на меня, пожал руку, затем задал несколько вопросов по работе с буссолью и наведению орудий на цель. Мои ответы, видимо, ему понравились, и он приказал собрать личный состав батареи. Разговор касался нашего быта: как устроились на новом месте, что пишут родные, как с питанием. Солдаты пожаловались на то, что хлеба выдают маловато, надо бы увеличить норму. Полковник согласился, что со снабжением в армии не все пока благополучно, но норму хлеба пообещал увеличить на период военных действий. И тут же поучительным тоном начал рассказывать, что лично он свой хлеб съедает не сразу, а делит на три части, так что его хватает на завтрак, обед и ужин. Батарейцы улыбались, считая, что полковник шутит, но он говорил вполне серьезно, я бы сказал, менторским тоном. Вот так я и познакомился с высоким корпусным начальством.

Отношения с Иваном Федоровичем Фроловым у меня сложились нормальные, но в один из приездов он все же прищучил меня и хотел наказать за неуставной вид. Прибыв на

Калининский фронт, я совсем обносился, сапоги пропускали воду, как решето. Чтобы не схватить простуду, попросил старшину батареи обеспечить меня обувью. Сапог в его хозяйстве не оказалось, и он принес мне солдатские ботинки с обмотками времен 30-х годов. Если кто-то знает: обмотки были до девяти метров длиной — пока намотаешь на ноги, напаришься. Но оказалось, что они прекрасно хранят тепло и не пропускают воду. Я был вполне доволен, а вот прибывший на батарею Фролов устроил мне разнос. Пришлось объясняться. Вечером у меня появились новые яловые сапоги: начальство проявило заботу о командире батареи.

Более обстоятельно с Иваном Фроловым я познакомился позже, когда он щеголял уже в генеральской форме. А на Калининском фронте он ходил в коричневом кожаном пальто с расстегнутым воротом. К этому времени у него уже было много наград, в том числе и какой-то китайский орден, которым его наградили в Поднебесной, когда он был военным советником в период национально-освободительной борьбы и революции в 1924–1927 годах при Чан Кайши. Было ему в 1942 году лет сорок. Высокий, худощавый, лицо продолговатое, живые, смеющиеся глаза, чуть вздернутый нос. Офицер грамотный, умный, пробивной, свое дело знал основательно, артиллеристов в обиду не давал, хороших офицеров замечал, продвигал по службе. Катуков его ценил. Но была у Фролова одна слабость — любил барахло, трофеи, таскал с собой коллекцию оружия и другие совершенно ненужные на фронте безделушки.

По ходу повествования я еще буду рассказывать о Фролове, потому что прошел под его командованием от Калинина до Берлина.

В ходе подготовки к боевым действиям у артиллеристов практически не было свободного времени. Но однажды майор Вересов решил поощрить офицерский состав, сам организовал поездку в Калинин на экскурсию. Город еще тогда не очень пострадал от бомбардировок, работали театры и кинотеатры. Днем мы посмотрели кино, а вечером гурьбой отправились смотреть какую-то оперетту. Пел здоровенный мужик, со своей ролью справлялся плохо, голос его звучал, как из пустой бочки. Такая игра артиста всем надоела, послышались крики из нашей артиллерийской команды: «На фронт его, правильным в артиллерию!» Правильный орудия в боевом расчете выполняет самые трудные обязанности по перемещению станин и сошников пушки. Обычно на эту должность назначают самых сильных и здоровых людей.

Разочарованные, офицеры покинули зал и возвратились в

расположение своего дивизиона. Больше в театрах Калинина нам побывать не пришлось. Близилось наступление.

Нельзя сказать, что тогда мы испытывали культурный голод, пожалуй, нас больше беспокоила насущная пища. Обещанной прибавки нормы хлеба мы не дождались. Свой пищевой рацион разнообразили по мере возможности, чаще всего — рыбой. В полутора километрах от нашего расположения протекала матушка-Волга, полная рыбы. Ни удочек, ни сетей у нас, конечно, не было, но гранаты имелись в изобилии. Одним словом, браконьерничали. Кинешь такую штуковину — и собирай улов. Промысел этот опасный, и без происшествий не обходилось. На такой «рыбалке» пострадал артиллерийский мастер сержант Белоконев. Каким образом ему удалось загнать капсюль-взрыватель от противотанковой гранаты в обычную ручную — РГД, никому неизвестно. Пострадал, бедняга: пришлось отправить в госпиталь — ему оторвало правую руку.

Помнится, после этого случая таких «рыбаков» поубавилось, к тому же в конце ноября 1942 года закончился подготовительный период, и корпусу из мест сосредоточения предстояло направиться на передний край, имея задачу наступать с рубежа между городом Белым и поселком Оленино.

Артиллерийский дивизион двигался в выжидательный район по тем самым дорогам-»жердянкам», которые были заранее проложены на заболоченной местности. Создавалось впечатление, что мы едем не по дороге, а по стиральной доске, — машины, выбравшись из одной ямы, сразу же попадали в другую. Вересов бегал из конца в конец колонны, матерно ругался на зазевавшихся шоферов. Если машина застревала в болотной грязи, батарейцы выскакивали из кузова и толкали плечом тягачи с пушками — только бы не останавливаться. На нашу беду зима в том году никак не могла собраться с силами, выпадавший снег тут же таял, и образовавшиеся лужи засасывали нашу технику по самую ступицу.

Марш в выжидательный район вымотал всех основательно. У нас оставалось еще немного времени, чтобы привести себя в порядок и обсушиться. В 10 часов 25 ноября 1942 года началась артиллерийская подготовка, после которой пошли на прорыв обороны противника стрелковые части.

Втягивался в бой и наш артдивизион. Вересов приказал нашей батарее сменить боевой порядок. Мне сразу же пришлось переносить наблюдательный пункт вперед на высоту, обозначенную на карте под номером 73,4. Я был настолько занят устройством новой огневой позиции, что не имел возможности даже позавтракать. Старшина принес мне целый котелок каши с

салом под названием «блондинка». Так солдаты называли пшенную кашу за ее желтоватый цвет. Только принялся за еду, как над нашими головами с диким воем пролетели реактивные снаряды, оставляя за собой косматые хвосты пламени. Где-то совсем рядом била «катюша». Из любопытства у меня появилось желание сейчас же сходить к гвардейцам минометной батареи и познакомиться с их оружием, посмотреть, как работает личный состав при ведении огня.

Несколько позже мне пришлось служить в дивизионе РС, пока же о реактивных установках у меня было смутное представление. Правда, я слышал об успешном использовании «катюш» в 1941 году под Оршей, а на Брянском фронте впервые увидел их залп. Теперь «катюши» применяют и на Калининском фронте.

Пока я бегал с котелком по огневой позиции, глотая на ходу «блондинку», дивизион РС, отстрелявшись, перебирался на новую позицию. Я, открыв рот, смотрел на это чудо техники и ничего в нем особенного не находил. Вместо кузова — примитивный рамообразный станок, сваренный из металлических полозьев, на которых устанавливались реактивные снаряды. Я даже разочаровался в этой знаменитой технике, носившей кодовое название БМ-13.

Вдруг слышу, кто-то громко кричит: «Начальника штаба капитана Гиленкова к командиру дивизиона!» Тут же у меня промелькнула мысль: «Уж не Юра ли Гиленков объявился в наших краях? В спецшколе и артиллерийском училище был у меня такой друг. Фамилия-то уж больно редкая». Подхожу к офицеру, спрашиваю: «Гиленкова не Юрой зовут?» Тот отвечает, что точно не знает, но, кажется, Юрием. Сейчас он в штабной машине, у командира дивизиона. Я помчался к «доджу», стоявшему рядом с ЗИСами. Остановился. Дверь машины открылась, и на меня вывалился сам Гиленков. Юра был немного подслеповат, носил очки, сразу не узнал меня, да и было все так неожиданно. Потом вдруг вскрикнул:

— Петька, Демидов, вот не ожидал! Откуда, чертяка, выискался?

— Наверно, оттуда, откуда и ты, приятель!

Мы обнялись, расцеловались, как родные братья. Времени обменяться новостями не было. Выяснилось лишь то, что Гиленков служит начальником штаба в 405-м отдельном гвардейском дивизионе БМ-13 («катюш») 3-го мехкорпуса, то есть в том же корпусе, в котором служу и я. Договорились встретиться после боев и подробно обо всем поговорить. Дивизион умчался на другую позицию, а я смотрел ему вслед, думая о превратностях судьбы и о том, что только на фронте возможны такие встречи.

С Юрием Гиленковым мы знакомы с 1938 года. С начала войны наши пути разошлись. Потом мы встречались на разных фронтах, а перед Курской битвой он «перетянул» меня в 405-й дивизион начальником штаба. Забегая вперед, скажу, что даже став генералом, Юра поддерживал со мной отношения: товарищ и друг он был хороший, как человек — общительный и веселый, всегда доступен, любил хорошую шутку и все человеческие удовольствия. На фронте и дома принимал друзей хлебосольно, на стол тащил все, что у него имелось. Его отличительная черта — умение ладить с начальством и подчиненными. Иногда казалось, что человек он бесконфликтный. Но это не совсем так. Там, где надо, характер его проявлялся в полную силу. Видимо, эта черта характера позволила моему другу быстро подниматься по служебной лестнице и делать карьеру.

На Калининском фронте встречи с капитаном Гиленковым были не так часты: шли бои, и наши батареи действовали на разных участках.

В ноябре-декабре 1942 года было не до личных встреч. Нам пришлось выдержать тяжелые бои при штурме Шопотовского и Михеевского узлов сопротивления противника, которые обороняли части дивизии «Великая Германия». Болотистые, труднопроходимые места мешали маневру танковых подразделений, да и нам, артиллеристам, нелегко приходилось при перемене огневой позиции. Росли потери. Только за 9 дней боев 1-я механизированная бригада потеряла убитыми 390 человек и 3 танка.

Тяжело было видеть разрушенные до основания наши села и деревни, сожженные дома, расстрелянных и повешенных мирных жителей. Такие картины вызывали гнев и ненависть к фашистским палачам. Иногда с большим трудом удавалось сдерживать наших солдат от расправы над пленными гитлеровцами. Мне не забыть, как у деревни Софийское молодой политрук прилаживал веревку к суку березы, собираясь казнить десятка полтора дрожащих от холода фашистских вояк, стоявших под охраной наших автоматчиков. Эти головорезы во главе с офицером сожгли деревню, расстреляли многих ее жителей. Теперь самим предстояло держать ответ перед Богом и людьми. Не знаю, повесили ли тогда пленных. Бой усиливался, и наши машины ушли на новую позицию. Только этот инцидент наделал немало шуму в бригаде. Офицеру, затеявшему публичную казнь, досталось от начальника политотдела Игнатьева — «за фашистские методы обращения с военнопленными». Так говорилось в приказе.

Продвигаясь вперед за 49-й танковой бригадой, мы должны

были организовать огневую позицию недалеко от села Богородицкое. Здесь только что отгремел бой, и танкисты, оттеснив немцев к реке Лучеса, штурмовали деревню Травино. Но лесная опушка, где предполагалось разместить наблюдательный пункт, уже была занята батареей 122-миллиметровых советских гаубиц, стволы которых были направлены в нашу сторону. Рядом лежало большое количество боеприпасов, но из обслуживающего персонала — ни души. Оказалось, что советские гаубицы принадлежали немцам. Они их захватили давно, еще, возможно, на западных границах, и теперь использовали против наших войск. Внезапно появившиеся танкисты разогнали немцев, и гаубицы вновь обрели прежних хозяев.

Использование трофейной техники и оружия — артиллерии, танков, различного типа машин как немцами, так и нашими войсками — обычное дело. Трофейным оружием вооружались не только партизанские отряды, но и полевые части. Мне известно, например, что в 7-й дивизии РС было несколько батарей, сформированных на базе трофейных немецких шестиствольных минометов. Такие минометы наши солдаты называли «шакалами», «скрипунами» и даже «ишаками» исключительно за то, что при стрельбе они издавали звуки, похожие на крик осла.

Когда наши войска навели переправы и форсировали реку Лучесу, моя батарея у сел Пустошка и Кузовлево попала под сильный минометный обстрел тех самых «ишаков». Я тогда собирался оборудовать на берегу реки наблюдательный пункт. Со мной находился ординарец, несколько человек разведчиков и радист сержант Сиськов. Обстрел был такой силы, что невозможно было поднять голову. Постепенно огонь стихал, потом почти прекратился совсем. Мои спутники поднялись с земли и стали приводить себя в порядок. Тут обнаружилось, что с нами нет сержанта Сиськова. Потом видим, как наш радист что есть мочи, с рацией на спине, чешет в тыл. Я закричал: «Сиськов, ты куда? Стой!» Но не тут-то было. Откуда у тщедушного, уже пожилого солдата взялись силы? Страх гнал его назад. В моей фронтовой службе это был уже второй случай, когда боец струсил, потеряв чувство реального восприятия мира, бежал куда глаза глядят.

Догнав беглеца, я свалил его на землю. Сержант сопротивлялся, пробовал бежать снова. Мне эта возня надоела. Ударом в челюсть я послал его в нокдаун, как говорят рефери. Вытащив пистолет, предупредил:

— Если только побежишь, пристрелю. Имей это в виду!

Сержант упал на колени, затем, распластавшись на земле, заплакал. Я дал ему возможность очухаться и прийти в себя.

Когда рыдания прекратились, миролюбиво провел с ним политбеседу:

— Ты думаешь, мне не страшно? Страшно, еще как страшно! Но страх надо перебороть, взять себя в руки, и все будет хорошо.

Так мы мирно беседовали на берегу Лучесы, стоя друг перед другом на коленях. Я пообещал Сиськову, что о его минутной слабости никто из командования не узнает, а солдат я попрошу, чтобы об этом случае вообще не распространялись.

Сиськов поверил мне и продолжал служить на батарее, воевал исправно, но только при встрече со мной всегда отводил глаза, видимо, переживал, самому было противно оттого, что когда-то проявил трусость.

Время лечит травмы физические и моральные, и человек снова обретает способность контролировать свои действия, живет нормальной, полнокровной жизнью. Мы в тот день хорошо устроились на новом наблюдательном пункте, подавили несколько вражеских целей. По радио мне сообщили, что на мое имя пришла посылка. Оказалось, что мать и сестра прислали подарок к Новому году: теплые варежки, шерстяные носки и килограмма два черных деревенских сухарей. Не весть какое богатство, но было приятно, что обо мне помнят, беспокоятся. Сухари грызла вся батарея.

Новый год мы встретили на передовой. Службу несли как положено, хотя и приняли сто наркомовских грамм. Может, кто-то добавил и еще сто, потому что было холодно. В эту ночь приходилось отбивать атаки немцев, пытавшихся отнять у нас территорию, завоеванную немалой кровью.

Бои на реке Лучеса длились до 6 января 1943 года. Мы потеряли много людей и техники. Из 170 танков в строю осталось 52 машины. Решением Военного совета 22-й армии с 6 на 7 января корпус был выведен из боя. Вот что писало тогда командование о боевых действиях корпуса: «Корпус выполнил задачу по прорыву оборонительной полосы противника, в течение 10 суток вел беспрерывные бои с напряжением до предела всех сил. Личный состав проявил образцы мужества. Хотя задача была несвойственна корпусу (прорыв танками обороны противника — П. Д.), он ее выполнил».[15]

В том, что наши бойцы и командиры постоянно проявляли образцы мужества и героизма, можно не сомневаться. Я помню приказы, подписанные командиром бригады Мельниковым, начальником штаба Драгунским и начальником политотдела Игнатьевым, в которых говорилось о том, как мужественно сражался командир 1-й роты 14-го танкового полка капитан Смирнов, заместитель командира роты по политической части

лейтенант Луненков, как смело действовали санитары из 446-го и 447-го медсанбатов Масленников, Семашко и Бронников, вынесшие с поля боя 68 раненых, как командир танка лейтенант Адельберг сражался до последнего снаряда.

В условиях тяжелейших боев на Волге, у Сталинграда, когда гитлеровцы любой ценой пытались захватить город, чтобы перерезать водную артерию, по которой к центру страны шли хлеб и нефть, действиям корпуса Катукова Ставка придавала особое значение: усилив наступление на Калининском фронте, корпус отвлек значительную часть германских резервов, которые могли быть переброшены к Сталинграду.

Катуков впоследствии писал: «Нашим механизированным корпусам ставилась вполне конкретная, с дальним прицелом задача: активными действиями не на одном, а на нескольких направлениях связать резервы противника и не дать гитлеровскому командованию широко маневрировать своими силами. Наши действия не только помешали фашистам перебросить часть соединений на поддержку группировки, попавшей на правом берегу Волги в безвыходное положение (армия фельдмаршала Паулюса — П. Д.), но и заставили их усилить войска, действующие на нашем фронте».[16]

Я не берусь давать оценку действиям Катукова, принимаемых им тех или иных решений даже по прошествии десятков лет, когда уже у самого накопился определенный военный опыт, но мне кажется, действовал он всегда грамотно, расчетливо, старался бить противника любыми силами и в любой ситуации. Обычно, когда заканчивались боевые действия, подводились итоги. В кратком описании действий 3-го механизированного корпуса на Оленинском направлении в ноябре-декабре 1942 года было сказано: «27 ноября после артподготовки части корпуса перешли в решительное наступление. Генерал Катуков предпринял замечательный обходной маневр, заслуживающий специального изучения и описания. В результате этого маневра передовым частям корпуса удалось разгромить 216-й пехотный полк 86-й германской пехотной дивизии и овладеть Михеево — Шопотово. Противник откатился на запасной оборонительный рубеж Карская — Старухи».[17]

Если говорить о потерях противника, то они были весьма существенны. В том же документе об этом говорилось так: «В описываемых боях корпус уничтожил 13 400 солдат и офицеров противника, 78 танков, 30 самоходных орудий, 164 орудия разного калибра, 14 самолетов, 137 пулеметов. Захвачено 11 самоходных орудий, 63 орудия разного калибра, 96 пулеметов, 55 автомашин и другое военное имущество».

И еще о Катукове. Постановлением СНК СССР от 18 января 1943 года ему было присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск. Это тоже говорило о его заслугах перед страной, о доверии Верховного главнокомандующего к нашему командиру.

В одной из наших частей воевал Александр Гурьев. Солдат сочинял стихи, любил на привале поиграть на баяне для своих товарищей. Не раз слушал его и Михаил Ефимович. Я уже не помню, как попали ко мне стихи Гурьева, но они сохранились в моем личном архиве. Посвящались, разумеется, нашему командиру:

Он был солдатом на гражданской —
От белых Петроград спасал,
Он гнал врагов до Польши панской,
Он твердо знал, что защищал.
Советской армии народной
Он жизнь отдал, за годом год,
Всегда в готовности походной
Стоял он за родной народ.
А как фашизм войной поднялся,
Народ наш встал сплошной стеной.
Комдив-полковник честно дрался
В своей дивизии родной.
Дивизия, бригада, корпус…
Стал генералом Катуков.
Его танкисты беспощадно
Разили бешеных врагов…

Стихи не ахти какие, но они отражают внутренний мир Катукова, свидетельствуют о его деятельной натуре. Легенд о нем уже тогда ходило много. Но мы ведь знали не только легенды. Знали, как он отступал со своей дивизией от западной границы, как в степях под Сталинградом, в местечке Прудбой, создавал танковую бригаду, которая потом насмерть стояла под Москвой, отражая танковые полчища Гудериана. У Сталина Катуков пользовался полным доверием, не боялся высказывать ему свои соображения относительно недостатков конструкции танков, даже всеми любимых Т-34. О «КВ» говорил с неохотой — тяжеловаты, неповоротливы, маневрировать ими в труднопроходимых местах неудобно. Ему удалось добиться процедуры награждения отличившихся воинов не через Президиум Верховного Совета, а прямо на местах, чтобы это право имели командиры соединений сразу же после боя, что в дальнейшем и было принято.

В обращении с солдатами Катуков был демократичен, бывая в частях любил собирать людей где-нибудь на поляне, рассаживал всех полукругом, становился в середину и держал речь. Говорил о положении на фронтах, о тактике боя с немецкими танками, о перспективах войны. Получалась поучительная, интересная, неформальная встреча. От таких встреч авторитет генерала становился более высоким. Даже если он приезжал со своей ППЖ, на это никто не обращал внимания. Еще до войны у Михаила Ефимовича умерла жена. На фронте он встретил журналистку Екатерину Красавцеву, которая, став его женой, дошла с ним до самого Берлина. В штабах о ней говорили разное, но на сплетни она не реагировала, обязанности секретаря-машинистки выполняла добросовестно, ходила всегда в гражданской одежде. Для нас это было странно, потому что все женщины в армии носили военную форму.

Катуков не раз бывал в нашей бригаде. Отданные им распоряжения тут же печатались его секретарем-машинисткой, подписывались и шли к исполнению. Все делалось четко, быстро и главное — оперативно.

У генерала был сын от первого брака — Павел, лейтенант, летчик. На фронт к отцу он приезжал единственный раз. Погостил всего несколько дней, но, узнав о существовании секретаря-машинистки и ее роли, взбунтовался. Солдаты, охранявшие штаб и дом командующего, слышали неприятный разговор отца с сыном, грубые крики генерала: «Мальчишка! Ты ничего не понимаешь в жизни!» Павел молчал, потом гневно бросил: «Ты мне больше не отец! Предать маму, память о ней — это жестоко!» Раздался звук пощечины, и сын пулей вылетел из дома. Вскоре он уехал, и больше его никто в танковой армии не видел.

Каковы были дальнейшие отношения отца с сыном, мне неизвестно. Знаю лишь одно: Катуков и Павел умерли в один год, 1976-й.

…Хотя в начале января 1943 года корпус был выведен из боев и направлен на переформирование в район поселка Тагоща, его отдельные части продолжали боевые действия. Это связано с тем, что необходимо было оказать помощь кавалерийским частям, участвовавшим в Ржевско-Вяземской операции и оказавшихся в окружении. Кавалеристы прошли по тылам противника, разрушая его базы и коммуникации. Вскоре у них закончились боеприпасы, продовольствие и фураж. Навстречу окруженцам Катуков направил танковый полк Александра Бурды. Кавалеристов нашли, проход через линию фронта им обеспечила 3-я механизированная бригада А. Х. Бабаджаняна. Остатки конной группы были спасены.

В январе 1943 года мы еще не знали, что Главное командование Красной армии усиленно готовит войска к летнему наступлению. Помимо обычных полевых армий, начали создаваться танковые армии, которые предназначались для масштабных боевых операций. Танки становились главной ударной силой Красной армии. Они предназначались для того, чтобы раскапывать фронты и большие вражеские группировки, разбивать оборону противника, захватывать коммуникации и города.

В январе 1943 года Катуков снова был вызван к Сталину. В Ставке решался вопрос о создании 1-й танковой армии. Она формировалась на базе 22-й общевойсковой армии, но ядром все оставался 3-й механизированный корпус.

В архиве сохранился интересный документ — приказ Ставки Верховного командования о создании 1-й танковой армии. В нем говорилось:

> «Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования от 30 января 1943 года № 46021 Полевое управление 22-й армии переформировывается в Полевое управление 1-й танковой армии.
>
> Командующим 1-й танковой армией назначен гвардии генерал-лейтенант тов. Катуков, членом Военного совета — генерал-майор тов. Попель, начальником штаба армии — генерал-майор тов. Шалин, заместителем командующего армией — генерал-майор тов. Баранович».[18]

В состав армии вошли 3-й механизированный корпус, 6-й танковый корпус и другие части и соединения. Им приказано было сосредоточиться в небольшом городке Осташков Калининской области. На все это давалось 15 дней.

Возвратившись из Москвы, Катуков как всегда развил бурную деятельность. Механизм управления армией сложный, не все поначалу ладилось с укомплектованием штаба армии. Помог представитель Ставки Г. К. Жуков, приезжавший на Северо-Западный фронт. С его разрешения на должность начальника штаба из 22-й армии был переведен Михаил Шалин, из 3-го мехкорпуса — Матвей Никитин и Павел Дынер.

Сдав 3-й мехкорпус генерал-майору С. М. Кривошеину, Катуков приказал Дынеру, нашему богу по ремонту техники, подготовить всю матчасть к переходу в Осташков. После длительных боев на сборном пункте машин (СПАМ) скопилось много грузовиков и танков, которые нуждались в ремонте. За полмесяца выполнить такую работу, казалось, было невозможно.

Но ремонтники постарались. В одном отчетном документе можно найти такую запись: «В условиях морозов при почти полном отсутствии запасных частей эта новая задача — ремонт танков и автомашин — казалась совершенно невыполнимой. Но русское упорство, сообразительность, правильная расстановка людей, широко развернутая политико-воспитательная работа сделали свое дело. Эти трудности армии были преодолены».[19]

О П. Г. Дынере следует сказать особо. Павел Григорьевич — личность интереснейшая. Инженер, человек с большим жизненным опытом. Через управление, которым он руководил, прошли тысячи машин, многим он дал вторую жизнь. Разыскав после войны его адрес в Одессе, я надеялся, что генерал Дынер написал воспоминания о своих сослуживцах, в первую очередь о Катукове. Мои ожидания не сбылись. Его жена, Любовь Владимировна, сообщила: «К сожалению, дома нет никаких документов о прошедшей войне. Мемуаров Павел Григорьевич не писал, а были только теплые воспоминания о Михаиле Ефимовиче. Сейчас осталась добрая память об ушедших от нас, а у меня еще и вечная скорбь о муже».[20]

К дынеровским ремонтникам мне приходилось обращаться после странных обстоятельств. У меня на батарее были повреждены тягач и одна пушка. Причем, повредили мою матчасть не немцы, а свои же летчики. У села Богородицкое в самый ответственный момент, когда шла переправа через Лучесу, над батареей прошлась тройка штурмовиков Ил-2. Мы проводили их ласковым взглядом. Самолеты, развернувшись, вдруг стали бомбить нас и поливать пулеметными очередями. Батарейцы попрятались по щелям и окопам, посылая в их сторону теперь проклятия и отборный мат. Я не понимал, что происходит. Рядом с батареей стоял штаб бригады, охраняемый крупнокалиберными пулеметами ДШК. Один из пулеметчиков не растерялся и шарахнул по «илам». Те быстренько удалились в наш тыл.

Я смотрел на работу «собратьев» по оружию и ругался на чем свет стоит: тягач прошит пулеметной очередью, а у пушки пробит щит и повреждена станина. При этом был ранен один из моих батарейцев. Об этой «пиратской» акции было доложено командованию. Пока начальство разбиралось, мне пригнали новый тягач, а пушку подремонтировали, но она так и продолжала воевать с дырой на щите, как память о «боевом содружестве» авиации и артиллерии.

Правда, у этой неприятной истории было и свое продолжение. Когда армия совершала марш из калининских лесов к Ленинграду, где должна была участвовать в деблокаде города, наш уставший и промерзший дивизион остановился на

отдых в какой-то деревне, рядом с которой находился полевой аэродром. Видно было, как с него поднимались и садились на заснеженное поле самолеты. Я со своим политруком Александром Федоровым зашел в ближайшую избу, которая уже была обжита летчиками. Те не воспротивились нашему визиту, пригласили обогреться, отдохнуть. Двое пилотов ушли на аэродром на дежурство, оставшиеся трое, как гостеприимные хозяева, предложили нам чай. За чаем я возьми и расскажи историю о том, как нас на Лучесе бомбили «илы». Один из летчиков достал из планшетки карту:

— А ну, артиллерист, покажи, где это происходило?

Мы уточнили место происшествия, и летчики признались, что в «бандитском» нападении участвовал «молодняк» из их полка. Командир звена в первый раз повел «тройку» на боевое задание. В полете ребята потеряли ориентировку, перепутали передний край противника со своим и отбомбились. Их потом разжаловали и отправили в штрафбат.

Вот так, по иронии судьбы, мы встретились с летчиками того полка, который причинил нам материальный ущерб.

Хотелось бы, конечно, встретиться с непосредственными исполнителями той «пиратской» акции. Но такая встреча не состоялась. А жаль. Мы бы сказали им много «приятных» слов.

В феврале 1943 года Ставка создала группу войск специального назначения, в которую вошли 68-я общевойсковая и 1-я танковая армии. Перед ее командующим генералом М. С. Хозиным была поставлена задача — войти в прорыв, который осуществляла 1-я ударная армия, чтобы иметь возможность выйти к Псковскому и Чудскому озерам и там закрепиться. Таким образом группа Хозина становилась заслоном, обращенным фронтом на запад, который лишал противника возможности подбрасывать подкрепления своим отрезанным под Ленинградом войскам, в частности 16-й армии.

Основные силы 1-й танковой армии во взаимодействии с 1-й ударной должны были продвигаться через Лугу к берегам Балтийского моря. В деталях это выглядело так: после прорыва обороны противника на линии Ритино — Корчиково — Холмы в бой вводились танковые и механизированные бригады, которые одной группой захватывали село Красные Струги и город Лугу, другой — Псков, затем, совместно с правофланговыми частями 59-й армии, занимали Новгород.

Но эта операция не состоялась из-за погоды. Еще недавно свирепствовала вьюга и крепчали морозы, а тут неожиданно погода переменилась, подули юго-западные ветры и началась ранняя весна. Снег стал таять прямо на глазах. Танки и машины

застревали в огромных лужах, которые образовались за последнее время. Стало ясно, что использовать нашу технику в предстоящей операции будет просто невозможно. К счастью, вскоре из Москвы пришла директива о том, что операция отменяется.

Однако сосредоточение огромной массы войск — танков, артиллерии и пехоты на Демянском выступе — не осталось незамеченным противником. «Немцы не приняли боя, стали постепенно отходить из района Демянска, бросив свой плацдарм, с которого хотели наступать»,[21] — говорилось в информационной сводке о боевых действиях танковой армии в феврале-марте 1943 года.

Когда мы готовились к наступлению на Демянском выступе, наша бригада обновилась, помолодела, в нее влилось пополнение нового призыва. И у меня на батарее появилось несколько новичков. Молодых бойцов предстояло научить многому, познакомить с нашей техникой, приборами, оружием. Для тех, кто на «гражданке» работал трактористом или шофером, было проще, но артиллерийскому делу учились все. Получив пополнение, я стал распределять новичков по орудийным расчетам. Но тут командир 4-го орудия Коваленко, из бывших уголовников, неожиданно заявил:

— Товарищ старший лейтенант, нам, в принципе, новичок ни к чему. Мы вполне справляемся и без одного номера.

Это заявление меня до крайности насторожило: если у командира орудия выбывал боец, он сразу же требовал замену. Вечером я неожиданно заглянул в землянку этого расчета. И что же вижу? В центре землянки стоит ящик из-под снарядов, выполняющий роль стола, на нем лежат колбаса, консервы, хлеб, стоят в глиняных мисках квашеная капуста и огурцы. Вокруг стола на таких же ящиках сидит милая компания во главе с Коваленко. Командир орудия, не особенно смущаясь, пригласил к столу и меня, налил полкружки водки, пододвинул закуску. От выпивки я отказался, сказал, что не пью, а колбаску попробовал. Спрашиваю у Коваленко:

— Откуда «божьи дары»? На кухне у нас гороховый суп да каша, сдобренная зажаренным салом. И это все.

Я понимал, что Коваленко взялся за старое, но очень уж хотелось послушать, что скажет этот бывший уркаган. Небылицу о хороших друзьях на корпусном складе он слепил на ходу, затем поведал о том, что кое-какие трофеи он умудряется выменивать у местного населения, например капусту, огурцы и самогон.

Выслушав эту откровенную брехню, я встал, поблагодарил хозяев за угощение, но тут же твердо заметил:

— Вот что, братцы-батарейцы, если еще раз увижу пьянку, то

о снятии судимости можете и не мечтать. Судимость останется у вас как бельмо на глазу. Кроме того, гарантирую каждому персонально перевод на «добровольных началах» в штрафной батальон. Предварительно поставлю перед строем батареи, пусть посмотрят на вас товарищи, какие вы солдаты. Ты понимаешь меня, Коваленко?

— Понимаю. Больше это не повторится!

Трудно было верить Коваленко. Подумать только, как он, взявшись за старое, ловко обкрадывал продовольственные склады и кухни, обменивал трофейные вещи у нечистых на руку тыловиков, а также у местного населения. Так и жил расчет 4-го орудия, питаясь не хуже генералов. Я попросил политрука Федорова присмотреть за Коваленко и его подчиненными, а если опять расчет будет замечен в пьянке, принять самые суровые меры.

Бывший уркаган оказался умнее, чем я предполагал, только слово свое держал крепко. Он посчитал, что на батарее ему оставаться не с руки. Когда успел связаться с корпусной разведкой, мне неизвестно, но ушел он туда по требованию высокого начальства, скорее всего начальника разведотдела майора Давыдова.

Со временем я уже стал забывать о бывшем командире 4-го орудия, как Коваленко сам заявил о себе, прибыл на батарею похвастаться орденом Красного Знамени. От его упитанной физиономии не осталось и следа. Мы слушали его рассказ, как он несколько раз ходил в тыл к немцам, брал «языков», попадались даже важные чины. Недавно вернулся с очередного задания, получил десять суток отпуска. А поскольку ехать некуда, решил навестить свою батарею.

Замечу по ходу своего рассказа, что среди бывших «зэков» было немало отчаянных парней. Многие работали в разведке, неплохо справлялись со своими обязанностями. Кроме Коваленко, мне еще пришлось столкнуться с другим бывшим «зэком» — Владимиром Подгорбунским. О нем тепло отзывался и командарм Катуков. Я же об этом еще буду вести речь.

Зиму 1942 года и весну 1943 батарея пережила без особых потрясений. Больших потерь мы не понесли, с наступлением теплых дней на важные перемены тоже не надеялись. По нашим прогнозам, конец войны был еще далеко. Но я пошел по службе в гору. После избавления от опеки комиссара Вайнштейна в августе 1942 года мне было присвоено звание старший лейтенант, в марте 1943 года — капитан. А тут еще подфартило.

Начальник артиллерии корпуса полковник Фролов увидел хорошие способности у нашего начальника штаба Виктора

Мироненко и назначил его офицером штаба артиллерии корпуса. Штаб дивизиона было приказано принять мне. Батарею я сдал старшему лейтенанту Заварзину, а сам, простившись со своими артиллеристами, направился под начало майора Вересова.

К счастью, воевать с Вересовым дальше мне не пришлось. Еще в феврале 1942 года, когда армия перебиралась по заваленным снегом дорогам от Оленино в район Демянского выступа, он успел еще раз прославиться. В самый разгар пурги, когда в пяти метрах от машины ничего не было видно, дорогу дивизиону преградила «эмка» — ни объехать, ни обойти. Подвыпивший Вересов не удосужился узнать, кто едет в легковушке, приказал бойцам: «Убрать с дороги эту мелюзгу!» Что и было сделано: машина быстро оказалась в кювете, а дивизион двинулся дальше.

В «эмке» ехал полковник Фролов, его непосредственный начальник. Как Иван Федорович выбирался из сугробов, история об этом умалчивает. Известно другое — он дознался, кто его искупал в снегу. Перед тем как армия передислоцировалась на Курскую дугу, полковник вызвал к себе Вересова, снял с должности, разжаловал в капитаны и отправил командиром батареи в другой корпус. Больше я его не встречал ни на одном фронте. Может, это и к лучшему, потому что мы вряд ли смогли бы с ним сработаться.

После отмены приказа о наступлении мы двинулись по раскисшим дорогам с берегов реки Ловать в лесные массивы севернее озера Селигер, где для армии было отведено место на период ее временного там пребывания. В штабах уже ходили слухи, что танковую армию перебросят под Харьков, где левое крыло Воронежского фронта проводило оборонительную операцию, отражая немецкое контрнаступление. Но это были только слухи. Пока же мы обживали новое место. Леса хорошо укрывали нас от вражеской авиации, и это давало нам спокойно обустраиваться, рыть землянки для личного состава и аппарели для танков, машин и другой техники.

Я постепенно осваивался с обязанностями начальника штаба дивизиона. У меня был хороший помощник, мой заместитель Саша Семенов. Удивительно, как он работал с Вересовым? Он, как и я, был равнодушен к спиртному, и мы как-то сразу нашли общий язык.

Весна вступала в свои права. Я нередко ходил в лес, подальше от своей базы, чтобы послушать музыку природы. Деревья в ожидании тепла стояли темными, но птицы перекликались уже по-весеннему. На пути попадались зайчишки, которые уже старались поменять свою белую шубку на темную, менее приметную.

Обычно после такой прогулки я возвращался в свою полуторку, штабную машину, служившую мне домом. Это был действительно дом, только на колесах. К этому времени Саша Семенов уже занимался составлением донесения в штаб бригады, а кто-нибудь из бойцов подбрасывал дровишки в печку, кипятил чай.

Зная, что над озером Селигер часто кружат немецкие самолеты-разведчики, после моего возвращения из леса Семенов задавал традиционный вопрос:

— Как там, немцы нас еще не обнаружили?

Я в тон ему отвечал:

— Если будете так дымить своим «самоваром», непременно обнаружат.

Опорожнив котелки с кашей, принесенные ординарцем с общей кухни, мы с Семеновым отправлялись на батареи. У каждого были свои обязанности.

Все проходит, говорят философы. Закончилась и наша мирная лесная жизнь. 23 марта пришел приказ о передислоцировании армии на новое место. Куда? Об этом не знали не только рядовые бойцы, но и более высокие по званию командиры. Нашей механизированной бригаде предписывалось покинуть лес, своим ходом двигаться к станциям Осташков и Черный Дор, где погрузиться в эшелоны.

Погрузка проходила нормально, без особой спешки, как это часто бывает на фронте. Наконец паровоз рванул груженый состав и потянул его на восток, с каждым часом убыстряя бег. Двери нашей теплушки были открыты, и мы мысленно прощались с нашим лесом, который еще недавно надежно укрывал нас от посторонних глаз. В оврагах еще лежал снег, но по лощинам уже бежали бурные ручьи. По названию станций, мимо которых проносился наш эшелон, можно было понять, что мы едем по направлению к Москве. Вот и столица. Почти сутки состав простоял на окружной дороге.

Было желание хотя бы на несколько минут заскочить к сестре Моте, но, сколько будет стоять эшелон, никому не было известно. Поездка из Ясной Поляны в деревню Захаровку меня многому научила, рисковать больше не хотелось, и от мысли увидеться с родственниками сразу же пришлось отказаться.

Вскоре эшелон двинулся дальше. По ночам еще было холодно, но днем мы покидали свои нары, открывали настежь двери и, довольные жизнью, откровенно говоря, бездельничали, пели любимые фронтовые песни.

На какой-то станции наш эшелон сделал остановку. Рядом стоял такой же эшелон и тоже державший курс на юг. Оказалось,

что это был состав с 405-м отдельным гвардейским дивизионом «катюш». Значит, тут должен быть мой приятель Юрий Гиленков. Разыскав его вагон, мы снова встретились. Выглядел Юрий, как всегда, франтом. Куда нам, пушкарям! Гиленков сообщил, что теперь он — командир дивизиона. Я поздравил его с новой должностью. Договорились о встрече по прибытию к месту назначения. А место назначения у всех было одно — город Обоянь.

Глава VI
На Курской дуге

В конце марта 1943 года наш эшелон прибыл на железнодорожную станцию Обоянь, что в 65 километрах от Курска. Нас встретили ласковое солнце и крики неугомонных птиц — ворон и галок, круживших над уцелевшей станцией, а также грачей, облюбовавших прошлогодние гнезда в березовой роще. Еще в пути мы обратили внимание на то, что небо прояснялось все чаще, а воздух становился все теплее. Здесь же, на Курщине, было совсем тепло.

Эшелон быстро разгрузился, и наш дивизион походным порядком направился в село Вознесеновку, где нам предстояло квартироваться и готовиться к новым боям.

Вознесеновка, куда занесла нас военная судьба, — село большое и стояло немного в стороне, километрах в пяти от шоссе Курск — Обоянь — Белгород — Харьков. На южной окраине его рассекала небольшая речка Курасовка, впадающая в Псел. Севернее речки, на косогорах, среди бескрайних полей рядами располагались дома с огородами и садами. По сравнению с постройками в Калининской области, где все делалось из дерева, на Курщине дома в основном глинобитные, из самана, крыши соломенные, пол земляной. Вокруг такой хаты, обязательно побеленной мелом, — заборчик, плетень из деревянных кольев, на которых сушатся глиняные горшки. Здесь все — и дома, и характер людей, и обычаи, и одежда — говорило о том, что курская земля — граница России и Украины. В одной семье говорят по-русски, в другой — по-украински, в третьей — смесь русского с украинским, суржик. Но жители называют себя курянами. Никакого тебе национального деления: я русский, а ты хохол. Этого мы тогда не замечали. Все были русскими.

Прибыв в Вознесеновку, мы сразу же взялись обустраивать свой быт, как это делалось всегда при перебазировании на новое место. Перво-наперво позаботились о пушках и тягачах, которые разместили в садах и на огородах, тщательно их замаскировали. Местные власти помогли развести солдат и офицеров по хатам. Скоро в центре села начала дымится полевая кухня, признак того, что обустройство закончилось и начинается новая жизнь. Надо сказать, что вознесеновцы приняли нас, как желанных гостей.

Погода стояла чудесная, и я в первый же вечер начал обследовать окраины села, прошелся по оврагам, косогорам, высматривая наиболее удобные места для размещения

наблюдательного пункта на тот случай, если здесь развернутся боевые действия. Дошел до Курасовки. Речушка как речушка, каких тысячи на русских равнинах, только запахи здесь, на прибрежных лугах, какие-то особенные. Степные травы только-только начали пробиваться, я даже представил себе, какая здесь благодать в пору сенокоса. Хорошо бы, сбросив просоленую гимнастерку, лечь на траву, теплую, душистую, и понежиться под горячими лучами солнца, почувствовать, как твое тело наливается бодростью и силой.

Возвращаясь с берегов Курасовки, я еще издали услышал звуки баяна: наши сердцееды уже завлекали местных дам. Потом так и повелось: как только наступал вечер, в центре села начинались танцы, массовики-затейники из наших же заводил устраивали игры. Война войной, а жизнь брала свое: весна, молодость — все способствовало амурным шалостям.

Немного позже познакомился и я с местной учительницей Марией. Мы стали встречаться, она мне понравилась. Мария — девушка спокойная и рассудительная, с ней приятно было проводить вечера. В моих амурных похождениях пришлось выдержать конкуренцию в лице командира роты автоматчиков Алексеенко, которому Мария нравилась не меньше, чем мне. Но все его попытки ухаживать за ней ни к чему не приводили. Мария была из тех девушек, для которых залетные женихи были не более чем хорошие знакомые. Я это понял, и наши встречи продолжались.

Вскоре у меня появилась мощная поддержка не только в делах «амурных», но и в боевых: в дивизион из штаба корпуса возвратился Виктор Мироненко. Быть «штабной крысой» — не его это занятие. Он любил живую работу, поэтому, когда узнал, что Фролов разжаловал и уволил Вересова, попросился на эту должность.

Мироненко, как и я, стал ходить в капитанах, теперь мы вдвоем взялись за наведение дисциплины в дивизионе, вересовских собутыльников разбросали по батареям и другим частям. Большое внимание уделяли занятиям по изучению материальной части пушек, ведению огня батареей и дивизионом. Часто учебу проводили в поле с развертыванием боевых порядков. Закончив боевую подготовку, взялись за строительство второй линии обороны армии. Под руководством бригадных инженеров солдаты рыли окопы, траншеи, готовили огневые позиции для артиллерии, офицеры проводили рекогносцировку местности, одним словом, активно готовились к будущим боям. По всему чувствовалось, что здесь, на курской земле, нам предстоят тяжелые испытания.

Как-то оставшись вдвоем, я спросил у Мироненко:

— Виктор Арсентьевич, вот ты работал в штабе корпуса, что там говорят высокие армейские чины по поводу нового наступления?

Командир дивизиона нисколько не удивился моему вопросу, только ответил больно уж неопределенно:

— Спроси чего-нибудь полегче. Сам бы, Петя, хотел знать, как будут развиваться дальнейшие события. Могу сказать только одно: драка тут будет грандиозная. Ведь не случайно сюда, под Курск, направили одну из наиболее боеспособных танковых армий, то есть нашу армию. А там, куда бросают Катукова, обязательно надо ждать наступления.

Собственно, я и сам догадывался об этом, Мироненко мне Америку не открыл. Когда готовилось наступление на Дону, туда перебросили корпус Катукова, а когда надо было сдержать немцев на Калининском фронте, опять там появился Катуков. Более детально о предстоящем наступлении мы узнали после того, как в частях стали появляться политработники — армейские, корпусные, бригадные — генерал Попель, полковник Шелег, подполковник Яценко.

Мы узнали, что наша армия входит теперь в состав Воронежского фронта, которым командует известный полководец — генерал Н. Ф. Ватутин. Размещалась она во втором эшелоне фронта в 30–35 километрах от переднего края и готовила второй рубеж обороны. Высокое начальство приезжало к нам уже при новых знаках различия — погонах, введенных в армии приказом НКО СССР в феврале 1943 года. Приказ предписывал с 1 по 15 февраля перейти на новые знаки различия, но мы еще продолжали щеголять в старой форме. Но дошел черед и до нас. Надев на гимнастерки новые погоны, мы стали в шутку называть себя подпоручиками, поручиками и штабс-капитанами.

К этому времени танковая армия стала более-менее однородной, в нее вошли два танковых корпуса и один механизированный. На Калининском фронте ей придавались стрелковые части и даже лыжные батальоны. Теперь от этих «довесков» избавились. Огневая мощь соединений усилилась за счет танковой, ствольной и минометной артиллерии. Эта грозная сила должна противостоять немцам, мечтавшим о реванше за поражение под Москвой и Сталинградом.

Готовясь к боям, мы знали, что противник рассчитывает только на победу. Гитлеровское руководство не скупилось на расходы. Заводы Германии оснастили вермахт новыми танками типа «тигр» и «пантера», а также самоходными орудиями «фердинанд». Немецкая авиация пополнилась новыми

истребителями «Фокке-вульф-190», штурмовиками «Хейнкель» и бомбардировщиками «Ю-88».

В ответ на создание немцами своего «зверинца» у нас появились подкалиберные снаряды, способные пробивать броню даже таких танков как «тигр». Авиация получила новые машины конструкторов Лавочкина и Яковлева. Бросалось в глаза большое количество авиации, сосредоточенной на Курском выступе. Недалеко от Вознесеновки расположились аэродромы двух истребительных полков, которых солдаты дивизиона называли «нашими». В ходе боев 1-ю танковую армию прикрывали штурмовой и истребительные корпуса, чего раньше никогда не было. На Брянском и Калининском фронтах авиации хронически недоставало, из-за чего корпус нес огромные потери.

Перемены в армии происходили не только в ее переоснащении и перевооружении, но и в изменении командного состава соединений и частей, в том числе и нашего дивизиона и бригады. Я уже говорил, что командиром дивизиона вместо Вересова был назначен капитан Мироненко. Катуков заменил комбрига Мельникова. На эту должность назначил подполковника Липатенкова.

О командном составе 1-й танковой армии — Катукове, Шалине, Попеле, Никитине и других — после войны написано немало мемуарной литературы, о комбриге Липатенкове — почти ничего. Это, видимо, было связано с тем, что полковник Федор Петрович Липатенков погиб в конце войны, и о нем попросту забыли.

Наш комбриг принадлежал к той части командного состава, которых называли «академиками», то есть офицерами, окончившими академию. У Липатенкова за плечами была академия имени Фрунзе. Он имел также и штабной опыт работы, на Калининском фронте возглавлял штаб 10-й механизированной бригады.

Принимать дела, как положено по уставу, знакомиться с личным составом у Липатенкова не было времени. Все это приходилось делать по ходу подготовки частей к предстоящим боям. Его всегда видели строгим, подтянутым, в выглаженной форме и до блеска начищенных сапогах.

В этом отношении он был примером всему офицерскому составу. С подчиненными разговаривал ровно, не повышая голоса. Мне потом не раз приходилось встречаться с комбригом по служебным делам. Бывают начальники, к которым идешь, даже если тебя вызывают, с большой неохотой, опасаясь получить выговор, разнос, услышать грубость. К Липатенкову офицеры шли спокойно, знали, что он выслушает, даст четкие и ясные указания,

если надо, чем-то поможет. Словом, это был не только старший начальник, но и прекрасной души человек. Жизнь дана была ему на добрые дела, только мало ее отпущено.

В штабе бригады я узнал и некоторую информацию о своем друге Юре Гиленкове. Его дивизион расположился недалеко от деревни Ивня. Едва у меня появилось свободное время, я отправился к реактивщикам в гости. Гиленков встретил меня радостным возгласом:

— Смотрите, какие люди! Гроза немецких танков собственной персоной — Петр Демидов. Я ожидал тебя раньше!

— Ты все шутишь, Юра, — возразил я. — Где уж тут стать грозой немецких танков. Пока мы видели их на картинках, бить же только учимся, строим, укрепляем позиции.

— Признаться, и нам некогда почивать на лаврах, дел хватает, хотя мы народ кочующий, постреляли — и в кусты, — все также балагурил Гиленков. — Ладно, пойдем, покажу тебе свое хозяйство.

«Хозяйство» у Гиленкова было солидным. Кроме реактивных установок БМ-13, в дивизионе имелось несколько грузовых и легковых машин. Легковушки в основном трофейные, но все на ходу. Угощали меня и «эрэсовским» обедом, приготовленным настоящим шеф-поваром, которого все звали не по имени-отчеству, не по званию, а коротко — Паша. Паша до войны работал в каком-то известном московском ресторане, на фронте готовил для генералов, но за пристрастие к выпивке был изгнан. Гиленков рассудил проще: если в меру, пусть пьет, главное, чтобы хорошо готовил.

Во время этой поездки я познакомился с начальником штаба дивизиона РС капитаном Георгием Сидоровичем, человеком, резко контрастирующим по своему характеру с Гиленковым. Если Юра был весельчак, с огромным чувством юмора, то у Сидоровича постоянно просматривалась какая-то «испанская грусть». Внешне красивый, с открытой душой и лицом, рослый, плечистый, он всегда обращал на себя внимание, особенно армейских дам. В него была влюблена медсестра корпусного медсанбата Тамара Василенок, и у них завязался роман.

В бригаде многие знали, что Жора — единственный сын генерала Сидоровича, начальника военных сообщений Московского военного округа. Родители души не чаяли в своем сыне. Он любил музыку, хорошо знал литературу. Ему бы преподавать в университете, а он избрал профессию военного.

Как-то Сидорович появился в нашем дивизионе с ответным визитом. Приехал он на трофейном мотоцикле с коляской, причем прикатил на бешеной скорости. Часовой предупредил

меня о появлении в расположении дивизиона лихача-капитана. Я вышел ему навстречу. Пригласил в дом, угостил обедом, приготовленным не шеф-поваром, а нашей хозяйкой. Мы мило и откровенно беседовали. Сидорович говорил доверительно, я это чувствовал, но очень скоро заметил, что мой собеседник сводит всю фронтовую жизнь к роковым обстоятельствам. Уже собираясь уезжать, он трагически произнес:

— Все было бы хорошо, Петр Михайлович, но меня почему-то преследует одна мысль, что жизнь должна не сегодня-завтра оборваться. Я это твердо знаю. И не возражай! Тебе «моей судьбы не разделить со мною». Это еще Пушкин сказал.

Мне сразу вспомнилась Ясная Поляна, лейтенант Гордин. Тот тоже говорил о скорой смерти, потом вдруг застрелился. Но с Гординым случилось несчастье — тяжелая контузия, на этой почве психическое расстройство. Теперь же я видел перед собой пышущего здоровьем парня, которого хотел понять, доказать ему, что судьба — это стечение обстоятельств, что есть же все-таки сила воли…

Сидорович резко поднялся, видимо, его задели мои нравоучения. Он сказал:

— Поговорим на эту тему, дорогой Демидов, в другой раз. Засиделся я у тебя, а дела ждут. А то твой друг Гиленков, еще чего доброго, начнет с меня снимать стружку. «Судьба свела случайно нас». А вот это уже Лермонтов.

Он вскочил на свой мотоцикл и с неимоверной скоростью помчался в свой дивизион, а я смотрел ему вслед, ломая голову, почему человек захандрил. На фронте все проявляется разом, как у хорошего фотографа отпечаток. Но свои размышления я свел к одному: несчастливая любовь!

Сидорович был для меня загадкой. Если не из-за любви, то его могла захватить хандра по каким-нибудь религиозным предрассудкам. Почему-то мне пришли на память слова поэта и мыслителя Николая Огарева:

> Тот жалок, кто под молотом судьбы
> Поник — испуганный — без боя.

Георгий Сидорович вроде бы не из таких, но в дальнейшем в нем стали происходить резкие перемены, причем не в лучшую сторону. Капитан запил, осунулся, стал угрюмым, но держался, никому не выдавая своей тревоги. Работы в период подготовки к боям было невпроворот, и Гиленков не замечал каких-либо перемен в своем начальнике штаба.

Я виделся с Сидоровичем еще несколько раз, потом начались

бои, и наши встречи прекратились. В ходе боев я получил ранение, более месяца находился в госпиталях, в дивизион вернулся только в конце августа, когда армия приступила к освобождению украинских земель. Только тогда мне удалось кое-что узнать о капитане Сидоровиче.

Все-таки его предчувствия сбылись. Капитан Сидорович вел колонну дивизиона. Наши танкисты только что выбили немцев из какого-то большого украинского села, и они отступали в юго-западном направлении. Нужно было дать по ним залп из «катюш». Сидорович решил осмотреть местность, откуда предстояло произвести выстрел. Вместе с командиром батареи Озеровым он направился к небольшой высоте в сотне метров от дороги. Здесь оказалось минное поле, которое еще не успели разминировать наши саперы. Прогремел взрыв. Оба офицера погибли. На похороны сына приезжала мать…

На войне не знаешь — выживешь ли вообще? Конечно, чувство самосохранения всегда присутствует, но себе говоришь, что если погибнешь, то всего только один раз, а от чего — бомбы, снаряда или шальной пули — все равно. Только человек, к которому подступает смерть, наверно, это чувствует.

Вспоминаю случай с одним комиссаром из нашего дивизиона. Хороший был воин. Перед началом боя он вдруг объявил товарищам, что его завтра убьют — так подсказывает ему сердце. Внешне вел себя вполне спокойно, только раздал свои вещи друзьям на память, написал прощальное письмо жене и детям. И действительно, на следующий день его сразила шальная пуля.

Нечто подобное происходило и со мной. 5 июля 1943 года, перед самым наступлением, из штаба бригады принесли пакет, в котором содержался приказ: дивизиону к 24.00 скрытно занять боевые позиции на втором, ранее подготовленном рубеже обороны. Еще до вскрытия пакета меня словно током ударило, сердце учащенно забилось, в мозгу заработал ритмический маятник, повторявший не «тик-так», а «убьют-ранят, убьют-ранят»…

Я снова и снова вчитывался в строчки приказа, надеясь, что маятник прекратит стучать. Но нет, этот стук продолжался. У меня все начало валиться из рук. Силой воли пытался заставить себя быть спокойным и делать повседневное дело, только не так все было просто. Отделаться от навязчивой мысли, что тебя должны убить или ранить, не было никакой возможности: на тебя надвигалось что-то страшное и неотвратимое.

6 июля началось сражение — дивизион вступил в бой. На следующий день я был ранен осколком снаряда, выпущенного из

«тигра». Когда меня увозили с поля боя, сразу успокоился, маятник прекратил отсчет, на душе стало совсем легко. Жив! Боев еще впереди было много, но такого, что случилось со мной под Курском, больше не было. Вот и приходится соглашаться с народной мудростью: «Сердце вещун, оно не обманет».

До моего ранения все шло своим чередом. Мы готовились к тяжелым боям. Накануне решающих событий Катуков провел совещание командиров соединений и частей армейского подчинения с авиационными начальниками: уточнялись вопросы боевого взаимодействия. В ходе совещания было зачитано боевое распоряжение командующего войсками Воронежского фронта о выводе соединений армии на рубеж Меловое — Раково — Шепелевка — Луханино — Яковлево. 1-я танковая армия занимала вторую линию обороны, на первую выходила 6-я гвардейская армия генерала И. М. Чистякова.

Ни для кого не было секретом: армии предстояло выдержать бешеный натиск противника, но мы должны выстоять в обороне. Только после того, как немцы выдохнутся, армия перейдет в наступление.

Фронт жил обычной жизнью. Между воюющими сторонами вспыхивали незначительные перестрелки, работала разведка, минировались подступы к окопам. Все говорило о том, что бои начнутся если не сегодня, то завтра обязательно.

4 июля немцы начали прощупывать прочность нашей обороны, попытались атаковать небольшой участок фронта армии Чистякова, бросив в бой до 80 танков и 2 пехотных полка. Атака была отбита. На следующий день следовало ожидать общего наступления.

В штабе фронта уже было известно о дне и часе немецкого наступления. Штаб, согласовав со Ставкой свои действия, решил нанести упреждающий артиллерийский и авиационный удар по позициям противника.

Погода в первых числах июля стояла жаркая, душная, только вечером можно было насладиться прохладой где-нибудь в саду. Когда стемнело, я зашел к Мироненко:

— Не спишь, капитан?

Виктор Арсентьевич сидел за столом, наклонившись, рассматривал штабную карту. Обернувшись ко мне, тихо, чтобы не разбудить хозяев дома, произнес:

— Не до сна сейчас, Петя, хотя, конечно, поспать бы не мешало, иначе завтра не придется.

Побеседовав с ним еще с полчаса, я отправился в свою хату по соседству.

Спать пришлось недолго: меня разбудила гулкая канонада.

Быстро натянув одежду и сапоги, я уже через несколько минут был на улице. Возле штаба толпятся солдаты и жители села, судачат, высказывают свои догадки — кто начал наступление? Наши или немцы?

Пока что это был тот самый упреждающий удар, который нанесли наши войска по позициям противника. Удар спутал все карты немцев. Они планировали начать наступление в 3 часа утра, теперь же на переднем крае началась неразбериха.

Опомнившись, немцы начали наступление на рубеже Зыбино — Раково и вышли к селу Черкасское. Захватив еще несколько поселков, немецкие танковые соединения стали пробивать себе путь на Обоянь.

Прошло много лет с тех трагических, а вместе с тем и героических дней, многое, конечно, уже позабыто, и я попытался восстановить ход боевых действий на Курской дуге по архивным документам.

Было бы несправедливо не включить в свои «Записки» приказ Военного совета Воронежского фронта от 5.07.43 года, который ставил конкретную задачу 1-й танковой армии:

> «К 24.00 5 июля 1943 года два корпуса выдвинуть на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии и прочно занять оборону: 6 гв. тк — на рубеже Меловое — Раково — Шепелевка; 3 мк — на рубеже Алексеевка — Яковлево; 31 тк — расположить в обороне 3 мк на рубеже Студенок — совхоз «Сталинский» — Владимировка — Орловка.
>
> Штаб армии — Зоринские Дворы.
>
> Задача:
>
> 1. Ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника в направлении на Обоянь. Быть в готовности с рассветом 6.07.43 перейти в контрнаступление в общем направлении на Томаровку.
>
> 2. Танки в обороне закопать и тщательно замаскировать.
>
> 3. Потребовать от войск максимального напряжения для выполнения поставленной задачи.
>
> *Ватутин Хрущев».*[22]

Начав наступление, немцы добились некоторых успехов, на несколько километров вклинились в нашу оборону. Развивая наступление, они пытались с ходу форсировать реку Пена, овладеть селом Раково и прорвать наш второй оборонительный рубеж.

Утром 6 июля Кривошеин привел 3-й мехкорпус в район Яковлево, где попал под удар танковых сил немцев (3-я танковая дивизия и дивизия «Великая Германия»). Здесь же, в районе Яковлево и Луханино, пришлось отражать также и танковые атаки дивизий «Адольф Гитлер» и «Райх».

Ждали и мы с Мироненко приказа о выступлении на огневую позицию. Комбриг Липатенков почему-то медлил, хотя бригада, покинув Вознесеновку, стояла в районе сел Шепелевка и Сырцов. А тем временем над нами уже шел воздушный бой. Это наши истребители атаковали строй фашистских бомбардировщиков, шедших в сторону Курска бомбить наши тылы. В воздушной карусели кружились «лавочкины» и «яки», сбивая немецкие «лапотники» — Ю-87 и Ю-88. Приятно было видеть, как они падают, зарываясь носом в землю, оставляя за собой черный столб дыма. В эфире стоял невероятный шум, раздавались голоса команд, русский мат и лающие крики немцев. Строй бомбардировщиков нарушился, машины расползались по сторонам, сбрасывая бомбы где попало. Тут их настигали наши истребители. Такого мы давно не видели. Стало ясно, что господству немцев в воздухе пришел конец.

Наш дивизион находился в напряжении до самого вечера. И как только поступил приказ занять позицию на втором рубеже обороны, был быстро собран офицерский состав. Капитан Мироненко поставил командирам батарей задачу на движение колонной в район Верхопенья.

Совершив марш в указанный район, дивизион занял исходные позиции, закопался в землю, произвел маскировку, командиры батарей подготовили исходные данные для стрельбы по секторам.

Вместе с Мироненко я побывал на наблюдательном пункте, чтобы проверить работу связистов и установку артиллерийских приборов. К нашему приходу все уже было готово. Чтобы в этом удостовериться, я обзвонил все батареи. Связь работала нормально, и командиры ждали приказа на открытие огня.

Ждать приказа пришлось до рассвета. Мы уже располагали некоторыми сведениями о том, что немцам удалось продвинуться вперед, их передовые части находились на второй полосе обороны 6-й гвардейской армии. Через час-другой они приблизятся к рубежам обороны, которые занимала 1-я танковая армия. Теперь на нее вся надежда.

Немецкие танки шли сплошной стеной. Они выползали из небольших рощиц и оврагов с остатками маскировки на броне — ветками деревьев и снопами соломы, на открытом поле перестраивались в роты и батальоны и шли в атаку. Своим видом,

грозной броней, дальнобойными пушками с широкими надульниками на концах стволов «тигры» и «пантеры» пытались устрашить наших бойцов. Но шел уже третий год войны, и наш солдат был уже другой — воевать он научился. Танки открыли огонь, но не по конкретным целям, а опять же, чтобы произвести впечатление. Количество танков перед нами росло с каждой минутой.

Я никогда не видел такого огромного скопления бронированной техники на небольшом участке фронта. Казалось, ничто не может устоять перед этой стальной армадой. Тут, как говорится, ни в сказке сказать ни пером описать, но выдержать и пережить — еще труднее. Нервы у каждого бойца были напряжены до предела.

Немецкие танки шли с открытыми люками башен, из которых видны были головы офицеров, по рациям передававших команды. За танками по пшеничному полю двигалась пехота — автоматчики. Против нас наступала мотодивизия «Великая Германия». Гитлеровцы были уверены, что их численный перевес на этом участке фронта, обработанный авиацией и артиллерией, обеспечит им победу, и они, протаранив нашу оборону, дойдут до Курска.

Когда танки подошли уже совсем близко к нашим окопам, все вдруг загрохотало, завыло, затрещало, на противника обрушился шквал огня. В бой вступил и наш дивизион, рядом била противотанковая артиллерия, из засад вышли наши танки. Бой длился уже несколько часов, хотя была только середина дня, а создавалось впечатление, что наступили сумерки. Дым, копоть и пыль заслонили солнце. В небе завыли самолеты. Это наши истребители отгоняли стаи «хейнкелей» и «мессершмиттов», бомбивших наш передний край.

День 6 июля для многих казался неимоверно длинным, стрелки часов передвигались, словно хромоногие улитки. Никто не знал, сколько атак отбила наша бригада. По соседству также ожесточенно сражалась 3-я мехбригада полковника Бабаджаняна. В архиве я нашел такую запись: «Стойко дралась мотопехота полковника Бабаджаняна. Она смело пропускала через себя танки противника, но ни разу не пропустила пехоту, отсекая ее огнем стрелкового оружия. Танки противника частью поворачивали и успевали удрать, а большинство оставалось на месте, извергая пламя пожара и густой масляный дым. Вот когда пригодилась «обкатка» нашей пехоте, за чем так ревниво следил Катуков в ходе всей боевой подготовки».[23]

Бой продолжался и во второй половине дня. На огромном расстоянии, насколько мог охватить глаз, творилось что-то

невообразимое и странное: всплески выстрелов, бесконечные разрывы снарядов и мин, повсюду ревели моторы, лязгали гусеницы. Танки часто сходились на короткую дистанцию и в упор расстреливали друг друга, а то и просто шли на таран — в сторону летели башни, рвались гусеницы. Иногда наши танкисты, покинув горящую машину, продолжали рукопашный бой.

В этот день наша бригада отстояла свои позиции, хотя потеряла значительную часть своего личного состава и техники. Полковник Липатенков поздравил бойцов и командиров с боевым успехом, но просил не расслабляться. Утром, по его мнению, бой будет еще жарче.

Наступала ночь. С передовой еще доносились пулеметные очереди, но было ясно, что ночного боя не предвидится. Небо справа от нашего наблюдательного пункта было охвачено заревом — это догорала деревня Сырцово. При свете десятков ракет, гигантских осветительных бомб, подвешенных на парашютах, видно было, что фронт живет напряженной жизнью: на боевые позиции подтягиваются войска, подразделения пополняются людьми, из тыла ползут машины с горючим и боеприпасами, на поле боя работают похоронные команды, убирая трупы. Полным ходом идет подготовка к новому сражению.

На огневую позицию привезли обед и ужин. В положенное время было не до обеда. Батарейцы поели и тут же у орудий повалились спать. Как пройдет эта тревожная ночь?

На наблюдательном пункте мы с Мироненко обсудили итоги прошедшего дня. Дрались наши батарейцы отчаянно. Сколько танков удалось подбить в этой суматошной обстановке, учесть было сложно, для нас было более важно то, что враг не прошел на наши позиции. Мы сделали все, что могли. Об этом замечательно сказал поэт:

Сыновний долг перед страной —
Превыше всех душевных прав,
И жил солдат от боя к бою,
В смертельной схватке смерть поправ.

Не помню, как прошла ночь. Не успел сомкнуть глаза, как занялся рассвет. Наступал новый жаркий день как в прямом, так и в переносном смысле этого слова, потому что противник с раннего утра возобновил атаки. Вражеская авиация снова бомбила наши позиции.

Батарейцы не успели закончить свой завтрак, как на дальнем гребне высоты замелькали силуэты немецких боевых машин. Впереди шли тяжелые танки, их было много, очень много. От

рокота моторов и орудийных выстрелов содрогалась земля. Расстояние между идущими в бой танками и позицией нашего дивизиона сокращалось с каждой минутой. Батарейцы ждут команды «Огонь!». Их лица напряжены до предела. Мироненко подал команду, и все три батареи разом выплеснули смертельный металл. Несколько минут мы выбивали вражеские танки, затем в бой вступили «тридцатьчетверки» нашего 14-го полка, из засад вышли батальоны 1-й гвардейской танковой бригады, расстреливая с коротких дистанций вражеские машины. На поле боя уже дымилось несколько «тигров» и «пантер», но и наши танки попадали под удар немецких самоходных орудий.

К полудню немцы усилили натиск. Напряжение боя нарастало с каждой минутой. С противным визгом над нашими головами проносились снаряды и, упав в метрах в ста-стапятидесяти, поднимали к небу фонтаны земли.

С наблюдательного пункта я заметил, как на скатах высоты показалась новая волна немецких танков. Доложил Мироненко:

— Сейчас у нас будет настоящее пекло!

Командир дивизиона, на мое замечание почти не отреагировал, спокойно продолжал руководить боем. Артиллеристы усилили огонь по движущимся чудовищам с крестами на бортах. Вот вспыхнул багровым пламенем один «тигр», за ним второй, третий… Мотострелки забрасывали танки гранатами, били из противотанковых ружей. На горизонте вставали новые, уходящие в небо черно-сизые дымы горящих машин. Их насчитывалось уже более полутора десятков.

Дивизион вел стрельбу с закрытых позиций, а затем и прямой наводкой, стволы орудий накалялись так, что краска на них горела и пузырилась. Грохот стоял невероятный. Батарейцы работали у орудий, как черти в аду, их лица были покрыты пороховой гарью, даже трудно было узнать, кто есть кто. Говорить об усталости не приходилось, но выдерживать такую нагрузку было чрезвычайно тяжело. Бой, однако, еще не закончился. Четыре атаки отбиты, в 13 часов началась пятая.

461-й артдивизион держался из последних сил. Противник все же прорвал нашу оборону, захватил поселки Калинине и Озеровский. В связи с этим оказался оголенным левый фланг танковой армии. В этой ситуации Катуков ставит командиру мехкорпуса Кривошеину новую задачу: через Кочетовку выйти в район Грозное — Лучки, овладеть поселком Озеровский и установить связь с 5-м гвардейским танковым корпусом. Для прикрытия прорыва на стыке 5-го гвардейского танкового корпуса и 1-й танковой армией из резерва фронта была передана 29-я истребительно-противотанковая бригада.

И все же бои 7 июля были неимоверно тяжелыми. Несмотря на огромные потери, гитлеровцы продолжали наступать, держа направление на Обоянь. Правому флангу нашей бригады стала угрожать опасность. Комбриг Липатенков, маневрируя своими силами, бросил в бой последние резервы. Положение спасла авиация. «Илы» хорошо поработали на поле боя и на какое-то время приостановили продвижение немецких танков. Мы уже считали, что силы у них иссякли, но нет, наступление продолжалось. Бригада дрогнула и с боем стала отходить на север.

Немцы обошли наш наблюдательный пункт, в пылу сражения никто не заметил, как мы оказались у них в тылу. «Тигры» ползли на огневую позицию. Мироненко приказал всем батареям развернуть орудия фронтом и выбивать вражеские танки, затем, подойдя ко мне, не приказал, а попросил:

— Вот что, Петя, ситуация сложилась критическая, дуй на 2-ю батарею, там большие потери. Организуй отпор! Да, не забудь отдать распоряжение командиру взвода управления огнем немедленно поменять наблюдательный пункт, перенести его на высоту 255,6. Я еду на 3-ю батарею. Положение там тоже неважное.

Больше капитана Мироненко я не видел. Когда добрался до 2-й батареи, бой с танками уже заканчивался. Несколько «тигров» и «пантер» горело на бугре недалеко от огневой позиции. Три пушки оказались разбитыми, два панцерника добивали последнюю — четвертую, которая, уже будучи поврежденной, продолжала стрелять. Оставшиеся в живых батарейцы последними выстрелами заставили назойливых немецких танкистов ретироваться.

Делать нечего, надо уходить в тыл, увозить раненых. Подбитое орудие я приказал бойцам прицепить к тягачу и немедленно уходить с поля боя. Наша колонна из нескольких потрепанных машин с поврежденной пушкой двинулась на север. Идти пришлось низинами, чтобы не заметили немецкие танкисты и не расстреляли остатки 2-й батареи.

Колонна отошла от огневой позиции метров на триста. Пока все шло благополучно, но как только она поднялась на возвышенность, начался обстрел. Стало ясно: немцы нас обнаружили и решили добить окончательно. Спрятавшись в складках местности, я приказал остановить колонну и переждать артобстрел. Выйдя из машины, вытащил карту из планшетки, чтобы сориентироваться, куда двигаться дальше. Рядом со мной все время находился ординарец Вася Коробков, не отставший ни на шаг, всегда готовый чем-то помочь. В это время раздался

свист снаряда, который разорвался недалеко от нашей колонны. Немцы возобновили обстрел и били с закрытых позиций по площадям. Второй снаряд разорвался рядом. Вася упал раньше, а меня взрывной волной подбросило в воздух и швырнуло на землю. Поднявшись, я почувствовал боль в правой ноге. Дотронулся до бедра — пальцы стали липкими от крови. Подбежавший ординарец утащил меня в кювет. Сняв с себя нательную рубаху, он разорвал ее на части и стал делать мне перевязку. Кровь просачивалась сквозь штанину, бурое пятно увеличивалось с каждой секундой.

Сознание работало четко, я понял, что рана моя не такая опасная, как у других бойцов. Самое удивительное заключалось в том, что проклятый маятник — «убьют-ранят», беспокоивший меня третьи сутки, больше не стучал. Предчувствия оправдались, я получил свое. Мистика, да и только!

Когда меня подняли и положили в машину, я приказал командиру батареи Заварзину взять под свое командование колонну и как можно быстрее прорываться на север. На склоне оврага машину бросало из стороны в сторону, и каждый толчок причинял раненым неимоверные страдания. Но приходилось терпеть. Вскоре машины добрались до штаба бригады.

Ранеными занялись медики из санитарного взвода, каждому была оказана первая помощь — введена противостолбнячная сыворотка и сделана перевязка. Хотя я потерял много крови, но чувствовал себя вполне сносно, даже вспомнил, что у меня в кармане находится гербовая печать дивизиона. Увидев начальника «СМЕРШа» бригады подполковника Минкина, передал ему печать и попросил возвратить ее командиру дивизиона капитану Мироненко. Я еще не знал, что капитан погиб.

На санитарной машине меня отправили в тыл, в полевой госпиталь, расположенный в какой-то деревне километрах в двадцати от переднего края. Мест в домах и палатках, занимаемых этим санитарным учреждением, не хватало. Много раненых лежало прямо на лугу под палящим солнцем, терпеливо дожидаясь, когда их перенесут в операционную. Здесь же солдаты-санитары уложили и меня. Я лежал на траве, вспоминая бой 2-й батареи. Бойцы дрались до последней возможности, до последнего снаряда, об этом говорили разбросанные кругом стреляные гильзы. Вот уж поистине:

Ярился гнев, и злость вскипала,
И наступала, черт возьми,
Не власть ума,
А власть металла,

И суд вершила над людьми.

Рана стала беспокоить меня. Звать санитаров или врачей не было никакого смысла: все они устали, ходили с красными от бессонницы глазами. Боль с каждой минутой усиливалась, становилось невмоготу. Ближе к вечеру, когда жара немного спала и потянуло холодком, я решил дело «спасения конечности» взять в свои руки, подозвал рядом стоящего легкораненого солдата и попросил его отвести меня прямо в операционную. Мы потихоньку, на трех ногах двинулись по направлению к большой армейской палатке с надписью «Операционная». К счастью, попал я туда вовремя: только что освободился операционный стол, на который по приказу женщины-врача меня и уложили санитары. Не успел оглянуться, как оказался без сапог, ножницами мне разрезали штанину, и врач без всякого наркоза стала копаться в моей ране, пытаясь найти злополучный осколок. Помнится, я вел себя прилично, не стонал, не ругался, а лишь грыз уголок простыни, засунутый вместо кляпа мне в рот кем-то из санитаров.

Осколок врач не нашла, только обработала рану йодом и громко крикнула:

— Следующий!

Конвейер по изъятию металла из человеческих тел работал исправно. Искать этот проклятущий осколок, засевший где-то глубоко в мышцах бедра, в условиях полевого госпиталя врач посчитала нецелесообразным и отправила меня во фронтовой госпиталь.

Так через несколько дней я оказался в эвакогоспитале № 1914, который находился в лесной зоне близ Воронежа, недалеко от станции Гравская. Но и тут ногу резать не стали, да и сам я не очень настаивал. Постепенно рана начала затягиваться, а костыли на первых порах помогали передвигаться из палаты в перевязочную и обратно.

Сознавая, что придется поваляться в этом госпитале какое-то время, чтобы стать на ноги, я смирился со своей участью. А с осколком, заверили меня врачи, жить можно, тем более что он находится в бедре, а не у сердца.

Так и получилось — осколок я продолжал носить в своем теле и дальше. Но через тридцать лет он стал «путешествовать» по мышцам от середины бедра. Рентген это подтвердил. Потом хирург разрезал подкожный бугорок, и кусочек металла чуть больше ногтя сам выпал наружу. Вот так:

Тридцать лет чужой металл
Тебе покоя не давал,

Он свет мутил, тревожил сны
Тяжелым грохотом войны.
И вот хирург нашел его,
Извлек из тела твоего —
Осколок черный на столе…
А сколько их таких в земле!

В палате нас было четыре офицера: кроме меня, еще три танкиста. Все получили ранения на Курской дуге. Сразу же выявился лидер, как это бывает в большом или малом коллективе. Им стал старший лейтенант по имени Миша. К сожалению, фамилии своих «сопалатников» уже не помню, а вот имена память держит, вероятно потому, что обращались мы друг к другу не по званию или фамилии, а по имени. Все мы были почти ровесники, каждому по двадцать с небольшим лет. Да и как не запомнить красавчика Костю, в которого влюблялись медсестры нашего отделения, или Колю, милого, доброго парня, от общения с которым на душе становилось тепло и радостно.

И хотя у Миши было тяжелое ранение, вел он себя геройски, мы никогда не видели, чтобы он жаловался на свою судьбу. Знаток басен, поговорок, исторических анекдотов, неистощимый юморист, он всегда веселил нашу дружную компанию, что не хуже лекарств помогало выздоровлению.

Рядом, в смежной палате, размещались солдаты, человек пятнадцать. Тоже молодежь. Из-за отсутствия отдельных мест к ним подселили какого-то железнодорожного начальника, лет за пятьдесят, еврея по национальности. Он оказался случайным «самострелом». В военное время начальнику полагался наган для самообороны, но обращаться с ним он не научился. Однажды решил почистить оружие, по неосторожности нажал на курок и прострелил себе ногу. Ранение переносил тяжело, все время стонал, охал и ахал на всю палату, по ночам никому не давал спать. Миша, наш «Д'Артаньян» (так называли его медсестры), сказал как-то утром:

— Хватит этому типу хныкать и нюни распускать, будем делать из него мужика!

Перед врачебным обходом в палате появилась молодая сестричка, делавшая нам уколы в мягкое место. Улыбнувшись, она прощебетала:

— Как спали, мушкетеры?

Тут наш красавчик Костя решил брать быка за рога:

— Ой, не говорите, сестра, нашему Мише ночью стало плохо, жаловался на ломоту в пояснице, а мы собирались вместе

погулять по лесу. Хотим взять и Мишу, но у нас нет коляски. Расстарайтесь для нас, и мы вас век не забудем.

— Чего не сделаешь ради послушных пациентов, — сказала медсестра и удалилась.

После завтрака у нашей палаты уже стояла коляска, на которой обычно возят тяжелобольных. Мы посадили в нее Мишу, и дополнительно, чтобы создать видимость безнадежного человека, повезли к железнодорожнику. О чем говорил танкист с этим евреем, нам неизвестно: процесс воспитания проходил при закрытых дверях. Только нашего железнодорожника трудно было узнать. Он совершенно преобразился, повеселел, стал разговорчивым, и самое главное — оказался интересным собеседником. Установив с ним дипломатические отношения, мы частенько включали его в свою компанию, когда уходили на прогулку. Не Мишу везли в коляске, а «самострела». Тем временем он рассказывал нам случаи из «жизни железнодорожника».

Время шло, и мы заметно окрепли, даже Миша пошел на поправку, чему радовалась вся наша палата, а он однажды с каким-то мрачным видом заявил:

— Скучно мы, братцы-мушкетеры, живем, даже, я бы сказал, неинтересно: жратвы маловато, выпить нечего, развлечений никаких. Разве это жизнь?

— А что ты предлагаешь? — оживился Коля, наш скромный сотоварищ, проводивший все время за читкой книг и газет.

«Д'Артаньян», оказывается, был горазд на выдумки. Речь повел издалека:

— Вот мы тут валяемся уже вторую неделю, при этом забыли совершенно, что медсестры, прежде чем уколоть наши задницы, протирают их спиртом. Спирт — это же выпивка. Что касается закуски, так она водится на кухне. Соображаете?

Мы, конечно, сразу сообразили, на какой путь толкает нас старший лейтенант. Путь не то что совсем преступный, но зато с некоторым налетом авантюризма: спирт можно раздобыть у медиков, закуску — на пищеблоке. Распределили роли: Костя работает с медсестрами и достает спирт, я, как бывший старшина, занимаюсь кухней, халдею Коле достался сектор культуры. Общее руководство, разумеется, за Мишей.

У раненых из смежной палаты я узнал, что из их состава старшая медсестра назначает дежурного по кухне. Это правило надо было распространить и на офицерскую палату. И вот я предстаю перед старшей медсестрой, еще не состарившейся матроной, и уговариваю ее, что лучшего дежурного по кухне, чем я, быть не может. Она с удивлением посмотрела на меня: все

обычно отказываются от дежурства, а тут человек сам напрашивается, и дала «добро».

На следующий день я уже в роли дежурного ходил по кухне и балагурил со всем персоналом, договорился с поварами, чтобы они «мушкетерской» палате давали увеличенные порции, ибо, если мы не будем поправляться ускоренными темпами, фронт без нас развалится, немцы начнут наступление и госпиталь будет эвакуирован куда-нибудь в Сибирь.

Мой треп воспринимался как треп, но кухня стала нас «подпитывать», причем весьма существенно. В процессе моей «пищеблоковской» деятельности я познакомился с поварихой, женой офицера, воевавшего на каком-то фронте. Вместе с ребенком она оказалась в госпитале случайно, дома у нее не было, родные погибли. У меня с ней установились дружеские отношения. Часто, глядя на меня, худого и долговязого, она незаметно подкладывала в мою тарелку пожирнее кусочек мяса или мозговую косточку, чтобы я скорее поправлялся, но не забывала увеличить порцию и для моих друзей.

Что касается культурных развлечений, тут поначалу дело двигалось медленно. Артистов из Воронежа или столичных городов заманить сюда было трудно, пришлось обратиться к излюбленной клубной работе — художественной самодеятельности. Большинство из нас с этим делом хорошо знакомо еще со школьной скамьи. Но и Коля зря времени не тратил. Как-то после процедур привел в нашу палату довольно энергичную, уверенную в себе даму средних лет. Это была заведующая лабораторией госпиталя Вера Николаевна. Она оказалась поклонницей драматического искусства и руководителем госпитальной самодеятельности. Причем сразу же заметила, что в концертах должны принимать участие все выздоравливающие. Наша четверка дружно гаркнула: «Ура, мы согласны!»

Выпроводив Веру Николаевну, мы тут же набросились на Костю: у всех с планами наметился прогресс, а у него — полный застой. Наш мачо, словно на комсомольском собрании, стал в позу:

— Вы слышали такое выражение — «Восток — дело тонкое»?

— А причем тут Восток? — спросили мы. — Тебе поручили добыть спирт, а не восточные пряности.

— Притом, друзья мои, — продолжал Костя, — спирт, как вы знаете, находится на строгом учете. Тут надо действовать тонко. Так что спирт, как и Восток, — дело тонкое. Придется подождать, надежда есть!

Ждать мы согласились, но предупредили не злоупотреблять

нашим доверием. Он должен подтянуться, потому что наше терпение не беспредельно.

А тем временем начались репетиции предстоящего концерта. Вера Николаевна развила кипучую деятельность. По ее настоянию в концертную программу должны быть включены чтецы, вокалисты и «драматические артисты». По части почитать стихи мастаком у нас считался Коля, романс спеть мог Миша, у него чистый баритон, вот только с драмой ничего не получалось. Сыграть отрывок из классики — кишка тонка, не потянем.

Решено придумать какую-нибудь сцену из нашей действительности. Но какую? Наш советский бюрократизм годился на все случаи жизни.

За один вечер написали маленькую пьесу. Суть сюжета такова: наше поколение хорошо помнит, как население городов изводили различного рода учениями по противовоздушной и противохимической обороне. Тогда ведь не спрашивали, зачем эта показуха. Попал в зону учений, будь добр подчиняться. Остановились на противохимической обороне. Итак: бомбоубежище в подвале дома. В центре — стол, на столе лежат учебные пособия, плакаты и единственный противогаз. В углу стоит баллон с надписью «Газ», то есть предполагаемое отравляющее вещество. Действующих лиц — двое. Женщина — руководитель противохимической обороны (Вера Николаевна) и чиновник районного масштаба (Петр Демидов).

Концерт проходил в солдатской палате, куда набилось много людей, в том числе и из госпитальной администрации. Коля читал стихи известного советского поэта Михаила Светлова, с томиком которого никогда не расставался. Стихи были написаны в 20-30-х годах, но молодежь их знала наизусть.

Это были «Гренада», «Песня о Каховке», «Граница», «Пирушка» и другие. Для многих стихи были откровением, а для тех, кто не знал поэта, — открытием. Коля закончил свое выступление отрывком из стихотворения «Живые герои»:

…Товарищи классики!
Бросьте чудить!
Что это вы, в самом деле,
Героев своих
Порешили убить
На рельсах,
В петле,
На дуэли?..
И если в гробу
Мне придется лежать, —

Я знаю:
Печальной толпою
На кладбище гроб мой
Пойдут провожать
Спасенные мною герои.
Прохожий застынет
И спросит тепло:
— Кто это умер, приятель? —
Герои ответят:
— Умер Светлов!
Он был настоящий писатель!

Под аккомпанемент баяна Миша спел два старинных романса — «Утро туманное» и «Я вас любил», чем покорил своих невзыскательных слушателей. Немалый успех выпал и на долю нашей на ходу сочиненной пьесы, состоящей из одного акта. Чиновник-бюрократ считал, что всякие занятия по гражданской обороне — пустая трата времени, одним словом «мура», вот и решил отдать бомбоубежище под склад и потребовал очистить помещение. Женщина решила проучить нахала. Пока бюрократ упражнялся в красноречии, она подошла к баллону с газом и открыла вентиль. С криком «Мы погибли!» бросилась к столу и схватила противогаз. Чиновник-бюрократ мигом сообразил, что ему тоже угрожает опасность, тут же набросился на женщину и стал отнимать у нее противогаз. Завязалась потасовка. Победу одержал чиновник (все-таки мужчина). С радостным криком: «Я спасен!» он неумело напялил себе на голову противогаз, прикрыв только верхнюю часть. В такой позе и замер на несколько секунд.

Зрители хохотали до коликов. Успеху спектакля сопутствовал, наверно, внешний вид чиновника, его одежда: помятые брюки, пиджак с короткими рукавами, разбитые солдатские ботинки сорок пятого размера.

Меня поздравляли с большим успехом, говорили, что я ошибся в выборе профессии, надо было идти не в артиллеристы, а в артисты. Этим спектаклем и закончилась моя сценическая деятельность.

После концерта мы решили и спиртовую проблему. Нашим лечащим врачом была молоденькая, миловидная барышня, только что закончившая институт. Ее-то и заприметил красавчик Костя. Она ответила ему взаимностью и своих чувств не скрывала. Как у танкиста сложились личные отношения, не знаю, потому что скоро он выписался из госпиталя. Но спиртишком она нас баловала, не так чтобы… Но все же было чем промочить

горлышко. Наши силы стали быстро восстанавливаться, и нас тянуло уже не только на прогулку вокруг госпиталя, а подальше, к пруду, где по вечерам собиралась молодежь на танцы под патефон.

В госпитале было отделение легкораненых, у которых был более свободный режим, им даже разрешалось носить военное обмундирование. Воспользовавшись тем, что мы не всегда имели возможность пойти к пруду, один офицер этого самого отделения начал ухаживать за нашим лечащим врачом. Костя заволновался, не зная, какие профилактические меры можно принять по отношению к своему сопернику. На выручку пришел Миша:

— Этого нахала надо призвать к порядку, давайте его накажем, выкупаем в пруду.

Задача нашей четверке была вполне по силам, но для потехи мы решили еще привлечь и «солдатскую палату», с которой дружили. Там тоже хватало мастеров отколоть какой-нибудь номер. Переговоры с соседями завершились вполне успешно. Обиду, что чужаки безобразничают в наших владениях, восприняли как свою кровную. Тем более что эту миссию может выполнить одной левой артиллерист Ваня.

Мы давно заметили, что среди солдат соседней палаты находится здоровенный, под два метра ростом парень, но тихий и скромный. Для него, наверно, не составляет большого труда взять за станину пушку и развернуть ее на сто восемьдесят градусов. Когда Ване объяснили, что от него требуется, он согласился, заметив при этом:

— Ну, раз коллектив просит, его надо уважить. Вечером, когда нашей четверке разрешили немного прогуляться по парку, мы двинулись к пруду. Там нас уже ждала «солдатская палата». К Мише подвели «нарушителя конвенции», того самого офицера, который приударял за нашей врачихой. Он стал объяснять нахалу, что нехорошо покушаться на «чужую собственность» и вообще своего врача мы не намерены давать в обиду. Парень, ничего не понимая, замешкался. Тогда Ваня-артиллерист взял донжуана под мышки, поднял над головой и, как котенка, бросил в воду. Произошла легкая заминка. Торжествующий Костя сказал: «Поплавай, дружок, тебе это полезно!» Публика, стоявшая на берегу пруда, при виде такого зрелища хохотала до упаду. Наш сердцеед, мокрый как курица, вышел из воды и потихоньку исчез. Танцы продолжались.

На другой день замполит госпиталя, до которого дошли слухи о происшествии у пруда, пытался выяснить, кто искупал офицера. В нашем отделении все делали вид, как будто ничего не случилось. К тому же, фронтовики разве проговорятся? И все

улеглось само собой.

Незаметно пролетел месяц моего пребывания в госпитале. Рана моя почти зажила, и я затосковал по своему дивизиону.

Спустя много лет я обнаружил в архиве любопытную запись, которая проливала свет на события июля 1943 года, в самый разгар битвы под Курском:

> «В течение часа немцы пробивали брешь на двадцатикилометровом рубеже от Луханино до Яковлево.
>
> 40 танков противника ударили в районе поселка Сырцов по 3-й мехбригаде. Тут заговорила артиллерия левого фланга подполковника Липатенкова, выбивавшая немецкие машины.
>
> С высоты вел губительный огонь 461-й артдивизион (1-я мбр) капитана Мироненко. Около 30 танков пошли на расположение дивизиона. 8 машин подбили батарейцы, но и орудия дивизиона были подбиты. Когда выведены были расчеты из строя, капитан сам стал стрелять. Его тело потом нашли у разбитого орудия…»[24]

Этот документ — единственная память о командире артдивизиона капитане Викторе Арсентьевиче Мироненко, с которым меня свела судьба, еще когда в Москве формировалась бригада.

А тогда, в госпитале, я все время думал, жив ли наш особый 461-й артиллерийский дивизион, а если жив, то кто им теперь командует?

Я стал уговаривать главврача, чтобы меня поскорее отпустили на фронт. Тот был несговорчив: только после полного выздоровления! Потом я еще несколько раз напоминал о себе. Наконец комиссия вынесла приговор: «Здоров!».

Прощание с «мушкетерами» было трогательным. Медсестры, врачи, повара пожелали мне здоровья, успехов в «боевой и политической подготовке», счастливого окончания войны и благополучного возвращения домой. В кармане у меня было предписание — «в резерв фронта». Этот резерв размещался в Курске.

Покидая госпиталь, зашел проститься и со старым железнодорожником, который, зная, что я направляюсь на фронт, приготовил письмо своей сестре, проживающей в Харькове. После захвата города немцами он не имел от нее никаких известий. Теперь Харьков освобожден, есть надежда ее разыскать. Я обещал, что письмо доставлю по адресу.

Информационные сводки сообщали, что армия Катукова сражается где-то в районе Харькова — Белгорода, поэтому задерживаться в Курске — ни в военкомате, ни в резерве — я не собирался. Только на фронт, только в свою армию!

Из Воронежа поездом добрался до Курска. Сразу же стал наводить справки о танковой армии. Толком никто ничего не знал. Побродив по городу, основательно разрушенному бомбардировками, я вышел на шоссе Белгород — Харьков в надежде перехватить попутную машину, идущую в сторону Харькова. Мне повезло, остановился «студебеккер», нагруженный бочками с горючим, на кабине которого был нарисован знак нашей армии — белый ромб. У водителя я узнал, что машина принадлежит армейскому автобатальону, а он возит бензин и солярку с фронтовых складов на армейские, расположенные в районе Харькова. Узнал и о том, что армия ведет бои в районе Богодухова.

По дороге я рассказал шоферу, что воевал на Курской дуге, был ранен, теперь после госпиталя добираюсь в свой артдивизион. Так мы незаметно отмахали почти полсотни километров. Тут меня осенила мысль — заехать в Вознесеновку, навестить людей, которые принимали нас, как родных, встретить учительницу Марию.

— Слышь, браток, есть тут небольшое село, от шоссе будет километров пять-шесть, не больше. Вознесеновкой называется, — поделился я своей задумкой с шофером. — Был бы обязан тебе по гроб жизни, если бы забросил туда. Понимаешь, когда уходили в бой, нас провожало все село. Очень хочу повидать людей, которые делились с нами последним куском хлеба и предоставляли свое жилье. Такое ведь не забывается!

— О чем речь, капитан, — только и сказал солдат и нажал на газ.

Он высадил меня на краю села, развернувшись, помахал рукой и крикнул: «Может, еще где-нибудь свидимся!» «Студебеккер» рванул всей своей мощью, только пыль завихрилась на проселочной дороге.

Закинув за плечи вещмешок, я зашагал к центру села. Здесь почти ничего не изменилось. Во время боев Вознесеновка, как видно, не очень пострадала, но была непривычно тиха. Зашел в дом, где квартировал, хозяйка сразу узнала меня, обрадовалась. По русскому обычаю быстро собрала на стол. Мы сидели с ней и вспоминали солдат и офицеров, которые были здесь на постое. Вечером на огонек зашла соседка. Без церемоний она присоединилась к нашей компании и все время расспрашивала меня о своем постояльце фельдшере Выдыборце. Называла его

только по имени и отчеству — Кирилл Остапович. Иногда употребляла слово «доктор». Пришлось объясняться, что после ранения мне ничего неизвестно о моих боевых товарищах. Но главное понял, что доктор Выдыборц запал в душу сельской молодайке.

В свою очередь я спросил об учительнице Марии. Где она, что с ней? Приятельницы, увидев мой неподдельный интерес к сельской учительнице, поспешили успокоить: с ней все в порядке, жива и здорова. Дня два тому назад уехала к отцу в Курск. Его, кажется, призывают в армию, сейчас проходит обучение. Волноваться не стоит. Мария не сегодня-завтра будет дома.

После рюмочки водки женщины стали еще более разговорчивы, выложили все сельские новости. Я поблагодарил милую компанию за гостеприимство и объявил, что, если завтра Мария не возвратится домой, вынужден буду уехать в Харьков: надо искать свою бригаду, одним словом, свое начальство.

Тут соседка неожиданно всплеснула руками:

— А зачем искать, есть какой-то ваш начальник здесь, в Вознесеновке. И совсем недалеко, на другом берегу Курасовки, у фельдшерицы лечится. Мы его здесь видели еще до боев. Маленький такой, чернявый, подполковник кажется.

Я опешил: «Неужели начальник штаба бригады Давид Драгунский? Наш «ДД». Но как он сюда попал?»

Не долго думая, я попросил соседку любыми путями узнать фамилию подполковника, и, если можно, сегодня же. Сколько прошло времени, не помню, но, вернувшись, соседка назвала имя подполковника: Давид Абрамович Драгунский.

Было уже поздно, и я решил перенести встречу с начальником штаба на следующий день. Хозяйка проложила мне место в комнате, но я, чтобы ее не обременять, отправился спать на сеновал. Давненько не представлялась такая возможность выспаться на душистом сене. По приставной лестнице забрался с улицы на чердак и тут же погрузился в благоухающее разнотравье. Хоть и устал за целый день, но спать почему-то не хотелось. Перед глазами стоял Драгунский. Интересно, как он меня встретит?..

С подполковником Драгунским я столкнулся еще на Калининском фронте. В то время ему было лет тридцать с небольшим. Роста ниже среднего, лицо круглое, типично еврейское, на нем выделялся крючковатый нос и небольшие, черные, внимательные, с хитринкой глаза, волосы всегда носил зачесанными назад. Он был непоседа, подвижный, как ртуть, энергичный, доброжелательный и внимательный к людям человек, обладал удивительной работоспособностью. Про него в

шутку говорили, что работает в сутки он двадцать пять часов. «Откуда у тебя лишний час?» — спрашивали у подполковника. «Краду у предстоящего дня», — весело отвечал Драгунский.

Еще до войны Давид Абрамович закончил военную академию, воевал с японцами на Халхин-Голе, за что был награжден орденом Красного Знамени. У Катукова занимал должность начальника корпусной разведки.

На одном из участков обороны 1-й мехбригады дела шли из рук вон плохо, надо было срочно навести там порядок. У Катукова в этот момент под рукой никого не оказалось, и он послал туда начальника разведки. Какие меры принимал Драгунский, неизвестно, только бригада вскоре пошла в наступление и заняла ряд сел. Комкору понравились организаторские способности «ДД», и он назначил его начальником штаба бригады, объяснив свое решение коротко:

— Будешь теперь, Давид Абрамович, наставлять Мельникова на путь истинный. Командир он неплохой, но бывают у него завихрения…

Так и остался Драгунский на должности начальника штаба, сработался сначала с Мельниковым, потом — с Липатенковым, геройски воевал на Курской дуге, будучи раненым вывел группу пехотинцев и танкистов из немецкого окружения. Недолечившись в армейском госпитале, а попросту сбежав из него, он появился в бригаде к моменту контрнаступления армии, снова был ранен. Видимо, после этого ранения и оказался не в госпитале, а в руках заботливой фельдшерицы, лечился у нее на дому.

Насколько мне известно, с «дамой своего сердца» Драгунский познакомился сразу же по прибытии на Курскую дугу, когда бригада, зарываясь в землю, готовилась к активной обороне. Всякие увольнения из части были категорически запрещены.

Весь наш дивизион тогда находился в поле и занимался усовершенствованием оборонительных сооружений. Как-то вечерком я решил нелегально сходить в Вознесеновку, чтобы повидаться со своей учительницей: заскучал, не видя ее несколько дней. Утром мелкой рысью бежал к себе в часть. Протопав уже полпути, услышал позади себя шум мотора, оглянулся — пылит начальственный «виллис». С обочины нырнул в кусты, надеясь, что машина проскочит. Но не тут-то было, меня засекли. Слышу голос Драгунского:

— А ну выходи, нечего прятаться, посмотрим, что ты за герой!

Я вышел из укрытия. Пришлось тут же признаться, зачем ходил в Вознесеновку. Давид Абрамович, выслушав меня, сначала насупился, потом поднял кустистые брови и громко рассмеялся:

— Надо же, какое у нас с тобой, капитан, родство душ. Я ведь тоже еду от своей «Джульетты». Ладно, садись, подвезу, незачем понапрасну бить ноги.

Я сел на заднее сиденье и долго «переваривал» наш разговор: «Ай да Драгунский! Вот так начальник штаба!»

Он подвез меня до штаба дивизиона. Вряд ли кому, даже Мироненко, могло прийти в голову, что я находился в самоволке. Был в штабе бригады — и все тут. Когда я вышел из машины и захлопнул дверцу, Давил Абрамович, наклонившись ко мне, тихо произнес:

— Соберешься снова в Вознесеновку, пригласи и меня, в таком деле вдвоем веселее. Ну, а о том, что мы встретились на дороге, — молчок.

Я ответил:

— Союз мужей!..

И вот теперь предстояла новая встреча с нашим «ДД». Кстати, откуда пошло это «ДД»? Так офицеры бригады всегда называли начальника штаба, разумеется, только между собой. И все из-за того, что на штабных документах он ставил свою подпись в виде двух больших букв «ДД», дальше шли какие-то закорючки. Это означало — Давил Драгунский.

Утром меня разбудил горластый петух. Я встал, умылся холодной колодезной водой и начал собираться к Драгунскому. Вышла хозяйка и предложила чаю. Но я отказался, сославшись на то, что спешу увидеть свое начальство, и зашагал к мостику, чтобы пересечь речку Курасовку.

Первое, что бросилось в глаза в доме фельдшерицы, — лежащий на кровати с книгой в руках Драгунский. Видно было, как он обрадовался моему появлению. Отбросив одеяло, вскочил, оставаясь в нижнем белье, долго жал мне руку. Через несколько минут Давид Абрамович был уже в армейской форме, извинительным тоном сообщил:

— Понимаешь, хозяйка моя на работе, но ты не беспокойся, мы тут управимся и без нее, малость подсуетимся.

На столе появился завтрак — горячая картошка, а к ней все, что полагается, плюс бутылка водки. Драгунский сообщил, что его здесь навещают друзья из бригады, привозят продукты, бензин для мотоцикла, который, кстати, я заметил стоящим во дворе. Давид Абрамович был в курсе всех армейских дел, говорил о прошедших боях, о том, что бригада сражается теперь юго-восточнее Богодухова. Там ее и надо искать. Мы беседовали часа два, настало время расставаться. Я пожелал подполковнику скорого выздоровления и возвращения в бригаду.

Не дождавшись возвращения из Курска Марии, с походным

вещмешком за плечами, пешком я добрался до шоссе, затем попутными машинами стал догонять свою часть.

Сначала добрался до Харькова. Город был освобожден войсками Степного фронта совсем недавно. Вдоль дорог уже были сняты немецкие указатели. Куда ни посмотришь, везде разбросана подбитая техника — танки, орудия, сгоревшие машины, опрокинутые армейские повозки. Все говорило о том, что бои здесь были тяжелые.

В Харькове я немного задержался: искал адрес сестры старого еврея-железнодорожника. Меня встретила приветливая женщина с целым выводком детишек. Она обрадовалась письму, еще больше обрадовалась тому, что брат живой. Сразу же в доме появились соседи, в основном женщины с детьми. Всех интересовал вопрос — вернутся ли снова немцы?

Людей можно было понять: почти два года город находился под властью оккупантов, его брали советские войска и снова сдавали. И только 23 августа Харьков был окончательно освобожден.

Наступал вечер, и мне надо было подумать о ночлеге. Женщины не хотели меня отпускать, предлагали «угол» в одной из комнат, но очень уж не хотелось стеснять ни их, ни детей, поэтому я решил направиться на вокзал и поискать место в зале ожидания. И тут мою судьбу взяла в свои руки молодая девушка Катя, оказавшаяся в доме по каким-то делам.

— Капитан, — сказала она, — чего ради вы будете маяться на вокзале? Да и какой тут вокзал сейчас — все ведь разрушено. Я живу в частном доме со стариками, все равно место найдется.

Мы шли по каким-то темным улицам и переулкам (электроснабжение в городе еще не было налажено), и я, чтобы не угодить в яму, подхватив свою спутницу под руку, плелся неизвестно куда.

Наконец Катя привела меня к небольшому каменному дому. Из густого тенистого сада растекался запах цветов и спелых яблок, где-то рядом стрекотали кузнечики и цикады. Приятно было оказаться в этом маленьком рукотворном оазисе, душа невольно настраивалась на лирический лад.

На огонек зашли Катины подруги с гитарой. Девушки пели русские и украинские песни. Украинских песен я не знал и, лишь уловив последние строчки каждого куплета, подтягивал гнусавым голосом. Но вечер прошел, как говорится, на самом высоком уровне.

Подруги повеселились вместе с нами и за полночь удалились. Мы остались вдвоем с Катей. Пока одна из девушек играла на гитаре, я все время посматривал на свою хозяйку: она молода,

недурна собой, обходительна. Меня неудержимо потянуло к ней. Я взял ее за плечи, девушка вспыхнула, ласково посмотрела мне в глаза, не отводя взгляда. Это ободрило меня, придало уверенности. Я обнял ее, и сердце мое отчаянно забилось. Почувствовал, как затрепетало и Катино сердце, словно птица, запертая в клетке. Наши губы слились в долгом, горячем поцелуе.

С молодым юношеским азартом меня всегда тянуло к женщинам, но я их боялся, боялся близости, которая бывает между мужчиной и женщиной. А тут все произошло само собой, легко и непринужденно. Мы наслаждались друг другом целую ночь, не требуя ничего, кроме любви.

Так пролетела эта прекрасная августовская ночь, которая осталась в моей памяти на всю жизнь. Настало утро. В окна уютного домика пробивались лучи солнечного света. Катя неторопливо собирала меня в дорогу, она не умоляла остаться еще на денек-другой, понимала, что мне надо быть в часть: идет война. Я ведь, по сути, находился в бегах, так как направление из госпиталя у меня было в резерв фронта, который находился в Курске, а я болтался без документов в Харькове.

Катя провожала меня до шоссе. Когда остановилась попутная машина, она поцеловала меня, и я заметил, как по ее щекам маленькими ручейками побежали слезы.

— Захочешь увидеть меня, адрес знаешь, — сказала она, задержав свою горячую ладошку в моей руке.

Водитель военного грузовика уже начал нервничать: я его задерживал. Забросив свой вещмешок в кузов, я вскочил на колесо и перемахнул через борт. Машина тронулась. Катя еще долго стояла у дороги и махала платочком. Мне стало грустно. Увижу ли ее когда-нибудь?

В тот же день я появился в своем дивизионе. Командиром дивизиона стал заместитель капитан Власенко.

За время моего скитания по госпиталям здесь многое изменилось. Затяжные бои сказались на боеспособности дивизиона. После гибели Мироненко капитан Власенко так и воевал без начальника штаба. Страшно обрадовался, когда я предстал перед ним с докладом о том, что Петр Демидов прибыл из госпиталя и готов приступить к исполнению своих обязанностей.

Командир дивизиона пригласил меня в свою машину. Ради встречи мы выпили по сто грамм водки, закусили консервами, и я попросил Василия Прокофьевича рассказать о том, как воевал наш дивизион. Его рассказ больше касался людских потерь. Глядя на осунувшееся лицо командира, я понимал, что в последних сражениях он выпил свою чашу сполна. То, что он рассказал,

поразило меня настолько, что первое время я не мог понять, как же воевал дивизион при таких потерях? Трудно было смириться с мыслью, что нет Мироненко, нет многих офицеров — командиров батареи, погибли командиры орудий и целые расчеты.

О многом мы переговорили с Власенко, вспоминая тех, кого уже не было в живых. Я снова приступил к исполнению своих обязанностей. На первых порах старался разгрузить командира дивизиона, исполняя его функции на период доукомплектования нашей части личным составом и техникой.

Через неделю в бригаде появился и Драгунский. Формально он еще находился в «госпитале», но заскучал по бригаде, по работе. Отправившись с докладом к Катукову, долго не мог добиться приема. Между командармом и начальником штаба бригады пробежала черная кошка. Разговор все же состоялся. Михаил Ефимович не оценил заслуг Драгунского в Курском сражении и приказал вернуться на прежнюю должность.

Давил Абрамович, по рассказам штабных работников, был явно недоволен сухим приемом у командарма, возмущался из-за того, что его обошли при награждении орденами. За бои под Курском он получил лишь орден Красной Звезды. Возможно, он рассчитывал и на повышение по должности. Нельзя сказать, что подполковник после этого невзлюбил Катукова, скорее Катуков невзлюбил Драгунского то ли из-за его еврейского происхождения, то ли по каким-то другим причинам.

После войны Катуков написал о Драгунском всего насколько строк: «Среди тех, кто прибыл тогда (при формировании 3-го мехкорпуса на Калининском фронте — П. Д.), был и подполковник Д. А. Драгунский, назначенный на должность начальника разведки корпуса. На этой работе Д. А. Драгунский проявил себя с самой лучшей стороны — способным и энергичным командиром. Позднее он убыл от нас в 3-ю гвардейскую танковую армию П. С. Рыбалко».[25]

Мне было известно, что командующий 3-й танковой армией генерал Рыбалко давно «сватал» Драгунского на должность командира бригады, но тот считал, что его могут оценить и в 1-й танковой. Не оценили.

Давид Абрамович не стал ждать милостей от Катукова. Заполучив рекомендательное письмо командира корпуса генерала Кривошеина, он отправился в штаб фронта, где и получил назначение на должность командира 55-й танковой бригады в 3-й танковой армии. Прошло время, и в газетах промелькнуло сообщение о присвоении полковнику Д. А. Драгунскому звания Героя Советского Союза.

Глава VII
Житомирско-Бердичевская операция

В первой декаде сентября 1943 года 1-я танковая армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. После кровопролитных боев на Курской дуге, под Харьковом, Ахтыркой и Богодуховом она нуждалась в отдыхе, в пополнении личным составом и вооружением. Совершив 150-километровый марш, корпуса и бригады сосредоточились в районе города Сумы.

Мы шли по украинской земле, где еще недавно хозяйничали фашисты. Здесь, как и везде, где гремели тяжелые бои, остались разрушенные города и села. Для нашего глаза стала уже привычной картина — вдоль дорог разбитая техника.

Наш дивизион разместился в лесу, километрах в десяти от областного центра. Здесь нам предстояло отдохнуть, пополниться техникой и людьми, научить новое пополнение владению техникой, словом, сделать из молодых солдат настоящих артиллеристов.

Стояла золотая осень. Сады, луга и леса приобретали золотисто-красноватые оттенки, и в этом своеобразии природы были свои прелести. Заглянешь в сад, а там — обилие яблок и груш, ветви деревьев гнутся под тяжестью плодов. Уму непостижимо, как в условиях войны сохранилось такое чудо?

Как только прибыло первое пополнение, мы с Власенко взялись за обучение молодых бойцов. План учебы прост: сначала теория, потом практика. Все как обычно, все как положено.

Неожиданно Власенко объявил:

— Петя, тебе придется поработать за двоих. У комбрига Липатенкова я выпросил короткий отпуск, всего на несколько суток. Я ведь здешний, сумской, как говорится, «вот моя деревня, вот мой дом родной». Давно не видел своих.

— Конечно, Василий Прокофьевич, какой может быть разговор, — одобрительно заметил я, — тут все будет в полном порядке. В свое время мне такой возможностью удалось воспользоваться в Ясной Поляне. Повидавшись с матерью и сестрой, поверишь, легче стало на душе. Теперь дорожу каждым письмом из деревни, они как елей на мою душу.

Проводив командира дивизиона, я вплотную занялся обучением бойцов. Липатенков не нажимал, не давил и командир корпуса Кривошеин, каждый из них знал, что за два дня из новобранца артиллериста не сделаешь, нужно какое-то время. А план-график я выдерживал. У меня даже появилась возможность

заглянуть к своему другу Юрию Гиленкову, дивизион которого стоял недалеко от нас.

Правда, попал я к нему, кажется, не вовремя и стал свидетелем такой сцены: Гиленков распекал командира батареи старшего лейтенанта Озерова за какую-то провинность. Я подошел к ним, поздоровался. Юрий постарался умерить свой гнев, может, посчитал неудобным при постороннем человеке читать нотации своему подчиненному. Отпустив Озерова, он проговорил: «Мы еще на эту тему поговорим!»

В офицерской землянке, куда мы зашли, командир дивизиона еще продолжал извергать громы и молнии по адресу офицера. Я попросил объяснить, в чем дело? Из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор?

Немного успокоившись, Гиленков рассказал забавную историю о том, что у него в части появился свой Остап Бендер, тот самый офицер, с которого он только что снимал стружку.

— А подробнее? — настаивал я.

— За последнее время, — продолжал Юра, — мы неплохо обустроились, возвели землянки, служебные помещения, построили кое-что для обслуживания техники, словом, сделали все для нашей жизнедеятельности. А этот коммерсант Озеров уже все продал.

— Как продал, не понимаю?

— Что тут понимать! Как только мы покинем лес, все наши строения перейдут в руки местных властей. Еще не выяснил, какие деньги получил наш Остап Бендер, но факт остается фактом. Прямо не знаю, что предпринять? Ведь дело до трибунала может дойти.

С такими опасениями нельзя было не согласиться. Дело может круто обернуться как для Озерова, так и для командира дивизиона. Я тут же поинтересовался:

— Откуда у подчиненного такая предпринимательская жилка?

— Озеров из беспризорников, — рассказывал Гиленков, — всю жизнь боролся за выживание, все это, видимо, и наложило на него определенный отпечаток. Мужик он пробивной. Что-то достать — это может сделать только Озеров, прокрутить какую-нибудь комбинацию — опять же он, Озеров. Хотя, в общем-то, офицер храбрый, не из трусов.

Ситуация, конечно, пикантная, но я посоветовал своему другу не раздувать конфликт. Привел несколько примеров из своей практической работы и с беспризорниками, и с бывшими уголовниками. Предложил выход: пусть Озеров все деньги, которые получил, сдаст в штаб, чтобы их можно было

использовать на благо всего личного состава. А что касается построек, то после того, как дивизион покинет лес, их все равно оприходуют местные власти. Как их уже будут использовать — хранить ли картошку, мариновать грибы или для каких-то других нужд, это никого уже не должно интересовать.

Гиленков внял моему совету, ход делу не дал, а когда началось новое наступление, об афере Озерова забыли вообще.

Пока стояли в сумских лесах, мы с Юрой еще не раз встречались на его или моей территории: наша дружба крепла с каждым днем. Это была фронтовая дружба, которая помогала нам выживать в суровых условиях войны.

Вскоре из родных мест возвратился Власенко, причем возвратился не один. Он привез с собой брата Григория, молодого долговязого и очень застенчивого парня, говорившего в основном по-украински, иногда подмешивая и русские слова. Григорий был уже призывного возраста, и Василий Прокофьевич посчитал так: раз подходит срок мобилизации, пусть послужит под началом старшего брата, а то ведь неизвестно, как сложится его судьба. Парня устроили в ремонтную мастерскую учеником, в дальнейшем он стал полноправным солдатом, был шофером, воевал на равных со всеми, закончил войну в Берлине, после демобилизации работал на шахтах Донбасса.

Изо дня в день повышалось боевое мастерство наших батарейцев. Еще недавно это были украинские деревенские увальни, теперь их не узнать — стали настоящими воинами. Молодежь с завистью смотрела на тех солдат, кто участвовал в боях и имел ордена и медали. Политотдел бригады взял себе за правило — награждение бойцов и командиров проводить в торжественной обстановке.

В октябре 1943 года награждались участники Курской битвы. На поляне стоял стол, накрытый красным кумачом, на столе ровными рядами разложены коробочки с орденами и медалями. Награды вручал сам комбриг Липатенков. Заместитель командира по политчасти подполковник Яценко вызывал по списку воинов, а комбриг вручал награду.

Тогда же и я получил орден Красной Звезды. Липатенков поздравил меня с наградой, пожелал успешной службы. Награжденным предложили сфотографироваться на память.

Эта фотография хранится у меня и по сей день, как свидетельство тех незабываемых дней 1943 года.

Как-то незаметно подступил ноябрь. Похолодало. Поубавилось солнечных дней, в лесу стал исчезать багрянец, еще недавно радовавший глаз, а по утрам на траве стали заметны следы первых заморозков.

К этому времени танковая армия готова была к боевым действиям. Тут как раз и приказ подоспел: армии перейти в подчинение 1-го Украинского фронта.

23 ноября наша бригада (теперь уже 19-я гвардейская механизированная) погрузилась в железнодорожные эшелоны, и составы покатились через Конотоп — Бахмач — Нежин к Киеву, освобожденному от оккупантов 6 ноября. Разгрузились мы недалеко от украинской столицы в Дарнице. Днепр переходили по наплавному мосту. Старый мост был взорван, но с обеих сторон уже копошились саперы и строители, приступая к его восстановлению.

Тот, кто видел Киев в ноябре 1943 года, знает, какие разрушения оставили после себя гитлеровцы. В центре, на Крещатике, вряд ли можно было найти хотя бы один уцелевший дом. Полуразвалившиеся стены многоэтажных зданий с разбитыми колоннами, груды камня, щебня, бревен и ржавой проволоки — все это говорило о том, что, оставляя город, немцы методически взрывали кварталы и целые улицы.

Но даже на этих развалинах пробуждалась жизнь. Сначала работали саперы, освобождая дома от мин и фугасов, затем группы рабочих с помощью трактора растаскивали завалы, освобождая проезжую часть улиц. Мы миновали разрушенный город и по житомирскому шоссе направились в Святошино. Здесь находился выжидательный район второго эшелона наступающих войск.

Немцы не хотели мириться с потерей Киева. Они создали в районе Житомира — Казатина — Фастова группировку войск и начали крупномасштабное наступление, продвинувшись в глубину нашей обороны на 40 километров.

Перед войсками 1-го Украинского фронта была поставлена задача — разгромить противника, освободить Житомир и всю территорию по линии Любар — Винница — Липовец. Здесь Ставка сосредоточила 7 полевых и 2 танковые армии — Катукова и Рыбалко.

К моменту наступления 1-я танковая армия полностью восстановила свою боеспособность. С уральских заводов были получены новые танки и самоходные артиллерийские установки. Теперь в частях и соединениях их насчитывалось около 600 единиц. Командующий фронтом генерал Ватутин дал Катукову дополнительно 2 истребительно-противотанковых полка. Численный состав армии составлял 42 300 солдат и офицеров.

К середине декабря 1943 года танковая армия была выведена на исходный рубеж за реку Ирпень, правый приток Днепра. Она вводилась в прорыв в полосе наступления 38-й армии генерал-

полковника Москаленко.

23 декабря 19-я мехбригада была уже на исходном рубеже. Как назло стала портиться погода: вначале моросил мелкий дождь, затем крупными хлопьями повалил снег. Для наших тягачей с пушками такая погода была совсем некстати. Но наступление все же состоялось. На следующий день вся артиллерия 38-й армии и значительная часть стволов 1-й танковой почти час били по оборонительной полосе противника. Удары наносила также и наша авиация. Вскоре Катуков ввел в бой авангардные танковые бригады, которые, обгоняя части 38-й армии, стали прорываться вперед, торопясь захватить переправы на реке Ирпень.

Отступая, немцы все же успели взорвать часть переправ, без которых продвигаться было невозможно. Пока саперы возводили мосты, нашему дивизиону приказано было отбивать атаки немцев, пытавшихся помешать форсированию значительной массы советских войск.

Передовые танковые батальоны перерезали железную дорогу Житомир — Фастов, овладели населенными пунктами Вербов, Корнин, Липки, Кривое, Попельня и в течение полутора суток продвинулись на 35 километров. Танки шли настолько быстро, что врасплох заставали немецкие гарнизоны и местную власть с ее полицейскими управами.

Удирая из Попельни, немцы готовились вывезти склады, награбленное имущество, угнать в Германию эшелоны с украинскими юношами и девушками. Катуков, зная об этом, торопил командира корпуса Кривошеина как можно быстрее двигаться на Попельню и отрезать противнику пути к отступлению. Кто тут замешкался — сам Кривошеин или его начальник штаба полковник Александров, судить трудно, но командарм обрушил свой гнев и на того, и на другого. Во всяком случае, корпус дальше повели генерал-майор И. Ф. Дремов и полковник Г. С. Сидорович.

В армии разное говорили о причинах смещения Семена Кривошеина с поста командира 8-го мехкорпуса. Сам Катуков об этом умолчал, Бабаджанян в своих мемуарах написал всего несколько строк: «В январе, когда 1-й танковой армии было приказано повернуть на Винницу, в части нашего корпуса приехали командующий М. Е. Катуков, член Военного совета Н. К. Попель и новый командир корпуса И. Ф. Дремов».[26]

Попель, близкий к Катукову человек, хотя и неприязненно писал о Кривошеине, о его барских замашках, тоже все спустил на тормоза: хотел быть подальше от чужих склок, потому что у него хватало своих.

В жизни всякое бывает: друзья и единомышленники расходятся во взглядах и становятся непримиримыми соперниками. Это мягко сказано. Оба танковых начальника — Катуков и Кривошеин — в 1939 году участвовали в «освободительных» походах против Польши, оба командовали танковыми бригадами. Когда Польша была оккупирована советскими и германскими войсками (в соответствии с пактом Молотова — Риббентропа), Кривошеину было поручено дипломатическим путем уладить спорные вопросы по демаркационной линии. Он встречался с генералом Гудерианом, и когда немцы спешно покидали Брест, участвовал в торжественных проводах, прощальном параде.

Катуков в этих мероприятиях участия не принимал, считал ниже своего достоинства «якшаться» с фашистами, тем более с Гудерианом, с которым воевал до конца войны не на жизнь, а на смерть. Возможно, уже тогда у Михаила Ефимовича и появилась неприязнь к комбригу Кривошеину, носившему усики «а ля Гитлер».

Конечно, дело ведь не в усах генерала Кривошеина, скорее, в разных подходах к решению непростых фронтовых вопросов. Разногласия у Катукова с Кривошеиным стали просматриваться еще на Курской дуге. Кривошеин имел не меньший опыт руководства танковыми войсками, чем Катуков, воевал в Испании, окончил бронетанковую академию, затем преподавал в ней тактику, считался теоретиком танкового боя, имел даже печатные труды по вопросам использования танковых войск в современной войне.

Анализируя действия Катукова во время Курской битвы, а также при проведении Богодуховско-Белгородской наступательной операции, Кривошеин нашел в них ряд тактических и стратегических ошибок, о чем говорил при разборе боевых действий 1-й танковой армии в Генштабе в Москве.

В ходе боев в июле-августе 1943 года армия понесла большие потери, в частности сильно пострадал 8-й мехкорпус. Выступая 27 сентября и 25 октября в Военной академии бронетанковых и механизированных войск им. Сталина, Катуков, словно оправдываясь, говорил о тяжелом положении армии, в котором она оказалась после Курской битвы, затрагивал и причины больших потерь: «Сроки захвата г. Богодухова оказались на двое суток длиннее намеченных планом. Причина: отставание соседей слева… Несвоевременный выход стрелковых соединений в район Борисовки и Грайворон потребовал выделения части сил армии на эти направления. Начиная со второго дня операции, когда армия вырвалась далеко вперед других ударных группировок

Воронежского фронта и до выхода на рубеж реки Мерчик, она фактически все время наступала с открытыми флангами и не сумела помешать противнику осуществить планы прорыва из Ахтырки к Богодухову».[27]

Эти признания Кривошеин в расчет не принимал и на разборе в Генштабе, пользуясь подручным материалом — схемами, нарисованными начальником штаба корпуса полковником В. Е. Копиенко, — в пух и прах разнес действия Катукова. Как вспоминает один из комбригов В. М. Горелов, присутствовавший на этом совещании, выводы командира корпуса Кривошеина произвели эффект разорвавшейся бомбы. Но многие тогда поняли, что Семен Моисеевич «копает» под Катукова, горит желанием, как более подготовленный теоретически и практически командир, занять его место. (У Катукова не было высшего образования. Он закончил курсы «Выстрел» и КУКС — курсы усовершенствования командного состава.)

Кроме того, Кривошеин написал, как это принято теперь говорить, «телегу» на командарма и отправил ее в Москву, в ней он указал на замеченные им недостатки в армии. Приезжала авторитетная комиссия, долго разбиралась. Какие выводы она сделала, неизвестно, но Катуков продолжал командовать армией: его авторитет у Сталина был неоспоримым. В этой «подковерной» борьбе Семен Моисеевич проиграл. Катуков впоследствии стал маршалом бронетанковых войск, дважды Героем Советского Союза, а он, Кривошеин, так и остался командиром корпуса, правда, получил чин генерал-лейтенанта, с чем и ушел в отставку.

Дальнейшее наступление танковой армии показало, что она способна громить численно превосходящие силы противника и решать сложные фронтовые задачи. Примером тому было взятие города Казатина. Тут хорошо поработала разведка старшего лейтенанта Владимира Подгорбунского, затем и танкисты подполковника Ивана Бойко.

Я уже говорил, что среди разведчиков в танковой армии было много ребят с уголовным прошлым. Старший лейтенант Подгорбунский принадлежал к таковым. Володю я знал довольно хорошо, поэтому хочется рассказать о нем более подробно. Ему было лет двадцать пять, среднего роста, крепкий, немного коренастый, физически очень сильный человек. Лицо крупное, с резкими чертами, шатен, глаза с прищуром и какой-то хитрецой. Он сирота, беспризорник, скитался по стране, был в детском доме, учился в школе, сидел в тюрьме, служил в армии механиком-водителем танка. На фронте с первых дней войны. В разведку пришел из госпиталя после ранения, за отличное

выполнение заданий ему присвоили звание сержанта, затем — лейтенанта. Он выполнял ответственные задания штаба армии и лично Катукова. Много раз ходил по тылам противника, приносил ценные сведения и приводил «языков», в схватках был шесть раз ранен, действовал всегда смело, я бы даже сказал, нахально, ошеломляя врага своей дерзостью.

Известный журналист Юрий Жуков после беседы с комбригом Липатенковым написал о Подгорбунском так: «Да, оригинальный человек. Удивительные дела совершает… Иногда, конечно, нелегко с ним: прошлое на него давит. К девятнадцати годам он нажил по приговорам тридцать шесть лет заключения: его арестовывали, он бежал, снова арестовывали, и опять бежал… Потом, незадолго до войны, в одном лагере попал в хорошие руки — изменился человек, стал отлично работать и как отрезал свое прошлое. Написал прошение М. И. Калинину, попросился в армию. Обдумали, проверили, кажется, можно верить человеку. Взяли! И не ошиблись… Но временами ему становится трудно, не всегда соблюдает дисциплину. Но зато в бою сущий дьявол».[28]

О подвигах разведчика Подгорбунского в армии ходила масса слухов и легенд, многое из того, что мне известно, не только подтверждается, но и описано Катуковым, Попелём, Бабаджаняном и другими танковыми начальниками. Я, например, знал, что Володя никогда не оставлял в тылу врага погибшего или раненого бойца. На Курской дуге он вытащил из горящего танка своего друга и принес его на плечах в часть. В январе 1944 года разведчики ворвались в город Казатин и учинили там настоящий переполох, вдребезги разбили прибывший на станцию поезд с солдатами и офицерами, захватили бронепоезд, затем на окраине города устроили засаду и били из танков по отступающему противнику до тех пор, пока не подошел танковый полк Ивана Бойко. За этот подвиг Владимиру Подгорбунскому было присвоено очередное воинское звание — капитан. Он также стал Героем Советского Союза.

По мере продвижения армии на юго-запад, к Днестру, потребность в разведывательной информации возрастала с каждым днем, и у группы Подгорбунского работы было много. Армия собиралась форсировать Днестр, но немцы, отступая, разрушили все переправы. Из-за погодных условий (был март 1944 года) весь армейский понтонный парк оказался далеко в тылу. Время было дорого, и Катуков предложил Подгорбунскому «достать» у немцев понтоны. На двух танках разведчики ворвались в село, расположенное на берегу Днестра, — там стояла немецкая понтонная часть, разогнали охрану, прицепили к машинам понтоны и доставили к своим на переправу. За эту

вылазку Катуков наградил разведчика орденом Красного Знамени.

Застать Подгорбунского на месте было практически невозможно, он постоянно находился в какой-нибудь вылазке. У армейских разведчиков существовала традиция — за выполнение особо опасных заданий они получали по 10–15 суток отпуска при части. Этой привилегией Владимир Подгорбунский пользовался постоянно. Ему могли бы дать отпуск на родину, но так как ездить было некуда, парень колесил из части в часть. Его везде принимали как дорогого гостя.

Володя бывал и в нашем дивизионе. Как-то мы совершали марш в зимних условиях. Вдруг на ходу открывается дверь штабной машины, и к нам вваливается Подгорбунский: «Здорово, артиллеристы! Принимайте гостя!» Кто же откажет такому человеку? Дивизион совместно с другими частями выходил в выжидательный район, в бой вступал только через несколько дней, и все это время разведчик жил в моей штабной машине.

Мы кормили и поили его, а он рассказывал нам о своих вылазках, кстати, рассказывал без всякого хвастовства. У разведчика было много наград, и все они доставались ему дорогой ценой. Каждая награда — это целая история. Только орденов Красной Звезды у него было с полдюжины, если не больше.

Вспоминается последняя встреча с капитаном Подгорбунским. Это было летом 1944 года, когда корпус, войдя в прорыв, двигался к реке Сан, стремясь захватить плацдарм у города Ярослава. Наш дивизион должен был поддерживать впереди идущие танки и пехоту, дорога петляла вдоль лесистых холмов и выходила к небольшому фольварку. Путь нам перекрыли две «тридцатьчетверки» из отряда Подгорбунского. Тут разведчики подловили немецкий обоз, но ездовыми оказались власовцы, одетые в немецкую форму.

Я приказал шоферу притормозить машину. Из кабины видно было, как Подгорбунский взял одного власовца за грудки и с силой ударил головой о броню танка. Тот замертво упал под гусеницы. Затем он выхватил из кобуры пистолет и тут же пристрелил второго пленного. Пришлось вмешаться в этот дикий самосуд, иначе бы разведчик прикончил всех пленных. Я подошел к нему, положил руку на плечо и сказал:

— Володя, мы же не фашисты и не власовцы. Пусть их судит трибунал!

Он как бы очнулся, с трудом гася в себе ярость. Немного успокоившись, гневно произнес:

— Ненавижу эту сволочь больше, чем фашистов. Предать

Родину, служить немцам — это верх всякой подлости!

Капитан повернул обоз назад, посадил на заднюю повозку двух своих автоматчиков и приказал отвести всю власовскую команду на сборный пункт пленных. При этом предупредил:

— Если эта мразь будет хорохориться, стрелять без предупреждения!

И бесхвостые битюги рысцой затрусили в наш тыл.

Через месяц Володя погиб на Сандомирском плацдарме. Погиб при выполнении разведывательного задания. Сейчас трудно сказать, какое задание поручил ему лично Катуков. Обстановка тогда на фронте была сложная, армия вела тяжелые оборонительные бои. Группа Подгорбунского долго искала возможность проникнуть в тыл врага. Когда это не удалось, разведчики решили пробиться силой. На двух танках они прошли несколько километров и снова приняли бой. Им бы повернуть назад — разведка вступает в бой только в крайнем случае, но Подгорбунский поступил вопреки правилам. В бою он был ранен, но продолжал сражаться. Разведгруппа осталась без танков, они были подбиты. Шансов вернуться назад практически ни у кого не оставалось.

Один из ветеранов 19-й гвардейской механизированной бригады старший лейтенант Г. И. Иванов рассказывал о смерти Подгорбунского так: «Он выпрыгнул из подбитого горящего танка, будучи раненым. Возле танка Володя упал лицом вниз, охваченный пламенем. Никого поблизости не было, чтобы его спасти. Обгорел он так сильно, что потом, когда подошли наши гвардейцы, опознать его смогли только по медали «Золотая Звезда», которую он грудью прижал к земле».[29]

Похоронили отважного разведчика в польском городе Дембе.

Эту утрату переживала вся армия. У него было много друзей, в том числе и в нашем артдивизионе. Мои батарейцы понимали, что больше уже не услышат задорного голоса Володи Подгорбунского: «Здорово, артиллеристы! Принимайте гостя!»

Война забрала жизни многих интересных людей, с которыми сводила меня фронтовая судьба. И все равно они остались в моей памяти…

Не сказать несколько слов о генерале И. Ф. Дремове, командире нашего корпуса, тоже было бы несправедливо. Он хорошо запомнился не только мне, но и тем, кто с ним постоянно общался.

Иван Федорович Дремов появился под Сумами в тот момент, когда армия находилась на переформировании. Был он тогда еще полковником и назначался на должность заместителя командира корпуса.

Впоследствии, командуя корпусом, Дремов получил звание генерал-майора, затем — и генерал-лейтенанта, стал Героем Советского Союза. После войны ушел в отставку.

Когда Иван Федорович принял корпус, было ему за сорок. Среднего роста, широкий в плечах, плотный, с простым, открытым грубоватым лицом пепельного цвета и упрямым подбородком. Черные волосы всегда торчали ежиком, глаза — буравчики, злые. Когда он был в гневе, а в гневе он находился практически всегда (особенно во время боя), лицо его становилось не только злым, а прямо-таки зверским. И если что-то не складывалось, то «товарищ» Дремов бил всех палкой — от комбригов до командиров рот и батарей.

Вообще-то бить подчиненных — привилегия наших славных советских генералов. Этой привилегией пользовались многие из них. Палкой и кулаком, например, хорошо владели Катуков, Чуйков, Конев, командующий 4-й танковой армией Лелюшенко и многие другие. В 405-м отдельном дивизионе РС я слышал от офицеров интересную байку об Иване Коневе. Под Харьковом это было. Командир дивизиона, израсходовав все снаряды, чтобы зря не рисковать установками РС и людьми, увел машины километров за десять от переднего края и стал ждать, когда подвезут боеприпасы. Бойцы получили возможность отдохнуть. Они разделись, сняли сапоги и сушили портянки. Как на грех, по дороге проезжал командующий Степным фронтом Конев со своим эскортом. Увидев «табор», Иван Степанович отрядил адъютанта узнать, что за часть в такую пору греется на солнышке. Представший пред грозными очами генерала командир дивизиона, вскинув руку к пилотке, стал было докладывать о том, что дивизион ждет снабженцев со снарядами, но вместо того, чтобы выслушать доклад до конца, Конев стал дубасить командира папкой. Завершив «святое дело», приказал, чтобы дивизион через полчаса был в Харькове и защищал город от врага.

Командир дивизиона был уже в звании майора и посчитал поступок командующего фронтом не только постыдным, но и отвратительным, унижающим достоинство советского офицера. Он написал Сталину письмо, в котором просил принять меры против грубияна Конева. Прошло некоторое время. Наши войска вели наступление в Польше. На одной из переправ теперь уже маршал Конев встретил того самого командира дивизиона. Увидев маршала, майор пытался незаметно проскочить на понтонный мост. Не получилось. Конев его узнал. Подозвав поближе, вытащил из нагрудного кармана письмо Сталину, язвительно произнес: «Я тебя, дурака, не бил, а учил, хотя мог бы

расстрелять за трусость. И, как видишь, неплохо научил, мне доложили, что хорошо воюешь. Больше таких глупых писем никогда не пиши. Понял?» — «Понял, — ответил майор. — Спасибо за науку», — и удалился подальше от начальства.

Жалобы на произвол наших генералов были нередким явлением. Писали жалобы, насколько мне известно, и на нашего командира корпуса Дремова. Только ни до Сталина, ни до ЦК ВКП(б), ни до Контрольной комиссии они не доходили. Фронтовые письма проверялись военной цензурой, и на каждом из них ставился штамп: «Проверено военной цензурой». Так что, как говорится:

Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Освобождение Украины продолжалось. 1944-й год наш артдивизион встречал в Казатине. Зима, снежная и вьюжная, была в самом разгаре.

Снег хрустел под ногами и колесами, как сухой валежник. Мы далеко шагнули на запад. Теперь никто не сомневался в том, что скоро перешагнем государственную границу с Польшей и ступим на земли Германии. Нас радовала позиция союзников — англичан и американцев, которые все активнее включались в военные действия против вермахта. От политработников и печати мы узнали, что в ноябре-декабре 1943 года прошла Тегеранская конференция трех держав — СССР, Англии и США, на которой встретились первые руководители по антигитлеровской коалиции.

На конференции рассматривались вопросы дальнейшего ведения войны, открытие второго фронта, хотя и вскользь, но были затронуты вопросы ленд-лиза, поставок СССР вооружений и стратегического сырья.

В Декларации трех держав, принятой на конференции, говорилось о планах уничтожения вермахта, о сроках проведения крупномасштабных операций на западе и востоке.

Немцы ожесточенно сопротивлялись. Восточный фронт для них по-прежнему оставался главным фронтом. Разведка установила, что в районе Винницы и Жмеринки сосредоточены большие резервы, которые противник намеревается использовать для удара во фланг и тыл 1-й танковой армии. Катуков принимает решение упредить немцев, повернуть армию на запад и ударить по Жмеринке.

Наступление развивалось успешно, наша бригада подошла к реке Соб и начала переправляться. Река небольшая, но

норовистая, с крутыми обрывистыми берегами. Мост немцы взорвать не успели, и теперь к нему устремились наши войска. Мост оказался крепким, но без перил, дорога к нему начиналась крутым подъемом, покрытым сплошным льдом. Перед нами прошли танки, одна «тридцатьчетверка» по неосторожности механика-водителя сорвалась в воду и теперь лежала на дне вверх гусеницами, как предупреждение — быть предельно осторожным при движении по этому «чертову мосту».

Наши тягачи с пушками медленно выбирались на противоположный берег и выстраивались в колонну. Скопление машин на переправах всегда бывает удобной мишенью для немецких летчиков. Не обошлось и на этот раз. Едва колонна тронулась в путь, как появились два «фоккера». Они прошли над нашими головами и атаковали танки. Хорошо, что немцев вовремя заметили и встретили плотным зенитным и пулеметным огнем. Один истребитель загорелся в воздухе и пылающим факелом рухнул на землю, второй скрылся за горизонтом.

Дивизион догнал разведроту, шедшую за танками, и мы вместе двинулись по направлению к деревне Фердинандовка. Встреча с новым населенным пунктом всегда таит в себе массу неожиданностей, поэтому командир дивизиона Власенко приказал всем машинам замедлить ход, пока не прояснится обстановка. Разведка ушла вперед, а мы на малом газу двигались за ней, готовые в любую минуту развернуть пушки и вступить в бой.

Фердинандовка связана была с Винницей и Жмеринкой железной дорогой. Не успели мы захватить станцию, как сюда прикатил немецкий санитарный поезд. С первого же выстрела танкисты подбили паровоз, и состав остановился. Выяснилось, что поезд шел на фронт, поэтому в вагонах, кроме врачей и обслуживающего персонала, оказалось всего несколько фашистских чинов. Зато трофеи нам достались неплохие: в конце состава было прицеплено несколько вагонов со скотом, птицей и разными продуктами — сахаром, консервами, хлебом, шоколадом и напитками.

Власенко распорядился, чтобы пленных отправили в наш тыл, а я стал организовывать оборону станции на случай неожиданной атаки противника. Появись здесь сейчас рота автоматчиков, нас бы перестреляли за милую душу. Всех занимала не оборона, а трофеи. Пришлось у санитарного поезда ставить охрану.

Прикрыв винницкое направление одной батареей, захватив с собой несколько солдат из дивизионной разведки, я направился в здание, в котором находилось станционное начальство. Здесь нас явно не ждали. На своих рабочих местах находился весь

обслуживающий персонал, как ни в чем не бывало выполнявший свои обязанности. Увидев советских бойцов в полушубках, в ушанках с пятиконечными звездами и автоматами на изготовку, «обслуга» опешила, руки сами потянулись вверх. В соседнем кабинете обнаружили какого-то чина со знаками отличия, скорее всего начальника станции. Разбираться было некогда, его разоружили и вместе с другими служащими вывели на улицу.

Уходя из здания, я приказал разведчикам разбить телеграфные и телефонные аппараты, уничтожить радиостанцию, спилить телеграфные столбы на расстоянии 500 метров и возвращаться в дивизион.

Впереди гремел бой, и неизвестно, сколько мы смогли бы продержаться на этой станции. Чтобы трофеи не достались противнику, Власенко отдал приказ всю живность выгрузить из вагонов и направить в тыл, продукты распределить по батареям, а все, что останется, раздать местному населению.

Так что к моему возвращению у товарных вагонов уже шла суета: кто-то делал не первый заход, а кому еще ничего не перепало, все равно пытался что-то прихватить из трофейного барахла. Из продуктового вагона солдаты вытащили несколько ящиков с какой-то неизвестной жидкостью в керамических бутылках с красочными этикетками. Что это было за зелье, никто не знал, бутылки вертели и так и этак, но не пили из них — вдруг яд. К тому же всех смущала керамическая бутылка. Для нашего глаза слишком непривычно. Тут же поступило предложение — смочить хлеб этой жидкостью и дать собаке. Но где возьмешь собаку, при стрельбе они все разбежались.

Такое добро, конечно, пропадать не должно: нашелся «дегустатор», солдат-пехотинец из какой-то роты нашей же бригады, который, видимо, в своей жизни попробовал не одну бутылку. Взяв керамическую посудину, солдат отбил горлышко, понюхал, попробовал зелье на язык, вздохнул и, перекрестившись, произнес: «Ну, братцы, ежели что, не поминайте лихом. Так и быть, пострадаю за общество!» Все смотрели с затаенным дыханием, как он медленно тянул из алюминиевой кружки неизвестную жидкость. Кому-то даже казалось, что «дегустатор» вот-вот свалится на землю и ангелы унесут его в рай как «пострадавшего за общество».

Выпив жидкость, солдат обвел всех веселым взглядом. Послышались голоса: «Ну, как она, эта зараза?» А он, немного помолчав, прогундосил: «Не понял, налейте еще!» Ему налили полную кружку. Опорожнив ее, он произнес только одно слово: «Годится!»

После такой дегустации все дружно потянулись к бутылкам

и, отбив горлышко, пили коричневую душистую жидкость. Это оказалось не вино, а обыкновенный бальзам, который обычно добавляют в чай или кофе. Для нашего солдата годилось и такое питие. Бутылки быстро размели по мешкам, сумкам, а то и просто по карманам.

Мне тоже ничего не оставалось делать, как начать «отовариваться». Я подогнал свой крытый вездеход и приказал писарской братии загрузить в него несколько мешков сахара, консервы и другие продукты. Бальзам тоже не помешал. Все это потом стало солидным «приварком» к нашей скромной армейской кухне.

Довершить «экспроприацию» не пришлось: послышалась команда Власенко:

— Кончай барахолить! По машинам!

Дивизион построился в колонну и двинулся по указанному маршруту. К утру мы достигли предместий большого винницкого села Байраковка. Село еще спало. Кругом стояла патриархальная тишина, даже собаки не лаяли — еще не проснулись. Колонна остановилась посреди села. Вскоре от некоторых домов потянуло дымком, и у колодцев появились женщины. Одна из них, держа в правой руке ведра, в левой — коромысло, остановилась у моей машины и стала пристально рассматривать солдат. Я вышел из кабины и поздоровался. Женщина лишь кивнула головой, потом спросила: «Вы кто? Бандеровцы?» — «С чего вы взяли, мамаша, что мы бандеровцы? Русские мы, бойцы Красной армии, — старался объяснять как можно деликатнее, чтобы не перепугать селянку. — Вот, видите, на моей шапке красная звездочка!» Женщина все так же недоверчиво смотрела на меня и задала новый вопрос: «Так вы партизаны?» — «Нет, мы настоящая Красная армия. Гоним фашистов с Украины».

И тут ее недоверие как рукой сняло. Она бросилась обнимать меня, говорила какие-то добрые и теплые слова на украинском языке, смысл которых я не совсем понимал. Затем с криком «Красная армия!» она побежала поднимать своих соседей. Захлопали двери, и хозяйки, кутаясь в расшитые кожушки, валенки и цветастые платки, стали выходить на улицу и выносить нам туески, полные яблок, хлеб, домашнюю колбасу, сало и даже бутыли самогона. Солдаты, очнувшись от дорожной дремоты, высыпали из-под брезента и с удовольствием принимали украинские дары. Завязывались знакомства, слышалась русская и украинская речь, раздавался смех, словом, общение шло полным ходом.

Ко мне снова подошла та самая женщина, с которой я вел «дипломатические» переговоры при вступлении в Байраковку, с

двумя ведрами яблок и бутылкой самогона. Она просила принять угощение в знак уважения к Красной армии. Яблоки я принял, но от самогона стал отказываться. Меня опередил шофер:

— Товарищ капитан, зачем же обижать хорошего человека? Давайте, мамаша, вашу бутылочку (в бутылочке-то четверть — 3,07 литров!). В нашем хозяйстве все пригодится.

И «бутылочка» мгновенно исчезла в объемистом багажнике «студебеккера». Удивляло обилие яблок, которыми нас угощали селяне, видимо, на них был урожайный год. В тот день мы ели яблоки на любой вкус: свежие, моченые, соленые, маринованные. Это яблочное изобилие я вспоминаю по сию пору, даже сейчас к этому фрукту отношусь с большим уважением.

К машине подошел капитан Власенко. Я угостил его яблочком. У нас уже оскомина была на зубах, а он с удовольствием похрустел «Джонатаном», и его рука потянулась к пахнущей незабываемым ароматом «антоновке», сохранившей свежесть даже среди зимы.

В гостях хорошо, но, как говорится, труба зовет. Надо было двигаться дальше. Мы надеялись, что в Байраковку успеют подвезти горючее, но заправщики где-то задержались. На какое-то время и мы задержались в гостеприимном селе.

Организовав оборону села и охрану колонны, мы с политруком Александром Федоровым решили навестить местную управу. Разумеется, полицейские еще при приближении наших танков дали деру, поэтому мы и не рассчитывали увидеть кого-нибудь из местного начальства. В доме, куда мы вошли, дух полицейских давно выветрился. Над рабочим столом начальника полиции в застекленной раме висел портрет Гитлера. Один из разведчиков полоснул по нему очередью из автомата так, что стеклянные осколки брызнули во все стороны, металлический сейф, стоявший в углу, солдаты вскрыли с помощью головой шашки. Оттуда извлекли документы и немного денег. Это были немецкие марки и советские рубли. Деньги быстро разошлись по карманам, а полицейские бумаги были сожжены на улице: никакой ценности они для нас не представляли.

В ожидании заправщиков мы решили отдохнуть в каком-нибудь доме. Власенко отказался составить нам компанию, сославшись на то, что он чувствует себя гораздо комфортнее в своей неплохо оборудованной машине, чем в чужом доме. Мы с Семеновым оказались не столь строгих правил, как наш командир, и постучались в дверь к селянину, все время наблюдавшему из-за калитки за нашей колонной. Еще раньше мне показалось странным, что мужского населения здесь не было видно. Это и понятно: с началом войны многие мужчины были

мобилизованы в Красную армию, кто-то добровольно ушел в немецкие батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», в УПА, а кто-то подался в бандеровские отряды или к сечевикам атамана Бульбы-Боровца.

Нас встретил невысокого роста, кряжистый, как столетний дуб, хозяин. Ему уже было, наверно, за шестьдесят. Хозяин крепкий; на его подворье, в просторных хлевах и сараях мычала, хрюкала и кудахтала разная живность. Хозяйка, суетливая черноглазая женщина, заметно моложе своего мужа, быстро поставила на стол всевозможную снедь и четверть самогона. Самогон мы лишь пригубили из уважения к хозяевам, а копченая домашняя колбаска с чесноком пришлась по вкусу. Хозяин усердно угощал «товарищив» офицеров, в то же время очень уж интересовался, что будет при «Советах» — колхозы или единоличные хозяйства? Немецкая администрация колхозы разогнала, землю раздала селянам, каждый хозяин платил налоги, и это многих устраивало.

Мы видели, что крестьяне здесь жили зажиточно и объединяться в колхозы вряд ли горели желанием. Семенов стал объяснять хозяину, что после освобождения Украины от гитлеровских оккупантов, повсеместно установится Советская власть и будут организованы колхозы. На лице хозяина появилась кислая гримаса. На этом наш отдых и пропагандистская работа в доме украинского крестьянина закончилась. В доме появился вестовой, сообщивший, что прибыли бензозаправщики. Мы находились в глубоком тылу неприятеля, и дивизион уходил следом за танковыми и мехбригадами все дальше и дальше, приближаясь к государственной границе с Румынией. Практически мы не встречали врага, и это очень меня настораживало. Свои опасения я высказал Власенко:

— Не нравится мне такая картина. У немцев нет сплошного фронта, но наверняка существуют опорные пункты полевого типа, не связанные между собой огнем.

Командир дивизиона не придал этому никакого значения, только сказал:

— Впереди нас прошла разведка, прошли танковые и механизированные бригады, так что беспокоиться нечего.

Я стоял на своем: — Танки могли пройти, разбить один-другой опорный пункт или же обойти их, а мы можем напороться на неприятности. Все-таки без разведки двигаться опасно.

Тогда я исходил из того, что армия уже полмесяца находилась в тылу противника, и наши части не только сдерживали немцев, но и вели наступательные бои в обстановке сложной и неопределенной, что нередко оборачивалось

большими потерями людей и техники.

С моими доводами Власенко вынужден был согласиться и издал приказ не делать и шагу без разведки. Такая тактика оправдала себя, потому что в дальнейшем немцы не только оказывали сопротивление, но и при первой возможности переходили в контрнаступление. Это мы почувствовали на берегах Южного Буга.

Комбриг Липатенков приказал ускорить продвижение к Жмеринке и нашего артиллерийского дивизиона, чтобы оказать поддержку 1-й гвардейской танковой бригаде полковника Горлова, которая уже вела бои у поселков Сутиски и Гнивань.

У поселка Сутиски я направил командира взвода управления дивизиона с пятью солдатами в разведку, опасаясь, что здесь мы можем столкнуться с крупной немецкой частью. Вот что мне потом рассказали разведчики: «При подходе к реке Южный Буг оставили машину в лесу, в укрытии. Реку перешли по льду. В поселке Сутиски постучали в крайнюю избу. Дверь открыла девочка лет десяти, худая, бледная. Сразу спросила: «Бить будете?» Мы были удивлены до крайности. Оказалось, что тут зверствовали полицаи, житья не давали селянам. Ребенок выложил нам все, что ему было известно. Немцев в селе не было, но в школе размещалось человек десять полицаев. Идти дальше мы не решились, за Бугом была уже румынская территория, а вот с полицаями быстро разобрались. Комнату, где они отдыхали, забросали гранатами. Утром снова перешли реку и благополучно вернулись домой».

Разворачивать свои орудия и вступать в бой в эти дни дивизиону не пришлось: танкисты шли настолько быстро, что мы не успевали следовать за ними. Горелову удалось захватить село Жуковцы и разгромить колонну автомашин и тягачей с пушками на прицепе. Затем он ворвался в Жмеринку, обстрелял эшелон с танками, проник на аэродром, где уничтожил несколько бомбардировщиков.

Закрепиться в Жмеринке 1-й танковой бригаде не удалось: ее не поддержал командир 40-й танковой бригады полковник Веденичев, застрявший под Гниванью, отбивая атаки крупных сил противника.

Здесь, в районе Винницы и Жмеринки, по воспоминаниям командарма Катукова, немцы сосредоточили десятикратное превосходство в живой силе и технике. Его дополняет командир 8-го гвардейского мехкорпуса И. Ф. Дремов: «Фашисты настойчиво уплотняли боевые порядки свежими резервами, создавая на важных рубежах сплошной фронт обороны… За 17 дней наступления 1-я танковая армия, в составе которой

находился и наш корпус, прошла с боями около 300 километров, освободив ряд городов и населенных пунктов Правобережной Украины. Несмотря на быстрое продвижение, 1-й танковой армии пришлось не только сдерживать, но и отражать мощные контрудары немцев в районе Жмеринки — Винницы. Только благодаря стойкости и мужеству солдат и офицеров армии был сорван коварный план врага — разгромить войска левого крыла фронта и отбросить их на север».[30]

Надо признать, что войска 1-й танковой армии за две недели непрерывных боев были настолько измотаны, что продолжать наступление уже больше не могли. Наверно, это понял и командующий фронтом генерал Ватутин. Связавшись со Ставкой, он разрешил отвести корпуса генералов Гетмана и Дремова на рубеж реки Соб, в район сел Возовки и Ильинцев, где приказал перейти к обороне. К обороне переходили и войска 38-й армии.

Вторая половина января 1944 года проходила в непрерывных боях. Немцы, пробиваясь на север, пытались вытеснить танковую армию с занимаемых позиций и в конечном итоге разгромили ее. Катуков вынужден был бросить в бой свой последний резерв — 64-ю танковую бригаду. Но этих сил было недостаточно, чтобы удержать позиции. Положение спас 31-й танковый корпус генерала В. Е. Григорьева, прибывший из резерва Ставки.

Туго пришлось и нашей 19-й мехбригаде. Комбриг Липатенков маневрировал всеми силами и средствами, но противник с каждым днем усиливал удары. Дремов отмечал: «Ф. П. Липатенков — умен, трудолюбив. Особенно умело руководил подразделениями в ближнем бою. Я лично сам видел, с какой беззаветной храбростью дрались его гвардейцы в районе местечка Ильинцы».[31]

Не только в местечке Ильинцы нам пришлось выдержать тяжелейший бой. У села Ободное, куда нас оттеснили немцы, тоже кипел жаркий бой. Здесь погиб шофер моего штабного вездехода Василий Поликарпов. Пришлось самому садиться за руль и почти месяц водить машину, пока не прислали замену.

В эти дни мы не досчитались многих наших бойцов и командиров. У местечка Липовец погиб командир 64-й танковой бригады подполковник Александр Бурда, прославившийся как мастер танковых засад еще в боях под Москвой. Впервые я встретился с Александром Федоровичем в калининских лесах при необычных обстоятельствах. Наш дивизион двигался за танковым полком. На разбитой дороге образовалась солидная «пробка», которую взялся ликвидировать возникший откуда-то майор Бурда. Без шума и матерщины он умело возглавил проводку машин, вместе с бойцами подталкивал застрявшие в лужах ЗИСы,

подавая команды водителям: «А ну-ка, милок, еще газку! Так держать!» Глядишь, и дело пошло на лад, колонна двинулась дальше. Встречаться приходилось и на Курской дуге. В то время Бурда командовал 49-й танковой бригадой. Это ему потом пришла в голову мысль создать роту из трофейных «тигров», которую он использовал в особых случаях, когда надо было заманить противника в ловушку.

Во время боя в танк Бурды попало несколько снарядов-болванок. Борт выдержал, но броневые осколки посыпались внутрь машины, один из которых попал в командира. Раненого, его на танке повезли в госпиталь, но по дороге он скончался. Похоронили командира бригады в городе Ружин на Житомирщине.

Позже стало известно, что в конце февраля 1944 года был тяжело ранен и командующий 1-м Украинским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин. По дороге в 60-ю армию он с небольшой охраной попал в засаду, устроенную бандеровскими боевиками. В процессе лечения началась гангрена, и командующий умер. Похоронили его в Киеве.

О бандеровцах мы тогда мало что знали. Нам было известно, что это последователи таких националистических деятелей Украины как Грушевский, Петлюра, Винниченко, Коновалец. В 1929 году Коновалец создал ОУН — организацию украинских националистов, в которую потом вошли Мельник, Бандера, Стецко и другие. Они якобы боролись за самостийную Украину, а на самом деле — за власть в Украине.

Деятельность националистов освещала католическая церковь во главе с митрополитом Андреем Шептицким. ОУН с момента ее создания содержалась на средства германской разведки. На германские деньги содержались и украинские националистические батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», а также дивизия СС «Галичина», которые воевали как против украинских партизан, так и против регулярных частей Красной армии.

Это сейчас, после развала Советского Союза, националисты трубят о том, что украинские формирования, в том числе и Украинская повстанческая армия (УПА), воевали против немцев и против большевиков, но отнюдь не против украинского и русского народов. Причем эти заявления звучат, к сожалению, из уст первых лиц украинского государства…

Многое вспоминается о боях на винницкой земле, различные эпизоды из фронтовой жизни — и потери боевых друзей и товарищей, и дружба, скрепленная кровью. В ходе боев нам, артиллеристам, часто приходилось действовать совместно с минометчиками. В минбате у меня было много друзей: начальник

штаба Костя Звездин, заместитель командира батальона Иван Острянин, начальник связи Иван Яценко. Если фронтовая обстановка позволяла, мы организовывали дружеские встречи, вспоминали прошлое, делились впечатлениями о прошедших боях. На одной из таких встреч Костя Звездин рассказал историю, которая здорово развеселила нашу теплую компанию. История случилась с командиром минометного батальона капитаном Атляковым. Немцы в тот день лезли со всех направлений. Рано утром комбат с наблюдательного пункта заметил, как на позиции, занимаемые батальоном, идут немецкие танки. Понимая, что если танки прорвутся, то от минометов останется одно железо и надо действовать незамедлительно, он звонит в штаб бригады. Трубку снимает не совсем проснувшийся заместитель начальника штаба майор Коростелин. Слышит, как кричит Атляков о приближающейся опасности.

— Какие танки? — спрашивает Коростелин, протирая глаза.

— Немецкие, конечно, — резюмирует Атляков.

— Ну, и что ты кричишь? Приказываю: танки уничтожить и доложить!

Наверно, вместе с трубкой Коростелин снова завалился спать. Вдруг снова слышит:

— Как же я буду уничтожать танки минометами?

Коростелин снова сонным голосом приказывает:

— Никаких оправданий, уничтожить и доложить, иначе попадешь под трибунал!

Эта байка была жива до конца войны. Ее мы вспоминали и после войны, в конце 80-х годов, когда в Ленинград приезжал бывший начальник штаба стрелкового батальона Петр Лисовенко. С Иваном Яценко мы встречали его, как дорогого гостя. Очень сожалели, что из-за болезни из Петрозаводска не смог приехать Иван Острянин. День Победы мы отметили, как полагается. Было что вспомнить: отступление, наступление, завершающий этап войны, поверженный Берлин. То и дело слышались восклицания: «А помните, как…» Война не забывается…

Только тогда, в 1944-м, нам предстоял еще целый год войны.

Глава VIII
Проскуровско-Черновицкая операция

Война сама по себе постыдна, но для нас, советских солдат, она была, как говорится, праведной и справедливой. Мы кипели гневом, когда освобождали от фашистской нечисти разрушенные города и села, своими глазами видели униженных и обездоленных людей не только нашей страны, но и других стран, куда вступали наши армии. Чтобы судить о фашизме, надо видеть его звериное лицо. После войны мне не раз приходилось слышать из уст некоторых молодых людей такие слова: «Вот победила бы Германия, давно бы мы пили баварское пиво». От таких слов мне, участнику Великой Отечественной войны, становилось не по себе. Тут уж постыдна не только война, но и послевоенная мораль.

За три года войны, оставшихся у нас за плечами, мы многое видели, но многое еще предстояло увидеть, пройдя по землям Западной Украины, Польши и Германии.

В конце февраля 1944 года 1-я танковая армия была выведена в резерв фронта. Она разместилась в лесах недалеко от поселка Погребищенский. Снежная зима закончилась, и солнышко уже грело по-весеннему. На полях и в лесу снега еще было много, но мы с радостью перебирались на новое местожительство. За время войны мы уже привыкли к лесной жизни, быстро построили землянки и наладили армейский быт. Немецкая авиация нас практически не беспокоила. Уже через несколько дней в нашем стане кипела бурная жизнь: мы ремонтировали технику, которая изрядно пообносилась за время прошедших боев, пополнялись горючим, боеприпасами и продовольствием.

К нам в дивизион прибыло несколько молодых солдат, которые должны были заменить убывших по ранению или погибших товарищей. За короткий срок им предстояло пройти курс молодого бойца и овладеть навыками артиллериста. Времени для их обучения отпускалось не так много, но практика показывала, что при регулярных тренировках новички становились неплохими батарейцами.

Новым пополнением занимался мой помощник Александр Семенов, иногда к процессу обучения новобранцев подключался и я, используя свой фронтовой опыт, а также опыт старших командиров. Вспоминал, как в свое время бойцов учил Катуков: «Война — дело затяжное, значит, надо беречь людей и технику.

Вам первым среди танкистов присвоено звание гвардейцев. Быть гвардейцем-танкистом — нелегкое дело, так вы и виду не подавайте, что вам трудно.

Немецкий генерал Гудериан под Орлом был сильнее нас во много раз, а выиграли сражение мы. Танки требуют инициативы и самостоятельности. Допустим, вы получили боевой приказ. Танки вышли на исходные позиции. Ни я, и никто из моих помощников на поле боя не сможем вам помочь. Значит, вы должны действовать на свой страх и риск. Но не горячитесь, не лезьте на рожон. Умейте выжидать часами в засаде, примите правильное решение и коль скоро приняли его — не отступайте от него, даже если это будет стоить вам жизни. Немцы любят пугать количеством. Нескончаемой вереницей они пускают на нас свои танки. Опытный танкист вам скажет: «Не так страшен черт, как его малюют». Спрячьтесь за бугорок, потом выскочите, выстрелите разок — и назад, а потом выскочите с другой стороны, трахните разок — и назад. То справа, то слева, то снова справа, глядишь, три-четыре танка уже подбиты. Вот так и деритесь. Смекалка на войне помогает вдвойне. Каждый из вас должен следить за товарищем, прикрывать его, потом он поможет тебе».[32]

В штабах уже разрабатывалась Проскуровско-Черновицкая операция. К этому времени немцы были отброшены далеко от Днепра, был освобожден ряд крупных городов Западной Украины, созданы предпосылки для полного освобождения Правобережной Украины.

Как бы то ни было, но 1-я танковая армия вводилась в бой, чтобы принять участие в Проскуровско-Черновицкой операции, хотя полностью она не была укомплектована личным составом и техникой. Например, наш корпус был укомплектован только на 80 % личным составом, а танками, орудиями и минометами — и того меньше — всего на 50 %. Видимо, поэтому командование предполагало использовать 1-ю танковую армию при наступлении во втором эшелоне.

В нашем дивизионе с машинами и пушками было все в порядке, а вот личного состава не хватало. В боевых расчетах оставалось по 4–5 человек вместо 6–7. Я по-прежнему сам водил штабной вездеход, хотя к началу наступления из бригады обещали прислать шофера.

В первой половине марта дивизион вместе с другими частями совершил 250-километровый марш в район Шепетовки. Войска передвигались скрытно, преимущественно ночью. Немецкая разведка знала: там, где появляются танки, начинается наступление.

Передвижение ночью — трудное и опасное дело. Машины идут в абсолютной темноте, на ощупь, фары категорически запрещалось зажигать даже в труднопроходимых местах. При бездорожье наезды друг на друга неизбежны. Чтобы подобное не случалось, командир машины должен стоять на подножке, а то и просто сидеть на капоте и до боли в глазах просматривать местность. Дьявольская работа. Бывали случаи, когда шоферы от усталости засыпали за рулем. Если я видел, что шофер начинал «клевать» носом, сам садился за руль, а его укладывал спать хотя бы часа на два.

В таких условиях мы добрались до Шепетовки. И, слава Богу, особых происшествий не произошло.

В ходе боевых действий на Украине сложилась благоприятная оперативно-стратегическая обстановка, и командование не преминуло ею воспользоваться, чтобы окружить и уничтожить 1-ю танковую армию противника и выйти к Карпатам.

Особые надежды в этой операции возлагались на Катукова и его армию, которая должна была разрубить вражескую группировку пополам и тем самым создать условия для ее разгрома общевойсковыми армиями. Ждать, пока подсохнут дороги, не было времени, и 15 марта 1944 года все соединения Катукова вышли из-под Шепетовки в выжидательный район. Наступившая распутица и бездорожье сильно затрудняли продвижение войск.

Войскам предстояло пройти 100 километров по непролазной грязи. Свои машины с пушками на прицепе нам нередко приходилось вытаскивать танками, потому что ни один тягач по таким дорогам не мог идти самостоятельно. Боеприпасы перевозили на лошадях, доставалось и мотопехоте, которая вынуждена была двигаться по обочинам дорог, утопая по колено в грязи. Еще у Казатина было захвачено большое количество лошадей. На них и посадили пехоту. Теперь она в шутку у нас называлась «мотокавалерией».

17 марта главные силы армии подошли к Тернополю, уложившись в сроки, определенные приказом. 19-я мехбригада заняла исходный рубеж в 2–3 километрах от переднего края.

Утром 21 марта началась короткая, но мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Приятно было видеть, как волна за волной шли тяжелые бомбардировщики в сопровождении юрких и подвижных истребителей. Такой картины после Курска мы не видели. У всех была уверенность в том, что удастся пробить брешь в обороне противника и выйти на оперативный простор.

В 8 часов огневой вал перенесся в глубину вражеской

обороны. На исходную позицию вышли танки. В воздух взвилась зеленая ракета. Это сигнал к атаке. Взревели мощные моторы, и машины ринулись в прорыв.

Мне много раз приходилось видеть начальный этап танковой атаки. Зрелище неописуемое. На линии стоят этакие стальные монстры — КВ и «тридцатьчетверки», задрав к небу хоботы-пушки, готовые «выплюнуть» осколочный, зажигательный или подкалиберный снаряд. Местность вокруг оглушается ревом моторов, и воздух мгновенно пропитывается отработанными газами солярки.

Следом за танками идем мы, артиллеристы. У нас своя задача — поддержать атаку танков, с закрытых позиций уничтожить узлы сопротивления противника — ДОТы, ДЗОТы, пулеметные гнезда, нанести удар по скоплению вражеской техники и пехоты.

С первых же минут было видно, что наступление развивается успешно. Как только была прорвана оборона противника на 2–4 километра, в бой вступили мотострелковые подразделения. Они рассыпались веером, устремляясь на оперативный простор. Начался глубокий рейд по тылам врага.

Отступая, немцы жгли села, уничтожая все, что можно уничтожить, — жилые дома и хозяйственные постройки, расстреливали людей и скот. В воздухе носились тучи пепла, а сладковатый трупный запах вызывал тошноту.

Враг не ожидал такого стремительного натиска советских войск, действовавших смело, дерзко, лишая противника любой возможности организовать хоть какую-то оборону. Наши передовые группы, по 3–5 танков, появлялись в самых неожиданных местах, сея среди немцев панику, наводя страх на местные полицейские управы. За передовыми отрядами шли вторые эшелоны танков, сокрушая оставшиеся в тылу гарнизоны противника.

Учтен был и опыт прежних боев. Он играл теперь немаловажную роль в развитии наступления. Штабы работали более действенно и оперативно. Особую роль выполняли передовые отряды танковых и механизированных корпусов, своего рода бронеартиллерийские кулаки, в задачу которых входило: определение местонахождения противника и его численности, размещение опорных пунктов, прокладка маршрутов движения следующих за передовым отрядом основных сил бригады, корпуса, захват и удержание ключевых пунктов до подхода главных сил армии.

Момент внезапного удара по противнику и тактика использования передовых отрядов приносили нам на первых порах ощутимые результаты. В процессе боевых действий брешь в

обороне противника была расширена с 10 до 60 километров, фронт немецкой танковой армии был разорван надвое. Там, где стрелковым частям не удалось прорвать оборону противника на тактическую глубину, ее прорывали своими силами танкисты.

Передовые отряды не ввязывались в крупные бои, а лишь уничтожали небольшие группы немцев, обходя опорные пункты и города. Их цель — как можно быстрее достичь указанный рубеж и закрепиться на нем до подхода общевойсковых соединений.

Немцы вскоре опомнились, хотя и не очень-то понимали, откуда следует ожидать очередного удара. Стремясь сохранить основные силы в Подолии и Галиции, германское командование в спешном порядке стало перебрасывать сюда новые резервы, которые немедленно вступали в бой с прорвавшимися советскими танками.

Тут бы остановиться, поменять тактику ведения боевых действий, но ни командование фронта, ни командование армии на это не решилось: вперед и только вперед. Танки отрывались от пехоты и артиллерии, оставаясь без поддержки, становясь легкой добычей боеспособных немецких частей. Очень часто передовые отряды действовали далеко от баз снабжения, оставаясь без боеприпасов и горючего. Тому, кто шел впереди, — первый снаряд и первая бомба. У танкистов существовал неписаный закон: впереди полка шли батальоны, сменяя друг друга, такая же смена происходила в батальонах, ротах и взводах. Экипажи, которые должны идти впереди, на всякий случай прощались с товарищами: шансов попасть на тот свет у них было больше, чем у идущих сзади.

Мы шли землями Подолии. Погода по-прежнему была отвратительная: шел дождь, потом вдруг начал валить снег. О дорогах лучше и не вспоминать. Если танки с трудом преодолевали ямы и колдобины, заполненные водой, то артиллеристам со своим колесным транспортом и пушками приходилось чрезвычайно тяжело. Солдаты и офицеры, насквозь промокшие, с заткнутыми за ремень полами шинелей, облепляли застрявшие в грязи машины и буквально на руках выносили их на дорогу. Скорость движения не превышала порой 5–7 километров в час.

И все же мы пробивались вперед, теша себя тем, что и немцам было не легче. Вдоль дорог все чаще попадалась разбитая немецкая техника: машины, пушки, повозки, походные кухни. Все это теперь было не нужно никому — ни немцам, ни нам. По всему видно было, что здесь хорошо поработала наша штурмовая авиация, и от этого на душе становилось приятно и радостно. Гоним вас, нечисть поганую. Хорошо гоним!

Погода, вне всякого сомнения, не позволяла развивать более высокие темпы наступления, тем не менее 8-й мехкорпус уверенно двигался вперед. Освобождены Гримайлов, Теребовля, Хоростков, Копычинцы, 23 марта занят районный центр Чертков. Здесь была тыловая база снабжения немцев. Еще усилие, и перед нами открывался путь к Днестру. Катуков торопил войска, чтобы захватить на реке переправы, а затем — и плацдарм на западном берегу.

24 марта передовые части армии вышли к Днестру. Река эта широкая, до 200 метров, бурная и полноводная, от растаявшего снега она кое-где вышла из берегов. Над ней постоянно стоял туман. Когда пробивались солнечные лучи, над ней, насколько мог охватить глаз, виднелись горы, покрытые белыми шапками — не то снег, не то меловые отложения. Это Карпаты — цель нашего наступления.

Из-за распутицы отстали понтонные части, а время не ждет. Командование приняло решение форсировать реку, только что освободившуюся ото льда, на подручных средствах. Что это значит? Подручными средствами могло быть все, что держится на воде, — лодки, баркасы, самодельные плоты, катера, железные бочки. Переправа намечалась в двух местах — Залещиках и Устечко.

Пехота начала переправляться, даже несмотря на бомбардировки и артиллерийские обстрелы, но танк в лодку не поставишь. Дело пошло значительно быстрее после того, как разведчик Владимир Подгорбунский угнал у немцев понтоны и на танках притащил их к переправе. Пехота на противоположном берегу заняла плацдарм, а к этому времени подошли и армейские понтонные части. По понтонному мосту двинулись танковые и артиллерийские подразделения, которые с ходу вступали в бой.

Пока главные силы армии расширяли плацдарм, наша бригада прикрывала правый фланг и тыл корпуса. 24 марта разведгруппа Подгорбунского внезапным ударом разгромила вражеский гарнизон и захватила небольшой городок Бучач. Удержать его в своих руках разведчики не могли и сразу же запросили помощи. Комбриг Липатенков направил туда наш дивизион, который находился в районе Черткова.

В мою походную машину торопливо сел капитан Власенко и сказал:

— Нам приказано передислоцироваться, причем как можно быстрее, в городок Бучач. Так что, Петя, строй колонну, будем двигаться, а то неровен час, нагрянет Дремов и устроит нам с тобой выволочку, если замешкаемся.

Честно сказать, комкора мы боялись, как огня, поэтому любой

его приказ старались выполнить как можно быстрее.

Когда колонна подходила к Бучачу, из городка на фронт двигался 67-й танковый полк нашей бригады. Мы остановились, уступая дорогу танкистам, невольно залюбовались походной картиной: величественно и уверенно, покачиваясь на неровностях дороги, «плыли» сухопутные броненосцы. Командиры машин и башнеры в шлемах и комбинезонах, высунувшись по пояс из люков, чем-то напоминали сказочных героев, отправлявшихся совершать подвиги. В сущности, они и были таковыми, так как подвиги совершали ежедневно и ежечасно. Неизвестно, кто из этих бравых ребят вернется домой живым. Пофыркивая двигателями и гремя траками гусениц, грозные машины уходили в туманную даль.

Мы же быстро заняли городок, в котором недавно стояли тыловые части гитлеровцев. Здесь размещались различные склады, ремонтные мастерские, пекарни. Атака наших разведчиков была столь стремительной и неожиданной (они, что называется, свалились немцам, как снег на голову), что обороняться уже было бесполезно.

На улице показалась колонна пленных. Их было человек сто. Колонну вели всего четверо солдат с автоматами и винтовками. Местные жители, в основном молодые женщины, которых мы называли паненками, с жалостью смотрели на немцев. Они шли рядом и переговаривались со своими знакомыми. Меня это насторожило.

— Смотри-ка, Василий Прокофьевич, — заметил я Власенко, — эти дамы, наверно, давно якшаются с фрицами. Чего доброго еще устроят какую-нибудь провокацию…

Не успел я закончить фразу, как один из немцев выскочил из колонны и бросился бежать через огороды к лесу. Крики конвоиров не остановили его, он продолжал бежать. Один из солдат, присев на колено, щелкнул затвором и спустил курок. Осечка. Тут мои батарейцы, видя, что немец может удрать в лес, как с ума посходили, бросились за беглецом, открыли огонь из автоматов и карабинов. Пленный упал. К нему подбежали солдаты и начали несчастного пинать ногами и бить прикладами. Я подбежал к толпе и что было мочи закричал: «Назад! Это же садизм!» Солдаты остановились. Толпа как бы очнулась от наваждения, медленно приходя в себя, затем, отводя глаза, солдаты стали потихоньку расходиться. Вот что может сделать ненависть к врагу! За считанные минуты мои солдаты превратили немца в кровавое месиво. Он уже не жилец на этом свете, и, чтобы прекратить его мучения, я несколько раз выстрелил в это большое и грузное тело. Немец затих.

Эта неприятная картина не давала мне покоя, хотя я и понимал: это тоже война. Лежа на топчане своей походной машины, я пытался осмыслить суть довольно неприятного инцидента, который даже не смог предотвратить. Неожиданно до моих ушей в приоткрытую дверь стала доноситься музыка. Кто-то играл на фортепьяно. Наваждение какое-то!

Меня невольно потянуло к музыке. Но откуда она? Наши штабные машины стояли недалеко от большого красивого дома. Я понял: именно в нем кто-то стал музицировать в довольно неподходящее время. Ведь после боя прошло всего несколько часов. Все это было необычным и удивительным.

Войдя в дом, я увидел своих солдат, слушавших игру прекрасной польки. Что играла эта красавица, вряд ли кто понимал, но душой и умом мы чувствовали всю прелесть музыкального произведения. Увидев офицера, пани привстала, приятно улыбнувшись, раскланялась. Появились еще две польки постарше, о чем-то переговорили между собой и предложили мне сесть. Одна из них на украинском языке объяснила, что таким импровизированным концертом они решили приветствовать доблестных русских солдат.

Концертное представление продолжалось, и солдаты, увидев, что полячки все внимание сосредоточили на моей особе, нехотя покинули дом, а я стал гостем этой польской семьи. Мне предложили чай, за столом мы говорили о войне, о трудностях военной жизни. Я понял, что мои хозяйки уже знали об инциденте с немецким солдатом и поэтому стали спрашивать, что будет с остальными пленными. Обрадовать этих пани я ничем не мог, объяснил только, что их отправят в тыл и их судьбу будут решать соответствующие советские органы. Интерес полячек к пленным был связан не с гуманными соображениями, а скорее с личными. Их мужья на войне, а милые дамы тем временем крутили любовь с немецкими оккупантами.

Простояли мы в Бучаче недолго, всего несколько дней, и снова оказались в гуще военных событий, принимая участие в расширении плацдарма в районе Устечко. Пушки свои перетаскивали уже по наведенным саперами мостам, за нами шли тыловые части — снабженцы, ремонтники, медсанбаты.

Наша бригада сосредоточилась в районе местечка Городенка, а артиллерийский дивизион получил возможность остановиться на короткий отдых в селе Герасимово, куда снабженцы должны были подвезти горючее и боеприпасы. Основные силы корпуса нацеливались для удара по Коломыи и Станиславу.

Неожиданно в дивизион пожаловал начальник артиллерии бригады майор Зотов, личность довольно одиозная, бездарь и

хам, которого все офицеры за глаза называли «ефрейтор Зотов». Как уживался с ним полковник Липатенков, грамотный и интеллигентный командир, просто уму непостижимо. Он появился в штабе в тот момент, когда я чистил немецкий пистолет «вальтер», подаренный мне ординарцем Василием. Где и когда он его раздобыл, в такие тонкости я не вдавался, скорее всего в каком-то бою. «Вальтер» Зотову так понравился, что он потребовал отдать ему пистолет. Причем сделал это таким грубым тоном, что меня просто взорвало. Сдерживая гнев (начальство все же передо мной), я попытался объяснить майору, что пистолет мне подарили, а подарки не передаривают. После небольшой перебранки Зотов, зло сверкнув глазами, дал понять, что этот случай он мне еще припомнит. Хлопнув дверцей машины, «ефрейтор» удалился не солоно хлебавши, но командиру дивизиона об этом инциденте ничего не сказал.

Я еще раз убедился, что бездарей и хапуг в нашей армии хоть пруд пруди. Они занимают определенные должности, иногда очень высокие, и… воруют. Одни — открыто, нагло, другие — втихую. Страшно еще и то, что они имеют высоких покровителей.

«Неуважение» к начальству Зотов мне, конечно, припомнил. И даже очень скоро. За Житомирско-Бердичевскую операцию Власенко представил меня к ордену Отечественной войны. Наградные документы проходили через начальника артиллерии Зотова.

Как-то звонит заместитель начальника штаба бригады капитан Самойлов и спрашивает:

— Чем ты, Демидов, досадил «ефрейтору Зотову»?

— А в чем дело?

И Самойлов рассказал:

— Понимаешь, сегодня зашел ко мне в штаб наш шеф и потребовал списки награжденных на ваш дивизион. Нашел в папке твой наградной лист и, ничего не объяснив, тут же его разорвал.

Я нисколько не удивился поступку самодура Зотова и поведал заместителю начальника штаба о дурацком инциденте с пистолетом.

Горяч и самолюбив был я в молодости, за что и страдал не один раз. Борцом за правду себя не считал, но перед собой и Богом был чист.

К концу марта 1944 года все части армии переправились на западный берег Днестра и закрепились на плацдарме, ширина которого составляла 70 километров, глубина — 20. С этого плацдарма и развивалось дальнейшее наступление.

Занятие городов Коломыи и Черновцов стало важным этапом

на пути к государственной границе. В боях за Коломыю отличился молодой командир танкового батальона капитан Бочковский, которого мы частенько поддерживали своим огнем. Дважды комбату пришлось штурмовать город. Только со второй атаки немцев удалось выбить из Коломыи, и они отошли к Делятину и Яремче. В приказе Верховного Главнокомандующего по случаю взятия Коломыи, наряду с именами генерала Дремова и полковника Горелова, названо было и имя капитана Бочковского. Случай уникальный для командира батальона. Обычно в сталинских приказах фигурировали имена лишь командиров бригад, дивизий, армий.

Еще сложнее складывалась обстановка под Станиславом. Стремясь задержать продвижение 1-й танковой армии к Карпатам, немцы сосредоточили здесь крупные силы своих войск. Чтобы взять город, 8-му мехкорпусу пришлось изрядно попотеть — его брали с трех сторон. 19-я бригада наступала с востока.

Механизированные бригады начали движение из местечка Городенка. Поначалу наступление развивалось успешно, немцы оставили Тлумач и Тысменницу, дальше все пошло не так, как планировалось: 1-я танковая бригада встретила упорное сопротивление венгерского армейского корпуса.

У Станислава, только с южной стороны, пришлось и нашему дивизиону столкнуться с венграми. Танки ушли вперед, а мы задержались в каком-то селе, угодив под артобстрел. Когда колонна повернула к центру деревни, венгерское орудие открыло огонь. Нам повезло: все снаряды прошли мимо. Зато наши батарейцы, развернувшись, с первого же выстрела накрыли венгерский расчет. Венгерские артиллеристы открыли огонь, видимо, со страху. При виде того, что вермахту приходит конец, в венгерской армии началось брожение, солдаты не желали больше воевать против Советского Союза. Вполне понятно, что немцы перестали им доверять, и многие венгерские части несли в основном караульную службу. Но когда Красная армия подошла к Днестру, венгров бросили на передовую.

После залпа моих батарейцев от венгерского расчета в живых осталось трое — два солдата и командир огневого взвода, офицер, которого обнаружили в яме метров за пятнадцать от разбитого орудия. Держа пистолет наизготовку, я приказал офицеру встать. Он медленно встал и поднял руки. Передо мной стоял молодой парень, вроде меня, с испуганным лицом, без пилотки, с растрепанными волосами. Руки мелко дрожали, его бил озноб. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Венгр не выдержал моего взгляда и отвернулся. Что думал он в эту минуту? Наверно, гадал: убью я его или нет? Что стоит этому

длинному офицеру нажать на курок пистолета, и все кончится?

Моя улыбающаяся физиономия успокоила его. Я вытащил у офицера из кобуры пистолет и положил себе в карман. Пленному приказал опустить руки.

В разных концах села солдаты собрали около 80-и пленных. В эту же группу определили и офицера-артиллериста. Выделять своих солдат для сопровождения пленных в тыл я не стал: каждый человек в дивизионе был на счету. Написал записку тыловым службам, чтобы приняли пленных венгров в таком-то количестве. Записку вручил назначенному мною из этой группы «старшему» и скомандовал: «Шагом марш!»

В 1944 году пленных уже было столько, что их некуда было девать. Передовым частям с ними возиться не хотелось, вот и отправляли их с такими записками в наш тыл, и они благополучно доходили до сборных пунктов.

В боях под Станиславом 19-я мехбригада с запозданием начала атаку. Наш дивизион шел следом за 67-м танковым полком. Танки начали перестраиваться в боевой порядок и пошли по целине. Несколько машин сразу же подорвалось на минах. Наши машины, разумеется, по целине идти не могли. Можно застрять в грязи или подорваться на минах. Мы с Власенко стояли на дороге и обдумывали — что делать дальше? Разумнее всего — подождать саперов, а время поджимает. Вдруг подкатывает на «виллисе» командир корпуса Дремов. Останавливается, подходит к нам. В руках палка. С ходу набрасывается на Власенко: «Почему не в Станиславе?» Я не стал ждать своей очереди, чтобы получить взбучку, быстренько юркнул в кабину вездехода, водителем которого был по совместительству (у меня до сих пор не было шофера). Включив мотор, сделал вид, что мы едва ли не на всех парах мчимся в бой, тем самым стараясь не дать возможности раздраженному комкору пустить в ход свою палку.

Власенко потом говорил, что впервые видел в такой ярости Дремова, совершенно потерявшего над собой контроль.

Садясь в машину, он еще раз гаркнул: «Немедленно быть в городе, иначе шкуру спущу!»

К счастью, подошли саперы и разминировали дорогу, но двигаться вперед нам по ней не пришлось. Фашисты сумели быстро подтянуть большое количество танков и авиацию, сходу атаковали Станислав и выбили наши войска из города, в том числе и 67-й танковый полк, механизированные и стрелковые части. Вскоре на дороге перемешались все рода войск, поспешно отступающие в тыл. Нам тоже ничего не оставалось делать, как влиться в общий поток.

Тут как назло появилась вражеская авиация. Всякий раз,

когда «мессершмитты» пролетали над колонной, мы, бросив машины, ныряли под насыпь железной дороги, которая шла параллельно шоссе. Изрядно выкупавшись в талой воде, промокнув до нитки, продолжали движение — кто на машинах, а кто и «пехом», пытаясь согреться после холодной купели.

За артиллерийским дивизионом отступал минбат капитана Атлякова, на большой скорости промчался 405-й отдельный дивизион РС «катюш» майора Юрия Гиленкова. Мой друг, высунувшись из машины, что-то прокричал и помахал рукой, и зачехленные брезентом установки мгновенно скрылись с глаз. Вот тут я почувствовал преимущество хорошей техники — РСы стояли на мощных «студебеккерах», для которых любые дороги были нипочем.

Откуда ни возьмись появился командир 67-го танкового полка подполковник Барштейн, пытавшийся остановить отступающих и положить всех в цепь. Странно было видеть, как он палил из пистолета, даже ранил старшину из батальона Атлякова, но драп все равно продолжался. Так мы отмахали, наверно, километров десять. Фашистских «тигров» и «пантер» больше не было видно, не показывалась и авиация. Вот тут решено было немного перевести дух. С утра батарейцы ничего не ели, а когда появилась кухня, все дружно взялись за котелки.

Принесли и нам с Власенко горячую пищу. Василий Прокофьевич поставил на стол бутылку водки, налил целый стакан и приказал: «Пей!» Я стал возражать, но он настоятельно потребовал: «Мне нужен здоровый начальник штаба. Водка пойдет на пользу!»

Мы поели, я переоделся в сухое обмундирование и тут же заснул. Проснувшись через несколько часов, готов был хоть наступать, хоть отступать, даже кашля не было. Водка, наверно, мне здорово помогла.

Этот «героический драп» от Станислава запомнился нам надолго. Уже после войны, вспоминая то время, когда мы «брали» Станислав, генерал Гиленков, шутя, говорил: «Видел я тебя, Петя, мельком, обгоняя твой дивизион, но уж не обессудь, был ты тогда похож на мокрую курицу».

Отступление — это стихия, которую не сразу удается переломить. И все же мы тогда остановились и, опомнившись, быстро заняли оборону километрах в десяти восточнее Станислава, а когда подвезли горючее и боеприпасы, готовы были сражаться хоть с самим чертом.

Фронтовая обстановка сложилась так, что Станислав брать нам не пришлось. Его освободили позже в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции части и соединения

общевойсковой армии.

Если же говорить о боевых действиях 19-й механизированной бригады, то до подхода к Днестру свежих сил она узенькой цепочкой держала оборону вдоль реки на значительном расстоянии. Нашему 461-му артдивизиону Липатенков отвел участок километров десять и приказал стоять насмерть, но не пропустить врага. Я до сих пор с содроганием вспоминаю эту «оборону». Пусти немцы с десяток «тигров» или «пантер» в этом направлении, от нашего дивизиона ничего бы не осталось, кроме груды металла. Хорошо, что мне посочувствовал майор Гиленков, оставивший на свой страх и риск две установки РС, предупредив строго-настрого, чтобы я использовал снаряды только в крайнем случае, когда уж совсем станет невмоготу. Этот «резерв» находился в дивизионе семь суток. К счастью, немцы не полезли на нашем участке, а вскоре подошли общевойсковые части и нас отвели в тыл.

Тыл по понятиям того времени означал отвод войск от линии фронта на 10–15 километров. Военный совет фронта по-прежнему рассматривал 1-ю танковую армию как важную ударную силу и не спешил отводить ее на переформирование.

Когда я писал эти «Записки», то пришлось просмотреть в архиве ежедневные донесения Катукова в штаб фронта. Меня интересовало одно важное обстоятельство — как оценивало командование армии свою боеспособность? Уж очень она была хлипкой, если судить по нашей бригаде или артдивизиону. Оказывается, она еще держалась и могла отбивать атаки противника, который тоже выдыхался и стремился уйти к Висле, поближе к своим границам. Вот одно из таких донесений от 26 апреля 1944 года: «Противник с 8.00 силами до пехотной дивизии при поддержке 70–80 танков наступал в южном и юго-восточном направлении, пытаясь прорвать оборону наших войск и развить успех в общем направлении на Обертын. Все атаки противника успеха не имели. На отдельных участках фронта ценою больших потерь ему удалось вклиниться в нашу оборону. Особенно отмечается активность действий минометов. Авиация противника в течение дня в полосе армии не появлялась».![33]

С подходом стрелковых частей наш дивизион был размещен рядом с польским селом Петров, недалеко от Днестра. В боях мы не участвовали, но были в постоянной боевой готовности. По мере возможности общались с местным населением. Заместитель дивизиона по политчасти Саша Федоров одним из первых установил «дипломатические» отношения с местным ксендзом. Когда он успел это сделать, я не знал. Но как-то пригласил меня пообщаться со служителем католической церкви, по его словам,

человеком довольно интересным, с которым он уже играл в шахматы и вел разговоры на мирские темы.

Судя по дому, в котором жил ксендз, и примыкавшими к нему постройками — конюшней, сараями с разной живностью, — приходу него был богатый. Едва мы постучали в дверь, как на пороге появилась молодая служанка, которая провела нас в большой зал со старинной мебелью и коврами. Из соседней комнаты вышел сам ксендз, типичный польский пан лет тридцати, с приятной улыбкой на устах и умными живыми глазами.

В столовой нам предложили вино и разнообразные закуски. Ксендз хорошо говорил по-русски, в процессе разговора выяснилось, что в международных вопросах он тоже неплохо разбирается, но ненавидит «швабов», немцев. О Гитлере говорил, как о главном виновнике несчастий народов многих стран, в том числе и польского. Из столовой мы снова перешли в зал, где Федоров стал играть с хозяином в шахматы, я же уселся в кожаное кресло и следил за их игрой. Ксендз после выпитого вина был словоохотлив, много рассказывал об учебе в духовной семинарии, затем о том, что дал обет безбрачия, чтобы посвятить всего себя божьим делам и не отвлекаться на мирские и семейные заботы. Я слушал эти признания и сам себе улыбался: «При такой симпатичной служанке, судя по всему, безбрачием тут и не пахнет».

Эта встреча с ксендзом запомнилась еще и потому, что через несколько дней село Петров немецкая авиация подвергла жестокой бомбардировке, хотя в нем не было ни одного советского солдата. Что стало с нашим ксендзом и его милой служанкой, мы не знали. Встретиться с ними больше не довелось: дивизион переместился на другое место. Очень хотелось, чтобы эти люди остались целыми и невредимыми.

На фронте еще продолжались ожесточенные бои, но обстановка к концу апреля 1944 года уже стала складываться в нашу пользу. К линии фронта подошли стрелковые и артиллерийские соединения и начали строить прочную оборону, авиация перебазировалась на ближние аэродромы, заметно улучшилось наше снабжение горючим, боеприпасами и продовольствием, в части стало прибывать новое пополнение.

25 апреля 1944 года — памятный день в истории 1-й танковой армии. Приказом наркома обороны СССР она была преобразована в гвардейскую. 2-я, 3-я и 4-я танковые армии уже были гвардейскими, но Сталин, видимо, первый номер держал для Катукова. Гвардейским частям и соединениям полагался полуторный денежный оклад. Правда, деньги на фронте все равно

ничего не значили: где и что на них покупать? Как правило, мы их по аттестату пересылали родственникам. По этому поводу среди офицерского состава ходила такая шутка: гвардейцы получают полуторный оклад и возможность дважды умереть. Шутка родилась не случайно, потому что гвардейские части, особенно танковые, направлялись на самые опасные участки фронта.

Высокие армейские начальники — Катуков, Попель, Фролов и другие — приезжали в части и соединения, поздравляли нас со званием гвардейцев и выходом к Карпатам. Газета «Правда» тоже отметила успехи 1-й танковой армии:

«Переход через Прут и взятие Черновиц открыли перед наступающими новые широкие возможности. Прославленные пехотные полки, танковые части генералов Гетмана и Дремова, артиллерийские всесокрушающие колесницы гигантским прыжком очутились в предгорьях Карпат. Перед нами в синеватой, влекущей дымке лежали высокие, поросшие буком и темно-зеленой пихтой Карпаты. Там, в горных высотах, похожих на пирамиды, — бесчисленное множество долин и ущелий, по стремнинам которых, клокоча пеной, текут рожденные в теснинах Черемош, Серет и многие другие реки. На Карпаты вели узорчатые, прихотливо извивающиеся дороги и тропы. Через перевалы, зубчатые хребты, ущелья и лесные дебри они подходили к нашей юго-западной государственной границе, к горным постам и заставам, обозначавшим край родной земли. По этим горным дорогам, по еле заметным тропам и двинулись наступающие части Красной армии, повинуясь приказу Родины». [34]

Оказывается, что не только наша печать писала в эти дни об успехах 1-го Украинского фронта, но и различные агентства, например «Ассошиэйтед Пресс». А газета «Нью-Йорк Таймс» отмечала:

> «Русские армии, которые прервали главные коммуникации немцев на Украине, теперь полностью используют выгоды создавшегося положения. Стратегия, выдержка и организация советских войск производят большое впечатление. На ряде участков отступление немцев превращается в паническое бегство. Очевидно, гигантская советская метла выметает немцев с Украины».[35]

Приятно было читать такие отзывы о нашей армии и 1-м Украинском фронте, на котором мы воевали уже больше года. Теперь для нас, гвардейцев, наступили благоприятные дни —

краткосрочный отдых. Все мы радовались жизни и весне. Природа проснулась окончательно, зазеленели луга, лесные поляны покрылись цветами, войдешь в лес — выходить не хочется.

Девять месяцев наша армия сражалась на украинской земле, мы освободили десятки городов и сотни сел. Население к нам относилось по-разному, но в большинстве случаев доброжелательно. Там, где война прошла стороной, села стояли нарядные, утопая в густых зеленых садах. Характерная особенность сельских домов — все они аккуратно выбеленные, двери и наличники окон обязательно расписывались красной или голубой краской, у ворот — стеклянные фонари. В горницах чисто. На полу — домотканые коврики ярких, сочных тонов. Преобладают все те же красные и голубые тона, только с различными оттенками. В каждой хате — причудливо разрисованный сундук, на котором аккуратной стопкой лежат домотканые коврики. Кровать тоже имеет свои особенности: к потолку тянутся мал-мала меньше пуховые подушки.

В сельских домах России 40-х годов в результате антирелигиозной политики советской власти иконы практически исчезли, лишь богомольные старушки придерживались прежних порядков, а здесь, в Западной Украине, икона с ликом Христа была в каждом доме. На стенах в застекленных рамках веером размещались фотографии хозяина и всех его родственников.

Если же обратить внимание на одежду украинца, она тоже отличалась от одежды россиянина. Мужчины, даже старики, носят расшитые сорочки-вышиванки, о женщинах или молодых девушках говорить не приходится, у них вся одежда расшита различными узорами — юбки, кофты и даже передники, на шее — монисто, по-украински — намысто. Одно всегда удручало — спросишь у хозяйки, где муж, отвечает, что ушел в соседнее село, а на самом деле — обретается в какой-нибудь националистической банде.

На отдых армия была переброшена северо-западнее города Дубно и разместилась в лесной местности вокруг сел Повча, Вовковый, Демидовка, Птичье, Верба, Остров, Рогозное. Наш артиллерийский дивизион стоял недалеко от села Баратин.

Здесь, в прикарпатских лесах, армия должна была пополниться техникой и людьми. Молодому пополнению предстояло пройти обучение, чтобы к установленному сроку быть готовым к боям. Армия готовилась к ведению боевых действий на территории Польши.

Артиллеристы начали обживать небольшой лес у Баратина, строили землянки, маскировали пушки и тягачи. Штаб я предложил Власенко разместить прямо в селе, а для себя

подыскать подходящее жилье у селян. Командир по-прежнему предпочитал жить в своем фургоне, а я со своими помощниками Александрами — Семеновым и Федоровым — облюбовал добротный деревянный дом и направил туда ординарца Полеводина, чтобы договориться с хозяевами — могут ли они принять на постой трех советских офицеров.

Ординарец все уладил. Нас встретила молодая женщина лет двадцати пяти. Оказалось, что она русская, жена командира-пограничника. Муж погиб на погранзаставе еще в 1941 году, она с трудом добралась до Баратина и остановилась у своих знакомых. Во время оккупации выдавала себя за родственницу хозяев дома. Так и прожила три страшных года, не зная ничего о своих родственниках, проживающих в России. Появление Красной армии в селе было для нее полной неожиданностью. Она сразу ожила, у нее затеплилась надежда разыскать родных и близких, а в будущем, возможно, выехать в Россию. Теперь ее гостеприимство выплеснулось на нас. Она поставила на стол все, что можно было найти в кладовках и подвалах. Неподдельная радость светилась в ее глазах. Звали ее Анна, Анюта.

Пока мы стояли в Баратине, не знали никаких забот в бытовом плане. Внимание нашей благодетельницы так понравилось моему ординарцу Василию, что он изъявил желание пожить здесь до конца войны. А за ужином как-то намекнул:

— Хозяйка наша — довольно премилая дама!

Что имел в виду ординарец? Мы тогда с Сашей Семеновым не придали значения его словам, хотя и нам эта женщина тоже приглянулась.

Нам хотелось пожить в этом селе тихо, мирно, забыть о боевых действиях. Не получилось: постоянно беспокоили бандеровцы. Они угоняли машины, убивали наших солдат и офицеров, забирали их документы и уходили в схроны на Львовщине и Ровенщине. Нередко поступал приказ комбрига Липатенкова — выделить взвод или два солдат для прочесывания близлежащих лесов или хуторов. В ходе таких действий удавалось вылавливать бандеровцев, маскировавшихся под стариков и даже старух и проводивших разведку.

Неожиданно дивизион передислоцировался в село Хотын. Чем это было вызвано, до сих пор не знаю, возможно, вылазками бандеровцев. Мы быстро снялись со своих мест, повинуясь приказу. Жалко было расставаться с полюбившейся мне Анютой.

Сколько в Хотыне мы простоим, никто не знал, но мне вдруг захотелось увидеть свою хозяйку: я наскоро тогда простился с ней, сказав лишь несколько теплых слов. Стал продумывать, как и на чем съездить в Баратин? Машина исключалась. Велосипед! От

Хотына до Баратина не больше пяти километров. Это расстояние можно покрыть за двадцать минут. За время моего отсутствия вряд ли что может произойти в дивизионе. Риск все же есть, размышлял я, но на фронте рискуешь постоянно. Можно рискнуть и еще разок!

Вызвал ординарца Василия, который уже не раз выручал меня из разных переделок, ввел его в курс дела, предупредил, чтобы никому — ни слова. Если же прозвучит тревога, пусть садится в машину и гонит в Баратин. Ординарец все понял.

Как только стало темнеть, проверил пистолет, взял пару гранат-лимонок для подстраховки, сел на трофейный велосипед и нажал на педали. Вскоре я уже стучался в окно Анюты. Она подумала, что нагрянули бандеровцы, но, открыв занавеску и увидев мою улыбающуюся физиономию, несказанно обрадовалась.

Всевышний вознаградил меня за этот сумасшедший поступок. Ночь пролетела как один час. Такое может быть только в двадцать лет. Очнулся от одурманивающей любви только под утро, когда стало светать. Что-то подсказывало мне — надо ехать. Расставание с моей возлюбленной было трогательным: оба понимали, что вряд ли увидимся когда-нибудь еще раз. Я расцеловал ее, прижал к своей груди, сел на велосипед и что есть мочи начал крутить педали.

Катил я в Хотын, не чуя под собою ног, словно знал, что в дивизионе обязательно должно что-то случиться. В таких ситуациях уже бывал не раз. И точно — новая передислокация. Въезжаю в село и вижу, как бегают солдаты, водители прогревают моторы машин, раздаются команды офицеров. Испуганный ординарец обрадовался моему появлению, он уже собирался ехать за мной, как было заранее условлено. В общем, все кончилось благополучно. Власенко не заметил моего отсутствия, и я быстро включился в боевую жизнь дивизиона. Но дал себе зарок в такие авантюры больше никогда не пускаться.

Об этой моей проделке знали только ординарец и Саша Семенов, которому я проболтался при переезде на новое место базирования. Боевой зам на мои донжуанские похождения отреагировал по-дружески, но строго:

— Залетишь ты, Петр Михайлович, когда-нибудь, как пить дать залетишь. Накажут, и поделом!

Упрек справедливый, и я воспринял его без возражений, даже пообещал, что теперь — ни ногой из дивизиона без разрешения Власенко.

Семенов только улыбнулся. Когда машина вышла на ровную дорогу, он, повернувшись ко мне, продекламировал несколько

забавных строк:

Чуть тревога — он Анюту
Вел в подвал сию минуту,
От фугаски до фугаски
Он рассказывал ей сказки.

Намек я понял и тут же спросил:

— Это еще откуда?

— Фронтовые газеты надо читать, а не бегать по бабам.

— Резонно, — согласился я. — И все-таки, кто это написал про Анюту?

— Лев Кассиль.

Мы тогда долго смеялись — и над стихами, и над моими ночными приключениями. И все-таки я был рад, что не обошла меня фронтовая любовь. Есть что вспомнить!..

Мы ехали по Приднестровью. Семенов из кабины любовался местным пейзажем, я больше не докучал ему своими разговорами. Меня почему-то потянуло на исторический экскурс в эти земли. Что я знал о них? Практически ничего. Правда, вспомнил, что еще в Первую мировую войну русский генерал Брусилов, командующий Юго-Западным фронтом, осуществил здесь свой знаменитый прорыв. В мае 1916 года его войска перешли Днестр, основательно потрепали австро-германские войска и заняли Львов. Тогда русские били войска кайзера, спустя двадцать восемь лет мы бьем войска Гитлера. История повторяется.

На этот раз мы разместились в большом лесу вдали от поселений. Довольно быстро возвели просторные землянки для личного состава, разместили и замаскировали технику, а как только прибыло новое пополнение, занялись его обучением. Политотделы позаботились о нашем отдыхе. По вечерам солдаты смотрели кинофильмы или концерты армейской художественной самодеятельности.

Для полноты нашего общего и исторического образования командование устроило выставку оружия и вооружения Красной армии, начиная от пистолета и винтовки и заканчивая «тридцатьчетверками» с 8,5-миллиметровыми пушками, тяжелыми танками ИС-2 и самоходными установками с 152-миллиметровыми пушками. Особняком стояли реактивные установки БМ-»катюши». На выставку приглашались офицеры, вплоть до командиров батальонов и их заместителей, а также летчики воздушной армии, стоявшие по соседству и находившиеся в резерве Ставки. Экскурсанты подходили к

экспонатам, у каждого из которых стоял офицер-экскурсовод, который давал соответствующие пояснения по своему виду оружия и отвечал на вопросы. Все проходило чин-чинарем, как в хорошем музее в мирные дни.

Затем состоялись практические стрельбы на лесном полигоне прямой наводкой из минометов, орудий, танков и реактивных установок. Стрельбе Катуков придавал особое значение, особенно хотелось блеснуть эффективностью огня реактивными снарядами. Я даже нашел инструкцию, составленную Михаилом Ефимовичем по использованию РС в бою. В ней говорилось: «Дивизионы РС в наступлении следует придавать головным бригадам и использовать как мощное средство борьбы с опорными пунктами обороны противника и его узлами сопротивления. Кроме того, подразделения РС могут вести успешную борьбу с подходящими резервами, скоплениями и отходящими колоннами противника. Следует лишь рационально их использовать, не давать огонь по малозначительным целям, с которыми может справиться ствольная артиллерия, экономить их залпы. Значительную долю средств РС необходимо иметь в резерве командарма и командиров корпусов, как мощное средство усиления частей того или иного направления, где этого потребует обстановка». [36]

Когда стреляли артиллерия, минометы и танки, все шло хорошо — мишени разлетались на куски и красиво загорались. Летчики восторженно хлопали в ладоши: одно дело видеть поле боя с воздуха, дело совершенно другое — на земле.

На завершающем этапе стреляли гвардейские минометы — «катюши». Я сразу же пристроился к группе, в составе которой находился майор Гиленков, надеясь по ходу стрельбы получить у него определенные консультации. Установка РС принадлежала 79-му гвардейскому минометному полку, которым командовал полковник И. И. Бондаренко. Поступила команда о готовности установки к стрельбе. Катуков попросил всех офицеров отойти подальше на безопасное расстояние. Стрельбу почему-то решено было произвести прямой наводкой. Услышав это, Гиленков прошептал мне на ухо: «Что-то сейчас будет!» Я ничего не понял, но последовал за ним, удаляясь от огневой позиции. Дело в том, что у БМ — огромный разброс снарядов, особенно на малой дальности стрельбы. При ведении огня прямой наводкой снаряды практически начинают рваться со 100–200 метров от установки. В данном случае эллипс рассеивания снарядов идет параллельно плоскости стрельбы. Лучшая кучность получается на дистанции 5–6 километров (эллипс рассеивания приближается к кругу), а на дистанции 7–8 километров снаряды ложатся эллипсом, вытянутым вдоль фронта (перпендикулярно плоскости стрельбы).

Вот так «гуляют» наши реактивные снаряды.

Как специалист, майор Гиленков знал все тонкости стрельбы РСами и предвидел возможные неприятности, но давать наставления высокому начальству не решился.

Катуков, находясь в окружении экскурсантов, давал пояснения о действиях РСов. За ним ходила толпа, рассматривая саму установку, но ждала того эффекта, о котором говорил командарм.

Удалив всех на безопасное расстояние, Катуков скомандовал: «Бондаренко, давай!» Толстенький полковник, преисполненный важности возложенной на него миссии, шариком покатился к установке. В машине уже сидел офицер, готовый повернуть тумблер.

Бондаренко махнул рукой, и с направляющих стапелей сорвались все 16 мин. Одна за другой они начали рваться невдалеке от боевой машины. Свист осколков и взрывная волна мигом уложили на землю ничего не подозревавших экскурсантов. Катуков, лежа на земле, разрывая легкие, закричал: «Бондаренко, довольно, убедил!» Полковник стоял бледный и растерянный. Уж ему-то надлежало знать «эресовские» штучки. Наверно, сей высокий начальник ни разу не был на огневой позиции и не видел стрельбу с малых дистанций своего полка. К счастью, все закончилось благополучно, осколки никого не задели, но испуг был приличным. Гости встали, отряхнулись, кто-то из летчиков даже пошутил по поводу того, что «катюши» могут стрелять даже по своим.

Неизвестно, как потом Катуков разбирался со своими подчиненными за этот весьма «убедительный» выстрел.

«Конфузия» со стрельбой РСами нисколько не омрачила настроение командования армии. Через несколько дней танкисты были приглашены на выставку авиационной техники. На полевом аэродроме стояли истребители Лавочкина и Яковлева, штурмовики Илюшина, бомбардировщики Туполева и Петлякова. Среди такого разнообразия летательных аппаратов был даже «Ланкастер», английский дальний бомбардировщик. В войне против Германии активное участие принимала английская и американская авиация. По договоренности с советской стороной английские и американские бомбардировщики поднимались с аэродромов Великобритании, ковровым способом бомбили территории фашистского рейха, а садились на нашей территории. Здесь они заправлялись топливом, брали на борт бомбовый груз и уходили обратно в рейс, снова бомбили рейх и садились уже на своем аэродроме. Это были так называемые челночные полеты. Данный «Ланкастер» получил повреждение в воздухе и оказался

на нашем аэродроме. Его экипаж улетел домой на других машинах, а этот самолет стал экспонатом, который демонстрировался как наглядное доказательство антигитлеровской коалиции.

Летчики принимали нас также радушно, но без показательных стрельб, видимо, учли печальный опыт стрельбы РСами гвардейцев-танкистов. Мы осмотрели самолеты, прослушали лекцию экскурсовода, а командир гвардейской танковой бригады полковник Горелов удостоился особой чести посидеть в кабине Ла-8 и подержаться за рычаги управления. Спустившись на землю, он произнес с некоторой иронией:

— Тесновато у вас, товарищи летчики, у нас в танке и то свободнее. Впрочем, воевать можно!

На этом, пожалуй, и закончились наши экскурсии и обмен дружескими рукопожатиями. Закончился и наш отдых. Завершена подготовка к предстоящим боям. Июнь 1944 года был на исходе.

Глава IX
Львовско-Сандомирская операция

В первой декаде июля 1944 года в Дубенских лесах началось оживление: со дня на день в танковой армии ждали приказа о наступлении. Были запрещены увольнения и отпуска, командиры проверяли готовность своих частей к боевым действиям. Приказ о наступлении был получен 12 июля. Под ним стояла подпись нового командующего 1-м Украинским фронтом маршала И. С. Конева и начальника штаба генерала армии В. Д. Соколовского. Армиям ставилась задача: форсировать реку Западный Буг с прорывом Сокальского и Каменско-Струмиловского укрепленных районов, выход в район Равы-Русской, завершение и окружение Бродской группировки противника, а также принятие мер к недопущению отхода Львовской группировки противника в северо-западном направлении.

У 1-й гвардейской танковой армии была своя задача: действовать на заходящем правом фланге в голове всей ударной группировки фронта. Конечная цель — выход к реке Висла.

Можно с уверенностью говорить, что армия способна была выполнить эту непростую задачу. Она почти на 100 % укомплектована личным составом и насчитывала 34 494 солдата и офицера. Кроме того, превосходила противника по танкам, артиллерийским установкам и минометам в несколько раз.[37] Поддержка авиации усиливала ее огневую мощь еще больше.

Конечно, учитывались и силы противника. Они теперь были сведены в группу армий «Северная Украина». Только в полосе действия 1-й танковой армии Торчин — Бужаны немцы имели, по данным разведки, до 11 000 активных штыков, 140 танков и штурмовых орудий, на аэродромах базировалось 636 боевых самолетов.[38]

Танковой армии предстояло преодолеть четыре линии обороны противника, в том числе вторую, наиболее прочную — «Принц Евгений», с тремя, а в некоторых местах и пятью рядами траншей, соединенных ходами сообщения, десятки ДЗОТов, блиндажей, артиллерийских позиций. На каждой оборонительной линии были построены укрепления полевого типа.

Немцы готовились к жесткой обороне, солдатам был зачитан приказ Гитлера, гласивший о том, что они защищают государственную границу и отступление с позиций будет караться смертью.

Но немецкое командование не было уверено в том, что ему удастся удержать хорошо оборудованные и укрепленные оборонительные линии, и в войска вскоре было спущено указание — в случае наступления превосходящих сил Красной армии отходить на вторую линию обороны и далее на третью и четвертую, чтобы измотать силы наступающих, затем остановить их на реке Западный Буг.

Наступление 1-го Украинского фронта увязывалось с наступлением 1-го Белорусского, переходившего к активным боевым действиям на Люблинско-Варшавском направлении. В войсках царило приподнятое настроение, все чувствовали, что победа не за горами. В сводках Совинформбюро сообщалось об освобождении новых сел и городов, о захваченных трофеях. Изменился и тон приказов Сталина, они все больше стали носить триумфальный характер.

Наш корпус стоял в выжидательном районе и ждал приказа о наступлении, хотя боевые действия уже шли, начиная с 12 июля. Чтобы выяснить систему обороны немцев, было организовано наступление усиленных передовых батальонов с артиллерийской подготовкой, которое создавало видимость наступления с решительной целью — пробить брешь в первой линии обороны. Это наступление ввело в заблуждение немецкое командование, и оно отдало приказ об отводе своих войск на линию «Принц Евгений».

Немцы оказывали упорное сопротивление в районе Лежахув, Войница, Лемешув, Плюхно. Катуков решил пробить немецкую оборону, направив усиленный передовой отряд по маршруту Городище — Блудув — Порыцк, включив в него 1-ю гвардейскую танковую бригаду, 6-й мотоциклетный полк, 400-й гвардейский самоходный полк с двумя батареями 358-го гвардейского зенитного полка, 15-й понтонный батальон и 12 орудий 122-миллиметрового калибра на быстроходных тракторах. Он поставил перед отрядом задачу — «обогнать в районе Свиньюхи части 76-го стрелкового корпуса, стремительные ударом овладеть Порыцком и к утру 15 июля в районе Сокаля форсировать Западный Буг, захватить мост и переправы, выставить заслоны в местечке Еджары и колонии Пичугуры, удерживать захваченный плацдарм до подхода главных сил. Действия этого отряда должны были окончательно вскрыть силы группировки противника и ее намерения».[39]

Немцы ожидали ударов танковой армии, и действия передового отряда приняли за наступление основных сил. Видимо, поэтому они стали стягивать в район села Конюхи части 248-й пехотной дивизии, артиллерию, штурмовые отряды,

минометы и часть сил 16-й танковой дивизии. Этого и добивался Катуков. Теперь можно было основными силами ударить по Сокальской группировке противника.

17 июля двинулся в наступление и наш 8-й гвардейский мехкорпус. По сложившейся традиции артиллеристы поддерживали атаку танкистов. Рядом с нами шел 405-й дивизион «катюш» Гиленкова. На марше его дивизион попал под обстрел немецкой дальнобойной артиллерии, а чуть позже на мине подорвался начальник штаба капитан Сидорович.

Гиленков по радио сообщил об этом Дремову и предложил назначить на эту должность меня. Дивизион РС был у командира корпуса основной ударной силой, которую он использовал в самой сложной ситуации. Без начальника штаба стрельба не велась. Дремов дал «добро», но не уведомил об этом комбрига Липатенкова. Тут-то и разгорелись страсти-мордасти. Против моего ухода стал возражать Власенко, мой непосредственный начальник, с которым я воевал уже больше года. Василий Прокофьевич был не против моего повышения по службе, но в такой ответственный момент, когда начинается серьезная операция, для него это был удар. Он встал на дыбы и тут же сообщил полковнику Липатенкову. Комбриг встал на сторону Власенко.

В принципе, и командир дивизиона, и командир бригады были правы. Наверно, и я бы поступил так: на переправе коней не меняют. Прибывший за мной офицер уехал ни с чем.

Часа через два на «виллисе» в дивизион влетает сам Липатенков и на ходу бросает мне: «Быстро садись в машину, едем к Дремову!» Я, было, заикнулся насчет своих вещей и ординарца и тут же услышал торопливое: «Потом заберешь свое имущество, сейчас не до него. Нас ждут на командном пункте корпуса. Там Дремов мечет громы и молнии!»

По дороге полковник рассказал, как развивались события. После доклада Гиленкова о гибели капитана Сидоровича на командном пункте началась суматоха. Понятно, что без помощника Гиленков остался, как без рук. Дремов это прекрасно знал, он не мог допустить, чтобы его личный резерв — дивизион РС — оставался без начальника штаба. Тут же приказал доставить на КП капитана Демидова.

Я слушал комбрига, едва сдерживая смех. А он продолжал:

— Из-за тебя, Демидов, комкор готов был отдубасить меня палкой. Ты ведь знаешь, что за невыполнение приказа он щедр на такие подарки.

— Это мне известно, — признался я. — Недавно его палка могла походить и по моей спине. Хорошо, что вовремя сбежал, но

Власенко тогда досталось.

«Виллис» подрулил к командному пункту. Дремов, злой, как пантера, выслушивал доклады о ходе продвижения передовых частей и тут же отдавал приказы командирам бригад и полков. Рядом, в числе штабных работников, находился только что прибывший Юрий Гиленков.

Когда комкор переговорил по телефону с начальником штаба корпуса полковником Воронченко и положил на рычаг трубку, Липатенков доложил, что его приказание выполнено: капитан Демидов доставлен на КП.

Дремов встал едва ли не на цыпочки, оглядывая меня сверху вниз:

— Ничего себе капитан — это же коломенская верста. Гиленков! — позвал он командира дивизиона, — забирай своего начальника штаба и чтобы через час доложил, что мой резерв может стрелять в любую минуту!

Вот так я стал начальником штаба 405-го отдельного гвардейского минометного дивизиона БМ-13.

Гиленков взял меня под руку и быстренько, пока Дремов не передумал, увел с КП. Через полчаса я был уже на своем новом рабочем месте. Юрий представил меня своему замполиту майору Прошкину. На прощание сказал:

— Георгий Николаевич Прошкин — неплохой специалист. Он введет тебя в курс всех дел. Ты артиллерист, надеюсь, РС освоишь так же быстро, как осваивал в училище 76-миллиметровую пушку. Ну, бывай!

И тут же исчез.

Признаться, на первых порах я плохо представлял свои обязанности при стрельбе, но со временем освоился, прочитал инструкции, наставления, изучил матчасть, присмотрелся к работе других офицеров, и все стало на свои места. Гиленков, как положено, представил меня личному составу части и снова умчался на командный пункт к Дремову.

Теперь уже на правах начальника штаба я взял на себя обязанности не только по ведению огня, но и по обеспечению жизнедеятельности всего дивизиона. Только вот майор Прошкин почему-то с недоверием отнесся к моему назначению.

Потом я узнал, что на «гражданке» он был инженером-строителем, в армию призван из запаса. Не имея артиллерийского образования, но как политработник, он, возможно, и был на своем месте. Только вот честолюбие не давало ему покоя, ему хотелось быть не замполитом, а командиром дивизиона.

Когда Гиленков умчался по своим служебным делам,

Прошкин выступил с речью перед личным составом, причем выражений особенно не выбирал. Речь его звучала примерно так: «Мы должны в любой обстановке беречь боевые машины. Если какой-нибудь разгильдяй, это касается прежде всего водителей, загонит машину в яму или кювет, выведет БМ из строя, то я лично набью ему морду. Никакие жалобы потом политотдел принимать не будет. Я понятно говорю?»

Строй, улыбаясь, ответил: «Чего уж тут не понять». Оконфузившийся Прошкин не нашелся, что ответить бойцу, только прикрикнул: «Поговори мне еще!» Про себя я подумал, что для политрука речь не ахти какая, но убедительная. Воевать с ним можно. На фронте БМ берегли пуще глаза. Немцы постоянно охотились за русскими «катюшами», за ее уничтожение получали даже железные кресты.

Я отдал приказ на марш, и дивизион, выстроившись в походную колонну, двинулся догонять свою бригаду. Наши танки давно ушли вперед, оторвавшись от стрелковых и артиллерийских частей. Пред нами не было сплошного фронта. Немцы большими группами отходили на запад, поэтому не исключалась возможность наскочить на какой-нибудь «блуждающий котел». Этого я как раз опасался больше всего.

Дивизион шел на большой скорости, поддерживая связь со штабами бригады и корпуса. К вечеру дорога привела нас в небольшой лес, уходивший куда-то на запад. Вперед ушла разведка. Не прошли мы и километра, как в лесу послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Машины сразу же остановились. Обстановка для меня была неясной; хотя прошла разведка, раньше прошли танки, можно было сделать вывод, что немцев вблизи нет. Подошел майор Прошкин и категорически потребовал развернуть дивизион и дать по лесу залп. Палить, однако, в белый свет до выяснения обстановки я не собирался, хотя замполит настаивал, заявляя, что промедление для нас может плохо кончиться. Связаться с Гиленковым уже не было времени, была дорога каждая минута. Если рядом немцы, все равно придется принимать бой. Договорились с политруком под его личную ответственность дать залп одной установкой. Пальнули по лесу в том направлении, откуда доносились выстрелы. Там моментально все стихло.

Через некоторое время из лесу стали выходить мотострелки 19-й бригады. Оказалось, что, пока в дивизионе происходила смена начальника штаба, нас опередила матушка-пехота, которая просто-напросто прочесывала лес. Хорошо, что, пальнув наугад, мы не перебили своих, а то бы дело обернулось трибуналом, а для меня еще и позором. Недаром русская пословица гласит:

«Верь чужим речам, а еще больше — своим очам».

Продолжая наступать, 1-я танковая армия все ближе и ближе подходила к государственной границе. 17 июля ее передовые части, форсировав Западный Буг у Доброчина, устремились на запад. Противник пытался опереться на Сокальский укрепленный район, но удержаться уже не мог, его танковые и пехотные дивизии откатывались к реке Сан. Вытеснение немцев из таких важных населенных пунктов, как Любыча-Крулевская, Рава-Русская, Деревляны, давала возможность командующему 1-м Украинским фронтом Коневу изменить направление удара армии Катукова, вместо Равы-Русской — Немиров на направление Цешанув — Ярослав. Таким образом под угрозой оказывались Львов и Перемышль.

С 20 июля 1-я танковая армия вела бои уже на территории Польши и выполняла роль танкового тарана, пробивая брешь в обороне противника, отбрасывая к Сану части 72-й, 88-й, 291-й пехотных, 213-й охранной, 16-й и 17-й танковых дивизий, а также боевую группу «Беккер» из состава 349-й пехотной дивизии и частей 4-й танковой армии. Немецкое командование пыталось отвести Львовскую группировку, избавить ее от окружения, подставив под удар советских войск украинскую дивизию СС «Галичина», которая была перемолота, в полном смысле этого слова, нашей авиацией, артиллерией и танковыми соединениями под Бродами. Из 11 000 человек личного состава этой дивизии в живых осталось не более 3 000. Командир дивизии немецкий генерал Фрайтаг и начальник штаба майор Вольф Дитрих Гайке с позором бежали с поля боя, оставив на произвол судьбы свое воинство. На всю жизнь украинским «эсэсам» запомнились Броды, Белый Камень, Бельзец, Княжье, откуда они удирали, сломя голову, а один из них потом вспоминал:

Простіть ви, хлопці,
что живу…
Вже тихо стало
по боях,
Коль іду так [218]
поміж вами
І сотні, сотні
замерлих лиць
На мене гляне…
Простіть ви, хлопці,
что живу…
Іду пригноблений
побитий…

Конвой за мною…
у полон,
А тут…
вкруг тишина
І сотні, сотні
мертвих сердець,
Що так любили Україну.
Простіть ви, хлопці,
что живу…

Оголтелый национализм проявлялся не только в Западной Украине, но и в Польше, куда в августе 1944 года вступили части Красной армии. Обстановка там была сложной и противоречивой. Борьбу против немецких оккупантов здесь вели различные политические силы и военные группировки со своими лозунгами и программами. Наиболее активно действовали отряды Армии Людовой, руководители которой заявляли о том, что готовы сотрудничать и помогать Красной армии. В то же время другая часть вооруженных формирований — Армия Крайова, поддерживающая эмигрантское правительство Миколайчика в Лондоне, воевала как против немцев, так и против Красной армии. Кроме того, в лесах скрывалось много вооруженных групп без определенной политической ориентации. Нам приходилось их разоружать и отпускать на все четыре стороны.

Вообще-то я заметил, что поляки — паршивый народец, запросто могут продать, пойти на сделку: сегодня вооруженные отряды сотрудничали с нашими войсками, завтра — стреляли им в спину. Польский комитет национального освобождения, куда входили представители ПОРП, пытался объединить эти разрозненные силы и направить их на борьбу с оккупантами. Долгое время разногласия и выяснение отношений мешали этой работе.

Еще в 1943 году Государственный Комитет Обороны создал специальный аппарат Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям на территории СССР, который оказывал содействие в создании 1-го чехословацкого армейского корпуса, 1-й польской армии, 1-й румынской добровольческой пехотной дивизии и других национальных формирований. Эти воинские соединения потом плечом к плечу с Красной армией сражались с немецкими захватчиками, а с окончанием войны стали основой для создания своих национальных армий.

В ходе проведения боевых операций Катукову не раз

приходилось решать вопросы совместных действий с командованием 1-й польской армии. Надо сказать, что поляки самоотверженно сражались с гитлеровскими оккупантами. Я знаю об этом не понаслышке: в конце войны мне пришлось воевать в составе этой армии.

22 июля Дремов вывел свой корпус к реке Сан, севернее польского города Ярослав. Нам предстояло форсировать реку и захватить плацдарм на противоположном берегу. Сан — не Западный Буг. Он пошире и поглубже. В районе Ярослава река достигает до 100 метров в ширину и до 1,5 метра в глубину. Берега крутые. Левый берег, находящийся у противника, господствует над правым. Пехота форсировала Сан на подручных средствах, а технику переправляли по понтонным мостам, наведенным инженерными войсками.

Сколько рек мне пришлось форсировать за время войны, право, уже не помню. Только при форсировании водных преград всегда кипели ожесточенные бои. Конечно, многое уже забылось, ведь память — не компьютер, когда, нажав определенную клавишу, можно отыскать нужную информацию. Вот и приходится обращаться к архивным документам, которые помогают воспроизвести в памяти героические и трагические события Великой Отечественной войны. Как правило, все это отражалось в журналах «Боевых действий» частей и соединений. Читаешь сегодня эти строки и словно переносишься в то далекое время:

> «25 июля. Главные силы армии вышли к реке Сан, частью сил переправились на левый берег и повели бои за расширение плацдарма».
>
> «24 июля. Немецкое командование вводит в бой свежие резервы — 26-ю танковую дивизию, 1057-й маршевый батальон, бросает до 15-и танков и авиацию, сдерживая наступление 1-й ГТА».
>
> «25 июля. Немцы отбросили наши части из района Радымно, ввели в бой 10–15 танков и авиацию. Восстановленные через Сан мосты разбиты авиацией противника».
>
> «27 июля. Части 8-го гвардейского корпуса в 4.00 штурмом овладели Ярославом на реке Сан».

Тут уж невольно вспоминаешь события давно минувших дней. Как забыть такое, например, что в боях за рекой Сан я познакомился с будущим Главным маршалом танковых войск Амазаспом Бабаджаняном. Тогда он был только полковником, но уже прославленным комбригом 20-й гвардейской

механизированной бригады. Он только что вернулся из госпиталя, где долечивал открывшуюся рану, полученную еще на Курской дуге.

20-я мехбригада успешно продвигалась вперед и вдруг у селения Каньчуга застряла: немцы тут оказали ей упорное сопротивление. Комбриг запросил помощи у Дремова. Комкор немедленно бросил в бой свой резерв — дивизион РС. Из корпуса примчался Гиленков. Мы сели в «виллис» и отправились на командный пункт бригады, который размещался на небольшой высоте, поросшей буковым лесом. Бабаджаняна мы нашли на высоком дереве, обозревающим местность в стереотрубу, каким-то невероятным способом прикрепленную к толстому суку.

Гиленков, задрав голову, по-уставному стал докладывать: «Товарищ полковник, майор Гиленков прибыл в ваше распоряжение. Готов огнем поддержать бригаду!» С дерева послышался голос с легким кавказским акцентом: «А, Юрочка, дорогой ты мой. Тебя-то мне как раз и не хватало». Ветки на дереве зашевелились, и Бабаджанян легко спустился по лестнице на землю. Мы пожали друг другу руки.

Перед нами стоял среднего роста, худощавый, тонкий в талии жгучий брюнет с типичным кавказским лицом. На крупном носу — внушительная горбинка, придававшая лицу вид хищной птицы. В белках бархатно-черных выразительных глаз выделялись зрачки такого же цвета. Полковник оказался энергичным, подвижным, очень общительным, душевным и доброжелательным человеком. Он обнял Гиленкова за плечи, сказал несколько теплых слов, и мы приступили к делу. На картах, расстеленных прямо на траве, Армо (так офицеры звали Амазаспа Бабаджаняна) показал район, где расположены немецкие огневые средства, которые надо было немедленно подавить. Кружком обвел место, куда подошли мотострелки.

Уточнив детали предстоящей стрельбы, я отправился готовить установки. Машины стояли метрах в пятистах от наблюдательного пункта. По радио связался с Гиленковым и получил «добро» на производство выстрела. Выстрел оказался удачным, огневые точки немцев были подавлены, и бригада почти без боя овладела опорным пунктом и продолжала наступление.

Комбриг поблагодарил нас за оказанную помощь, и мы расстались. Но пути наши еще не раз будут пересекаться на крутых дорогах войны.

Польша для меня и моих товарищей по оружию была уже «заграницей». Нам, солдатам и офицерам, впервые попавшим в чужую страну, многое показалось здесь необычным. Крепкие поселки, обязательно с каменными домами, солидные

хозяйственные постройки для скота, амбары для хранения зерна, навесы для сельскохозяйственной техники. Ухоженные сады и огороды, затейливые беседки и веранды, увитые диким виноградом и плющом, аккуратные дорожки поражали нас не меньше, чем кирпичные заборы с массивными воротами. Ничего не скажешь — частная собственность.

Когда-то русским дворянам-офицерам, будущим декабристам, попавшим в Европу во время войны с Наполеоном, многое тоже казалось в диковинку. Мы также пытались сравнивать жизнь людей при социализме и капитализме, и часто это сравнение было не в пользу социализма. Мы, конечно, надеялись, что с окончанием войны наша жизнь улучшится, сейчас же важно было разгромить врага.

Германское командование было, разумеется, обеспокоено тем, что войска Красной армии вступили на территорию Восточной Европы, и делало все, чтобы остановить их продвижение. Гитлер издал приказ войскам группы армий «Северная Украина»: «Мы не можем позволить русским наступать дальше. Потеря Кельне означала бы утрату важнейшего опорного пункта на подступах к Восточной Германии… Приказываю: группе армий «Северная Украина» ликвидировать русские плацдармы в районах Баранува и Магнушев а».[40]

Но каково бы ни было сопротивление противника, мы уверенно двигались вперед. После падения Ярослава генерал Гетман со своими гвардейцами выбил немцев из Перемышля, тем самым затруднив отход на запад Львовской группировке противника. Эти успехи позволили маршалу Коневу продвинуть 1-ю танковую армию к новым опорным пунктам врага на реке Висла. Он ставит Катукову задачу: занимаемый участок фронта сдать 13-й армии генерала Пухова и конно-механизированной группе генерала Соколова и к утру 29 июля нанести удар в направлении Майдан — Баранув, форсировать Вислу, захватить плацдарм для дальнейшего наступления наших войск.

Для нас, «эрэсовцев», наступали горячие дни. Мы понимали, что противник будет сопротивляться с удвоенной энергией: форсировав Вислу, Красная армия на этом не остановится, непременно пойдет к границам Германии.

Я уже освоился со своей новой должностью и обязанностями. Если что-то не получалось, Гиленков поправлял меня, показывал, как лучше и быстрее произвести ту или иную операцию при подготовке БМ к стрельбе. Артиллерийские навыки и прежняя штабная работа пригодились мне при обслуживании реактивных установок.

Весь мой штаб состоял из нескольких человек — моего

заместителя, двух пожилых солдат-писарей, аккуратных, добросовестных и знающих свое дело людей, которые вели всю канцелярию. В штабной машине находилось знамя нашей части, которое мы берегли как зеницу ока, гордились им. Его полотнище в нескольких местах было пробито осколками бомб и снарядов. Дивизион имел наименование Черновицкого и был награжден орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого II степени.

Кроме уже названных людей, мне непосредственно подчинялись взводы разведки и связи со своими командирами. Эти подразделения обеспечивали боевую деятельность дивизиона. Я уже заметил, что успех залпового огня зависит буквально от каждого бойца и командира, от умения владеть техникой, от дисциплины.

В ходе наступления Гиленков все время находился на командном пункте рядом с Дремовым, так что вся работа, связанная со стрельбой, ложилась на меня. Получив с командного пункта приказ на поражение конкретной цели, я тут же наносил ее на карту, готовил исходные данные (буссоль, уровень, прицел), доводил эту информацию до командиров батарей. БМ уже стояли в готовности к выходу на огневую позицию. Водители в дивизионе — настоящие виртуозы, в большинстве своем — это опытные, классные специалисты, боевые ребята, на груди у каждого красовалось по 2–3 ордена. Как только я садился в легковую машину, вся колонна следовала за мной.

По прибытии на огневую позицию боевые расчеты работали как хорошо натренированные матросы на корабле, командиры батарей в считанные секунды наводили установки на цель. О готовности к стрельбе я докладывал Гиленкову по радио, тот, в свою очередь, — Дремову. И вот следует команда: «Огонь!»

Пуск снарядов — зрелище потрясающее и даже захватывающее. Только любоваться им некогда. Еще последняя мина не разорвалась у цели, как мы уже улепетывали подальше от места пуска, пока нас не засекла немецкая авиация. Обнаружить реактивную установку на огневой позиции было проще простого. Дело в том, что после залпа на месте поднимается огромный столб дыма и пыли. Этот столб образуется реактивной струей, выходящей с большой скоростью из сопла снаряда. Наше спасение — в быстром уходе с огневой позиции.

Проходит время, и Гиленков сообщает о результатах нашей стрельбы, дает оценку, иногда поздравляет, иногда отделывается шуткой вроде: «Фрицы сыграли отходную, а те, кто остался жив, смазали пятки».

Гиленков до конца своих дней оставался неисправимым оптимистом, весельчаком, любил, как сейчас говорят,

неожиданные приколы. За ним это водилось еще со спецшколы и военного училища, а вот его яркие командирские способности раскрылись уже на войне. К тому же он оказался неплохим дипломатом, умел ладить с высоким начальством. У командира корпуса Дремова Гиленков пользовался авторитетом, и как он умудрился стать его любимчиком, одному Богу известно. Если Дремов начинал «пушить» по радио какого-нибудь комбрига или командира полка за то, что тот не взял деревню или высоту, Гиленков знал, что сейчас последует приказ произвести залп дивизионом «катюш» и никогда не ошибался.

На войне не все складывается так, как хотелось бы. Бывают сбои, срывы, конфузии. Мы уже разок стрельнули по своим, и я очень беспокоился, чтобы подобное больше не повторилось. Но когда войска находятся в прорыве, возможно всякое. На подходе к Висле армия вырвалась далеко вперед и фактически находилась в тылу врага. Обстановка сложилась сложная и неопределенная. Трудно было разобраться, где находятся немцы, а где наши войска.

Я получил приказ Гиленкова подготовить дивизион к стрельбе. БМ уже стояли на огневой позиции, когда командир дивизиона снова запрашивает — правильно ли я все рассчитал? Отвечаю, что все сделано в соответствии с указанными координатами цели. Мне показалась в его голосе какая-то нервозность и тревога, но я не придал этому никакого значения: мало ли что там, на командном пункте, происходит. Может, Дремов отдубасил палкой своего любимчика?

Отстрелявшись, дивизион немедленно сорвался со своего места. Проходит какое-то время, и Гиленков догоняет нас на марше. По выражению его лица я понял: что-то произошло из ряда вон выходящее. Оказалось, что пальнули по своим.

Дремов приказал открыть огонь на просьбу какого-то комбрига и указал цель. Опытный Гиленков сразу же обратился к карте. По его данным, к опорному пункту, по которому он должен произвести залп, подходили наши части. Можно было, конечно, все уточнить у начальника штаба полковника Воронченко, но его, как назло, на месте не оказалось. Свои опасения майор высказал Дремову. Тот вспылил и приказал выполнять его распоряжения. Вот тут Юрий Всеволодович проявил характер, потребовал дать письменное распоряжение на производство залпа по данной цели. Такого дерзкого поступка от исполнительного Гиленкова командир корпуса никак не ожидал. Когда на командном пункте появился полковник Воронченко, Дремов заставил его дать такое распоряжение, написанное на небольшом листке бумаги с приложением штабной печати.

Дальше все было так, как и следовало ожидать: часть снарядов разорвались среди наших войск, были убитые и раненые. Командир дивизиона оказался прав, но вины с себя не снимал за этот нелепый залп. Распоряжение Дремова все же приказал мне спрятать подальше, зная, что дело так просто не закончится. Война не все списывает.

На следующие день в штабе дивизиона появился армейский прокурор и стал разбираться с этим ЧП. Я подробно рассказал, как все происходило, и показал распоряжение Дремова. Прокурор хотел забрать с собой этот маленький листок, своего рода нашу с Гиленковым охранную грамоту. Листок я не отдал, а сделал выписку (копию), приложил печать своего штаба и вручил ее полковнику.

Как удалось Дремову замять это дело, ни мне ни Гиленкову неизвестно. Только наш генерал продолжал командовать корпусом. По завершении работы комиссии, на прощание прокурор армии сказал, что нашей вины в этом случае нет, мы действовали правильно.

Иногда, будучи на отдыхе, мы навещали своих друзей из других частей нашего корпуса. На этот раз решено было съездить к Володе Бочковскому, командиру танкового батальона, ставшему в апреле 1944 года Героем Советского Союза.

Комбат принял нас тепло, хлебосольно, а чтобы нам не было скучно в мужской компании, пригласил офицера связи капитана Сашу Самусенко. В нашей армии это была единственная женщина-танкист. Ей уже было лет двадцать пять, о ней много шумела фронтовая печать, расписывая ее патриотические порывы. В свое время, чтобы чего-то добиться в жизни, модно было писать письма Калинину. Вот и она решила стать танкистом и обратилась к председателю ВИК с просьбой посодействовать ей при поступлении в танковое училище. Ее просьба была удовлетворена.

С Самусенко Гиленков уже был знаком, видимо, поэтому он и потащил меня к Бочковскому, под началом которого Саша служила. Меня же представил честной компании как своего лучшего друга. Пока комбаты баловались трофейным вином и говорили об армейских делах, мы с Сашей, как великие трезвенники, решили на время их покинуть и подышать свежим воздухом. Гуляли, как в мирное время, вели неторопливую «светскую» беседу, вспоминали учебу в школе, в училище. Незаметно подошли к машине, специально оборудованной для женщины-танкиста. «Может, зайдешь посмотреть, как я живу?» — предложила она. Я отказался, сославшись на то, что неудобно оставлять друзей, чего доброго, еще обидеться могут.

Погостив у танкистов, мы возвращались в свой дивизион. По дороге Гиленков все время расспрашивал, где живет Самусенко и как к ней можно «подобраться». Только тогда я понял, что моему другу «глянулась» симпатичная украинка. У них потом завязался фронтовой роман, который длился почти до конца войны.

К сожалению, Саша погибла в марте 1945 года при проведении Восточно-Померанской операции. Погибла нелепо, как многое бывает нелепо на войне. О ее смерти я узнал только после войны, встретив бывшего комиссара Прошкина. Он рассказал, как это случилось. 1-я танковая армия принимала участие в ликвидации немецкой группировки «Висла». 405-й особый дивизион совершал ночной марш, двигаясь за 1-й танковой бригадой. Дорога, разбитая танковыми гусеницами, еле просматривалась, а тут еще немцы начали обстрел колонны. Самусенко сидела с бойцами на танке. Когда начался обстрел, она на ходу соскочила с машины и, укрываясь от осколков за ее бортом, шла рядом. Неожиданно танк стал разворачиваться. Механик-водитель в темноте не заметил идущих людей. Под гусеницы попала только Саша.

Ехавший сзади колонны Прошкин в свете фар увидел на дороге обезображенное человеческое тело. Каково же было его удивление, когда узнал капитана-танкиста. Саша умирала. Последние ее слова были обращены к Гиленкову. Она просила: «Георгий Николаевич, передайте Юре, что я его очень люблю».

Это был рассказ очевидца. А в книге Бабаджаняна, Попеля, Шалина и Кравченко «Люки открыли в Берлине» говорится: «В борьбе за Бельгард погибла заместитель командира 1-го танкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады капитан А. Г. Самусенко. Украинская девушка, участница боев в Испании и Финляндии, прошла большой боевой путь и в Великой Отечественной войне и отдала свою жизнь, храбро сражаясь на подступах к Балтийскому морю».

Мой друг Гиленков здорово переживал смерть Саши Самусенко, вспоминал ее и после войны, говорил, что такую женщину он уже больше не встретит. Тогда, в годы войны, мы были молодыми, здоровыми и сильными парнями. Мы не были ханжами, влюблялись в девушек и женщин, которые были рядом. Ни нас, мужчин, ни их, женщин, нисколько не смущали трудности походной жизни. Это было время нашего поколения!

Что уж тут говорить о нас, лейтенантах и капитанах, если наш генерал Дремов так однажды увлекся санинструктором, что даже готов был забыть о своей семье.

Да, мы воевали и любили, между боями слушали концерты фронтовых бригад, ходили в гости к друзьям, а если позволяла

обстановка, то даже выбирались на охоту.

Кстати, об охоте. Мой приятель Гиленков был страстным охотником. Он хорошо знал повадки зверей и птиц, разбирался в системах ружей, неплохо стрелял, хотя слабоват был зрением. Помнится, еще при поступлении в училище к окулисту вместо него ходил один наш товарищ. Уже на фронте я как-то спросил у него — как со зрением, не улучшается? Он, как всегда, с юмором ответил: «Без очков метров с пятидесяти корову от бабы могу отличить».

Запомнилась ночная охота осенью 1944 года, когда армия была выведена из боев и стояла на границе с Польшей, в лесах под Немировом. Зверья за время войны здесь развелось много, особенно зайцев. На них практически не охотились, так как немцы запрещали местному населению иметь ружья.

Гиленкову пришла в голову мысль поохотиться в здешних местах с помощью включенных фар машины, иными словами, побраконьерничать. Известно, что заяц, попавший в полосу света, не скрывается от опасности, а продолжает бежать, становясь легкой добычей охотника. Мы взяли тогда несколько десятков зайчишек. Трофеи отправили на солдатскую кухню. Но о ночной охоте стало известно командиру 1-й гвардейской танковой бригады полковнику Горелову, так как стрельба велась вблизи расположения его бригады. На совещании у командира корпуса он требовал выявить нарушителей ночной тишины и строго наказать. Наверно, досталось бы нам с Гиленковым, инициаторам браконьерских вылазок, если бы Юрий Всеволодович не пригласил на такую охоту генерала Дремова.

О браконьерской охоте чуть не стало известно Катукову. Рано утром после такой ночной вылазки в дивизион пожаловал начальник артиллерии генерал Фролов. Принесла его нелегкая с обычной проверкой. А у нас в это время на ветках сушились заячьи шкурки. Нашелся скорняк, мастер по выделыванию шкур, чтобы добро не пропадало. Генерал заинтересовался — откуда, мол, трофеи? Гиленков не растерялся, доложил, что в части организована группа стрелков, отличных охотников. Эта группа снабжает мясом солдатскую кухню — дополнительный приварок!

Я стоял рядом и удивлялся находчивости моего командира. Фролов даже похвалил нас за такую инициативу и заботу о солдатах. Узнай он о методах охоты, наверняка доложил бы Катукову. Михаил Ефимович снял бы с нас шкуру, как скорняк снимал ее с несчастных зайчишек. Командарм сам был заядлым охотником, постоянно возил с собой ружье и собаку, но чтил охотничий кодекс, никогда не опускался до браконьерства.

Страсть к охоте едва ли не закончилась для Гиленкова

трагически. Правда, это было уже после войны в Германии. Военный охотник подполковник Гиленков сидел в засаде под первым номером, под номером два сидел в кустах его товарищ, тоже офицер. Шла охота на кабана. У Юры затекли ноги, и он решил слегка поразмяться. Тронул ветки кустов, а второй номер, услышав шум, понял: кабан прет на него. Вскинул ружье и выстрелил на звук, рикошетом угодив подполковнику в то место, на котором сидят. Тот взвыл, поднялся переполох, охота, конечно, была сорвана. Хорошо, что тот болван стрелял дробью, а не пулей, все могло кончиться гораздо хуже. Из незадачливого охотника в госпитале извлекли десятка два дробин. Но повод поострить в адрес Гиленкова всегда был. После этого случая министр обороны даже издал приказ о нарушениях правил охоты в 1-й танковой армии, которая базировалась в районе Дрездена.

Все бывало в танковой армии во время войны и после нее, но дисциплина — святое дело. От ее состояния зависели короткие переходы и многокилометровые марши, в конечном итоге — успехи в бою. Но срывы все-таки случались. В «эрэсовском» дивизионе серьезных ЧП я не припомню, за исключением мелочевок: кто-то «нарежется» до чертиков, у кого-то возникнет конфликт из-за женщины, кто-то из-за усталости уснет на посту.

Как на духу, признаюсь, что Гиленков любил женщин, но не мог позволить себе, чтобы в дивизионе служили женщины. Это как на корабле: традиция. Однажды из корпуса нам прислали пополнение, среди солдат оказалась и симпатичная девушка-радистка. Пока я знакомился с новобранцами и смотрел на это пышногрудое диво, подошел командир дивизиона. Он прошелся перед строем и, отозвав меня в сторону, спросил: «Что это за краля?» Я пояснил: «Радистка». Гиленков, чуть помедлив, тихо произнес: «В дивизионе, капитан Демидов, у нас никогда не было баб, и быть не должно. Жили мы спокойно, а из-за этой красотки у нас наверняка будет масса неприятностей. Ты меня понял?»

Понять командира не составляло большого труда. Пришлось красавицу-радистку отправлять обратно в корпус, хотя она довольно настойчиво добивалась, чтобы ее оставили в нашем дивизионе. «Первым делом, первым делом — самолеты», — пели известные киношные герои. У нас, конечно, на первом месте были «катюши». Ведь дивизион снова вступал в бой на завершающем этапе Львовско-Сандомирской наступательной операции.

Начав движение из Лежайска, передовые отряды танковой армии подошли к Висле и завязали бои с обороняющимися частями немцев. Форсирование проходило тяжело, понтонов не хватало, для пехоты и легкого вооружения строились плоты. Бои за Сандомирский плацдарм начались 29 июля 1944 года и

продолжались несколько дней подряд. Колонна была уже на середине реки, как налетели немецкие самолеты. Останавливаться нельзя, укрыться тоже негде, единственное спасение — быстрее убраться с моста. Падают бомбы, бьют зенитки, с ревом уходят в сторону, оставляя дымный шлейф, подбитые «юнкерсы» — все это напоминало какую-то дикую какофонию.

Бывают такие мгновения, когда ты стоишь на грани жизни и смерти. Сейчас на понтоне наступил как раз такой момент. Стоя на подножке «студебеккера», кричу водителю: «Жми без оглядки! Не останавливайся!» А у самого ощущение такое, будто меня приговорили к смерти, а исполнителем приговора являются немецкие летчики, которые вот-вот прошьют пулеметной очередью или разнесут сброшенной бомбой прямо на понтоне. Берег уже близко. Может, пронесет. Машины с ревом вылетают на сушу, где уже идет бой. Мы — на Сандомирском плацдарме. Немецкое командование планировало сбросить нас в Вислу. Не получилось!

Гитлер придавал особое значение битве за Сандомирский плацдарм, понимая, что отсюда Красная армия устремится в глубь Германии и может оказаться у предместий Берлина, поэтому приказал своим войскам любой ценой удержаться на Висле. Со всей Германии сюда стягивались крупные силы, в первую очередь танковые. Здесь нам впервые пришлось столкнуться с новым сверхтяжелым немецким танком — «королевским тигром», неповоротливой громадиной весом в 68 тонн и лобовой броней до 180 миллиметров. «Зверь» этот имел никудышную скорость — всего 35 километров в час. Скорее всего, он предназначался для устрашения, нежели для ведения боевых действий. Его легко расстреливали наши танки ИС-2 и даже «тридцатьчетверки» с 85-миллиметровой пушкой.

В первом же бою танкисты сожгли 4 такие машины, а 3 — захватили неповрежденными, они не успели уйти с позиции. Газета «Правда» тогда писала: «Первый бой с «королевскими тиграми» доказал, что вооружение, которым оснащена Красная армия, по своему качеству превосходит самые последние новейшие образцы оружия, придуманные гитлеровцами».[41]

После того как армия Рыбалко захватила Львов и переправилась на Сандомирский плацдарм, дело пошло веселее. Немцы были обречены, хотя и предпринимали отчаянные попытки, чтобы удержать Сандомир, отбросить наши части к Висле. Вначале последовал мощный удар силами 23-й и 24-й танковых дивизий на Майдан, затем немецкое командование создало ударный кулак в районе Хмельник — Жабче, стянув сюда

1-ю, 3-ю, 16-ю и 24-ю танковые и 20-ю механизированную дивизии. Этими силами командовал генерал Бальк. Перед ним стояла задача — отрезать плацдарм от основных сил фронта.

Несколько суток на плацдарме гремели тяжелые оборонительные бои, и только 14 августа соединения 1-й и 3-й танковых армий при поддержке 15-й армии прорвали фронт обороны противника на рубеже Даромин — Лисув. Была перерезана железная дорога Сандомир — Островец, и немцы лишились связи со своими тыловыми учреждениями.

Чтобы добить Сандомирскую группировку противника, Конев приказывает командарму Катукову, прикрывшись на севере танковой бригадой и истребительно-танковым полком, ударить на Гуры Высокие, что в 6 километрах от Сандомира. Это означало поворот армии на 120 градусов. Маневр удался. Немцы были отброшены за реку Опатувку, а тем временем танкисты Рыбалко и пехотинцы Пухова начали штурм Сандомира. Город был взят 18 августа.

Противник оставил Сандомир, но делал отчаянные попытки, чтобы вырваться из кольца. В какой-то мере это ему удалось. В ночь на 20 августа, ценой огромных усилий, в районе местечка Оцынек немцы пробили небольшой коридор и вывели остатки Сандомирской группировки.

На этом закончилось участие 1-й танковой армии в июльско-августовских боях 1944 года. Разгром Сандомирской группировки противника, освобождение значительной части территории Польши создавали благоприятные условия советским войскам при подходе к южным границам Германии.

19 августа 1944 года военный корреспондент «Правды» Борис Полевой писал: «В результате многодневных боев в северной части плацдарма за Вислой войсками под командованием маршала Конева взят крупнейший польский город Сандомир, являющийся важным опорным пунктом обороны немцев. Значение Сандомира заключается и в том, что он нависал на фланге наших войск, дравшимся на Зависленском плацдарме, и препятствовал расширению этого плацдарма вниз по реке.

Сражение за Сандомир было длительным и упорным. Немцы имели приказ удерживать его любой ценой. Поэтому, когда наши части за Вислой ушли далеко западнее реки и потом охватили город тугой полуподковой, даже в этих условиях немцы продолжали сражаться в городе, надеясь удержать его и остановить наше наступление в глубь Польши».

Такие бои, как на Висле, не могли не остаться в моей памяти. Здесь я потерял боевого товарища Владимира Подгорбунского, здесь же встретился с командиром 55-й танковой бригады

полковником Драгунским. «ДД» продолжал лихо воевать, только уже в 3-й армии. На его груди был уже целый иконостас наград, а за Сандомир он получил и звание Героя Советского Союза.

В ходе боев на Сандомирском и Магнушевском плацдармах нам достались огромные трофеи, в том числе и военные склады, обеспечивающие вермахт всем необходимым. Немножко хотелось бы рассказать о знаменитых Дембицких фронтовых складах, потому что с ними связана целая история, которая произошла у нас в дивизионе. Эти склады занимали огромные площади в лесной зоне близ города Дембиц. Их вместительные наземные и подземные помещения доверху были забиты продовольствием и военным имуществом.

Весть о богатых Дембицких складах быстро распространилась по всей армии, и туда ринулись «представители» от частей и подразделений, одержимых желанием что-нибудь «подтрофеить». От нашего дивизиона собрался ехать за трофеями наш доблестный комиссар Прошкин. Он сколотил группу добровольцев, вооруженных охранников, взял полуторку для груза, а для солидности прихватил одну БМ и машину с крупнокалиберным пулеметом ДШК. Я попросил Георгия Ивановича прихватить для штаба писчую бумагу, канцелярские принадлежности и печатную машинку. Заказ был принят, и майор со своей охраной отбыл в Дембиц.

Время близилось к полудню, а наших «мародеров» еще не было видно. Я уже стал волноваться: уж не случилась ли что? Наконец прибыли машины, нагруженные трофеями, но радости на лицах солдат я не увидел. Отсутствовал и Прошкин. Я сразу же набросился на командира взвода, участвовавшего в этой «операции»:

— Где комиссар?

Взводный, переминаясь с ноги на ногу, доложил, что майор остался на складах, а нам приказал пробиваться с боем и уходить в часть. Немного позже появился и Прошкин, его физиономия сияла как начищенный медный пятак. Естественно, я к нему с расспросами — что и как?

Оказалось, что попасть на Дембицкие склады было не так просто: вокруг высоченные заборы, а въездные ворота только с одной стороны, но там уже стояла охрана с автоматами в руках. Свободный доступ был перекрыт. Перед воротами уже собралась толпа — солдаты, офицеры, какие-то штатские. Каждый жаждал попасть на территорию складов и чем-нибудь поживиться.

Наши «эрэсники» стояли в стороне и наблюдали, чем все кончится: не давать же залп по воротам! Проблема прохода разрешилась просто. Кто-то предусмотрительно направил сюда

танк, номер машины был закрыт брезентом, поди разберись какой части. Открывается башенный люк, оттуда высовывается чумазая физиономия. Танкист требует открыть ворота. Охранники молчат, берут автоматы наизготовку. Чумазая голова исчезает. Башнер наводит пушку. Демонстрация силы возымела свое действие — охрана заколебалась и подалась чуть в сторону. Развернув пушку на 180 градусов, машина медленно наехала на ворота и буквально выдавила их своим мощным телом. Толпа ринулась следом за танком. Путь свободен!

Прошкин подождал немного и, повинуясь воровскому инстинкту, тоже двинулся со своей командой в глубь складов, при этом сказав охране, что ему надо дать залп из «катюши» по скрывающимся в лесу фрицам и сделать этот залп он может только с точки, которая находится на этой территории. Охранники поверили и беспрепятственно пропустили машины.

По территории уже бродили пьяные солдаты, которые попали сюда еще до появления охраны. При виде такого количества спиртного наш Иван разве может удержаться от соблазна, чтобы не «нарезаться»? Выстрел по бочке, и фонтанчик вожделенной жидкости сам просится в рот. Победители пили и веселились, дав волю разбушевавшейся стихии.

Остановив одного забулдыгу, у которого из кармана торчали горлышки бутылок со шнапсом, майор узнал, где находится склад со спиртным. Дальше дело пошло быстро и оперативно. На одном складе команда загрузила несколько ящиков со спиртным — шнапсом и вином, на другом — продуктами. Брали сахар, консервы, галеты, шоколад — словом все, что годилось в пищу. Наконец нашли склад с канцелярскими принадлежностями, прихватили несколько пачек бумаги и даже пишущую машинку. Только она для работы не годилась, оказалась с латинским шрифтом.

«Отоварившись», гвардейцы намеревались прорваться теперь уже за ворота, но не тут-то было. На территории складов появился разъяренный член Военного совета генерал Попель. Размахивая маузером, он орал на пьяных солдат: «Мародеры! Подлецы! Изменники Родины!» И тут же после каждого слова палил в воздух.

Прошкин быстро сообразил, что дело дрянь, ситуация складывается критическая, надо что-то предпринимать. Он отдал приказ командиру взвода — отогнать машины на противоположный конец складов и затаиться. Если обстановка не разрядится, выбираться любым способом, вплоть до подрыва стены. Подрывать было чем. На БМ всегда имелся ящик взрывчатки. В критической ситуации, чтобы машина не попала в

руки врага, ее попросту подрывали.

Улучив удобный момент, комиссар, вынув из кобуры пистолет, бросился к мародерствующим солдатам с криком и руганью, делая вид, что наводит порядок. Подошел Попель со своей грозной «сворой». Заметив Прошкина, которого хорошо знал, спросил:

— Майор, а ты что здесь делаешь?

— Да вот, оказался здесь случайно, вижу: идет чистый грабеж. Пришлось вмешаться.

— И правильно поступаешь, — одобрительно заметил генерал. — Политработники всегда должны показывать пример в наведении порядка в армии.

Минут тридцать Прошкин еще сопровождал Попеля, потом незаметно отстал от его команды и преспокойно покинул Дембицкие склады. А нашим «мародерам», чтобы выбраться с территории складов, все же пришлось прибегнуть к «фейерверку». Рванув стену, они пробили проход и благополучно вышли на «оперативный простор».

Рассказывая о своих приключениях в Дембице, майор признался, что при встрече с Попелем изрядно перепугался, его жизнь была на волоске. Узнай член Военного совета о цели его пребывания на складах, наверняка бы расстрелял на месте.

Не поверить Прошкину было невозможно. Я знал крутой характер Попеля, фигуры слишком одиозной в армии. Железной рукой он наводил порядок при малейшем отступлении наших войск, классически разгонял «пробки» на дорогах и переправах. Одни генералы действовали палкой, кулаком и матом, Николай Кириллович отдавал предпочтение маузеру.

Танкисты, как огня, боялись «пробок» и заторов, которые создавали другие рода войск, скажем, пехота со своими обозами или тыловые учреждения с грузами, необходимыми фронту. В 1-й танковой армии родилась поговорка: «Обозников могут разогнать только «мессершмитты» или генерал Попель».

Появление Попеля на передовом крае наводило страх на танкистов, артиллеристов, минометчиков, пехотинцев, но только не на немцев. Маленький ростом, с большим крючковатый носом, въедливыми глазами и заметно выпирающим брюшком, генерал-лейтенант всегда ездил с многочисленной охраной на открытом бронетранспортере. Генеральскую папаху с красным верхом знали в каждой части.

Близко с Попелем я не был знаком, но не раз слушал его выступления перед бойцами и офицерами. Однажды, уже после боев на Сандомирском плацдарме, я вел колонну дивизиона в другой район. Неожиданно почувствовал, как мою легковую

машину прижимает к обочине что-то тяжелое и массивное. Шофер вынужден был сначала притормозить, потом и совсем остановиться, боясь попасть под колеса громыхавшего сзади бронетранспортера, из которого выглянула знаменитая голова Попеля. Он повернулся в мою сторону и погрозил кулаком. Я облегченно вздохнул — пронесло!

После войны прошел слух: ретивый генерал, блюститель законности и порядка, отправил в Москву несколько «студебеккеров», загруженных трофейным барахлом. В машине находились бочки с бензином, якобы для заправки в пути. Бочки оказались с двойным дном, в которых запрятано было золото и другие драгоценности. Пограничцы быстро обнаружили контрабанду, видимо, уже знали о ней. Тогда существовал приказ Сталина о досмотре имущества, отправляемого нашими генералами из Германии. Вот так и засветилось «золото Попеля». Как тогда выкрутился оборотистый Николай Кириллович из этой щекотливой ситуации, известно только Сталину, Поскребышеву, может, Катукову и еще нескольким лицам. Вызывали Попеля в Кремль несколько раз. Видимо, коммерческие дела повлияли на дальнейшую судьбу генерала, его демобилизовали из армии. Он занялся литературной деятельностью, издал несколько книг. Это были мемуары о 1-й танковой армии, но больше — о «героической» деятельности члена Военного совета…

В июне 1987 года мне довелось встретиться с бывшим начальником тыла 1-й гвардейской танковой армии генерал-майором Василием Фомичом Коньковым, который подтвердил слухи о праведных и грешных делах Попеля и других военачальников. Это была теплая и дружеская встреча. На прощание боевой генерал подарил мне свою книгу «Время далекое и близкое», недавно вышедшую в Воениздате. В ней была надпись «На добрую память. Размашистая подпись и дата — 22.06.87 г.»

О генерале у меня действительно осталась добрая память…

Бои у Сандомира и Магнушева измотали танковую армию, шедшую впереди других войск. Она нуждалась в длительном отдыхе. Катуков в своих докладных записках не раз напоминал об этом маршалу Коневу. Тогда армию отвели лишь от передовой линии и оставили в резерве фронта.

27 августа 1944 года Катуков собрал на совещание всех командиров, включая комбригов и начальников штабов, и сделал разбор боевых действий всех частей в июльскоавгустовской наступательной операции. На этом совещании присутствовал командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта генерал-полковник Н. А. Новиков. В

своем докладе Катуков отметил как положительные моменты в ходе операции, так и недостатки в ее проведении.

Разбору недостатков он придавал особое значение. Они были, и избежать их не удалось и на Сандомирском плацдарме: танки зачастую действовали в отрыве от артиллерии, было немало «пробок» на дорогах во время марша, плохо взаимодействовали танки и пехота, подводили инженерные службы при форсировании рек, разведка не всегда имела полные данные о противнике. Были претензии у командарма и к работе штабов, запаздывали донесения с поля боя, что никак не способствовало принятию правильных оперативных решений.

Катуков был самокритичен, а генерал-полковник Новиков в своем выступлении старался не заострять внимание на недочетах, у него была другая миссия. Он зачитал приказ Президиума Верховного Совета СССР от 25 августа 1944 года о присвоении звания Героя Советского Союза генерал-полковнику М. Е. Катукову с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» — за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство.

Этим же указом звание Героя Советского Союза присвоено и командиру 44-й гвардейской танковой бригады полковнику Гусаковскому и многим другим солдатам и офицерам. Отличившиеся части при форсировании Вислы и взятии Сандомира получили наименование «сандомирских».

В начале сентября танковая армия вышла в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Ее части и соединения разместились в районе Немиров, недалеко от Львова. Начало осени выдалось теплым, но уже было заметно, как леса стали одеваться в багрянец. Я всегда любил это время года, вспоминалось детство, рязанская земля. Всегда в эту пору крестьяне говорили об урожае, живности на подворье, подводили итоги своих праведных трудов. Видимо, не случайно у них была популярной поговорка о том, что «цыплят по осени считают».

У танковой армии осенью 1944 года были свои счеты: сколько людей и техники потеряно в боях и сколько надо того и другого, чтобы восполнить эти потери.

Наш дивизион разместился на землях, которые раньше принадлежали польскому вельможе графу Потоцкому. Теперь в графских лесных угодьях мы построили землянки для личного состава, замаскировали технику, и лагерная жизнь потекла тихо и размеренно.

Появилась возможность съездить во Львов, и мы ею воспользовались. Когда еще удастся побродить по этому

старинному городу и посмотреть его достопримечательности? Город был заложен еще в XIII столетии галицко-волынским князем Даниилом Романовичем Галицким и назван в честь своего сына Льва. В городе поражало обилие архитектурных ансамблей, возведенных в разные времена и в разных стилях. Тут переплетается готика и ренессанс, барокко и классицизм, ампир и модерн. Восхищали своей грандиозностью и красотой многочисленные готические костелы с устремленными ввысь тонкими, упирающимися в небо, крестами, а вот узкие улочки приводили в недоумение — как тут разъезжаются хотя бы два экипажа?

Полюбовавшись оперным театром, мы побывали на площади Рынок, на одной из улочек нашли аптеку, которая сохранилась еще со времен царя Гороха. Война пощадила многие партийки города — часовню Баимов, грот со львами на горе Высокий Замок, памятники композитору Адаму Мицкевичу и первопечатнику Ивану Федорову.

Многое мы узнали о Львове, даже легенду о женском католическом монастыре, расположенном недалеко от площади Рынок. У монахинь начали рождаться дети, что привело местное католическое начальство и Рим в недоумение. Проникнуть из-за строжайшей охраны в монастырь было невозможно, да и сами монашки отрицали какую бы то ни было связь с мужчинами. Факт рождения детей расследовала комиссия из Рима во главе с нунцием. Но докладывать Папе Римскому было нечего.

Тайну раскрыл умирающий настоятель мужского монастыря, который исповедывался у нунция. Оказалось, что монахи много лет рыли подземный ход в женский монастырь, по нему потом и посещали своих «колежанок». О существовании подземного хода нунций умолчал, пожалев монахов и монашек, но распространил слух, что дети у монахинь рождались по воле божьей.

Католическая церковь имела достаточно большое влияние на местное население. В этом я убедился, когда дивизион несколько дней стоял в селе Яворив. Наш штаб разместился в школе, директором которой был интеллигентного вида поляк. Он жил рядом со школой в собственном доме с женой и служанкой. Мы приглашали пана директора к себе в гости, обещали угостить русской водкой и украинским борщом, который, кстати, неплохо готовил наш повар. Директор отказывался, ссылаясь на болезнь — язву желудка, но жена его пани Гражина была не против, чтобы пообщаться с господами русскими офицерами. Это была обаятельная женщина лет 23–25, объяснялись мы с ней на смеси польского, украинского и русского языков и, тем не менее, понимали друг друга. Нам с ней было весело и легко. Я

почувствовал, что пани Гражина больше уделяет внимания мне, чем другим офицерам. Это, естественно, мне льстило, и я решил «приударить» за милой полячкой.

Однажды Гражина стала интересоваться у меня, как у военного человека, где лучше прятаться во время налета немецкой авиации. Я порекомендовал подвал. Чтобы убедиться, надежно ли это убежище, пани тут же повела меня в подвал своего дома. Спустившись в полутемное помещение, я понял женскую уловку. Там, внизу, среди различных баулов, бочек, банок с различными съестными припасами я взял Гражину за плечи и прижал к себе. Женщина ответила мне страстным поцелуем. Я слышал от своих друзей, что полячки отличаются особым темпераментом и страстью. Казалось, что моя ундина потеряла голову и не соображает, что делает. Вдруг она остановилась, вырвалась из моих объятий и, крестясь, прошептала: «Матка-Боска, спаси меня!»

Я с удивлением смотрел на Гражину и не понимал причину столь резкой перемены в ее настроении. Порыв страсти прошел, и она объяснила мне, что фанатично верит в Бога, и по католическим канонам, будучи замужем, не имеет права изменять мужу. Это самый большой грех. Вот если бы она была разведена церковью или вдова, тогда другое дело.

Даже этот частный случай дал мне понять, что католическая церковь безраздельно владеет умами и душами своей паствы. Сила Бога беспредельна, считают поляки, и верят в это без оглядки, без рассуждения.

Эти строки — не фикция, не рассказ антиклерикального характера, а скорее бытовая зарисовка из моей фронтовой биографии.

Вскоре наш дивизион снялся с места и пошел дальше на запад. Нас провожала милая пани Гражина, образ которой так и запечатлелся в моей памяти…

Пока мы отдыхали в лесах под Немировым, занимались боевой подготовкой, принимали новое пополнение, вооружались техникой — словом, готовились к удару по врагу, теперь уже на территории самой Германии.

За это время в армии произошли некоторые перемещения в высшем звене командного состава. Генерал Гетман ушел в заместители к Катукову, 11-м гвардейским танковым корпусом стал командовать полковник Бабаджанян, в заместители ему дали полковника Горелова, а 1-ю гвардейскую танковую бригаду принял полковник Темник.

Можно считать, что наша лагерная жизнь проходила без особых осложнений, лишь бандеровцы портили иногда нам

настроение. Они стали нападать на села, где стояли наши части. 15 сентября командиру 64-й танковой бригады полковнику Бойко пришлось бросить батальон мотострелков с танками и самоходными установками в лесные массивы юго-восточнее села Радруж, где появились отряды бандеровских боевиков. В результате этой операции было убито 5 бандитов, взято в плен 27 человек. Вопрос о применении БМ-13 тогда не стоял, но боевой отряд во главе с заместителем командира 8-го гвардейского мехкорпуса полковником Гореловым, усиленный артиллерией и минометами, прочесывал леса южнее села Яворив, а также в районе сел Вершицы и Стажиско. Тут боевики и были разгромлены, и больше не появлялись.[42]

Готовясь к новым боям, Военный совет 1-й гвардейской танковой армии провел ряд теоретических конференций по обмену опытом боевых действий, на которых рассматривались вопросы оперативно-тактического характера, технического обслуживания машин и работы тыла. На конференциях присутствовали заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршал П. А. Ротмистров, член Военного совета бронетанковых и механизированных войск генерал-полковник Н. И. Бирюков, командующий БТ и МВ 1-го Украинского фронта генерал-полковник Н. А. Новиков и начальник Военной академии бронетанковых и механизированных войск генерал-лейтенант Ковалев.

На одной из конференций выступал сам командарм Катуков. Его выступление потом публиковалось в сжатом виде во фронтовой газете, но когда в архиве я нашел застенографированную речь, несказанно обрадовался и решил непременно включить ее в свои «Записки». Этому выступлению более 60 лет. История. Наверно, будущим поколениям интересно узнать, как решал вопросы разгрома врага известный танковый начальник на заключительном этапе войны. В его выступлении много поучительного не только для военного историка, но и для каждого человека, интересующегося нашим прошлым.

А говорил Катуков вот о чем:

> «Противник на границе Германии создал сильную глубоко эшелонированную оборону, имеющую до 10-и огневых точек на 1 километр фронта (ДОТов, ДЗОТов, капониров, блокгаузов и т. п.). Кроме того, все населенные пункты имеют каменные постройки, которые также могут быть подготовлены противником к обороне. Все это, безусловно, будет влиять на свободу маневра наших подвижных войск. Мы должны быть готовы к

тому, чтобы разрубить всю систему немецкой обороны и не дать противнику отсидеться за построенными им оборонительными линиями.

При решении вопроса о распределении артиллерии не нужно придерживаться шаблонов. Минполк, лап, тсап, дивизион РС — средства командира корпуса, которые он может придавать тому командиру, соединению или части, кому это нужно по обстановке. Помнить нужно одно: артиллерийские средства нельзя никогда «консервировать».

Легкая артиллерийская бригада является средством командарма и будет использоваться для ведения боя с закрытых позиций по скоплению живой силы противника, его исходным районам действий, огневых точек и т. п., а также с открытых огневых позиций по танкам противника. Делиться бригада между соединениями армии не будет.

В бою штабы бригад должны быть в непосредственной близости к полю боя и помогать командиру бригады в управлении боем. Штабы корпусов, за исключением отделов, не нужных для управления боем, должны быть в одной группе.

При перемещении штабов должно обеспечиваться непрерывное управление войсками, ведущими бой».[43]

Пока мы не знали о планах командования, где и как нам предстоит наступать. Знали главное: военные действия будут перенесены на территорию Германии.

Глава X
Висло-Одерская операция

Ноябрь 1944 года. Глубокая осень. Солнечная погода чередовалась с дождливой, но лес, в котором мы жили и который укрывал нас два с половиной месяца, имел уже другой вид. Большинство деревьев сбросило листву, лишь кое-где на опушках зеленели ели и сосны, что придавало лесу какую-то нарядность и торжественность. В эту пору здесь, в Польше, все же теплее, чем, скажем, в средней полосе России.

Мы чувствовали, что наше лесная жизнь заканчивается. Армия была готова к новым боям. Куда ни посмотришь, в укрытиях стоит новая техника — орудия, танки, САУ, грузовики. Все это доставлено сюда с уральских заводов. Заметно прибавилось самоходных артиллерийских установок — СУ-122, СУ-85, СУ-100. Видимо, военное командование, учтя опыт прежних боев и видя, что полевая артиллерия не успевает за танками, чтобы поддержать их в бою, сделало ставку на самоходную артиллерию, которая двигалась с такой же скоростью, как и танки.

Вот и армейская газета «На разгром врага» уделила внимание этому роду оружия:

> «Самоходная артиллерия — молодой вид оружия. Тем не менее за время Великой Отечественной войны она прочно утвердила за собой славу грозного оружия. Самоходно-артиллерийские установки являются мощным средством усиления ударной силы танковых и механизированных подразделений как в наступлении, так и в обороне.
>
> Обладая сильным вооружением и подвижностью, самоходно-артиллерийские установки успешно ведут борьбу с вражескими танками и самоходными орудиями, его противотанковой артиллерией, а также с укрепленными огневыми точками, действуют в составе штурмовых групп. Большая дальнобойность артиллерийского вооружения дает возможность самоходкам поражать бронированные цели противника с дальних дистанций и все свои задачи решать преимущественно огнем».[44]

По распоряжению Ставки наша армия в конце ноября 1944

года вошла в состав 1-го Белорусского фронта. Она снова должна была стать главной ударной силой при проведении Висло-Одерской наступательной операции. Ей приказано перебазироваться в район Люблина и разместиться в лесных массивах в 30 километрах от города.

В армию поступил приказ начальника штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковника М. С. Малинина: «Передвижение войск совершать только в ночное время с соблюдением всех мер маскировки. Письменные приказы на марш отдать только корпусам, в остальных инстанциях ограничиться устными распоряжениями. Радиосвязь на марше и в новом районе сосредоточения запретить до особого распоряжения штаба фронта. Обратить внимание всего офицерского состава на сохранение в тайне всех вопросов, связанных с организацией войск и их передислокацией».[45]

Перебазирование армии проходило, как и предписывалось, в строгой секретности. Конечно, неудобно было совершать марш в ночное время даже на короткое расстояние — до железнодорожной станции, но таков приказ. Наш особый 405-й гвардейский минометный дивизион был погружен в считанные часы и отправлен на запад, поближе к Висле, где держали оборону части Красной армии. Тогда я даже не мог представить себе, сколько же надо подвижного состава, чтобы перевезти всю нашу технику? Оказалось — 31 железнодорожный состав, 1 576 вагонов. Это при условии, что мотострелковые подразделения использовали свой автотранспорт. Вот это масштабы!

На новом месте в жизни армии начался уже другой этап боевой подготовки. Она строилась с учетом замысла предполагаемой боевой операции, в которой танковому удару отводилась одна из главных задач.

Устную ориентировку по замыслу операции командование армии получило на военной игре в штабе фронта. Замысел ее сводился к следующему: разгромить Варшавско-лодзинскую группировку противника и выйти на линию Лодзь. В дальнейшем наступать на Познань и выйти на линию Бромберг — Познань и южнее, чтобы занять исходное положение для выполнения основной стратегической цели — взять Берлин и закончить войну.

Эта задача была по силам нашим войскам. К этому времени вся территория Советского Союза била полностью освобождена от немецких оккупантов. Они уже были изгнаны и из восточных польских земель. Технические и людские ресурсы Германии подходили к концу. Это видно было хотя бы по тому, что вермахт больше не оснащался новыми видами оружия, а на фронте появились маршевые батальоны фольксштурма, состоящие из

16-17-летних юнцов и 60-летних стариков.

Летом 1944 года открыт был второй фронт. Теперь войска вермахта подвергались мощным ударам как на востоке, так и на западе. Непрерывным потоком на фронт шло оружие, да и союзники по антигитлеровской коалиции увеличили поставки СССР вооружения и стратегического сырья по ленд-лизу. Кроме того, Гитлер потерял многих своих союзников: вышли из войны Италия, Болгария, Венгрия и Румыния. Германия была обречена, но Гитлер и его окружение еще пытались сопротивляться и оттянуть крах своего рейха. А «колосс на глиняных ногах», так фюрер называл СССР в начале войны, не только выстоял в самой жесточайшей войне, но и окреп, его войска стали подходить к границам фашистской Германии.

С 11 по 14 января 1945 года армия передислоцировалась из района Каменки на Магнушевский плацдарм для перехода в наступление совместно с 8-й гвардейской армией генерала Чуйкова.

Согласно планам наш дивизион был привлечен к артподготовке на участке прорыва, осуществляемого 8-й гвардейской армией. Для уточнения деталей меня вызвали в штаб артиллерии 49-го стрелкового корпуса. Штабисты работали в поте лица, но нам участок еще не был определен. В связи с этим меня попросили подождать. Располагая временем, я пообщался со многими офицерами, поинтересовался, где и как воевала армия. Конечно, меня в первую очередь интересовал генерал Чуйков — легендарная личность. Интерес к генералу я проявлял не случайно. Будучи еще курсантом Ленинградского артиллерийского училища, я был наслышан о Чуйкове. Муж моей старшей сестры Моти — Трофим Федорович Терешин — участник советско-финской войны, служил в 9-й армии, которой командовал тогда Чуйков. Как о командарме, он отзывался о нем весьма нелестно.

Что теперь говорят о Чуйкове? Я услышал о нем много баек и анекдотов. Например, как он ординарца себе подбирал, как ходил в атаку и даже о его отношениях с любовницами. Были и серьезные суждения: много значил Сталинград. 62-я, да и 8-я армия, которой с весны 1943 года командовал Чуйков, оставила свой след в истории Великой Отечественной войны.

На фронте мне все же довелось встретиться с Чуйковым, и я пытался понять, где во всех этих рассказах о нем правда, а где всего лишь байки. То, что Василий Иванович был крутым человеком, это точно. Среднего роста, крепкий, с крупным крестьянским лицом, на голове — густая черная грива волос. О его храбрости действительно ходили легенды еще со времен

Сталинградской битвы. Сталин уважал генерала, хотя и знал о его грубости и разного рода выходках. Чуйков был из плеяды генералов, которые нередко работали палкой, кулаком и матом. Офицеры, даже старшие, боялись его как огня и старались не попадаться под горячую руку генерала-самодура. Во время войны он многих разжаловал, понизил в звании, не разобравшись подчас — виноват ли вообще офицер.

Василий Иванович слыл любвеобильным человеком, много раз был женат, но в армии женщин не терпел. К концу войны в связи с большими потерями на фронте «слабый пол» все чаще стал появляться в штабах. Это были радистки, телефонистки, писари, машинистки, о медиках уже и говорить не приходится. Но в штабе Чуйкова не было ни одной женщины. Если генерал ехал с проверкой в корпус или дивизию, то там начинался настоящий переполох: к штабу в спешном порядке подавались крытые машины, в которые сажали дам и увозили куда-нибудь подальше, чтобы они не попадались женоненавистнику на глаза. Проходя по штабу и не заметив ни одной женщины, Чуйков одобрительно говорил сопровождавшему его командиру: «Вот это настоящий штаб, ни одной бабы. Правильно, так и должно быть!»

Такой противоречивой фигурой был Василий Иванович Чуйков, будущий Маршал Советского Союза…

В штабе артиллерии 49-го стрелкового корпуса, которому, наряду с другими соединениями, предстояло прорывать оборону противника, я получил наконец полную информацию о том, кого и где будет поддерживать огнем наш дивизион. Артподготовка — по плану, все остальное будет зависеть от хода боевой операции.

13 января 1945 года дивизион покинул выжидательный район и переправился через Вислу. В войсках, переправлявшихся на Магнушевский плацдарм, наблюдался общий подъем. И неудивительно. Солдаты видели, что война подходит к завершающей стадии, удар по фашистам будет крепким — вон сколько техники. Следовательно, потерь с нашей стороны будет значительно меньше.

Из штаба корпуса возвратился Юрий Гиленков. И первый мой вопрос к нему:

— Когда наступаем?

— Завтра, капитан, завтра!

В общих чертах командир дивизиона изложил задачу корпуса: нам предстояло форсировать реку Пилицу, захватить плацдарм, затем выйти к реке Бзура, в район Ловича — Кутно, в дальнейшем наступать на Познань и выйти к Одеру. Войскам предстояло проделать бросок в 130 километров. На все это отводилось 4 дня. Темпы наступления, можно сказать, небывалые.

Да, мы научились воевать и воевали со знанием дела, хотя эта наука далась нам нелегко и платить за нее пришлось большой кровью.

В те дни перед наступлением нам, командирам среднего звена, не так уж много было известно о противнике, с которым мы должны были сражаться, хотя, конечно, разведка давала и нам общую информацию. Только после войны, когда познакомился с архивами, я был удивлен тому, что командование армии имело полную информацию об оборонительных рубежах немцев, их резервах, о численности и вооружении большинства крупных соединений.

С Магнушевского плацдарма нам предстояло преодолеть так называемый «Восточный вал». Это целая система обороны, в которую были включены старые немецкие крепости Познань, Кюстрин, Глогау и Бреслау. Далее шел Мезеритцкий укрепленный район с его многочисленными минными полями и ловушками. Кроме того, на пути наших войск было немало естественных препятствий — реки Палица, Варта, Одра, с полдюжины речек и болот.

Ночь перед наступлением для бойца и командира всегда бывает тревожной. Но поспать хотя бы несколько часов все равно надо. Закончив вместе с Гиленковым последние приготовления, я отправился перед сном подышать свежим воздухом. Обычно это была небольшая прогулка. Лес, в котором стоял дивизион, напоминал мне «берендееву сказку»: кроны деревьев засыпаны пышными шапками снега, морозный воздух прозрачен, дышал ось легко. Стояла тишина, лишь где-то вдалеке взлетали к небу осветительные ракеты. Завтра эту тишину разорвет рев моторов и грохот артиллерийских залпов. Как все нелепо в этом мире!

Ночь, на удивление, я спал спокойно. Утром, разбудил меня ординарец Василий Полеводин. Он уже успел вскипятить чайник и «сервировать» стол, на котором, кроме черного хлеба и банки тушенки, ничего не было. Стало быть, запасы из Дебицких складов закончились. Я порылся в походном ларце и обнаружил пачку трофейных галет. «Оприходовав» консервы и попив чайку, мы с Василием готовы были к бою. «Бивак» наш уже шумел на разные голоса: шофера прогревали моторы, слышались команды офицеров, шофер командира дивизиона ждал начальство. Гиленков появился, как всегда, подтянутый, чисто выбритый, словно он собрался на концерт, а не шел в бой. Сняв кожаную перчатку, он поздоровался со мной и сказал:

— Я — на КП к Дремову, связь прежняя — по радио. Денек у нас сегодня, несмотря на мороз, будет жарким. Ну, ни пуха ни пера!

Не успел я послать к черту свое начальство, как машина рванула с места, оставляя за собой снежную пыль.

Артподготовка началась, как и было запланировано, ровно в 8.00. Тишину разорвали залпы орудий разных калибров. Содрогалась земля. Тысячи снарядов, вычерчивая огненные полосы, разрывались на оборонительной линии противника. Над передним краем прошли штурмовики и бомбардировщики, сбрасывая свой смертельный груз.

Вскоре в бой вступил и наш дивизион. Мы дали несколько залпов по запланированным целям и ушли с огневой позиции. Непрерывный обстрел первой линии обороны противника продолжался полтора часа.

Армия Чуйкова уже прорвала оборону противника и ушла вперед на 10–15 километров от переднего края. Обгоняя пехоту, в бой пошли танки передового отряда нашего корпуса: бригада Темника, 400-й самоходный полк полковника Хватова, две батареи зенитного полка, саперный и понтонный батальоны, за ними выстроился в походную колонну наш дивизион.

Я впервые участвовал в танковом рейде передового отряда. Все для меня было новым, незнакомым. По понятным причинам опасался каких-то неожиданных поворотов в наступлении. Однако все шло обычным порядком. Сначала колонна двигалась по лесной дороге, потом на пути стали попадаться небольшие хутора. Вот и передний край, линия обороны немцев. Моим глазам предстала страшная картина. Земля перепахана вдоль и поперек снарядами и бомбами. Еще недавно здесь были окопы и блиндажи, пулеметные гнезда и артиллерийские батареи, теперь — одно воспоминание. На дорогах — исковерканные танки, орудия, перевернутые вверх колесами грузовики, брошенные повозки и… горы трупов.

Оборона немцев стала разваливаться с первого же дня нашего наступления. Деморализованные гитлеровские войска отступали к реке Пилица, стремясь закрепиться на ее западном берегу. Передовые отряды 8-го механизированного и 11-го танкового корпусов рвались вперед, останавливаясь только для заправки топливом и пополнения боезапаса. Если раньше танковые части проходили в сутки по 15–25 километров, то теперь двигались со скоростью 50-100 километров. Передовые отряды не втягивались в бои по освобождению населенных пунктов, не занимались ликвидацией войск противника, у них была другая задача — резать коммуникации, перекрывать пути отхода вражеских войск на новые позиции и не допускать к ним никаких резервов.

Быстрое продвижение передовых отрядов и удары по тылам дезорганизовывали противника, сеяли страх и панику в его рядах.

Если противнику все же удавалось организовать оборону, полковник Темник вызывал БМ-13 и приказывал произвести залп по указанной цели. Мои ребята выполняли эту работу с ювелирной точностью, расчищая путь танкистам и мотострелкам, хотя рейд по тылам врага был сопряжен с огромным риском: никто не знал, что может предпринять противник в той или иной ситуации. На вторые сутки передовой отряд вышел из лесного массива и оседлал шоссе, ведущее к какому-то населенному пункту. Тут приходилось проявлять двойную осторожность. Как-то, когда я вел колонну, майор Гиленков наставлял меня: если не хочешь схлопотать в борт фауст-патрон, крути головой на 360 градусов. Сейчас приходилось крутить головой не только мне одному, а всему личному составу дивизиона.

Неожиданно на шоссе показалась колонна немцев, скорее всего, маршевый батальон из резерва. Шедший впереди капитан Бочковский передал комбригу Темнику: «На шоссе немцы, их много!» Тот спрашивает: «Что немцы предпринимают?» Капитан передает: «Остановились, готовятся к бою». Последовала команда: «Атаковать!»

Вскоре от маршевого батальона ничего не осталось, он был разгромлен в пух и прах. Оказалось, что не все солдаты имели оружие, командование собиралось довооружить батальон где-то по пути.

Когда наш дивизион подошел к месту боя, все уже было кончено. Я разыскал Бочковского, машина которого стояла чуть в стороне от шоссе. Капитан поздоровался со мной и сказал:

— Видишь, Петр Михайлович, до чего дожили немцы. Их стали бросать в бой почти без оружия.

— Не удивляйся, Володя, — ответил я, — вспомни начало войны. Вспомни, как наши солдаты бросались на противника, чтобы в бою добыть винтовку или автомат.

Пока я беседовал с танкистом, мой верный Санчо Панчес, ординарец Вася, постоянно следовавший за мной, решил что-нибудь «подтрофеить». На фронте среди солдат была мода — добывать часы и обмениваться ими не глядя.

Вот Полеводин и стал шарить среди убитых. Потянул за руку одного фрица, потом другого — нет часов. В кювете наткнулся на какого-то здоровенного детину — ну, у этого он уж наверняка разживется трофеем. Только взял его за рукав, как «труп» ожил, встал и поднял руки. Ординарец от неожиданности опешил, растерялся, потом, словно кузнечик, отскочил в сторону, дрожащими руками рванул с плеча автомат и дал по немцу очередь. Тот только покачнулся, но продолжал стоять. Вася шуганул еще две короткие очереди в это жирное тело, и только

тогда немец упал.

После этого случая мой ординарец зарекся «барахолить», и если случалось бывать на поле боя, то трупы обходил десятой дорогой.

Надо отметить, что передовой отряд пленных не брал — их некуда было девать, да и возиться с ними не было времени. Их разоружали и передавали подошедшим пехотным частям.

Двигаясь дальше, танковая колонна форсировала небольшую речку по перекинутому мосту: немцы даже и не думали его взрывать. Наверно, никак не ожидали появления здесь в тылу советских танков.

По шоссе нам навстречу неслась легковая машина. У моста вдруг остановилась. Да и куда ехать: дорога перекрыта. Бочковский, любитель разного рода эффектов, обратился к Темнику:

— Товарищ полковник, а лимузинчик-то ничего, посолиднее, чем наша колымага. Возьмем?

— Давай, капитан, только будь предельно осторожным, не зарывайся, — сказал комбриг, опасаясь какой-нибудь провокации.

На малом газу Бочковский поставил машину поперек дороги, полностью отрезав лимузину путь. По снежному полю шофер вряд ли рискнет удирать — застрянет. В машине оказался генерал, представитель ведомства по эвакуации материальных ценностей. Фигура важная. Генерала посадили на танк и отправили в штаб 1-й танковой армии. Трофей же — «опель-адмирал» — достался комбригу Темнику.

Чем дальше пробивался передовой отряд, тем чаще стали попадаться толпы беженцев, уходивших от войны на запад. Мы обгоняли машины, повозки, мотоциклы, велосипеды. Картина знакомая. Так летом 1941 года двигались толпы наших людей, с той лишь разницей, что уходили они на восток.

Иногда под беженцев маскировались задержавшиеся по каким-то причинам чины немецкой гражданской администрации или вермахта, так что при досмотре в наши руки попадали важные птицы. При подходе к Пилице во время разыгравшейся сильнейшей пурги ночью в нашу колонну затесался крытый грузовичок. Только утром комиссар Прошкин обратил на него внимание. Заглянув в кабину, он увидел за рулем пожилого поляка, рядом с ним сидел закутанный в шубу-дубленку какой-то тип. Вытряхнув его из машины, майор увидел, что перед ним предстал старший офицер с двумя железными крестами. Под брезентом находились еще двое гражданских лиц и три холеные дамы. Паненок отпустили их на все четыре стороны, а остальных, в том числе и немецкого офицера, передали подошедшим

пехотным частям. Машину Прошкин определил в наш дивизион, а барахло, которое везли беглецы, быстро исчезло в солдатских вещевых мешках.

Война, повторяю, дело аморальное и отвратительное. В ходе наступления иногда видишь, как черствеет и грубеет человек. И с этим ничего нельзя поделать.

Танкисты знаменитой 1-й гвардейской танковой бригады, о которой столько написано хвалебного, преподнесли нам, офицерам 405-го дивизиона РС, наглядный урок, который надолго запомнился. Это произошло в батальоне Бочковского. Хотелось бы сразу пояснить, что в ходе наступления танковый батальон, идущий впереди, в ходе боевой операции теряет до 80 % личного состава. Это убитые, раненые, сгоревшие заживо в машинах. Бойцы и командиры это прекрасно знают. Если повезло остаться в живых, многие снимают реактивность, стресс водкой.

В селе под названием Воля батальон Бочковского остановился в ожидании подхода заправщиков. Дело было к вечеру, мы уже начали устраиваться на ночевку, как в одном из домов послышались душераздирающие крики о помощи. Майор Прошкин бросился к дому, ногой выбил дверь и через коридор шагнул в большую комнату. При свете керосиновой лампы он увидел поразительную картину. В углу на кровати лежала раздетая женщина, с ней возился какой-то танкист, рядом сидело еще человек семь-восемь, ожидая своей очереди. Эта теплая компания уже изрядно подпила, и теперь им было море по колено.

Комиссар был не из трусливых людей, никогда не прятался в бою за спины других, но тут, при виде пьяных солдат, оторопел — черт их знает, что они могут выкинуть. Выпивохи неожиданно схватились за оружие. Один из них выдохнул ему прямо в лицо:

— Советую тебе, майор, убраться отсюда, а то как бы чего не вышло!

Распаленные алкоголем солдаты готовы были пристрелить комиссара, в этом он нисколько не сомневался. Разумно было покинуть дом. В штабе Прошкин никак не мог успокоиться, непристойно ругался и кричал: «Подлецы! Дрянь! Так опозорить честь советского солдата!» Вместе с комиссаром я решил пойти к Бочковскому и рассказать об инциденте, только что случившемся в его батальоне. Комбата я хорошо знал и надеялся, что он примет самые суровые меры против насильников.

Был ли в тот день Бочковский в подпитии, сказать трудно, но он поразил нас своим спокойным отношением ко всему случившемуся. Странно было слышать от комбата такие слова:

— Ссориться по пустякам с моей чумазой братией мне

нельзя, хотя насилие отвратительно человеческому естеству, мне в частности. У нас, в танковых войсках, свои неписаные законы. В разгар труднейшей операции в тылу врага, когда на каждом шагу гибнут мои парни, я не хочу восстанавливать их против себя. Я вместе с ними рискую жизнью, и выполнение боевой задачи во многом зависит от них. После завершения операции, если останемся живы, я проведу с ними воспитательную работу. А сейчас, ребята, покиньте батальон. Так будет лучше и для меня, и для вас. Кроме того, советую по этому поводу не поднимать шум.

Не знаю, как оценивал свой поступок Владимир Бочковский, став генералом? У меня просто не было случая поговорить об этом, хотя наши пути пересекались. Этот случай в январе 1945 года был для меня наглядным уроком. В боях случалось и не такое: командира «по неосторожности» могли раздавить танком или пустить пулю в спину. Что и произошло примерно по такому же поводу, как и в селе Воля, немного позже с заместителем командира 8-го гвардейского танкового корпуса полковником Гореловым.

В душе я не согласен был с Володей Бочковским, хотя он и был моим товарищем и другом и воевал дай Бог каждому.

По молодости я тогда многого не мог понять, с Гиленковым затевал дискуссию по поводу позиции, занятой нашим другом Бочковским в инциденте в селе Воля. Юра тоже, как мне казалось, был на стороне танкиста и посоветовал забыть то, что происходило в польском селе. Но, пожалуй, большим ударом для меня было то, что уже после окончания войны мой подчиненный, командир батареи Сережа Ковылин, признался, что тоже «баловался» втихую с польской девушкой без ее согласия. И это происходило в нашем «эрэсовском», как его еще называли «королевском» дивизионе. Что же тогда творилось в других войсках? И все это списывалось на войну.

Война, в моем понимании, — дело богомерзкое. Может, когда-то она и была увеселительной прогулкой, скажем, для французских королей XV-XVII веков, и только в книгах Александра Дюма. В XX веке все, что связано было с войной, приводило к разрушению человеческой цивилизации, какой бы идеологией она не прикрывалась и какие бы цели не преследовала. Но какой бы омерзительна ни была война, эту, Отечественную, мы должны были закончить и разбить фашизм, отродье человечества.

Передовой отряд продолжал стремительно двигаться к новым оборонительным рубежам противника. 18 января нам удалось захватить город Александрув. Здесь особых проблем не было. Дальше путь лежал к городу Згеж.

Згеж брала наша 19-я гвардейская мехбригада. Батальоны штурмовали каждый док, каждую улицу, подавляя огневые точки противника. Здесь погиб наш комбриг полковник Липатенков, непосредственно руководивший боем. В его танк попал снаряд. Похоронили его во Львове на «Холме Славы». Отважному командиру посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Бригаду же принял подполковник Баранов.

И снова в путь. Згеж остался позади. Передовой отряд под командованием полковника Темника проскочил уже 125 километров, и там, где он прошел, дороги представляли собой свалку разбитой немецкой техники. Взяли местечко Унеюв. С ходу форсировали Варту, силами разведки захватили небольшой плацдарм. Но у города Конин споткнулись. И только когда подошла вся 19-я мехбригада с более мощной артиллерией, город выкинул белые флаги. Это случилось 21 января.

Германское командование всеми силами пыталось остановить продвижение частей 1-й гвардейской танковой армии, вводя в бой свежие резервы, собранные по всей Германии. Еще 18 января был произведен пуск воды из водохранилища на реке Дунаец. Вода затопила пойменные поля и луга, ее уровень в реке Висла поднялся на 110 сантиметров. Это, однако, не послужило серьезным препятствием наступающим войскам. Были опасения, что на подобный шаг немцы могут пойти и на других водоемах, поэтому начальник штаба армии генерал Шалин предупреждал командиров всех рангов:

«В связи с выходом наших войск к реке Одер следует учесть, что ее верхнее течение до города Бреславль сплошь зарегулировано — плотины, шлюзы, водохранилища здесь имеются в большом количестве.

В целях создания искусственного паводка, взламывания льда, срыва переправы наших войск путем затопления окрестностей водой, противник, несомненно, попытается разрушить плотины и шлюзы, создать водные заграждения. К этому надо быть готовым». [46]

Новый рывок открывал нам путь к польскому городу-крепости Познани. По имеющейся информации немцы превратили город в настоящую крепость на старой польско-германской границе. По сути, она прикрывала Берлин. Чтобы взять Познань, надо было преодолеть три оборонительных обвода, разбить систему ДОТов, ДЗОТов и многочисленных огневых точек.

Командир передового отряда полковник Темник принял решение взять крепость до подхода корпуса своими силами. Он выделил несколько усиленных разведывательных групп, придав

им танки, бронетранспортеры, по мотоциклетному взводу и батарее СУ-57. Особые надежды возлагались на самоходные установки.

Американские самоходки СУ-57 хорошо зарекомендовали себя в предыдущих боях — во взаимодействии с пехотой, действуя из засад. Если даже в машину попадал снаряд и выходило из строя прицельное приспособление, все равно точность попадания обеспечивалась прямой наводкой через ствол. Было еще одно преимущество у этих установок — бесшумность двигателей на малых оборотах, что позволяло в ночное время незаметно подойти к переднему краю на 200–250 метров, произвести два-три выстрела и раствориться в темноте.

Разведка принесла неутешительные известия: город основательно укреплен, его будут оборонять более 50 000 человек. Резервы сюда стянуты с ближайших укрепленных рубежей. Запаса продовольствия хватит месяца на три осады.

Удары по Познани разведывательными группами и всем передовым отрядом ощутимых результатов не принесли. Столь же безуспешной была и попытка всеми силами корпуса штурмовать крепость. Генерал Дремов впоследствии писал:

> «22 января в 15.00 передовые части корпуса подошли к пригороду Познани и авангардными батальонами произвели разведку боем.
>
> Атака с ходу и последующие бои не дали желаемых результатов. Наступление застопорилось. Немцы вели прицельный обстрел, и по режиму огня можно было сделать вывод, что крепость и город обороняли не тыловые части, а регулярные отборные войска. Позднее это подтвердилось.
>
> Бригады корпуса дважды пытались ворваться в город, но всякий раз откатывались назад, неся значительные потери».[47]

Осада крепости мне чем-то напоминала средневековье. Крепость, окруженная со всех сторон, обстреливалась из всех видов оружия, но не сдавалась. Войска, под предводительством атамана Дремова, ждали, что Познань поднимет на городской ратуше белый флаг. А ведь с самого начала было ясно, что брать хорошо укрепленный город-крепость одними только танковыми войсками — это нонсенс.

Нелепость этой затеи понял Дремов, понял и Катуков. В конечном итоге и Жуков отказался брать крепость танковыми частями, хотя еще 22 января 1945 года настаивал на том, чтобы с Познанью было покончено. В своем приказе он ставил задачу. —

«…овладеть Познанью и районами Оборотники, Кекш, Плевиско, Шверзенц, Мурованe — Гослина».[48]

Это уже после войны Георгий Константинович написал: «Для уничтожения гарнизона в Познани оставлялась часть сил 8-й гвардейской, 69-й армий и 1-й гвардейской танковой армии. Взятие Познани поручалось командованию 8-й гвардейской армии. В то время считалось, что там окружено не больше 20 тысяч войск, но в действительности их оказалось более 60 тысяч, и борьба с ними в укрепленном городе затянулась до 23 февраля».[49]

Неудачи под Познанью можно объяснить не только хорошей защищенностью крепости или присутствием там большой группировки войск. Главная причина была все же в другом: брать крепость было нечем. Наши тылы отстали, и войска испытывали острую нехватку боеприпасов, горючего и продовольствия. Кроме того, сюда подошли гренадерская дивизия «Бранденбург» и другие соединения из резерва. Они ударили по нашим войскам в районе Вайсенбурга и приостановили форсирование реки Варты.

Прежде чем к Познани подошли полевые армии Чуйкова и Колпакчи, у ее стен оставалось небольшое прикрытие под командованием полковника Горелова, основные же силы танковой армии направлялись на прорыв Мезеритцкого укрепленного района. Мы уже тогда считали, сколько километров осталось до германской государственной границы: 200,150, 120… Еще рывок — и мы достигнем намеченной цели.

К большому сожалению, под Познанью погиб Герой Советского Союза полковник Горелов, чья биография стала яркой страницей в истории 1-й гвардейской танковой армии.

Два года Владимир Михайлович командовал 1-й гвардейской танковой бригадой, которая геройски дралась на разных фронтах, не зная поражения. Она отличилась на Курской дуге, в Украине и Польше. Комбриг был опытным и отважным офицером, действовал в бою всегда решительно и смело. В корпусе он пользовался всеобщей любовью, дивизион РС постоянно следовал по пятам за его бригадой, готовый в любую минуту поддержать своим огнем. Я знал о разладе в семье полковника. Его жена Валерия, врач по профессии, встретила на фронте свою новую любовь, и комбриг подал на развод. У них от совместного брака осталась дочь, которую Владимир Михайлович очень любил. Совершенно неожиданно он женился вторично. Когда корпус находился в Обояни, комбриг встретил Агнию Федоровну. Она была тоже врачом. Эта милая и добрая сибирячка не только скрашивала жизнь нашему комбригу, но и взяла на себя все повседневные о нем заботы. Этой фронтовой паре завидовали все

офицеры корпуса.

Несчастье случилось как раз под Познанью, в местечке Овиньски, где части 8-го гвардейского механизированного корпуса форсировали Варту. Здесь же переправлялись и части 2-го танкового корпуса генерала Ющука. На переправе образовалась огромная «пробка». Горелов, предвидя печальные последствия в случае напета вражеской авиации, бросился на берег в поисках начальника переправы. Им оказался комбриг одной из бригад. Но начальник переправы занимался не своими прямыми обязанностями, а пьянствовал в доме на берегу реки. Горелов потребовал немедленно убрать с дороги танки. Подвыпившие офицеры во главе со своим комбригом в звании подполковника послали незваного гостя куда подальше, а один из собутыльников развязно процедил:

— А ты кто такой? Ребята, проверим его!

Полковник ударом кулака свалил наземь офицера и вышел из дома, надеясь без чужой помощи разогнать «пробку». Обиженный офицер с автоматом в руках выскочил следом за ним и выстрелил в спину. Из дома выбежали остальные офицеры, один из них даже стал искать документы убитого. Расстегнув шинель, он увидел на гимнастерке набор орденов и Звезду Героя Советского Союза. Все сразу же сбежали с места преступления.

Гибель полковника Горелова оплакивала вся танковая армия. Его тело отвезли во Львов и похоронили на том же «Холме Славы», где был похоронен и комбриг Федор Липатенков. Убийцу долго искали, но безуспешно. Нашли лишь в конце войны. Им оказался сотрудник контрразведки и «СМЕРШ» той танковой части, которая форсировала Варту 22 января 1945 года. Видимо, это обстоятельство тогда и помешало поискам убийцы и его наказанию.

Трагический случай, произошедший в танковой армии, командование старалось замалчивать, как только могло. Лишь спустя много лет маршал танковых войск Бабаджанян слегка коснулся этого темного дела:

> «В сентиментальности меня трудно заподозрить, но и сейчас, спустя два с лишним десятилетия, не могу говорить о гибели Володи без спазм в горле.
>
> Подлая пуля пьяного бандита скосила его, угодив в спину. Слишком дорогую жертву потребовал Марс за нашу победу на границе рейха, тем страшнее оскалился для нас лик войны. Тем страшнее, потому что все мы уже видели ее ближайший конец…
>
> Пусть бегут годы, а я, как только появляется первая

возможность, стремлюсь побывать на «Холме Славы» во Львове, постоять молчаливо у могилы Володи Горелова. Нет на свете для меня ничего священнее боевого братства, опаленного Великой Отечественной войной…»[50]

В 1975 году в составе туристической группы я побывал во Львове. Посетил могилу Володи Горелова. К моему удивлению, на могильной плите ошибочно было выбито звание — «подполковник». Связался с ветеранами 1-й гвардейской танковой армии, проживающими во Львове. Ошибку исправили. Но горечь по поводу трагической гибели отважного танкиста у меня осталась. Осталась и боль, и ее уже ничем на излечить…

А тогда, в конце января 1945 года, передовой отряд, оставив Познань, на большой скорости двигался к реке Обра, по которой проходила польско-германская граница. Мы с ходу форсировали реку и ворвались в Бомст, небольшой городок, с широкой в центре площадью и многочисленными историческими памятниками. Это уже и фашистская Германия. Наконец-то мы добрались до нее. Но в душе ни злобы, ни желания мстить местному населению у нас не было. Было какое-то внутреннее волнение и торжество победителей, уверенность, что доедем и до Берлина.

Город горел. Ни взрывов, ни стрельбы не было слышно, раздавался лишь легкий треск горящих зданий. Дивизион РС остановился рядом с танкистами Бочковского. Я вышел из машины, огляделся. На улицах, кроме солдат, — ни души. Рядом возвышался двухэтажный дом, половина его была разрушена и еще дымилась. На первом этаже был, видимо, магазин, сохранилась лишь какая-то вывеска, а на втором — обычные квартиры. Я поднялся на второй этаж, но и тут не заметил ни одного человека. И черт меня дернул лазать по квартирам! Толкнул дверь — она даже не была заперта. Перед моим взором предстала зловещая картина; в углу на деревянной кровати, среди подушек и простыней, лежала морщинистая, донельзя худая старуха в белых одеждах и чепце. Она лежала неподвижно, но была еще жива. На бескровном беломраморном лице выделялись глубоко запавшие, медленно поворачивающиеся глаза. Почему рядом с умирающим человеком не оказалось близких людей? Впрочем, можно догадаться. Гражданское население немецких городов, поддавшись гитлеровской пропаганде, уходило в глубь Германии или пряталось по подвалам, ожидая своей участи.

Насмотревшись на эту мистическую картину, я с каким-то

страдальческим чувством покинул дом. Не знаю, но почему-то я стал сравнивать нынешнюю фашистскую Германию с этой старухой, готовой отойти в иной мир, но еще цепляющейся за жизнь. На улице я еще раз посмотрел на второй этаж. В окне показалась тень. Значит, кто-то все же был в этой квартире, и я успокоился.

В Бомсте мы простояли недолго, покормили людей, заправили баки горючим, и вот уже звучит команда Гиленкова: «По машинам!». Снова взревели моторы, и дивизион следом за танками Бочковского тронулся в путь. Мы шли за Обру, в район Мезеритца.

Мезеритцкий район, построенный Германией еще до войны, особенно укреплялся после разгрома армии Паулюса под Сталинградом. Наверно, у Гитлера не было уверенности в том, что советские солдаты не придут сюда, хотя от берегов Волги до Одера тысячи километров.

Мезеритц — это мощнейшие оборонительные сооружения из бетона и стали, с подземными железными дорогами, заводами и автономными электростанциями. Мезеритц — это целая система долговременных огневых точек-»панцерверке» с гарнизоном каждая в 10–15 человек. Эту эшелонированную оборону, создававшуюся в течение нескольких лет, танковая армия разгромила в течение двух суток. Таков был порыв наших войск!

Основной удар по Мезеритцу наносил 11-й гвардейский танковый корпус генерала Гетмана, корпус Дремова шел несколько южнее. Захватив город Либенау, нам пришлось спуститься вниз к Одеру и завязать бои за Швибус. После кровопролитных боев пал и этот город. Корпус грозной лавиной катился дальше. До Берлина оставалось 70 километров.

Тогда нам, полевым командирам, некогда было учитывать, какие немецкие части оказались под ударами танковой армии, кто из видных немецких генералов остался без войск, какие трофеи попали в наши руки. Наш девиз был — «Только вперед!». Однако учет все же велся, и архивные документы свидетельствуют об этом. Вот один из них:

> «В боях по прорыву Мезеритцкого УРа и овладению городом Либенау войсками 1-й ГТА разгромлен 21-й армейский запасной корпус немцев, имевший в своем составе 3 пехотных дивизии, до 10-и отдельных батальонов и 2 берлинских унтер-офицерских школы.
>
> За период с 26 по 31.01.45 г. войсками армии уничтожено: 28 290 солдат и офицеров, 50 танков и самоходных орудий, 688 орудий разного калибра, 512

минометов, 204 бронетранспортера и бронемашин, 300 самолетов, свыше 4 000 автомашин.

Кроме того, взято в плен более 2 000 солдат и офицеров, захвачено много другого вооружения и военного имущества».[51]

У передового отряда задача была прежняя: действовать впереди корпуса, выявлять опорные пункты врага, его систему обороны, обнаруживать резервы и, не вступая в затяжные бои, выходить на рубеж реки Одер в район города Франкфурт-на-Одере. Несмотря на то что в Германии отличные дороги, заправщики все же отставали от передового отряда, и нам приходилось либо дожидаться их подхода, либо довольствоваться трофейной соляркой и бензином, отбитыми у противника.

Погода не всегда баловала нас, морозы сменялись оттепелью, снег — дождем, одним словом, европейская зима. Если обстановка вынуждала, то двигались мы по полевым раскисшим дорогам — тогда не только машина, но и танки ползли с большим трудом. Чем ближе подходила наша колонна к Одеру, тем больше попадалось беженцев. Дороги были буквально забиты ими. Иногда навстречу шли отряды фольксштурма, мобилизованные подростки и старики. При первых же выстрелах фольксштурмисты разбегались по лесам, бросая фаустпатроны и винтовки, но случалось и такое, когда приходилось принимать бой.

При подходе к Одеру нас обстреляли. Десантники оцепили небольшой лесок и вытащили из кустов трех пацанов из гитлерюгенда. У них отобрали оружие, но троица еще продолжала кричать «Хайль Гитлер!». Майор Прошкин гаркнул на них, чтобы прекратили свой вой, но они обнялись и запели молодежный гимн. Конечно, жалко было несмышленышей, но комиссар принял решение: «Расстрелять!», опасаясь, что, если отпустит их, они снова возьмутся за фаустпатроны и будут бить по нашим танкам. Жесткое решение. На войне других и не бывает!

Инцидент был исчерпан, и колонна продолжала свой стремительный ход. Там, где противник оказывал сопротивление, в бой вступали танки и мотопехота, иногда приходилось разворачивать дивизион РС и давать один-два залпа. Позади колонны оставались фольварки, села, города. Все чаще на зданиях ратуши, окнах домов и просто на заборах появлялись белые флаги, как свидетельство капитуляции, хотя Геббельс за каждый такой флаг угрожал своим согражданам исключительной мерой наказания — расстрелом. Только на людей уже не

действовали геббельсовские заклинания: наступало прозрение.

1 февраля мы захватили деревню Куннерсдорф и вышли на восточный берег реки Одер, выполнив таким образом поставленную задачу. Куннерсдорф — деревня знаменитая. Еще в годы Семилетней войны 1 августа 1759 года русский полководец генерал-аншеф Петр Салтыков наголову разбил превосходящие силы знаменитого полководца — прусского короля Фридриха II, который тогда произнес известные слова: «Русского солдата мало убить, его еще повалить надо».

От Вислы до Одера было пройдено около 500 километров. Это расстояние покрыто всего за 18 суток. Темпы продвижения — небывалые для техники, в отдельных случаях колонна проходила даже по 70–90 километров. В этих боях раскрылись потенциальные возможности хорошо сколоченных частей и подразделений, живучесть нашей техники и оружия, боевой дух бойцов. А фрицы между тем стали не те, что в начале войны, все чаще поднимали руки и сдавались в плен.

Разумеется, мы понимали, что за Одером бои предстоят тяжелые, но для нас важно было закрепиться на плацдарме и ждать подхода основных сил корпуса.

О штурме Франкфурта-на-Одере речи быть не могло: у нас заканчивались боеприпасы и горючее, к тому же мы находились в тылу врага. Город хорошо просматривался с крутых берегов Одера. Он жил обычной жизнью, не ведая, что рядом находятся советские войска. Дымили трубы заводов и фабрик, по городу ходили трамваи и автобусы, люди делами покупки в магазинах, как и в обычные дни. А между тем с другого берега город рассматривали в бинокль советские офицеры — Темник, Гиленков и Демидов — и обсуждали, как лучше накрыть его из «катюш».

Ночь прошла относительно спокойно. Наступило утро 2 февраля 1945 года. Немцы, видимо, еще не знали, что наш отряд находится на берегу Одера, а там черт их знает. Пока, во всяком случае, нас они не беспокоили. Но мы проявили активность, разведали, что рядом находится аэродром и тут же атаковали его. Расстреляли несколько самолетов. Вот тут немцы всполошились и ввели в бой артиллерию. Мы потеряли два танка.

Стало ясно, что теперь нас будут сжимать со всех сторон, только успевай поворачиваться. Все подразделения сразу же заняли круговую оборону. Мы так надеялись на скорую помощь основных сил корпуса, но пошли вторые сутки, как мы держали плацдарм, а горизонт был чист: о передовом отряде Дремов словно забыл. Рассчитывать надо было только на собственные силы.

Корпус, конечно, двигался к Одеру, но его бригады вели бои с так называемыми «блуждающими котлами». Разрозненные части отступающих гитлеровцев доставляли немало хлопот нашим войскам, нападая на колонны, штабы, тыловые учреждения.

Приходилось отвлекать значительные силы и средства на ликвидацию очагов сопротивления то в одном, то в другом месте. Поэтому главные силы корпуса задержались в пути.

Но передовой отряд не бездействовал. Разгромив аэродром, Темник решил пощекотать нервы франкфуртским бюргерам. Вызвав Гиленкова, спросил:

— Сколько залпов мы можем дать по городу?

Майор сначала не понял, что имел в виду командир отряда, но как рачительный командир, учитывающий каждый снаряд, ответил:

— Не больше трех, товарищ полковник. При этом надо учесть: один залп мы всегда оставляем на крайний случай.

Темник продолжал допытываться:

— А можем ли мы, пальнув по городу, устроить там хороший шурум-бурум, то есть панику?

До Гиленкова, наконец, дошло, что имел в виду Темник:

— Конечно, можем, дав залп не сосредоточенным огнем дивизиона, а рассеянным. Это так называемая стрельба по площадям. Каждая установка бьет по отдельным квадратам. Если еще взрыватели снарядов поставить на фугасное и осколочное действие, скажем, пятьдесят на пятьдесят, то эффект может быть впечатляющим.

— Вот это хорошо, — обрадовался Темник, — это как раз нам и надо. Готовьте установки!

Возвратившись от комбрига, возбужденный Гиленков появился в моей штабной машине. Мы разложили на столе карту и определили квадраты города, по которым предстояло произвести залпы «катюш». При этом учитывали задачу — поразить большую его часть.

Я подготовил исходные данные целей, затем вывел установки на огневую позицию. Гиленков решил сам руководить стрельбой. Он стоял в стороне и смотрел на часы. Наконец взмахнул рукой. Это означало команду: «Залп!». Сорвавшись со старта, шурша в холодном воздухе, пошли наши красавцы, расчерчивая небо красными полосами.

Вскоре в разных концах города встали столбы огня и черного дыма. Протяжно завыли сирены, заголосили гудки заводов и фабрик. Нам удалось достичь того, к чему стремились.

Постояв еще несколько минут на берегу, мы увели установки вглубь плацдарма. Уезжая в штаб Темника, Гиленков с тревогой

произнес:

— Мы свое дело сделали, но самое трудное еще впереди. Если подмога к вечеру не подойдет, немцы обложат нас со всех сторон. И дай-то Бог благополучно выбраться из этой западни, в которую мы угодили по воле обстоятельств!

Майор оказался прав. Немцы очухались и начали стягивать на восточный берег Одера крупные силы: горно-стрелковые части СС, остатки каких-то танковых и пехотных дивизий, перед нами оказались даже рота, сколоченная из власовцев, и туркестанский батальон.

К середине дня бой усилился. Атаки немцев следовали одна за другой. Нас стала бомбить авиация. Гиленков приказал убрать наши БМ подальше в лес и замаскировать. Снаряды у нас были на исходе, оставался неприкосновенный запас — один залп, находящийся на направляющих и предназначенный для самообороны.

К вечеру бой стал стихать, наша оборона выдержала бешеный натиск противника. Но что будет завтра? Темник созвал офицерский состав. Решали проблемный вопрос: как выбраться из окружения. Еще сутки отряд мог продержаться, отбиваясь из последних сил. Но нужны солярка, бензин и снаряды.

Решено было найти слабое место в обороне противника, своего рода прореху, через которую можно было бы вывести весь отряд. В ночь на 5 февраля в разведку ушла группа бойцов во главе со старшим лейтенантом Уховым. Только под утро возвратились разведчики. Ухов доложил: обнаружена небольшая лощина, по которой вполне могут пройти танки и машины. Немцев в этом месте не было. Темник принял решение — выходить немедленно, пока еще не рассвело. Первыми пойдут колесные машины и артиллерия, за ними — танки и самоходки подполковника Хватова. Прикрытием будет батальон капитана Бочковского.

Машины шли в строгой последовательности, в полной темноте, фары включать было категорически запрещено. Отряд прошел почти половину пути, как раздались артиллерийские залпы. Немцы, услышав шум моторов, стреляли наугад, вслепую, пока не причиняя нам вреда. Но когда рассвело, огонь стали вести прицельный. В машину подполковника Хватова попало несколько снарядов, и он сгорел вместе с экипажем.

Труднее всех пришлось батальону Бочковского, прикрывавшему отход передового отряда. Из 30 танков у него осталось полтора десятка машин и до полуроты пехотинцев-десантников. Когда отряд уже вышел из опасной зоны, арьергард не стал его догонять, а направился в противоположную сторону.

Капитан поразмыслил так: если он бросится за своими, то его тотчас же накроют артиллерией, вот и подался туда, где его не ждали, введя в заблуждение Темника, да и немцев — тоже. Батальон вышел на шоссе, идущее вдоль Одера, отмахал километров двадцать и резко повернул в сторону. Сметая на своем пути заградительные отряды немцев, Бочковский прорвался к своим.

Помнится, за эти грамотные действия в бою, за находчивость, мужество и стойкость Владимира Бочковского представили ко второй Звезде Героя Советского Союза. Но как это часто случается, по иронии судьбы, а точнее, по капризу начальства, дали ему тогда орден Суворова II степени. Заслужил одну награду — получил другую, мог бы вообще ничего не получить…

Неизвестно, сколько бы мы продержались на том проклятом плацдарме и сколько бы людей и техники потеряли, если бы не подошли части корпуса. Дремов бросил нам на выручку 20-ю и 21-ю механизированные бригады, которые, оттеснив противника, дали нам возможность выбраться из окружения. Радости нашей не было предела!

Мы вернулись в деревню Куннерсдорф, где залечивали свои раны, пополнялись техникой вместо потерянной во время тяжелейшего рейда по немецким тылам.

На этом, можно сказать, для меня и закончилась Висло-Одерская наступательная операция. 17 февраля 1945 года я получил новое назначение на должность командира дивизиона в 41-й гвардейский отдельный минометный полк РС «катюш», входивший в группу гвардейских минометных частей (ГМЧ) 1-го Белорусского фронта.

Я расстался с 1-й гвардейской танковой армией, своим корпусом, бригадой, дивизионом. Расстался с боевыми товарищами — майором Юрием Гиленковым, майором Прошкиным, другими офицерами и солдатами, с которыми прошел сотни километров по землям Западной Украины, Польши и Германии. Прощайте, друзья! До встречи в Берлине!

Глава XI
Берлинская операция

Конец февраля 1945 года. Предвесенье. Погода стоит теплая, дует легкий ветерок, который гонит по небу кучевые облака. Мы с моим верным ординарцем Василием Полеводиным едем в 41-й гвардейский минометный полк. Настроение у нас отличное. Мы радуемся наступающей весне, еще больше радуемся тому, что война подходит к своему завершающему этапу.

Командир полка подполковник Ересько встретил нас доброжелательно, приветливо. Он мне понравился с первых же минут — спокойный, неторопливый, ему было лет тридцать-тридцать пять. Ересько чем-то напоминал мне комбрига Липатенкова, погибшего у польского города Згеж.

Минометный полк был сформирован из моряков Северного флота, воевал на Карельском фронте, все время держал оборону, стоял прочно, как говорится, не уступал противнику ни пяди своей земли. Потерь почти не имел. Личный состав полка был хорошо обучен и сколочен, но опыта наступательных боев не имел. С ликвидацией Карельского фронта часть перебросили в Германию.

После беседы с Ересько и знакомства с некоторыми офицерами полка, я отправился в свой дивизион. Умудренный жизненным опытом ординарец предложил сначала заглянуть на кухню, потом уж в штаб. Он считал: если хорошо приготовлена солдатская каша, значит, в части полный порядок, хозвзвод работает, как ему положено. У Василия даже поговорка была: «Поближе к кухне, подальше от начальства». Правда, потом слово «кухня» он поменял на другое слово — «камбуз», как-никак стал служить во флотском полку.

На войне кухня — важный элемент. Если солдат хорошо накормлен, он и воюет хорошо. Но меня прежде всего интересовал личный состав дивизиона — командиры, от которых во многом зависели результаты стрельбы. Моим ближайшим помощником и начальником штаба оказался азербайджанец старший лейтенант Гизетли, дисциплинированный и добросовестный офицер, но ему, как мне показалось, не хватало опыта и знаний. Опыт — дело наживное, при желании можно приобрести и знания. Командиры батарей Виленский и Коган — офицеры грамотные, только как поведут себя в бою, предстояло узнать позже.

Несколько слов хотелось бы сказать о своем заместителе по

политической части, пожилом капитане Братине, воевать с которым мне так и не довелось: он был убит в первом же бою. У однополчан он пользовался большим авторитетом и уважением. Хоронили его с воинскими почестями, и мне, как командиру, пришлось произносить речь на его могиле.

Я очень волновался, говорил весьма сумбурно — не потому что плохо знал капитана, а потому что из дивизиона уходил хороший человек, наш боевой товарищ.

Едва я освоился с новыми обязанностями, как полк придали 314-й стрелковой дивизии, которая с трудом продвигалась на запад. Немцы по-прежнему оказывали яростное сопротивление, дрались за каждый населенный пункт, за каждую высоту. Наши войска продолжали нести большие потери.

Дивизия остановилась перед очередным опорным пунктом. Стрелковые соседние части обошли его слева и справа, таким образом получился выступ в форме языка в нашу сторону. Этот «язык» предстояло срезать, чтобы дать возможность дивизии продвигаться дальше. Комдив, ткнув пальцем в карту, показал мне этот опорный пункт. Но тут возникла проблема: рядом находилась наша пехота, которую могли накрыть реактивные снаряды. Я объяснил комдиву о такой опасности, добавив при этом, что может пострадать и командный пункт дивизии, выдвинутый слишком далеко.

Стоявший рядом начальник штаба внес предложение:

— А что, если перед залпом пехоту спрятать в окопы? Тогда можно будет свести потери до минимума, да и до нашего КП метров восемьсот. Риск, конечно, есть, но мы находимся на фронте, и рисковать приходится всегда.

— Соглашайтесь, капитан, — поддержал комдив своего начальника штаба, — иначе опорный пункт нам не взять. А при штурме будут большие потери.

Я стоял в нерешительности. В моей практике стрелять приходилось и с ближнего, и дальнего расстояния, иногда мои батарейцы производили залп действительно с ювелирной точностью, поражая площадь в соответствии с установленными данными. Но тут случай особый. Надо было выстрелить так, чтобы разбить опорный пункт и не задеть свою пехоту. Впрочем, я уже так стрелял, только в артиллерийском дивизионе.

Вдруг слышу сердитый голос комдива:

— Капитан, у нас нет времени для размышлений. Решение тут принимаю я, значит, беру всю ответственность на себя!

Я понимал, что другого выхода быть не могло, но все же решил подстраховаться — приказал Гизетли подкорректировать исходные данные, увеличить дальность стрельбы еще на 500

метров. При этом предупредил начальника штаба, что залп ответственный и чтобы БМ наводили на цель, как малокалиберную винтовку в тире. Волновался страшно, ведь это была моя первая стрельба в роли командира дивизиона.

Когда все было готово, предупредил комдива. Он также решительно произнес: «Действуй, капитан!» Подаю команду: «Огонь!» Прогремели выстрелы, снаряды плавно сошли с направляющих и унеслись в небо. Через минуту-другую послышались разрывы, и образовавшаяся плотная воздушная волна докатилась до командного пункта, уложив всех наземь.

Я лежал рядом с комдивом и думал: «Неужели угодил по своим? Все, суда не миновать!» Наконец взрывы прекратились, и наступила тишина. Еще через минуту на КП все зашевелились, стали подниматься и отряхивать с себя пыль, кто-то нервно засмеялся, а кто-то даже бросил восторженно: «Вот так «катюша»!»

Поднялся комдив, сердито посмотрел на меня, словно задавая вопрос: «Что, паршивец, стукнул по своей пехоте?» Я стоял бледный, растерянный, в упадническом настроении…

Из полков стали поступать донесения о том, что снаряды разорвались рядом, разрывы никого не задели, но страху все натерпелись порядком. Опорный пункт не подает признаков жизни, молчит, значит, подавлен. Комдив повеселел, посмотрел на меня уже совсем другим взглядом, более доброжелательным, затем подошел, хлопнул по плечу и сказал только одно слово: «Молодец!» Тут же он насел на телефоны, требуя от командиров полков, пока немцы не очухались, поднимать батальоны в атаку. Вскоре опорный пункт был взят и дивизия полным ходом пошла вперед.

Предвидя конец войны, многие офицеры, особенно генералы, стали потихоньку обзаводиться барахлишком, все чаще сюда, в Германию, стали наведываться визитеры из различных московских ведомств и учреждений, которые под видом инспекторских поездок приезжали ради того, чтобы чем-нибудь поживиться — драгоценностями, машинами, картинами, коврами и прочим. Это была так называемая негласная «репарация».

На фронте началось повальное увлечение машинами. В СССР ведь личная машина считалась большой роскошью. Теперь каждый начальник считал вправе иметь свой легковой автомобиль, хотя он ему по штату и не положен. Нам, малым и средним командирам, военное ведомство машин, разумеется, не давало, их попросту приходилось экспроприировать у местного населения.

Признаться, и меня захватила «трофейная» лихорадка. У меня

было хобби — машины и ружья. Ко всему остальному — не лежала душа. У моего предшественника был хороший «опель», но его забрало более высокое начальство, хотя технический паспорт оставался в дивизионе. Есть документы, но нет машины. Вот и поставил я задачу перед командиром взвода управления — раздобыть для дивизиона легковой транспорт: не солидно командиру ездить на полуторке. Вспоминая то время, сам себе удивляюсь — не о престиже своем беспокоился, просто очень уж хотелось покататься на хорошей машине. Может, во мне говорило еще мальчишество — дескать, вот я каков!

При вступлении в какой-то небольшой городок (названия уже не помню) мои разведчики нашли в разбитом гараже «опель-кадет». Доложили мне. Я помчался посмотреть на трофей. За время войны я уже стал разбираться в машинах. С виду машина как машина, только на ней лежала обрушившаяся балка. «Опель» извлекли из-под обломков, осмотрели, оказалось, что он почти новый. Подогнали дивизионную летучку и быстренько отбуксировали машину в свое расположение. Слесаря-ремонтники обещали вмятину выправить, и «опель» снова будет сиять черной краской.

Действительно, машина выглядела так, словно только что сошла с конвейера. Ее тут же опробовали. Четырехцилиндровый двигатель работал мягко и ритмично. Но от такого вида машины у меня на душе заскребли кошки: вспомнил судьбу машины моего предшественника. Чего доброго, глянется какому-нибудь командиру полка или дивизии — и поминай как звали. Тут я распорядился достать другую краску, только не черную. Из летучки принесли зеленую краску, которой мы красили свои боевые машины. Взяв кисть, обмакнул сначала в краску, затем в грязный песок и через полчаса вымазал в этакий камуфляжный цвет наш «опель». Но и это меня не остановило. Взял молоток и сделал на кузове десятка полтора хороших вмятин. Мои мастера ахнули: души русских умельцев не могли выдержать такого варварства. Теперь это не «опель», а какая-то «антилопа-гну».

Закончив работу, я сказал своим изумленным зрителям: «Порядок! Теперь на нее никакое начальство не позарится!» Документы на машину у нас имелись, госзнаки сделать было не проблема, перебить номера на моторе и шасси для мастеров не составляло особого труда. «Опель-кадет» стал бегать на законном основании.

Наводить «марафет» на машине старался я все-таки не зря. Мои предположения о том, что машину могут отобрать вышестоящие начальники, подтвердились. На второй день в дивизион прикатил подполковник Ересько. Не успел я доложить о

состоянии дивизиона, как он, как бы между прочим, задал вопрос: «У тебя, кажется, появилась трофейная машина, не покажешь ли ее?» «Уже успели донести», — невольно подумал я. Но машину пришлось показать. Командир полка походил вокруг нее, потрогал пальцем еще не просохшую краску, открыл дверцу и заглянул внутрь салона, потом с улыбкой произнес: «А ты, братец, хитер. Ловко вышел из положения. Такую машину у тебя никто не заберет. Оставляй ее себе и катайся на здоровье!»

Так до конца войны я и колесил на своей «антилопе-гну» по дорогам Германии. Она меня никогда не подводила. Садясь в кабину, радовался своему «другу», был уверен, что он домчит меня туда, куда нужно. В общем, соображать надо не только в бою!

Наш дивизион вскоре отозвали из стрелковой дивизии, полк вышел во второй эшелон фронта и разместился в лесах восточнее реки Одер, где мы стали готовиться к боям за Берлин. В это время командующий ГМЧ фронта генерал-лейтенант Шамшин по каким-то своим соображениям решил подполковника Ересько назначить заместителем командира бригады, прислав на его место полковника Пуховкина. Ересько был толковым командиром, формально назначение для него означало повышение по службе, но самостоятельность он терял при любом раскладе дела. У себя в полку он был сам себе хозяин, а теперь придется выполнять приказания комбрига.

Пуховкин был полной противоположностью Ересько. Командиров, как известно, не выбирают, как в 1918 году, их назначают. С первого же дня новый командир стал «закручивать гайки» с помощью мата и грубых силовых приемов. Офицеры и солдаты сразу же невзлюбили его за фельдфебельские замашки.

Наступил апрель 1945 года. Дух победы над фашизмом уже витал в воздухе. Это чувствовалось в приподнятом настроении солдат, рвавшихся в бой, жаждущих поскорее закончить войну и вернуться на родину. Война уже осточертела всем.

Весна в Германии была в самом разгаре, цвели сады, а лес, в котором мы стояли, покрылся густой зеленью и хорошо маскировал нашу технику. Вся природа настраивала людей на мирный лад и даже расслабляла.

Заканчивалась подготовка к решающим боям. Пуховкин собрал командиров дивизионов и начальников служб полка. К нашему удивлению, сообщил, что в предстоящей Берлинской операции полк придается 1-й армии Войска Польского. Нам предстоит отправиться в штаб армии для получения боевой задачи.

С поляками мне пришлось заканчивать войну, поэтому

хотелось бы сказать несколько слов о польских формированиях на территории СССР. Еще в 1942 году, в трудную для нашего народа пору, из граждан польской национальности была сформирована польская армия в составе шести дивизий и танковой бригады под командованием Андерса. Этот генерал-изменник, подчиняясь эмигрантскому правительству в Лондоне, увел армию через границу в Иран.

В начале 1943 года под Рязанью родилась 1-я польская дивизия им. Костюшко, которую повел в бой ее командир Зигмунд Берлинг. Затем, на базе этой дивизии, была сформирована 1-я польская армия Войска Польского, воевавшая против немецко-фашистских захватчиков. Весь командный состав подбирался из советских офицеров, имевших польские фамилии или которые по происхождению были поляками. Даже известная писательница Ванда Василевская носила военную форму и имела чин полковника. В офицерском корпусе, прежде всего в штабах, слышалась в основном русская речь, а солдаты и младшие командиры разговаривали по-польски.

В ходе освобождения польских земель новые власти проводили мобилизацию местного населения для службы в польской армии. В одном из стрелковых полков 2-й польской армии проходил службу в должности командира взвода полковой разведки молодой поручик Ярузельский, будущий министр обороны Польши, а затем и первый секретарь Польской объединенной рабочей партии (ПОРП).

Прежде чем получить боевую задачу, мы успели пообщаться с некоторыми польскими офицерами. Обращала на себя внимание их форма — конфедератки с белыми орлами, различные нашивки, погоны с отличительными знаками солдат, офицеров и генералов. На боевых знаменах польских частей и в гербе страны тоже красовался белый орел.

Существовала даже легенда о белом орле, которую я узнал немного позже. Еще во времена польских королей из династии Пястов в их резиденции — городе Гнезен — возвышался большой дуб, в густых ветвях которого жил белый орел. Он был объявлен покровителем королевских семей, а со временем стал символом королевской власти.

Польские военнослужащие отдают друг другу честь как-то по-особенному — двумя пальцами правой руки, остальные сжаты в кулак. Обращаясь друг к другу, добавляют слово «пан» — «пан капитан», «пан поручик»… Нас, молодых офицеров, особенно заинтересовало обилие в польской армии девушек. Военная форма на них сидит ладно, и носят они ее с каким-то особым шиком.

Наше внимание привлекло еще и наличие в польской армии капелланов. Их деятельность мирно уживалась с работой политотделов. Полковой ксендз регулярно проводил богослужение с верующими жолнежами-католиками. Нам рассказывали, как в одном бою капеллан с крестом в одной руке и автоматом в другой, с возгласом: «Ще Польска не сгинела, с нами Бог и Матка-Боска!» поднял в атаку солдат своего полка и первым ворвался в окопы немцев, круша все на своем пути. За этот подвиг ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Разные люди были в польской армии — и патриоты, и проходимцы, но большинство тосковало по родине, по своему дому. Для таких марш Домбровского «Ще Польска не сгинела, поки мы жиеми» много значил.

Решением штаба 1-й польской армии наш дивизион придали 4-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Кеневич. Все вопросы взаимодействия мне предстояло решать с начальником штаба артиллерии подполковником Певишкисом, как оказалось тоже выпускником 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Только он закончил его раньше — в 1932 году. С Певишкисом мы сразу нашли общий язык.

Перейдя к делу, начальник штаба артиллерии быстро ввел меня в курс предстоящей операции, на карте указал район огневой позиции и наблюдательный пункт, а также цели, которые предстояло поразить с началом общей артиллерийской подготовки. Затем подполковник предложил перейти к неофициальной части нашей беседы. Он приказал ординарцу накрыть для нас стол. Мы выпили по рюмке коньяку, закусили отличной колбаской. Ординарец поставил на стол глиняный кувшин настоящей сметаны. Я такого лакомства не ел с самого начала войны. Интересоваться — откуда такой деликатес, было неудобно, но позже удалось узнать, что подполковник по всему фронту возил корову. Его шофер, он же — скотник, ухаживал за буренкой, отсюда на столе у начальника всегда были свежие молочные продукты. Вообще, подполковник, видимо, давно забыл о том, что он — русский офицер. Вельможный пан да и только — морда холеная, надменная, ходил всегда со стеком в руках и гордо поднятой головой, с нижними чинами разговаривал покровительственно и свысока.

К сожалению, не только у Певишкиса просматривались барские замашки, еще в большей степени им был подвержен командующий артиллерией Войска Польского русский генерал Чернявский, который после войны имел свои магазины в разных городах Польши, имения, скот, пахотную землю, на него работало несколько десятков, а может, и сотен крестьян. У генерала были

немалые доходы от своих владений. Ну, чем не заправский помещик, не ясновельможный пан? Кто-то все же «капнул» в ЦК КПСС, и пана Чернявского отозвали из Польши в СССР, все отобрали, наложили партийное взыскание, понизили в должности. Всплыл доблестный генерал командующим артиллерией Одесского военного округа.

Странные люди — эти польско-русские офицеры и генералы, с которыми в годы войны пришлось мне сталкиваться. Пожалуй, больше всех поразил меня комдив Кеневич — и своими габаритами, и бурной энергией, и обилием орденов на необъятной груди и… обжорством. После того как Певишкис ввел меня в апартаменты генерала, передо мной предстал человек-гора, выше среднего роста, с простым русским лицом, огромным животом, тройным подбородком и крупными мясистыми руками. Встретил он меня шумно, радостно, словно мы закадычные друзья. С ходу потащил к столу. Я сказал, что уже отобедал у Певишкиса, но генерал и знать ничего не хотел: быть негостеприимным ему не хотелось. Он сам открыл две банки рыбных консервов, толстыми ломтями нарезал хлеб, попросил адъютанта покрепче заварить чай.

Мы сидели за столом и оживленно беседовали о предстоящей операции, говорили о том, как лучше использовать наши реактивные установки при подавлении огневых точек противника. Я даже не заметил, как генерал за один присест «оприходовал» две банки консервов и буханку хлеба, запил все это несколькими стаканами чая и, как ни в чем не бывало, продолжал разговор. «Силен генерал, вот так аппетит!» — подумал я после того, как на столе не оказалось ни крошки. Позже Певишкис объяснил мне: генерал болен так называемым «волчьим аппетитом». Он мог съесть очень много пищи и в то же время остаться голодным.

Несмотря на некоторые странности Кеневича, мы все же с ним довольно плодотворно работали, он не был занудой, на командном пункте вел себя сдержанно, демократично, никогда никому не хамил, приказы отдавал ровно и даже, как мне казалось, весело.

Уже после войны, где-то в 1947 году, получив очередной отпуск, я уехал из Германии в Москву. Пошел в Большой театр смотреть балет с участием знаменитой Галины Улановой. В антракте неожиданно увидел сидевшего в первом ряду Кеневича. С ним была пожилая дама. Это был, конечно, не тот стремительный и энергичный генерал, а постаревший, осунувшийся человек, напоминавший футбольный мяч, из которого только что выпустили воздух. Судя по резкой перемене в его внешности, с ним что-то произошло. Хотя мы и воевали

вместе, мне, тогда еще майору, подходить к генералу было как-то неудобно: узнает ли? Больше с Кеневичем я никогда не встречался.

А в апреле 1945 года 1-я польская армия получила приказ сосредоточиться на плацдарме западного берега Одры, в районе местечка Хойны. Тут же сосредоточилась и 47-я советская армия. Обе армии получили приказ — огибая Берлин с севера, выйти к Эльбе, где встретиться с войсками союзников.

Гитлер в эти дни хвастливо заявлял, что он предвидит удар русских, но их встретит колоссальная сила, и Берлин навсегда останется немецким. Гитлер и его окружение, делая подобного рода заявления, исходили, скорее, не из реальной обстановки, а из желания поднять население Берлина на защиту города. Только все эти попытки на организацию сопротивления были обречены на провал.

В ночь с 15 на 16 апреля польская армия перешла в наступление. Наш дивизион скрытно занял боевой порядок на плацдарме и приготовился к стрельбе по намеченным целям. На наблюдательном пункте — обстановка напряженная, еще и еще раз проверялись исходные данные, телефонная и радиосвязь. Немцы изредка постреливали в нашу сторону, давая понять, что они тоже готовятся к бою.

Стало светать. В бинокль я осмотрел местность. Впереди виднелась возвышенность. Это система обороны гитлеровцев — ДОТы, ДЗОТы, пулеметные гнезда и зарытые в землю орудия. Это моя цель, которую в общем хоре артиллерийской подготовки мне предстояло поразить в ближайшее время.

На командный пункт 4-й пехотной дивизии прибыл командующий 1-й польской армией генерал-полковник Поплавский. Поздоровавшись с Кеневичем и присутствующими офицерами, он подошел ко мне, поинтересовался готовностью дивизиона к стрельбе, потребовал показать цели на карте и на местности. Мой доклад вполне удовлетворил генерала. Потом я его видел на передовой. Он ходил с небольшой охраной, шинель нараспашку, руки заложены за спину. На его кителе блестели русские и польские ордена. Генерал никогда не прятался при разрывах снарядов и мин, был спокоен и тверд даже в самой сложной обстановке.

Берлинская операция началась 16 апреля в 5 часов утра. Началась с мощнейшей артиллерийской и авиационной подготовки. Тысячи орудий и минометов в течение 30 минут били по переднему краю, сотни пикирующих бомбардировщиков сбрасывали на головы гитлеровцев свой смертоносный груз. Четыре залпа дал наш дивизион по заранее обозначенным целям.

Из своих укрытий в бой пошли танки и пехота. Противник огрызался, начали стрелять «ожившие» немецкие батареи, из засад показались танки. Еще залп «катюш», и польская пехота устремилась к новому очагу сопротивления немцев.

За сутки дивизия прошла около 15 километров, захватив город Врицен. Кажется, за последнее время противник не сражался так яростно, как в эти дни. Отступая, немцы взрывали мосты, минировали дороги, оставляли засады со специальными командами нацистов-смертников, вооруженных пулеметами и фаустпатронами. Эти сражались до последнего дыхания.

Дивизион шел за польской пехотой без сна и отдыха. Если пехотинцы вынуждены были залечь, я разворачивал свои батареи и давал залп. Иногда в день приходилось давать по 10–12 залпов. Такого мы еще не делали никогда. На последнем этапе войны снаряды не экономили — ни танкисты, ни артиллеристы, ни мы. Важно было любой ценой добить противника.

Отстрелявшись, я обычно менял позицию дивизиона и ждал новую команду Кеневича. В очередной раз произведя смену боевых порядков, я направился на командный пункт генерала, который размещался на чердаке большого каменного дома. Противник вел артиллерийский огонь, и снаряды рвались на противоположной стороне улицы. Пробираться пришлось мелкими перебежками, укрываясь за стенами зданий. За мной спешил ординарец. Совсем рядом разорвался очередной снаряд. Я оглянулся и увидел, что мой Вася лежит на земле, раскинув руки. Он был ранен. Оттащив бесчувственное тело Полеводина в безопасное место, я затем передал верного Санчо Панчеса польским санитарам.

К счастью, ранение оказалось не смертельным, осколок попал в бок, разорвал ткань, но не повредил внутренние органы. Васю перевязали, и он стал приходить в себя, еще не понимая, где он находится. Я понял, что для ординарца война закончилась. Придется расстаться. Понимал это и Василий. Приподняв голову с носилок, он с грустью произнес:

«Какая нелепость, товарищ капитан, получить осколок в конце войны. Жаль, что не увижу Берлин!»

Полеводин сожалел о том, что не увидит Берлин, я же сожалел о хорошем, честном парне, боевом товарище. В суете я так и не удосужился узнать его московский адрес и виню себя за это. На фронте как-то не принято было обмениваться домашними адресами, все жили одним днем, а что будет завтра, сам Бог об этом не ведал. Наверно, поэтому только после войны мы начали разыскивать своих фронтовых друзей.

Отправив ординарца в госпиталь, я снова закрутился в

будничных фронтовых делах. Кеневич определил новую цель — поселок, у которого залегла пехота. Опять сложилась такая ситуация, как в 314-й дивизии, когда огнем «катюш» приходилось срезать выступ в виде «языка». Тогда я особенно переживал, опасаясь за свою пехоту, которую могли задеть разорвавшиеся реактивные снаряды.

С первых же дней, когда я стал командовать установками БМ, меня все время тревожили конструктивные недостатки реактивных снарядов — огромный радиус рассеивания при взрывах. С Гиленковым мы обращались в артиллерийское управление по этому вопросу, но этот недостаток так и не был устранен до конца войны.

Я снова был поставлен в безвыходное положение. В бинокль осмотрел передний край. Польские пехотинцы окопались в километре от командного пункта. Решился все же шарахнуть: «Бог не выдаст, свинья не съест». Снова попросил Гизетли добавить в прицел лишних 500 метров, чтобы снаряды ушли с некоторым перелетом.

Все обошлось благополучно и на этот раз, снаряды угодили в цель, не причинив пехоте никакого вреда. На переднем крае бушевало пламя, дым черными клубами поднимался кверху. Надо думать, что от опорного пункта ничего не осталось. Вот только пехота, оглушенная взрывом снарядов, без всякой команды, пошла не вперед, а назад, в тыл. Такого еще не доводилось видеть. Пробежав с полкилометра, пехотинцы остановились, поняли, что их никто не преследует, повернули назад. Видимо, это была непроизвольная реакция на близкие разрывы снарядов «катюши».

Опорный пункт пал. Пленные из полицейской дивизии СС, оборонявшие этот район, рассказывали, что были потрясены силой и мощью залпа наших реактивных установок, и сопротивляться уже не могли. В этом я убедился и сам, подтягивая дивизион ближе к фронту. Опорный пункт выглядел так, словно по нему пронесся чудовищный ураган.

Дивизия Кеневича подходила к городу Ораниенбургу, находящемуся на расстоянии 30 километров от Берлина. Болотистая местность осталась позади, но путь преградила небольшая речка, мост через которую был взорван наполовину. Дивизион остановился. Еще издали было видно, как по берегу колобком катался Кеневич, отдавая приказания саперному батальону. Вскоре тут начались восстановительные работы, саперы стали забивать сваи и делать настил. На все это потребуется время, так что нам предоставлялась возможность немного отдохнуть. Я приказал начальнику штаба отогнать

установки в лесок, а сам с группой офицеров готов был расположиться где-нибудь на поляне и понежиться на солнышке.

Созерцать природу и отдыхать нам не пришлось: пожаловало «высокое» военное начальство — сам военный министр Польши Роля-Жимерский. Он был в кожаном пальто и конфедератке с маршальскими знаками отличия. Из машин вывалилась многочисленная свита: адъютанты, блестя многочисленными орденами и аксельбантами, штабные работники с папками в руках, порученцы. Подкатил Кеневич с докладом. Маршал подал руку комдиву, и они долго о чем-то беседовали.

Мы с интересом наблюдали за действом высоких чинов на берегу немецкой речки, полагая, что маршал приехал руководить ходом дальнейших боев. Но мы ошиблись. Он прибыл в дивизию Кеневича, чтобы самолично наградить отличившихся героев. После пятиминутного пребывания на фронте Роля-Жимерский потребовал представить ему список достойных. Не долго думая, Кеневич назвал всех, кто находился рядом с ним у моста, в первую очередь своих штабистов. Адъютант подал список маршалу, и тот начертал всего одно слово: «Наградить!».

Потом министр что-то сказал Кеневичу и без сопровождавших его адъютантов направился в кусты. Мы стояли рядом и думали, что министр подойдет к нам, чтобы побеседовать, поинтересоваться, как нам, советским офицерам, живется в составе польской армии. Не подошел. Оглядевшись, он справил малую нужду и вернулся к мосту. Мы пришли в замешательство от такого неожиданного поворота. Меня тут же потянуло на остроту: «Друзья, запомним этот исторический момент! Сегодня, 21 апреля 1945 года, Маршал Польши Роля-Жимерский лично «освятил» кусты на вражеской территории!» Последовал дружный взрыв смеха, и все взоры обратились к речке. Маршал между тем уже прощался с Кеневичем и его штабом, затем, сев в машину, укатил подальше от фронта. Мы поняли: так высокое военное начальство вносит «большой вклад» в боевые действия войск.

Наконец, мост был восстановлен, и пехота организованным порядком, побатальонно, перешла на другой берег реки. Танки речку перешли вброд. Теперь вся дивизия двинулась вперед, наверстывая упущенное время. За пехотой поспешили и наши БМ.

Немцы отступали по шоссейным дорогам, иногда на перекрестках образовывались огромные «пробки». Если авиация их засекала, то в действие вступала наша реактивная артиллерия. На открытой местности от «катюш» не было спасения.

Дивизия подошла к Ораниенбургу. Организовать прочную оборону немцы не успели, но на одной из окраин польские части встретили упорное сопротивление. Кеневич развернул полки, и

после непродолжительной артподготовки они ринулись в атаку, смяли противника и заставили его отступать. Здесь поляков поддержал 22-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Константинова. Нам же под Ораниенбургом даже не пришлось расчехлять свои боевые машины.

Дивизион занял боевые порядки на южной окраине города. Ораниенбург — страшное место. Здесь размещался известный концлагерь Заксенхаузен, в котором содержались узники из разных стран Европы. Рабский труд заключенных использовался на различных предприятиях, в том числе на металлургических, самолетостроительных, на испытательном полигоне самолетов-снарядов ФАУ на острове Узедом в Балтийском море. Через Заксенхаузен прошло более 200 000 узников, а тот, кто остался в живых и не попал в крематорий, больше походил на скелет, нежели на человека. День 22 апреля 1945 года стал незабываемым днем для узников этого лагеря, они получили свободу из рук польских и советских солдат.

После Ораниенбурга 4-я польская дивизия взяла направление на Эльбу. Бои еще продолжались, чаще всего они вспыхивали на дорогах, по которым, выйдя из лесов, отступали разрозненные немецкие части — пехотные, артиллерийские, минометные, отряды фольксштурма, учебных подразделений и даже тюремной охраны.

К вечеру 25 апреля части дивизии заняли очередной населенный пункт. Кеневич решил здесь переночевать, чтобы утром продолжить преследование противника. Со своим штабом он разместился в одном крыле каменного дома, в другом — команда артиллерийского полка, полковник Расков и мои управленцы. С полком Раскова мы шли бок о бок почти две недели, я даже успел подружиться с ним.

Артиллерист оказался мужем знаменитой летчицы Марины Михайловны Расковой, чье имя гремело в газетах в довоенное время. Инженер по профессии, он не был кадровым командиром, но как офицер запаса хорошо знал артиллерийское дело. В его манере отдавать приказы и распоряжения было что-то с «гражданки», но подчиненными они выполнялись четко и быстро: сказывался его авторитет среди личного состава полка. Когда выпадала свободная минута, мы с ним гуляли между его пушек и моих БМ, вспоминали довоенную жизнь. Полковник много рассказывал о своей жене, командире женского авиационного полка ночных бомбардировщиков, которая погибла в начале января 1943 года, о пятилетней дочери, показывал семейные фотографии.

Уже стало совсем темно, и мы после прогулки расстались,

разошлись по своим комнатам. Из открытого окна доносился запах сирени и каких-то не знакомых мне цветов. Я лег спать, как обычно, по-походному, сняв сапоги, расслабив ремни и расстегнув пуговицы гимнастерки. Было тихо, слышны лишь шаги часовых.

Проснулся я от сильного грохота, на голову с потолка сыпалась штукатурка, в темноте спросонья ничего не разобрать — что произошло. По коридору бегали мои офицеры, кто-то, схватившись за оружие, выпрыгнул в окно. На улице я столкнулся с часовым и спросил: «Кто стрелял?» Перепуганный часовой ответил: «Немцы, кто же еще!»

Надо было объявлять тревогу, но дальше стрельбы никакой не последовало. Кто-то зажег смоляной факел, стало уже легче разбираться в ночном происшествии. Было ясно, что на дом упал артиллерийский снаряд. И так случилось, что этот единственный снаряд угодил в дом, в котором размещались сразу три штаба. Можно было предположить, что выстрелил какой-нибудь сумасшедший немецкий артиллерист из леса, что виднелся недалеко от села.

В доме продолжали раздаваться крики о помощи и стоны раненых. Я бросился наверх, в комнату, где размещался Кеневич. Генерала нигде не было, лишь на стуле висел его мундир. Появился его адъютант. Вдвоем мы стали искать начальство. В доме уже вовсю шли работы по спасению пострадавших. Солдаты растаскивали бревна, балки, оконные рамы, выносили на улицу раненых и убитых. Одним из последних вынесли полковника Раскова. У него была разбита голова, видимо, скончался сразу, не мучаясь.

Между тем поиски Кеневича продолжались. Адъютант, с генеральским кителем в руках, бегал вокруг дома и спрашивал каждого встречного — не видал ли командира дивизии! Только когда стало светать, комдива нашли в подвале дома на противоположной стороне улицы, где размещался узел связи дивизии. Комдив, в одной рубахе и генеральских штанах, держал телефонную трубку и яростно распекал кого-то из своих подчиненных. При этом говорил на польском языке, но когда надо было ввернуть крутое словцо, переходил на русский.

Для многих так и осталось загадкой, когда генерал успел сюда прибежать? Скорее всего, это случилось сразу же после взрыва. В темноте никто не заметил, как Кеневич сиганул через окно и стал поднимать гарнизон, чтобы отразить атаку противника. Атака, к счастью, не состоялась, но шуму было много.

Раненых отправили в госпиталь, а погибших похоронили за

селом. Я долго стоял у свежих могил и думал о превратностях фронтовой судьбы.

Дивизия продолжала путь на запад, за ней шел наш дивизион. Командовать походной колонной я поручил начальнику штаба Гизетли. Во время ночного ЧП в дивизионе никто из моих подчиненных не пострадал, но смерть полковника Раскова никак не укладывалась у меня в голове. Надо же такому случиться — погибнуть в конце войны!

Вот уж поистине — пути Господни неисповедимы. На войне можно погибнуть от шальной пули, разорвавшегося снаряда или бомбы, а можно — и от реактивного снаряда, не успевшего сойти с направляющих. И такое бывало. Я, например, мог отдать Богу душу от своего хобби. На фронте у меня была небольшая коллекция ружей и пистолетов, которую постоянно возил с собой в походном «доме». Когда-то мой ординарец Василий Полеводин смастерил из дивизионной полуторки «ГАЗ» прекрасное жилище. Здесь все было: стол, две кровати, маленькая печка-буржуйка, даже умывальник. Хозяйственный ординарец где-то достал ковры и обил ими стены. На коврах у нас висели сабли, ножи, пистолеты разных систем и ружья.

Когда дивизион только что передали польской дивизии, я собрал на совещание своих офицеров. Пока ждали начальника штаба Гизетли, старший лейтенант Коган снял со стены револьвер образца 1895 года и начал крутить барабан и спускать курок, будучи уверенным, что оружие не заряжено. И вдруг раздался выстрел. Пуля прошла между командиром батареи Виленским и мною. Следовательно, кого-то из нас Коган мог ухлопать за милую душу. Недаром говорят, что даже незаряженное ружье когда-то должно выстрелить. Впрочем, пуля — дура, а жизнь дается один раз. Бог миловал — ни под пулю, ни под снаряд я не попал, хотя, если вспомнить, в каких только передрягах не побывал!

Последние бои в Берлине были не менее ожесточенными, чем на Висле и Одере, но дивизия их выдержала с честью. Кеневич использовал дивизион на полную катушку. Во время общего штурма Берлина нам постоянно приходилось применять убойную силу своих реактивных установок, давать залпы по несколько раз в день. Рядом с нами сражались мои боевые товарищи из 1-й гвардейской танковой армии. 29–30 апреля развернулись ожесточенные бои в самом центре германской столицы. Они шли в районе Зоологического сада, парка Тиргартен, у Потсдамского и Ангальтского железнодорожного вокзалов, у дворца рейхсканцелярии. 1-я польская армия и танки Катукова, выйдя к Спортплощадке, отрезали юго-западную немецкую группировку

от северо-восточной.

30 апреля Гитлер, видя безвыходность своего положения, покончил жизнь самоубийством. Об этом сообщил начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс, прибывший на КП 8-й армии генерала Чуйкова для переговоров. Он предлагал заключить перемирие. Ему дали понять, что ни о каком перемирии речи быть не может, вермахт должен полностью капитулировать. Вечером в тот же день был взят рейхстаг, над ним взвилось знамя Победы.

После смерти Гитлера новое германское правительство отвергло требование советского Верховного Командования о полной и безоговорочной капитуляции, и бои возобновились с новой силой. Последний раз я выводил свой дивизион РС на огневую позицию в районе Спортплощадки. Дав несколько залпов по укрепленным позициям немцев, батареи ушли под прикрытие массивных зданий, находящихся в руках пехотинцев.

Только в 2 часа ночи в соответствии с приказом начальника Берлинского гарнизона генерала Вейдлинга радиостанции штаба берлинской обороны объявили о прекращении военных действий. Берлин пал. 70 000 солдат и офицеров вермахта сложили оружие. 3 мая 1945 года польская пехотная дивизия вышла к реке Эльбе и соединилась с войсками союзников. Мы тогда пообщались с американскими солдатами и офицерами, помнится, много говорили о дружбе, о воинском братстве, обменивались сувенирами.

После падения Берлина немецкая армия капитулировала, и мы считали, что больше стрелять нам не придется. Но получилось так, что при переводе дивизиона в местечко Науен пришлось выдержать бой с хорошо вооруженным батальоном, вышедшим из лесов. Приказ Вейдлинга медленно доходил до отдельных немецких частей и подразделений, а некоторые командиры его вообще проигнорировали и уводили свои части на запад в американскую и английскую зону оккупации, предпочитая сдаваться нашим союзникам.

С батальоном мы столкнулись совершенно неожиданно. Откуда он появился, черт его знает, может, шатался по лесам как неприкаянный, и его командиры действительно не знали о приказе Вейдлинга. Реактивные установки нам не пришлось применять, немецкую часть расстреляли артиллеристы, шедшие следом за нами.

Этот случай нас многому научил. Как только прекратились бои, все просто ополоумели, ошалели от радости, что война закончена. Солдаты и офицеры ходили словно хмельные, потеряв всякую бдительность.

К этому времени наш полк уже вышел из подчинения польской армии, которая собиралась убыть на родину. Меня вызвал в штаб артиллерии Певишкис. Совместно мы подвели итоги боевой деятельности дивизиона в составе 4-й польской пехотной дивизии. Потом подполковник объявил, что за успешные действия в Берлинской операции я представлен к польскому ордену «Виртути Милитари» и показал мне наградной лист, который, с одобрения генерала Кеневича, он посылает в штаб армии. Но поскольку существует определенный порядок награждения, к этому листу надо было приложить еще и отзыв о действиях дивизиона в этой операции.

Певишкис попросил меня указать перечень боев, в которых участвовал дивизион в апреле-мае 1945 года. Что я и сделал, только еще вписал своих батарейцев, отличившихся в этих боях, рассчитывая на то, что кто-то из них, кроме меня, тоже будет представлен к польской награде.

Почитав мой листок, подполковник хмыкнул и сказал, что все мною написанное не отражает остроты момента и слишком скромно. В штабе у них другое мнение. «Через часок, капитан, зайдите ко мне, я тут кое-что подработаю», — предложил мне Певишкис.

Когда я снова вошел в штаб, документ уже был готов, отпечатанный на машинке. Пробегая глазами по строчкам, я занервничал. Подполковник это заметил.

— Что-то не так? — спросил он.

— Кажется, тут немного преувеличены мои личные заслуги, — ответил я. — Все это надо отнести на счет дивизиона.

Певишкис стоял на своем:

— Мы правильно оценили работу — и вашу, и вашего дивизиона. Так что, капитан, большое вам спасибо.

После такой трогательной беседы подполковник угостил меня хорошим коньяком, и мы расстались, довольные друг другом.

От Певишкиса я направился к полковнику Пуховкину с докладом об окончании боевых действий в составе 4-й польской дивизии. Тот выслушал меня, единственное о чем спросил — имеет ли польское командование какие-либо претензии к действиям дивизиона РС? Я вынул из полевой сумки копию документа, подписанного подполковником Певишкисом, и положил на стол. Прочитав отзыв, Пуховкин изрек:

— Ну ты, Демидов, и даешь!

Кроме лестных слов в мой адрес, в отзыве было написано, что дивизион уничтожил до 3000 солдат и офицеров противника, 300 автомашин, 100 повозок, более сотни орудий и минометов, много

ДОТов, ДЗОТов и других укрепленных сооружений. Много это или мало? Я не считал. Знал одно: после каждого залпа «катюш» поле боя становилось мертвым полем.

И все же, несмотря на неприязненное ко мне отношение, Пуховкин представил меня за Берлинскую операцию к полководческому ордену Александра Невского.

Где-то в середине мая командир полка Пуховкин предложил офицерам осмотреть поверженный Берлин, все дружно воскликнули:

— А что, предложение дельное! Осмотреть германскую столицу нам не помешает. Каждый из нас мечтал попасть сюда целых четыре года!

На следующий день колонна машин вышла из Науена и направилась в Берлин. Нам представилась возможность увидеть город не через оптику бинокля или стереотрубы, не в дыму и огне, а когда уже не стреляли пушки и очаги пожаров были ликвидированы. Приятного мало рассматривать развалины большого европейского города, но это были исторические развалины, на них следовало посмотреть, чтобы потом рассказать о них своим детям и внукам.

Картина разрушений, конечно, не ласкала глаз: дома-скелеты с выбитыми стеклами, уничтоженные в парках деревья, на улицах сгоревшие машины, подбитые пушки, танки.

Я все время глазами искал «тридцатьчетверку» из армии Катукова, о которой на днях писала газета «Красная Звезда»: «И эта старая боевая машина с обожженными бортами, ромбом на башне, машина 1-й гвардейской танковой бригады, стояла на перекрестке берлинских улиц и утром 2 мая, когда мимо нее брели, тяжело ступая по земле, немецкие солдаты и офицеры и среди них генерал с сухим, черствым выражением лица. Это была последняя встреча танкистов 1-й гвардейской бригады с немецким генералом Вейдлингом».

Позже я видел эти машины, и мне немного взгрустнулось. Быть может, это танки капитана Бочковского, батальон которого нам часто приходилось сопровождать при наступлении на Берлин?

У рейхстага — основной цели нашей поездки — плескалось человеческое море: здесь были солдаты и офицеры советской, американской, английской и французской армий. Американцы уже делали свой традиционный бизнес: торговали сигаретами, продуктами, одеждой, оружием, автомашинами. При желании можно было, наверно, купить и танк. У какого-то здоровенного американского сержанта я купил фотоаппарат «лейку» — самую популярную во время войны фотокамеру. Она и сейчас у меня

хранится, как память о тех незабываемых днях.

Осмотрев Бранденбургские ворота, находящиеся от рейхстага метрах в двухстах, мы направились к парку Тиргартен. От парка, пожалуй, осталось одно название, в нем и деревьев-то почти не было — одни пеньки. Потом прошлись по самой большой и широкой улице Берлина — Унтер ден Линден, которая, как и парк Тиргартен, была усеяна воронками от взрывов бомб и снарядов, словно кратерами на лунной поверхности.

Осмотрев Берлин, мы снова вернулись к рейхстагу, чтобы еще раз полюбоваться на его обугленные своды и побывать внутри здания. Мы оставили свои автографы, сфотографировались на память и уехали из Берлина с каким-то двойным чувством: с одной стороны, с чувством сожаления о разрушенном городе (мы в этом не виноваты!), а с другой — с чувством исполненного долга. Пусть теперь потомки во всем разбираются и делают выводы!

Всякий раз, вспоминая Берлин 1945 года, вспоминаю и великолепные стихи поэта Николая Тихонова:

Под арками обугленного свода,
В какой-то первозданной тишине,
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене…
Открыто все свое писали имя,
Чтоб знали люди будущих времен,
Что подвиг сей, свершенный всеми ими,
Во имя человечества свершен.

В Науне мы привыкали к мирной жизни. Еще, правда, продолжали поступать приказы не расслабляться, по-боевому нести службу, в любую минуту быть готовым к боевым действиям, но они уже не играли той дисциплинирующей роли, какую играли в походной жизни. Солдаты несли караульную службу, ухаживали за техникой, как говорят на флоте, «проворачивали механизмы», чтобы не застаивались.

Мои разведчики раздобыли новый «опель-адмирал», машину отремонтировали и теперь обкатывали в расположении дивизиона. Машина, как и прежний мой «опель», оказалась вполне пригодной для эксплуатации. Я, конечно, понимал, что у меня ее все равно отнимут: недаром на нее посматривал командующий артиллерией польской армии генерал Чернявский.

Посоветовавшись с офицерами дивизиона, я решил: нежели отдавать машину поляку, лучше сделать презент полковнику Пуховкину.

Полковник был тронут до глубины души, когда получил от нашего дивизиона такой щедрый подарок, даже прослезился. Он покатался на «опеле» и, подрулив к штабу, произнес: «Вот это машина, я понимаю. Спасибо, ребята!»

Только и Пуховкину недолго пришлось ездить на «опель-адмирале». Генерал-хапуга Чернявский не оставлял мысли завладеть этой машиной. А когда полковник объяснил, что это — подарок друзей и он не может никому отдавать машину, генерал лишил польских наград весь 41-й минометный полк. Машину, в конце концов, все же перехватил прилетевший из Москвы командующий ГМЧ Красной армии генерал-лейтенант Дегтярев. Это был такой же хапуга, как и Чернявский.

Пуховкин потом со слезой на глазах рассказывал: «Приехал я с докладом к Дегтяреву. И черт меня дернул, поставить своего красавца-»адмирала» перед штабом. Узнав, что машина принадлежит мне, генерал язвительно заметил: «Не по чину имеешь такую машину, полковник. Оставишь ее здесь, а домой тебя доставит полуторка. Все. До свидания!» Мне ничего не оставалось делать, как сказать: «Есть!» и катить в полк на полуторке».

Жалко нам было «опель-адмирал», его с такой любовью приводили в надлежащий вид наши специалисты. Уж очень хотелось, чтобы машина осталась в полку. Погоревали мы немного и успокоились: свет клином не сошелся на машине. Впереди у нас был большой праздник — официальное объявление окончания войны.

День 9 мая 1945 года стал историческим днем. Полк, отдыхавший после ратных дел, неожиданно был разбужен отчаянной стрельбой. Я, было, подумал, что опять какая-нибудь «блуждающая» часть напала на наш дивизион, и готов был объявить тревогу. Но меня уже опередили. Начальник разведки полка капитан Молчанов приказал дивизионам занять круговую оборону.

Потянулись минуты тревожного ожидания. Стрельба не утихала, а, наоборот, усиливалась. Наконец, на шоссе появилась машина с нашими разведчиками. В кузове полуторки стояли солдаты, они махали пилотками, палили в воздух из автоматов. Машина подлетела к штабу полка и остановилась. Выскочивший из кабины лейтенант радостно произнес: «Победа! Война окончена!»

И тут началось что-то невообразимое: наверно, каждый осознал, что свершился исторический факт, закончилась страшная бойня. Вверх полетели пилотки, фуражки, бойцы бросились в пляс, кто-то, опустившись на колени, заплакал. Но

это были слезы радости. Радость била ключом, она вырвалась бурным потоком и превратилась во всеобщее ликование. Эту новость он узнал от частей, совершающих марш и стрелявших в воздух по этому поводу.

Офицеры сгрудились вокруг начальника разведки Николая Молчанова, пытаясь выведать последние фронтовые новости. Но он, видимо, располагал такой же информацией, как и мы, поэтому попросил не торопить события:

— Товарищи командиры, сегодня должен возвратиться Пуховкин из штаба ГМЧ, тогда и послушаем его. А пока сообщите эту весть своим солдатам.

Хорошая или плохая весть в армейской среде распространяется, как в деревне, довольно быстро. Когда я попытался построить личный состав, чтобы поздравить всех с окончанием воины, с Победой, где там — никто ничего не хотел слушать, солдаты продолжали танцевать, палили в воздух из всех видов стрелкового оружия. Попытки навести хотя бы какой-то порядок в дивизионе успеха не имели, и я, махнув рукой, вытащил свой пистолет и с удовольствием выпустил всю обойму. Ночь прошла волнительно. Утром полковник Пуховкин сообщил о том, что 9 мая в местечке Карлхорст (пригород Берлина) генерал-фельдмаршал Кейтель от имени Германии подписал акт о безоговорочной капитуляции. От имени советского правительства капитуляцию принял маршал Жуков.

И еще одна приятная новость — в газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая праздником Победы. В указе говорилось:

> «В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной армии, увенчавших полный разгром гитлеровской Германии, заявившей о полной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества — праздником Победы. 9 мая считать нерабочим днем.
>
> Москва, Кремль.
> 8 мая 1945 г.
>
> *Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин*
>
> *Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин».*[52]

Итак, Великая Отечественная война закончилась победой Красной армии и наших союзников. Это была самая тяжелая и самая кровопролитная из всех мировых войн. Она унесла около 27 миллионов жизней советских людей.

В тот же день полковник Пуховкин объявил, что офицеры полка приглашаются на торжественный обед по случаю победы над гитлеровской Германией. Из резервов полка выделялось спиртное и все, что могло служить закуской.

Хозяйственники расстарались. В лесу, на поляне, накрыли столы. Хрустальных кубков и царских приборов, конечно, не было, но солдатскую миску, кружку или граненый стакан обеспечили каждому. Трофейных продуктов тоже не пожалели. Хуже дело оказалось с выпивкой. На стол был поставлен спирт-сырец и в графинах слабое красное вино.

Всю войну я «героически» сопротивлялся алкоголю, даже редко выпивал свои сто «наркомовских» грамм, а сливал их во фляжку и потом угощал друзей. Меня часто спрашивали — почему не пью? Отвечал — только после войны. Напьюсь обязательно.

Теперь свое обещание надо было выполнить: все-таки, несмотря на такие военные передряги, в которые я попадал, остался жив. Правда, я не знал, каков бываю в пьяном виде, поэтому приказал шоферу и ординарцу в этот день ни капли не брать в рот спиртного, следить за мной, как бы я чего-нибудь не выкинул. В последующие дни они могут позволить себе расслабиться.

В три часа дня нас принял лесной «ресторан». Как и положено, первый тост произнес командир полка Пуховкин. Он говорил об исторической победе советского народа в Великой Отечественной войне, о нашем солдате, который, выдержав все испытания, дошел до Берлина. Мы выпили за Победу, говорили спичи, тосты, экспромты и снова пили. Это уже был не торжественный обед, а настоящая русская пьянка.

По неопытности, я налил себе полстакана спирта и разбавил его вином, получилась адская смесь с отвратительным запахом. Но одолел ее, мобилизовав все моральные и физические силы. По нутру прошел огненный смерч, не подсунь мне начальник штаба Гизетли соленый огурец, я, наверно, умер бы от удушья. Закусив старым салом, потом уже пил вино из маленькой рюмочки. Подходили друзья, предлагали выпить — кто за Победу, кто за дом родной, а кто просто так, чтобы только выпить. В конце концов я уже с трудом держался на ногах.

Туманно помню, что кто-то предложил сфотографироваться на память, запечатлеть, так сказать, историческую пьянку в

науенском лесу. Помню, что из-за стола мы выходили вместе с Гизетли, потом целовались, говорили друг другу хорошие слова. Начальник штаба пошел фотографироваться, а у меня под ногами разверзлась земля, в глазах появились цветные круги, деревья заплясали, и я, отключившись, упал…

Очнувшись, не понял, где нахожусь. В голове стоял шум и звон, как будто я целый день стрелял из крупнокалиберного орудия. В теле ломота, не пошевелить ни рукой ни ногой. Наконец, сообразил, что нахожусь у себя в машине. Позвал ординарца. С его помощью удалось спуститься на землю. После того как я умылся, шофер подал мне пол стакана водки, сказав коротко: «После пьянки положено опохмелиться». Водку выпил, поел с неохотой.

Придя в себя, спросил ординарца: «Когда же я отключился?» Тот улыбнулся и рассказал, что я еще после застолья ходил в бой. Выйдя из-за стола, сначала что-то бормотал себе под нос, потом начал с кем-то спорить. Откуда-то взялись силы, и я, вытащив воображаемый пистолет из кобуры (настоящий пистолет изъяли мои бдительные стражи), с криком «Ура!» бросился в атаку на деревья, приняв их за немцев. Сделав с десяток шагов, упал на траву и… захрапел.

Мое бесчувственное тело ординарец и шофер отнесли в машину и уложили на кровать. Так мне довелось совершить на германской земле свой последний «героический» подвиг. Так закончилась для меня Великая Отечественная война.

В заключение хотелось бы сказать еще несколько слов. Война закончилась, а жизнь продолжалась. Первые послевоенные дни прошли как во сне. Все ходили возбужденные, радостные, немного обалдевшие, никто ничего не делал, каждый занимался тем, чем душеньке было угодно. Сбившись в группы, солдаты и офицеры вели бесконечные разговоры о демобилизации, о скорой встрече с родными и близкими, строили жизненные планы. Тот, кто был похитрее и порасторопнее, разными способами стал добывать трофеи — что-то хотелось увезти домой из распроклятой Германии. Офицеры, призванные из запаса, мечтали побыстрее вернуться к своей основной профессии. На распутье находились кадровые офицеры. Они понимали, что армия в скором времени будет сокращена, и судьба их останется неясной, зыбкой. Лично мне повезло — остался в кадрах и продолжал служить в советской армии.

Глава XII
На службе Родине

Отпраздновав день Победы, мы зачехлили свои боевые установки в полной уверенности в том, что нам уже больше не придется стрелять на земле Германии. Обе воюющие стороны — и мы, и немцы — за четыре года войны настрелялись вдоволь.

Разгромив фашистскую Германию, победители не спешили выводить свои войска. Германия была поделена на четыре зоны оккупации: советскую, включая Восточную Пруссию, английскую (северо-запад), США (юго-запад), французскую (часть зоны США и Англии).

Территория Берлина, или, как его еще называли, — Большого Берлина, тоже делилась на зоны оккупации.

Верховная власть в Германии осуществлялась Контрольным советом, в который входили главнокомандующие оккупационными войсками четырех зон оккупации. Совет решал все военные, экономические и политические вопросы на основе инструкций, получаемых каждым главнокомандующим от своего правительства. Для управления районами Большего Берлина создавалась межсоюзническая военная комендатура.

В ходе войны промышленность Германии была разрушена, экономика полностью парализована. Немцы испытали то, что испытали наши люди в период оккупации. Проблема продовольственного снабжения стала самой острой в стране. Сразу же после капитуляции Германии, в Берлин приехал заместитель председателя Совнаркома СССР А. И. Микоян, обсуждавший с представителями советской военной администрации и немецкими антифашистами вопрос об обеспечении Берлина, Дрездена и других городов продовольствием. С 17 мая в Берлине уже действовало городское самоуправление. Позже такие органы управления стали создаваться повсеместно и в советской зоне оккупации.

Много вопросов по развитию демократических принципов послевоенного устройства в Германии решила Потсдамская конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 года. Проделана была огромная работа по разоружению и демилитаризации германской промышленности, которая могла быть использована для воссоздания военного производства, ликвидированы сухопутные, воздушные и морские силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями и штабами, уничтожена национал-социалистская партия и ее

филиалы, распущены все нацистские учреждения.

Однако, несмотря на разгром вермахта, еще существовала опасность возрождения фашизма. Это понимало советское правительство, понимали это и наши союзники. На территории Германии по-прежнему оставались войска стран-победительниц. Наши войска, находящиеся в советской зоне оккупации, стали называться Группой советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), а я — командир 1-го дивизиона 41-го минометного полка «катюш» майор Демидов — оккупантом.

Полк уже жил мирной жизнью. На окраине Науена мы построили военный городок, сложили оружие в пирамиды, сдали под охрану приборы для стрельбы и другое военное имущество. Позади палаток и землянок стройными рядами стояли наши боевые машины. Солдаты и офицеры ждали решения судьбы своего полка и потихоньку готовились к демобилизации.

Воинскую службу никто не отменял, полк жил по законам мирного времени, но по уставам, принятым в Красной армии. Чтобы поддерживать соответствующий уровень боеготовности и дисциплины, командование гвардейских минометных частей (ГМЧ) решило провести смотр своих полков. Начальник штаба 41-го минометного полка подполковник Пинскер уведомил меня:

— 1-й дивизион на смотре пойдет первым, на него будет равняться весь полк. Так что, Демидов, надо постараться, чтобы не ударить в грязь лицом перед генералом Шамшиным.

Времени для подготовки к строевому смотру не оставалось совсем, но дивизион я сразу же привел в движение. Солдаты стриглись, мылись, стирали обмундирование, наводили блеск на сапогах. Удалось даже провести несколько занятий по строевой подготовке.

В назначенный день на лесную поляну недалеко от нашего городка были выведены все полки резерва Главнокомандования РС. Построена деревянная трибуна, с которой нас будет обозревать высокое начальство и потом давать оценку каждому полку.

Наконец построение закончено. На правом фланге нашего полка стоял полковник Пуховкин и «ел глазами начальство». На трибуну поднялся командующий ГМЧ генерал-лейтенант Шамшин. В своей приветственной речи он напомнил об исторической победе советского народа в Великой Отечественной войне и роли реактивной артиллерии в разгроме крупных группировок вермахта на всех фронтах.

И вот начался смотр. Мой дивизион старался, как мог, печатать шаг, но все же я чувствовал, что батареи прошли плохо. Да и могло ли быть лучше: во-первых, некогда было готовиться,

во-вторых; какая могла быть выправка у солдата, которого только что призвали в армию? Но в батареях были еще и такие солдаты, которые давно выслужили свой срок и за их плечами по шесть десятков лет. Такая картина наблюдалась не только в 41-м гвардейском минометном полку, но и в других таких же полках.

И все же я остался доволен — не самим смотром, своего рода показухой, а тем, что в 312-м полку, который принимал участие в этом параде, увидел своего товарища, тоже выпускника Ленинградского артиллерийского училища, Мишу Рякимова. Он шел рядом со своим командиром, гордо подняв голову и лихо выбрасывая вперед длинные ноги. Значит, жив курилка. После смотра разыскал его. Ну как не обрадоваться такой встрече?

Обнялись, расцеловались, договорились о новой встрече. Рякимов спешил, и я успел лишь узнать, что войну он закончил начальником штаба полка. Теперь нас трое «эрэсовцев» — Юра Гиленков, Миша Рякимов и я.

На следующий день, отдав необходимые распоряжения по дивизиону, я уехал в 312-й полк к Рякимову. Миша встретил меня радушно, пригласил в свою штабную машину. За рюмочкой хорошего трофейного вина мы изливали друг другу свои души. Ведь не виделись все четыре года после выпуска из училища. Пока Миша рассказывал о своих фронтовых буднях, в походное жилище постучался его приятель, командир дивизиона. Рякимов сразу же представил вошедшего майора:

— Знакомься, Петя, мой лучший друг Владимир Казаков.

Я встал, протянул руку, офицер улыбнулся и в ответ подал мне руку. Он сразу же сообразил, что у нас приятельский разговор, выпил рюмку вина и сказал:

— Зайду попозже.

Когда за Казаковым закрылась дверь. Рякимов спросил:

— Ты знаешь, с кем познакомился?

— С майором Казаковым, — ответил я, — командиром дивизиона.

— Правильно, — подтвердил Миша, — только этот майор — сын генерал-полковника Казакова, командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта. Хороший офицер, за папину спину никогда не прятался, воевал не хуже других, имеет награды, а вот, поступая в артиллерийскую академию, спасовал, говорит, за годы войны все позабыл, даже школьную программу.

— Ничего, ему папа поможет, — возразил я. — С протекцией такого родителя куда угодно можно поступить.

— Все верно, — согласился Рякимов, — только генерал Казаков — не из тех, кто на это пойдет. Таких сейчас мало.

Мы поговорили о майоре Казакове, об офицерах, выпускниках

нашего училища, остались довольны встречей. Договорились: в следующий раз пригласить и Юру Гиленкова, который продолжал служить в танковой армии Катукова.

Наш полк перебрасывали с одного места на другое, пока мы не обосновались в небольшом городке Зальцведель. Нам были предоставлены бывшие немецкие казармы, где жилищные условия были значительно лучше и комфортнее, чем в палаточном городке. Мой новый ординарец Николай Титаренко раздобыл где-то мотоцикл и велосипед, что позволяло иногда совершать прогулки в другие районы города или в лес. Мотоцикл, кстати, мог развивать приличную скорость, и я в часы отдыха садился на него и, выжимая из машины все лошадиные силы, птицей летел по шоссе. В общем, лихачил. Во мне говорили тогда молодость, бесшабашность, презрение ко всякой опасности. Как-то остановил меня хирург госпиталя, размещавшегося напротив наших казарм, майор Вихров и зло пошутил:

— Когда же ты, Демидов, свернешь себе шею и попадешь ко мне на операционный стол?

— Никогда! — ответил я и умчался дальше.

Вскоре стало известно о приказе маршала Жукова, предоставляющем военнослужащим ГСОВГ отпуск на родину. Я сразу же помчался к Пуховкину. Полковник и сам подумывал о том, как бы вырваться из Берлина в Москву, но сделать это командиру полка было гораздо сложнее, чем, скажем, командиру дивизиона. Приказ на меня он все же написал, видимо, помнил мою доброту, когда я преподнес ему в подарок машину «опель-адмирал».

Я оказался в числе пятнадцати счастливчиков полка, уезжающих в отпуск. Простился с Пуховкиным, который дал мне московский номер телефона своей жены и попросил сообщить, что скоро приедет в отпуск. Собрав нехитрые пожитки в чемодан, я быстро направился на вокзал. Оказывается, пассажирского сообщения, как такового, еще не существовало, ходили только спецпоезда с высоким начальством да эшелоны с военными грузами. Отпускники быстро создали «группу захвата» и отбили теплушку в эшелоне. С комфортом разместились на нарах, по крайней мере, на них можно было поспать. Тут еще моряки, группа человек десять, тоже стали претендовать на наш «телятник», но было уже поздно, места заняты, так что флотским пришлось довольствоваться крышей вагона.

Когда поезд тронулся, я обратил внимание на своих попутчиков. Все это были заслуженные офицеры и солдаты. У каждого на груди по пять-семь орденов и медалей. Одних только Героев Советского Союза насчитал больше двух десятков человек.

Вот это контингент!

Не без приключений добрались до Бреста, но тут на нашу беду по чьему-то распоряжению комендант станции угнал наш паровоз. Что тут началось! Отпускники взбунтовались, они готовы были растерзать коменданта на куски, и, если бы он не вернул паровоз, так бы, наверно, и сделали. Через полчаса наш состав уже весело стучал колесами на стыках, словно повторял: «В Москву, в Москву!»

Вот и столица нашей Родины, которую многие из нас не видели уже несколько лет. Было воскресенье, середина дня. На пригородных станциях толпилось много народа. При виде необычного поезда с фронтовиками, москвичи радостно приветствовали нас — ведь это был первый после войны эшелон с отпускниками. Белорусский вокзал бурлил, как в довоенное время. Солдаты и офицеры покинули гостеприимные теплушки, стали прощаться, дальше каждый добирался до своего дома самостоятельно. Я перешел на другую платформу, сел в электричку и отправился на станцию «Текстильщики», где жила моя сестра Мотя.

Матрена Михайловна жила с четырьмя детьми в доме барачного типа, ожидая с войны своего мужа Трофима Федоровича Терешина. Моему столь неожиданному появлению страшно обрадовалась и, чисто по-женски всплеснув руками, бросилась обнимать меня, причитая:

— Ну, слава Богу, жив и здоров. Мы тут заждались фронтовиков. Не видал ли где Трофима моего?

— Нет, не видал. Ты не беспокойся, сестра, раз война закончилась, вернется скоро твой Трофим Федорович.

Умывшись и переодевшись с дороги, я слушал сестру, сильно постаревшую за годы войны, видать, тяжело пришлось ей одной растить детей. Жаловалась на старшего сына Александра, который хотя и закончил десять классов, но так и не нашел еще своего места в жизни, стал выпивать, хулиганил, общался с такими же дворовыми ребятами, как сам, гулял напропалую с местными девицами.

— Ты бы, Петя, как-то повлиял на Сашу, — просила Мотя, совершенно расстроенная. — Ему скоро в армию, но очень боюсь, что до возвращения отца сорвется на чем-нибудь, тогда беды не миновать.

Саша оказался сообразительным и неглупым парнем, вот только не доглядела Матрена Михайловна за сыном, упустила что-то в его воспитании. Ее можно было понять: еще трое детей требовали родительского присмотра. Но с Сашей я уже с первых дней нашел общий язык, мы с ним стали наносить визиты моим

родственникам. Побывали на даче у старшего брата Михаила в Монино, потом навестили еще одного брата Тимофея. Я рассказал Саше о том, что в рязанской деревне Захаровке есть у него тетка Марфа, моя сестра, которую он наверняка никогда не видел, и предложил поехать к ней. Племянник воспринял это предложение с большим интересом.

На Рязанщине нас встречала Марфа с большим своим выводком — шестерыми детьми — и моя мама, которая еще не успела перебраться в Ленинград. Сколько было радости! Пять дней мы гостили в Захаровке, пять дней наслаждались деревенской жизнью. Деревня за время войны обезлюдела, ее население уменьшилось наполовину. Одних разбросало военное лихолетье, других — сама жизнь. Жители колхозной деревни не имели паспортов, но это не мешало им уходить в города и пополнять ряды пролетариев.

Я повел Сашу на улицу Небышко, показал родительский дом. Здесь тоже многое изменилось, в доме жили незнакомые мне люди, поселившиеся в конце войны. Лишь три дерева — березы, посаженные еще отцом — стояли как на смотре и шумели зеленой листвой.

Погостив в деревне, мы с племянником вернулись в Москву. Мотя снова заговорила о судьбе сына, она неожиданно предложила забрать его с собой, дескать, ему все равно скоро в армию, а если парень будет пристроен к какому-нибудь делу, а потом отслужит в армии, из него может получиться толк.

Такая фантазия может прийти в голову только женщине. А почему бы и нет? Я не забыл, как мой командир Василий Власенко привез в танковую армию своего младшего брата Григория, у которого тоже был призывной возраст. Но тогда был 1946-й год, и дело было на Украине. А тут сестра предлагает увезти племянника за границу. Но это невозможно без документов. Вот тут Мотя проявила характер, и я готов был сдаться под ее давлением. Только как это сделать?

Вспомнил о телефоне жены Пуховкина, набрал ее номер. К моему удивлению, трубку снял сам полковник. Оказывается, он тоже получил отпуск и следом за мной выехал в Москву. Пуховкин пригласил меня в гости. Мы с Сашей набрали водки, закуски, какой только можно было достать в Москве, и отправились по указанному адресу. У меня появилась надежда, что Сашу можно увезти в Германию при содействии командира полка. В то время старшие офицеры и генералы вызывали в Германию своих жен. Пока не было официального разрешения, делалось это так: задним числом на жену выписывалась солдатская книжка и отпускной билет. Документы

переправлялись в Союз начальственными адъютантами или отпускниками. Их вручали даме, предполагаемой на выезд в Германию, будто она уже служила в таком-то полку и теперь находилась в отпуске. Тогда все было упрощено, и на солдатскую книжку не всегда наклеивалась фотография.

Пуховкин встретил нас с распростертыми объятиями, а после обильных возлияний он с Сашей уже обнимался и пел песни. Тут я объяснил командиру суть проблемы. К счастью, у него оказалось два экземпляра документов — один для жены, которую он должен был увезти в Германию, другой решено было использовать для моего племянника, будущего бойца Красной армии Александра Терешина.

Наша авантюра удалась. На Белорусском вокзале мы беспрепятственно сели в поезд (уже налажено было железнодорожное движение), а в Бресте к нам в купе заглянул молодой лейтенант и сопровождавший его солдат. Они посмотрели наши отпускные документы и, отдав честь, прошли дальше. Вот так я со своим племянником прибыл в родной 41-й полк. Рядового Александра Терешина зачислили в боевой расчет 1-й батареи моего дивизиона. Забегая вперед, скажу, что, когда полк расформировали, Александра направили в полковую школу сержантов, которую он закончил с отличием. Потом он окончил школу лейтенантов, служил в Германии, на Украине, в Подмосковье. В звании подполковника уволился в запас. Так, благодаря моим стараниям, из непутевого парня получился хороший командир.

Тогда, в 1945 году, таких как Александр Терешин, прибыло в Берлин много, а тех, кто отслужил свои сроки, мы провожали домой. В июле-августе покинули полк военнослужащие, участвовавшие во многих боевых операциях. Когда этих ребят, опаленных войной, с целым набором наград на груди, сажали в машины, я почему-то разволновался, прощаясь, говорил им теплые слова и желал счастливой мирной жизни. Как сложится судьба победителей на родной земле, трудно было себе представить!

Осенью 1945 года я оказался на грани того, что меня самого могли попросить из армии. Путь офицера мною был избран давно, и хотелось бы его продолжить, но в группе советских войск в Германии началось расформирование полков разных родов войск — пехотных, артиллерийских, авиационных и прочих. Дошел черед и до нашего 41-го полка РС. Меня направили в отдел кадров так называемой ликвидационной комиссии, размещавшейся в Пабельсберге, рядом с Берлином. Там таких, как я, ожидающих своей участи, были сотни. Дождавшись

очереди, я предстал перед подполковником-кадровиком. Сразу же стал настаивать, чтобы меня оставили в армии и дали соответствующую должность.

Подполковник молча полистал мое дело, затем, посмотрев на меня, спросил:

— Вы, майор, видели, сколько там, за дверью, людей? Эти офицеры тоже ждут своего назначения.

— Видел, конечно. Их тоже понять можно.

Кадровик миролюбиво произнес:

— Теперь послушайте меня. Большинство фронтовых полков и бригад «катюш» расформировываются. Оставить всех офицеров в армии невозможно, но вы бы могли продолжать службу: у вас хорошие характеристики — кадровый офицер, воевали неплохо, имеете правительственные награды. Могу предложить должность начальника штаба дивизиона 299-го гвардейского ствольного минометного полка 4-й танковой армии. Если этот вариант вас не устроит, есть другой — демобилизация.

Последний вариант меня никак не устраивал, пришлось соглашаться на должность начальника штаба. Вот так я и оказался в небольшом городке Дебериц-Дальгов, расположенном в 60 километрах юго-западнее Берлина, где квартировалась 4-я танковая армия. Мой полк входил в состав 10-й танковой дивизии. Прослужил я там три года.

Городок Дебериц-Дальгов — чистенький, аккуратный. Офицеры жили на квартирах в частных домах, питались в офицерской столовой по талонам карточной системы, поэтому мы всегда чувствовали себя полуголодными, вспоминая то время, когда пользовались трофейными продуктами. Проживание на частном секторе давало возможность офицеру проводить внеслужебное время так, как он хотел, и начальство не могло проконтролировать его.

Молодые офицеры стали посещать рестораны, знакомились с немками, начались поездки в другие города. Двое друзей даже умудрились махнуть в Париж, где гуляли несколько дней, пока не попали в полицию, которая вернула бузотеров в Германию и передала в руки советского командования.

Сразу же последовал приказ Главкома группы войск в Германии об улучшении дисциплины и принятии строгих мер к нарушителям порядка в армии. Офицеров, не имеющих семьи, переселили в общежития и категорически запретили иметь дело с местным населением. Запретов было много, а любовные похождения продолжались: молодость брала свое.

Свою зарплату (ее стали платить в новых оккупационных марках) офицеры-холостяки спускали в русских коммерческих

ресторанах «Москва» и «Нева». Цены там были сверхвысокие, зато можно было заказать любое блюдо и вино, одним словом, отвести душеньку.

Нельзя сказать, что после войны мы в Германии только развлекались. Нет, службу нести тоже не забывали. Наша дивизия была кадрированным соединением. Она имела до 10 % солдат и сержантов, но на 100 % была укомплектована офицерским составом. Техника практически никуда не вывозилась. Так что при необходимости, влив в дивизию рядовой состав, ее можно было быстро развернуть в полнокровное боевое соединение. Порох мы тогда держали сухим.

Домой, в Россию, конечно, тянуло, но мы знали, что жизнь там налаживается с большим трудом. Тяжело было в городе, во сто крат тяжелее в деревне. Все тот же рабский труд, который ничем не обеспечивался. Колхозники получали по сто граммов хлеба за трудодень. Это поменьше, чем в блокадном Ленинграде во время войны. Надежды победителей на лучшую жизнь не оправдались. Террор и репрессии продолжались. Сталин и его окружение свою политику менять не собирались.

Во время краткосрочного отпуска я был в Москве и в рязанской деревне, видел, как живут люди. Но то, что произошло в Белоруссии, меня поразило до глубины души. Из отпуска возвратился мой подчиненный старший лейтенант Козырев. Его рассказ я постараюсь воспроизвести более подробно.

Родственники офицера-отпускника — мать и сестра — жили в маленьком белорусском городке. Козырев добрался до Минска, затем на попутных машинах — до своего родного дома. Четыре года не видел своих близких. Мать, увидев сына, бросилась ему на шею. «А где сестра Вера?» — тут же спросил офицер. С трудом, со слезами на глазах, мать стала объяснять, что сестру арестовали за невыход на работу и отправили на десять лет в тюрьму.

Что же произошло в этой семье?

Сестра Вера и ее подруга, молодые девушки, работали на ремонте железнодорожных путей. Труд адский, даже для мужика тяжелый, а для девушки почти непосильный. Начальник участка предложил девушкам поехать в командировку в Сибирь на полгода. После этого обещал дать «вольную», то есть, расчет потом они могут ехать в другой город.

Через полгода девушки вернулись и стали требовать документы. Мастер оказался подлецом. Он приказал снова выходить на ту же работу. Обманутые девушки в знак протеста отказались выполнять его приказ, считая, что война закончилась и законы военного времени потеряли свою силу. Однако законы действовали, их никто не отменял. Пришла милиция, и молодых

работниц арестовали. Состоялся «самый гуманный и справедливый в мире советский суд», вынесший столь суровый приговор.

Отпуск для командира батареи, участника боевых действий, стал сущим кошмаром. Веру надо было выручать из беды. Только как? Козырев посоветовался с юристом. Тот объяснил, что по существующим законам сестру осудили правильно, но по человеческим — это дикость и произвол. Сажать в тюрьму надо было мастера, который ее обманул. Приговор может отменить только председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Он, и только он имеет право помилования. У Козырева тут же возникла мысль: «Надо ехать в Москву, к Калинину».

Приехав в столицу, офицер записался на прием. Людей в приемной, как в муравейнике. Тут весь Советский Союз. Чтобы дождаться своей очереди, пройдет не меньше полугода. Только с помощью взятки в три тысячи рублей бдительной охране Всесоюзного старосты Козырев все же попал на прием вне очереди. Предварительно его долго инструктировали, как вести себя в разговоре с Михаилом Ивановичем, дескать, человек он пожилой, нельзя его утомлять, просьбу надо излагать очень коротко.

Командир батареи рассказывал:

«Я вошел в довольно просторную комнату с несколькими окнами и белыми в складках шторами на них. На противоположной стороне от входа на стене висели портреты Ленина и Сталина, под ними за широким столом восседал Всесоюзный староста. Он был значительно старше, более седой и морщинистый, чем на фотографиях. «Я слушаю вас, молодой человек», — послышался скрипучий голос. Я коротко изложил суть дела, сделав упор на то, что моя сестра по молодости лет не могла знать все наши законы, а также на недостойное поведение ее начальника, на. его обман. Калинин, надев очки, еще раз прочитал мое заявление, улыбнулся и произнес: «Просьбу вашу удовлетворим. Сестра будет освобождена. У вас есть еще вопросы?» О каких вопросах могла быть речь? Я рад был хотя бы тому, что мне пообещали освободить сестру. В приемной спросил у секретаря: «Что мне делать дальше?» Тот, не задумываясь, ответил: «Поезжайте домой и ждите сестру, она вернется из заключения».

Отпуск Козырева закончился, и он вернулся в полк. Каждый день с нетерпением ждал письма из дома: выполнил ли Калинин свое обещание?

Сестра действительно вернулась, а ее подруга, о которой,

видимо, некому было похлопотать, так и тянула лямку все десять лет.

О многом в те годы мы не ведали и не знали, что творилось в нашей партии — руководящей и направляющей и в государстве. Если же говорить о Калинине, темной лошадке в окружении Сталина, то за много лет пребывания у власти он выработал стиль работы хитрого простачка, радеющего за интересы трудового народа. В жизни государства он ничего не решал. Сталин держал его как декоративную фигуру, и он безропотно выполнял все его указания, его волю. Несмотря на свою природную хитрость, гибкость и изворотливость, Калинин не имел политической значимости и не пользовался авторитетом ни в своем аппарате, ни в аппарате Сталина. Ну, какой он глава государства, если не смог уберечь свою жену Екатерину Ивановну от ареста, произведенного по указанию Сталина? Срок ей светил немалый — 15 лет.

Еще один штрих к биографии Всесоюзного старосты, о котором грех не рассказать. После ухода в отставку, я работал военпредом на Ленинградском заводе подъемно-транспортного оборудования. Принимая очередную партию военной продукции, мне довелось столкнуться со старым питерским рабочим, токарем по профессии, который имел непосредственное отношение к этому заказу. Он-то и рассказал мне интересную историю, связанную с Калининым.

После того как Михаил Иванович унаследовал этот пост от Якова Свердлова, он часто бывал на Путиловском (позже Кировском) заводе. К этому времени партийное руководство завода отыскало в токарном цехе станок, на котором якобы работал Калинин, приказало его покрасить и прикрепить металлическую дощечку с указанием того, что на нем трудилась такая знаменитость.

В один из приездов Всесоюзного старосты в Ленинград его повезли на завод, где он должен был выступать на митинге. Встретили «верного ленинца» и соратника Сталина, как водилось в те времена, с большой помпой. Калинин много говорил о своей революционной деятельности и заслугах перед партией. Публика, естественно, воспринимала его как отца родного, раздавались крики: «Да здравствует товарищ Калинин!», «Слава старому большевику!».

Затем гостю показали цех, в котором он когда-то работал. Подвели к станку. Тут сразу же собралась толпа зевак. Неожиданно к Калинину подошел старый рабочий и спросил: «Михаил Иванович, вы меня не узнаете? Я — Сосков. Работал вместе с вами. Мой станок стоял почти рядом с вашим». Калинин

что-то промямлил, сделал вид, что узнает его, что рад встрече, потом отвернулся и продолжал осмотр цеха.

Через несколько дней Сосков исчез, он не появлялся ни дома, ни на работе, словно улетел на другую планету. Родственники искали его долго, но напрасно. Многие догадывались, что встреча со Всесоюзным старостой стала роковой для Соскова, являвшегося живым свидетелем «земных дел» революционера и «верного ленинца», а дела эти не вписывались в каноны «святого жития» партийного чиновника, каким был Калинин…

После войны нам казалось странным, что жизнь в нашей стране не меняется. Мы имели возможность сравнивать, как живут люди в СССР и в Германии. Германия пострадала в войне не меньше, чем Советский Союз. Немцы — трудолюбивый народ. К началу 1947 года благодаря своей организованности они практически ликвидировали последствия войны, наладили хозяйство в больших и малых городах, начали развивать легкую промышленность и сферу услуг, интенсивно развивали сельское хозяйство. Жизнь менялась на глазах: открывались комиссионные, а затем и коммерческие магазины, где, хотя и по высоким ценам, но можно было купить любой товар. Вскоре были отменены и продовольственные карточки.

Хороша страна Германия, но в Россию тянуло, словно магнитом. К этому времени я получил повышение по службе — был назначен командиром дивизиона «катюш» в 25-ю танковую дивизию. И все-таки решил добиваться перевода в Ленинградский военный округ. Для этого у меня были все основания: в 1948 году моя старенькая мать вернулась из эвакуации в Ленинград. Ей уже было 75 лет, она часто болела и нуждалась в моем уходе.

Перевод из Германии в другие округа практиковался редко, и сделать это можно было лишь по замене, если кто-то прибывал на твое место. Я написал рапорт на имя командующего артиллерией ГСОВГ генерала В. И. Казакова с просьбой о переводе по семейным обстоятельствам.

Потянулись недели и месяцы в ожидании ответа на мой рапорт. Наконец последовал вызов к командующему, перед ним на столе лежало мое личное дело, надо думать, что с ним он уже ознакомился. Василий Иванович вначале пытался отговорить меня от перевода, доказывая нецелесообразность такого шага, но я стойко «оборонялся», аргументируя свои доводы сыновними чувствами к матери, да и совесть не позволяла бросить ее в такие годы на произвол судьбы. Генерал молчал, раздумывая. Потом, поднявшись из-за стола, произнес: «Ладно, быть по-твоему, но чтобы служил, как подобает. Знаю я вас, молодых, воевали хорошо, но после войны дисциплина у многих хромает!» Он еще

поворчал немного, снял трубку телефона и вызвал начальника отдела кадров полковника Крамаренко. «Надо помочь майору Демидову с переводом в Ленинградский военный округ. Его семейные обстоятельства позволяют это сделать», — приказал он. На этом я простился с генералом, с которым встретился только через много лет.

Крамаренко уже знал о моих хлопотах, быстро оформил необходимые документы. Я сдал дела, собрал чемодан, простился с сослуживцами. И вот уже поезд мчит меня домой, в Россию. «Как бы ни сложилась дальнейшая судьба моя, — рассуждал я по дороге, — все будет путем. Ведь дома и углы помогают».

Мать была рада моему возвращению в Ленинград, не отходила от меня ни на шаг, не зная, чем угостить. Кормилец приехал! Но вскоре привыкла к тому, что я никуда не уезжаю и нахожусь рядом с ней.

Службу в ЛВО пришлось начинать с должности начальника штаба дивизиона реактивной бригады «катюш», входившую во 2-ю артиллерийскую дивизию. Дивизия размещалась недалеко от Ленинграда в городе Пушкине. Во время войны здесь проходил передний край обороны Ленинградского фронта, поэтому городской жилой фонд был разрушен основательно. Его еще долго пришлось восстанавливать. В 50-х годах был отстроен военный городок, но все равно жилья офицерскому составу катастрофически не хватало. Многие снимали комнаты в частном секторе. Офицерам, имевшим квартиры в Ленинграде, разрешалось жить дома. Меня это вполне устраивало, а мать была рада-радешенька такому стечению обстоятельств. Комната наша в 17 квадратных метров — конечно, не роскошь, но жить можно.

Я постепенно осваивался на новом месте, входил в курс своих обязанностей, включался в повседневную жизнь дивизиона. Со своим непосредственным начальником подполковником Кашубой мы поладили с первых дней. Он был доволен моей работой. В зимнее время мне приходилось заниматься планированием и проведением боевой подготовки, учить солдат, сержантов и молодых офицеров, организовывать и проверять несение караульной службы, следить за ходом хозяйственных работ в дивизионе. В конце мая дивизия выезжала в летние лагеря на Струго-Красненский артиллерийский полигон, который находился километрах в ста к югу от Ленинграда. Здесь, кроме боевой подготовки, проводились тактические учения с артиллерийскими стрельбами. Словом, шла обычная рутинная работа.

По возвращении в Союз на сэкономленные деньги я купил автомашину «Москвич». По тем временам это была настоящая

роскошь. Тогда машины только поступала в продажу, и я был в числе первых покупателей. Конечно, сравнивать «Москвич» с немецкими марками машин, например с «опель-адмиралом» или «опель-кадетом», на которых я колесил во время войны по Германии, не приходилось, но все-таки это был мой первый отечественный автомобиль, моя рабочая лошадка, на которой я ездил на службу в Пушкин и в летние лагеря.

В это время мне уже стукнуло тридцать лет, но был я еще холостяком: ходил в кино, театр, встречался с девушками, как до войны, посещал танцплощадки, одним словом, старался наверстать украденные войной четыре года. Среди моих друзей по дому в холостяках уже никто не ходил. Даже мой друг детства Володя Куварин и тот обзавелся семьей. Я у него часто гостил, видел, что семейная жизнь у парня удалась, он растил сына и был счастлив. Как-то Володя заговорил о том, что и мне пора обзаводиться семьей, а то ведь годы идут, как бы бобылем не остаться. Я болезненно отреагировал на это замечание:

— Но где найти такую девушку, чтобы запала в сердце, чтобы потянуло к ней без оглядки?

— Чудак ты, Петька, столько хороших девушек в Ленинграде, а ты все перебираешь, — назидательно проговорил Куварин. — А хочешь познакомлю со своей однокурсницей? Девушка что надо! Главное, имя у нее редкое — Ия.

Знакомство состоялось. Девушка мне сразу понравилась. Она была хороша собой, стройна, женственна, обаятельна. Месяца два мы встречались. Я часто дежурил у проходной завода имени Козицкого, где она работала ведущим инженером. Мы гуляли по городу, любовались улицами и площадями, Невой, по выходным дням ходили в театр или филармонию. С каждым днем я все больше проникался доверием и уважением к ней. Даже мать заметила перемену в моем поведении. Однажды спросила:

— Что задумчив стал, сынок, ай влюбился?

Пришлось признаться своей родительнице:

— Да, мама, я встретил очень хорошую девушку и намерен на ней жениться. Ты как смотришь на это?

— Давно пора, — обрадовалась мать. — Я всегда мечтала о невестке, а там, глядишь, появится внук или внучка.

Так в 1952 году Ия Николаевна Дороднова стала Демидовой. Ее не смущала моя коммуналка, в ней нашлось место и для нее. У моей жены со свекровью с первых же дней установились хорошие отношения, а когда родился наш сын Юра, моя мама взяла все заботы о своем внуке на себя. И родителей жены она приняла, как самых близких людей. Дородновы жили в Вологде. Это были удивительные люди, искренне верившие в счастливые зори

коммунизма.

После гражданской Дороднов, отец моей жены, восстанавливал разрушенное войной хозяйство, был директором льнокомбината, затем управляющим Севлентреста, в числе двадцатипятитысячников организовывал колхозы, твердо веря в их жизнеспособность. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт, воевал под Ленинградом, был тяжело ранен и контужен. По состоянию здоровья демобилизовался. Возвратившись в Вологду, работал начальником собеса, с этой должности и ушел на пенсию.

За свою долгую и трудную жизнь Дородновы хором себе не построили, это были настоящие коммунисты, боровшиеся за правду и справедливость на земле, безоглядно верившие нашим вождям. Прозревать чета Дородновых стала позже, после смерти Сталина.

В 1954 году, как раз после рождения сына, я закончил Высшую ленинградскую артиллерийскую школу, а через два года — офицерские курсы ракетчиков, что в перспективе давало возможность получить должность в ракетных войсках стратегического назначения. Меня, однако, назначили не в ракетные войска, а в своей же дивизии командиром дивизиона. Это означало продолжение той рутинной работы, с которой я был связан в течение многих лет: боевая учеба, дежурства, составление планов, проверка их исполнения. Некоторое разнообразие в нашу повседневную жизнь вносили лагерные сборы, которые начинались в мае и заканчивались в сентябре. Но и тут были свои «прелести», когда в лагерь с проверкой приезжало высокое начальство.

Особенно запомнился 1957-й год, когда на Струго-Красненский полигон пожаловали командующий Ленинградским военным округом генерал армии Захаров, начальник политотдела округа генерал-лейтенант Цебенко и командующий артиллерией округа генерал-полковник Персегов.

О генерале Захарове, о его грубости и хамстве, в округе ходили легенды. При проверке он мог придраться к мелочам и довести любого командира до белого каления, поэтому командир дивизии генерал-майор Виноградов и комбриг 42-й бригады полковник Зотов, обеспечивавшие показательные стрельбы, прямо скажем, ходили на ушах.

Кто знаком с армейской службой, знает, что любой проверке предшествует шумная подготовка. Так и в этот раз полигон был поднят на ноги: к встрече высокого начальства готовился весь личный состав, штабы 2-й и 27-й артиллерийских дивизий, бригад и полков. Лагерь превратился в потревоженный

муравейник, везде и всюду — в солдатских палатках, столовых, мастерских, автомобильных и артиллерийских парках — наводилась чистота.

Особая ответственность ложилась на 42-ю минометную бригаду, проводившую показательные стрельбы. Непосредственным исполнителем стрельб была 5-я батарея и ее командир старший лейтенант Стрельников. Страх перед Захаровым витал повсюду, особенно волновались старшие офицеры, понимая, что от «показухи» зависит их дальнейшая карьера.

Комбата Стрельникова инструктировали все, кому не лень, — от командира дивизии до командира дивизиона. Еще до начала стрельб задергали не только офицеров батареи, но и солдат и сержантов, что стало прологом к серьезному ЧП, случившемуся потом на полигоне.

В день приезда Захарова меня назначили дежурным по гарнизону. И тоже инструктировали — как доложить генералу, как потом вести себя, как сопровождать высоких гостей. Все это напоминало мне какое-то театрализованное действо, в котором не было никакого смысла.

В назначенный день в 9.30 утра я уже бодро прохаживался у КПП. Еще раз проверил свой внешний вид: на моей гимнастерке не видно было ни пылинки, хромовые сапоги надраены до зеркального блеска, металлические детали портупеи сверкают на утреннем солнышке.

В 10.00 появились машины с армейскими номерами. Первым к КПП подкатил «ЗИЛ» командующего. Захаров вышел с начальником политотдела Цебенко. Я громко, во всю мощь легких, гаркнул:

— Гарнизон, смир-р-р-но!

Рывком кинул правую руку к козырьку фуражки, строевым шагом, высоко поднимая ноги и резко опуская их на дорогу, двинулся к автомобилю. Остановившись метрах в пяти, четко доложил: «Товарищ генерал армии, Струго-Красненский гарнизон занимается по распорядку дня. За время моего дежурства происшествий не произошло. Дежурный по гарнизону гвардии майор Демидов!»

Сделав шаг влево, щелкнул каблуками, резко повернул голову в сторону начальства, «поедая его глазами», столбом замер на месте. Захаров строго посмотрел на меня, окидывая взглядом с ног до головы, видимо, не найдя ничего такого, к чему можно было бы придраться, медленно отвел свой колючий взгляд и произнес: «Вольно!» Я громко и протяжно продублировал его команду: «Вольно!»

Все сразу расслабились. Гарнизонное начальство по очереди стало представляться командующему. Затем Захаров со своей свитой направился в расположение 5-й бригады — началась проверка частей гарнизона. Сделав «разнос» за какие-то упущения почти всем командирам, он возжелал наблюдать показательные стрельбы.

Будучи дежурным по гарнизону, я не видел, как там разворачивались события, но часа через полтора с полигона сообщили, что на огневой позиции произошло ЧП: миной разорвало миномет, весь расчет погиб, подробности уточняются.

Получив таков сообщение, я помчался в штаб дивизии и доложил о происшествии заместителю командира полковнику Василевичу. От такой «новости» полковник побелел. Придя в себя, он почему-то очень тихо произнес: «Такого ЧП еще не было в нашей дивизии, теперь беды не миновать. Захаров спустит с нас шкуру!»

В штабе дивизии командующий округом появился чернее тучи. Он о чем-то долго беседовал с комдивом Виноградовым, затем приказал своим помощникам — Цебенко и Персегову — во всем разобраться и доложить ему немедленно. Подкатил «ЗИЛ», и Захаров вместе с адъютантом отбыл в Ленинград.

Что же случилось на полигоне? В стрельбах участвовала батарея 120-миллиметровых минометов. Ночью она заняла боевой порядок, личный состав ее практически не отдыхал, не отдыхал и старший лейтенант Стрельников, добросовестный и знающий офицер. Вместо того чтобы дать возможность людям отдохнуть, старшие начальники своими наставлениями и инструктажем довели всю батарею до стрессового состояния.

С прибытием на наблюдательный пункт командующего первая обстановка еще больше обострилась. Стрельникову ставится задача: поразить пулеметную точку. И снова — в который раз! — наставления. Стрельба началась. Было выпущено несколько мин. Все шло нормально, миномет стрелял на «спуск». Для того чтобы понять, что произошло дальше, надо уяснить принцип работы миномета.

120-миллиметровый миномет имеет дальность стрельбы 5 700 метров, его масса — 275 кг. Он представляет собой гладкоствольную трубу, которая при стрельбе опирается на круглую опорную плиту и двуногу — лафет. Солдаты называют миномет «собакой». Со стороны миномет действительно напоминает сидящую на задних лапах собаку. Нижняя часть трубы закрыта, в ней помещается казенник, в котором находится спусковой механизм. Заряжающий опускает мину с верхней части ствола стабилизатором вниз. Падая, она накалывается на боек

(жало). Срабатывает капсюль-детонатор, и пороховой заряд вышибает мину из ствола. Боек (жало) спускового механизма при помощи переключателя может быть установлен в два положения: на «жало» или на «спуск». В положении на «жало» мина, упав в казенник, сразу же вылетает из трубы и летит в цель, а в положении на «спуск» она лежит в казеннике до тех пор, пока командир миномета не приведет в действие боек (жало). Для этого существует рукоятка спускового механизма, которая оттягивает пружину с помощью шнура. Шнур длиной в несколько метров, позволяет приводить спусковой механизм в боевое положение даже из укрытия — окопа.

Теперь, когда читатель представляет принцип действия миномета, обратим внимание на тот случай, который произошел на огневой позиции батареи 42-й бригады. После пятого выстрела с наблюдательного пункта поступила команда — расчету изменить установку угломера и прицела и продолжить огонь. Наводчик установил на панораме новые данные и тут же спросил сержанта, командира миномета: «Миномет заряжен?» В суете никто не запомнил — опущена ли мина. Наводчик решил проверить и заглянул в ствол. В это время сержант автоматически дернул шнур. Миномет, к несчастью, оказался заряженным, и мина, ударив наводчику в лицо, тут же разорвалась. Разлетевшиеся с огромной силой осколки шестнадцатикилограммового снаряда мгновенно поразили весь расчет, находившийся у миномета.

ЧП долго расследовала военная прокуратура. Виноватым оказался, как всегда, «стрелочник» — старший лейтенант Стрельников. За халатное отношение к своим обязанностям военный трибунал определил ему пять лет тюремного заключения. Многие понимали, что судить надо было не Стрельникова, а старших офицеров, державших в напряженном состоянии ради несчастной показухи всю батарею в течение нескольких суток. Но они получили лишь по строгому выговору.

Через два с половиной года Стрельникова освободили, восстановили звание, назначили на прежнюю должность. Командование дивизии реабилитировало себя, и ЧП постепенно стало забываться. Его затмили другие скандалы и происшествия, без которых армия практически не может существовать.

По моему глубокому убеждению, дисциплина в армии держится на плечах младших и средних командиров. У них не регламентируется рабочий день, они нередко сутками находятся в казарме. Кроме многочисленных служебных обязанностей, им приходится участвовать в тактических учениях и боевых стрельбах (ночных и дневных), совершать марши, выезжать по

боевой тревоге, много времени у них отнимают летние лагеря, плановая и внеплановая работа.

Кроме большой служебной нагрузки, командир (офицер) подвергается огромному моральному и психологическому воздействию, отвечая за жизнь, поведение и быт своих подчиненных, ему приходится терпеть унижения и оскорбления вышестоящих начальников. Офицер, как и солдат, юридически не защищен от произвола. Его могут без видимой причины обругать, оскорбить, строго наказать. Официально в Уставах советской армии предусмотрены вежливые взаимоотношения между военнослужащими. На практике же царит произвол, грубость и хамство старших командиров по отношению к подчиненным.

Если принимать во внимание бытовые условия жизни офицеров, то они всегда были в несколько раз хуже, чем у гражданских специалистов — инженеров, учителей, медицинских работников: низкая зарплата, проблемы со служебными квартирами, а по выходе на пенсию каждый устраивался так, как мог. Офицеров часто переводят из одного гарнизона в другой, поэтому они не имеют домашнего хозяйства — мебели, посуды, одежды.

В послевоенные годы высшее руководство страны к армии относилось весьма прохладно, особенно к офицерскому корпусу. Этим грешил и Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. В период его правления армия сократилась в несколько раз.

То же самое происходило и с боевой техникой. На каком-то военном совещании Хрущев высказал мнение о том, что в связи с созданием ракетных войск стратегического назначения, которые могут поражать цели в любой точке земного шара, нам не нужны дальняя авиация и большие надводные корабли. Боевые задачи на суше будут решать стратегические ракеты, а на море — подводные лодки, вооруженные ракетами с ядерными зарядами на борту.

Разумеется, в послевоенный период держать многомиллионную армию было нецелесообразно, но в той международной обстановке, когда «холодная война» достигла своего апогея, вряд ли следовало ликвидировать ударные силы армии. Однако из заявления Хрущева министр обороны СССР Р. Я. Малиновский, выслуживающийся перед Хрущевым, а затем и перед Брежневым, делает свои выводы. По «ВЧ» он отдает приказ разрезать 20 стратегических бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие, находившихся в подчинении командующего Одесским военным округом маршала Бабаджаняна. При этом указывает конкретные сроки. Командующий округом заволновался: такого еще в армии не было. Запрашивает Генштаб.

Ему отвечают: распоряжение Малиновского. Бабаджанян не сдается, предлагает провести эту акцию только после того, как будут получены новые самолеты.

И все же уничтожение самолетов и кораблей началось повсеместно. Об этой глупости заговорили в военных округах и на флотах, поднялась общественность, посыпались вопросы Хрущеву. Никита Сергеевич сразу же заявил, что распоряжения об уничтожении самолетов и кораблей он не давал, а лишь высказал свое личное мнение, и тут же приказал расследовать этот факт.

Комиссия ЦК КПСС и Министерства обороны начала расследование с Одесского военного округа. У Бабаджаняна могли быть большие неприятности, но он предъявил ей телеграфные ленты переговоров с Генштабом и Малиновским, а также положил на стол копию своего рапорта с мнением по поводу уничтожения стратегических бомбардировщиков. Виноватых, конечно, нашли, но, как всегда, «стрелочников». Им и досталось на орехи.

Разложению армии способствовало и то, что последние пять лет министр обороны Малиновский из-за болезни не занимался армией, не выполнял своих служебных обязанностей, но как «сознательный коммунист» и «большой патриот Родины» с поста уходить не хотел, а желал умереть министром и быть похороненным в Кремлевской стене. Сердобольный Брежнев разрешил ему болеть и умереть министром. А то, что армия разваливалась, им было на это наплевать. Такое возможно было в стране, где власть совершенно бесконтрольна и не несет никакой ответственности перед народом за свои деяния.

Положение дел в Вооруженных силах страны стало исключительно неблагополучным, дисциплина упала до критической отметки, ЧП происходили постоянно, участились самовольные отлучки солдат из расположения части, неподчинение солдат офицерам стало явлением не столь уж редким. А высокие военные начальники твердили одно: воспитывайте, убеждайте, следите за подчиненными, повышайте уровень дисциплины.

Во мне самом назревал бунт. Несмотря на то что мне было присвоено звание «подполковник», меня назначили заместителем командира бригады, и я уже стал думать о том, что пора уходить из армии. Срок выслуги позволял мне уйти на пенсию. Медицинская комиссия признала меня непригодным к строевой службе. В 1961 году я подал рапорт на имя командующего ЛВО с просьбой о демобилизации из рядов советской армии, ссылаясь на состояние здоровья. Мой рапорт был удовлетворен. Без всякого сожаления, даже с некоторым облегчением, расстался я с

любимой, а теперь опостылевшей армией. Я стал гражданским человеком!

В это время мне было 40 лет. Это еще не старость, хотя я был военным пенсионером. Я понимал, что на одну пенсию жить будет трудно, поэтому стал подыскивать работу. Я ведь умел не только стрелять из пушек и минометов, жизнь научила и чему-то другому. Мне предложили должность военного представителя (военпреда) на заводе Подъемно-транспортного оборудования им. Кирова. В мои обязанности входила приемка готовой военной продукции, в частности платформ для ракетных установок. На этой «телеге» ракета в автоматическом режиме по железнодорожной колее из места хранения доставляется к месту запуска.

Целый год я проработал на этом заводе, освоился, изучил все технологические процессы, стал полноправным членом небольшого коллектива из шести офицеров и шести вольнонаемных сотрудников. Платформа еще не прошла государственных испытаний, и вдруг из Москвы приходит распоряжение — сделать 300 платформ, причем сделать к определенному сроку. Мы недоумевали: к чему такая спешка? Зачем столько платформ? Заказ пришлось выполнять в условиях небывалой напряженки.

Руководство оборонного ведомства решило убить сразу двух зайцев — получить заказ и одновременно провести испытание нашего изделия. Начальника приемки полковника Градусова срочно вызвали на полигон. Ракетный комплекс проходил испытания в присутствии самого Хрущева. Испытаний он не выдержал, первый секретарь ЦК КПСС в пух и прах разругал конструкторов, приказал такие платформы больше не делать, а госприемку закрыть. Все 300 платформ, каждая из которых стоила 500 тыс. рублей, списали и отправили под пресс. По глупости начальства 150 миллионов народных денег были выброшены на ветер. В условиях командно-административной системы это было в порядке вещей.

Какое-то время я был безработным, но друзья по спецшколе и военному училищу похлопотали и меня приняли в штаб Гражданской обороны (ГО) на должность инженера. ГО Ленинграда возглавлял тогда генерал Еремеев. Несколько лет работал я в отделе боевой подготовки, в своей родной офицерской среде. Занимался планированием, проверкой боевой подготовки на объектах (заводах, фабриках, институтах, школах), много приходилось бывать в разъездах, словом, выполнял рутинную, как и в армии, работу. Надо отметить, что сама Гражданская оборона больше существовала в теории — схемах,

расчетах, документах, циркулярах, чем на практике. Это потом подтвердила Чернобыльская трагедия.

В начале марта 1968 года мне позвонил товарищ по спецшколе и военному училищу Михаил Рякимов и сообщил, что 22 марта наше училище отмечает свое 50-летие и нас, ветеранов, приглашают на праздник.

В Ленинград уже пришла весна, снег стал дружно таять, по улицам и мостовым потекли ручейки. На душе у меня была тоже весна: предстояла встреча со своей юностью, с боевыми товарищами.

У стен родного училища я появился ровно в полдень. Здесь все так же бдительно охраняли парадный вход четыре грозно ощетинившиеся черными стволами, старые, еще петровских времен, пушки. Меня встретили Миша Рякимов и Женя Бастырев. Мы поздоровались. Мои друзья сообщили, что из нашего выпуска будут присутствовать еще двое — полковник Лаврентий Марченков и генерал Юрий Гиленков, приехавший из Москвы.

Вошли в вестибюль, огляделись. До боли знакомые стены. Нам предложили раздеться и пройти в спортивный зал, где шли соревнования по легкой атлетике. Среди болельщиков заметно выделялась фигура генерала при орденах. Это был Гиленков. Я приветливо помахал ему рукой. Юра сразу же спустился с трибуны и подошел к нам. Обнялись, расцеловались. С тех пор, как мы не виделись, Гиленков сильно раздался в ширину. Я даже пошутил:

— Вот что значит быть на генеральских харчах: и животик сразу округлился, и физиономия чуть не треснет.

Юрий развел руками:

— Начальство виновато — мало гоняет. Да и жена вкусно готовит, вот и прет меня во все стороны.

Меня поддержал Рякимов:

— Придется Галине, жене твоей, сказать, чтобы перевела на солдатский паек, а то как бы с тобой чего не вышло.

Перебросившись шутками, мы уселись на трибуне и с интересом стали наблюдать за соревнованиями курсантских групп. Гости между тем продолжали приезжать, их набралось уже больше сотни.

Организаторы праздника пригласили всех гостей познакомиться с музеем истории училища, который размещался в главном здании, в бывшей юнкерской церкви. Ничего не скажешь — историки тут поработали на славу! Стенды и экспонаты музея отражали развитие нашей артиллерии, а также историю артиллерийского училища со дня его основания. Знакомые портреты героев-артиллеристов разных времен, их личные вещи,

описания подвигов, невольно обращаешь внимание на боевые знамена русских и советских полков. Очень много экспонатов было посвящено периоду Великой Отечественной войны, целый раздел относится к боевым действиям курсантских батарей на Лужском оборонительном рубеже. Он воскрешает события, участниками которых были мы. Глядя на приборы для стрельбы: стереотрубы, буссоли, бинокли, а также на документы военной поры — карты с пометками 1941 года, приказы командования Ленинградского фронта, — сразу переносишься в то трудное время, когда разворачивалось невиданное сражение за Ленинград.

Нас, бывших выпускников, интересовала и нынешняя учебно-материальная база училища. Когда мы учились, все было очень скромно. Изменилось ли что-то за три десятка лет? Оказывается, многое изменилось. Классные комнаты и учебные кабинеты теперь не узнать, появились миниатюр-полигоны, спецтехника, которой тогда и в помине не было. Новому поколению курсантов уже легче познавать артиллерийскую науку.

Тут же хозяева предложили сфотографироваться для истории. Фотографии, разумеется, должны были пополнить музейные альбомы на стендах. Все плотной группой разместились вокруг особо почетного гостя — Героя Советского Союза, маршала артиллерии В. И. Казакова.

Казакова я давно не видел. Последняя наша встреча состоялась в Германии в 1949 году, когда он помог мне перевестись в Ленинградский военный округ. Тогда Василий Иванович был в зените славы, его уважали, считались с его мнением Жуков, Рокоссовский, Воронов и другие известные советские военачальники. Сейчас это был уже глубокий старик. От блестящего некогда генерала остались лишь одни награды.

В конце торжественной части праздника нам вручили фотографии. Иногда я рассматриваю свой альбом и долго останавливаю взгляд на этих фотографиях. Мне делается грустно оттого, что нас, выпускников 1941 года, становится все меньше и меньше.

Встреча для меня была незабываемой. Ведь подумать только, сюда, в Ленинград, съехались со всего Советского Союза выпускники училища разных лет. Например, генерал-полковник Н. М. Хлебников закончил училище в 1916 году, участвовал в гражданской и Великой Отечественной войнах. В конце своей жизни Николай Михайлович совместно с ветеранами П. С. Евлампиевым и А. Я. Володихиным издал книгу «Легендарная чапаевская», посвятив ее знаменитой 25-й Чапаевской дивизии и народному герою Василию Чапаеву.

Мы с Юрой Гиленковым попросили полковника Лаврентия Марченкова, командовавшего 3-м дивизионом в нашем училище сейчас (он еще не демобилизовался), провести нашу группу в расположение 8-й батареи 3-го дивизиона, где когда-то начиналась курсантская жизнь многих из нас. Эта просьба была удовлетворена. Батарея была построена. Молодые ребята смотрели на нас, ветеранов, увешанных орденами и медалями, с необыкновенным любопытством. Мне казалось, что сейчас откроется дверь и выйдет старшина Морозов, у которого я перед отправкой на фронт принимал дела, и зычным голосом скомандует: «Батарея, шагом марш на занятия!».

Мы непринужденно беседовали с курсантами. По их поведению, умению держаться, чувствовалось, что это уже поколение другое, но свято хранящее боевые традиции своих отцов и дедов.

Юбилейные торжества закончились праздничным концертом. Разъезжались мы по домам помолодевшие, с массой впечатлений, преисполненные чувства гордости за свое училище, которое продолжает «ковать» кадры офицеров, защитников нашей Родины. А впереди у нас — трудовые будни.

Проработав в отделе Гражданской обороны семь лет, я получил приглашение от дирекции института ЛенЗНИИЭП (Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования жилых и общественных зданий) возглавить отдел внешних сношений.

Институт — учреждение молодое, он был создан в 1967 году, занимался проектированием жилых и общественных зданий в северных районах нашей страны, на мерзлых грунтах и с сейсмическими колебаниями почвы. Подчинялся институт непосредственно Госстрою СССР (Министерству строительства).

В институте работал мой товарищ по Гражданской обороне Олег Васильев, занимая должность заместителя директора по кадровым вопросам. Это он соблазнил меня взяться за совершенно новое, но перспективное дело, и сразу же стал вводить в курс обязанностей начальника отдела, главная задача которого состояла в том, чтобы обеспечивать прием иностранных делегаций родственных проектных организаций зарубежных стран, в первую очередь стран Восточной Европы, а также Америки, Азии, Африки и Австралии. После того как рухнул «железный занавес», СССР стал быстро устанавливать деловые отношения со всем миром.

ЛенЗНИИЭП не вел каких-либо секретных разработок и был открытым учреждением. Он обменивался научно-техническими достижениями в области проектирования и строительства с

коллегами из зарубежья. Заключались договоры по изучению конкретных тем и по обмену опытом.

Я быстро вошел в круг своих обязанностей, и вскоре Васильев представил меня директору института А. В. Карагину. Посмотрев мой послужной список, Алексей Васильевич сказал:

— Отдел, которым вам придется руководить, — не из легких, но я надеюсь, что бывшему фронтовику он будет по плечу. Но своему опыту знаю, что на фронте приходилось и потруднее. Так ведь?

— Всякое бывало, Алексей Васильевич, спору нет. Один из моих командиров говаривал, что не боги горшки обжигают.

— Что верно, то верно, — согласился директор и пожелал мне успешной работы.

Первое время я крутился, как белка в колесе. Отдел только создавался, вся работа начиналась с нуля. Я изучал институтские планы, директорские приказы, отчетную и учетную документацию, переписку с зарубежными организациями. Для меня очень важно было иметь связи с местными органами власти и руководителями различных учреждений — исполкомами, Интуристом, вокзалами, аэропортами, музеями, театрами. Все это увязывалось с планами отдела, в которых каждый прием делегации расписывался по часам и минутам.

Работа моя была живая, интересная. Я общался с людьми разных стран и разных национальностей. В большинстве своем это были специалисты в области строительства и архитектуры. Не знаю, что бы я делал без своих помощников. Их у меня было четверо, одновременно они исполняли обязанности переводчиков. Большую помощь оказывали мне наши специалисты — инженеры, архитекторы, проектировщики, участвовавшие в разработке многих жилых и общественных зданий в Ленинграде.

Я был доволен своей работой, хотя времени она отнимала много. Жена иногда упрекала меня в том, что я мало внимания уделяю сыну. Но он уже вырос, учился в Высшем мореходном училище им. Макарова, считал себя самостоятельным человеком и в постоянной родительской опеке уже не нуждался.

В моей работе все шло хорошо, но на начальном ее этапе все же случился конфуз. Большую часть своей жизни я прожил в Ленинграде, но, к стыду своему, город знал неважно. Случилось так, что самому однажды пришлось быть экскурсоводом. К нам прибыли специалисты из Варшавы. Сначала они побывали в Москве, в Госстрое, а по пути заехали в Ленинград. Я встретил их на Московском вокзале, посадил в свой «РАФ» и повез в гостиницу «Астория». Один из членов этой делегации, пожилой

архитектор, довольно энергичный, прекрасно говоривший по-русски, попросил меня проехать по улицам и показать город. От Московского вокзала до «Астории» всего десять минут езды, если следовать по Невскому проспекту, но я все же попросил шофера свернуть на Лиговку. Архитектор с упоением задавал вопросы, называл улицы, архитектурные и исторические памятники. Я удивлялся, откуда он так хорошо знает Ленинград?

Оказалось, что любитель старины — бывший петроградец, выброшенный из России с первой или второй волной эмиграции, но сохранивший в памяти не только облик города, но и названия улиц.

Мне было неудобно перед этим поляком и всей польской делегацией за свое незнание города, в котором живу. Пришлось осваивать новую специальность — экскурсовода, даже поступить на курсы по изучению истории и архитектуры Ленинграда. Я постоянно покупал и изучал книги по истории Петербурга и Ленинграда, их сейчас в моей личной библиотеке насчитывается более сотни. Передо мной открывался новый мир, я узнал, как прекрасен наш город, какие замечательные дворцы, парки и набережные построили наши предки. Я сам стал проводить экскурсии по Ленинграду, Петергофу, Пушкину, не прибегая к услугам экскурсоводов. Делегации, приезжавшие к нам, были в восторге от моих исторических познаний. Был доволен моей работой и директор института Карагин. Меня он называл «министром иностранных дел». К нему в кабинет я заходил вне очереди. Если же в его приемной были сотрудники института, Алексей Васильевич с улыбкой говорил: «Извините, ноу меня неотложные дела с «министром иностранных дел», его я должен принять в первую очередь».

Вот так, на едином дыхании, я проработал в ЛенЗНИИЭПе семнадцать лет, зная, что нужен людям, обществу. Меня ценили и уважали, за это время мне никто и никогда не нахамил, не обругал, не унизил моего человеческого достоинства, как это было в армии, когда любой вышестоящий начальник, вроде маршала Захарова, который поднялся «из грязи в князи», мог позволить себе все, что взбредет ему в голову.

В 1985 году в возрасте шестидесяти четырех лет я ушел на заслуженный отдых. Сидеть на завалинке мне не хотелось, еще чувствовал в себе силы, чтобы заниматься общественной деятельностью.

В начале 90-х годов в обществе произошли разительные перемены, распался Советский Союз, изменился общественно-политический строй, экономика перешла на рыночные отношения. Можно сказать, что социализм и коммунизм, которые

мы так долго и упорно строили, защищали в кровопролитной борьбе, не состоялись. Избранные нашими вождями методы построения бесклассового общества оказались непригодными, тоталитарная система, изжив себя, рухнула в одночасье.

Сожалений по поводу того, что социализм не состоялся, у нас, военных, было предостаточно: мы воевали с фашизмом, отстаивая социалистические принципы, мораль, нравственность, наконец, независимость страны. Ну что ж, может, когда-нибудь человечество и подойдет к тому рубежу, когда теория социализма станет практической потребностью.

В 1990 году в Ленинграде (Санкт-Петербурге) был создан Клуб кавалеров ордена Александра Невского, членом которого я состою. Это общественная региональная организация, объединяющая фронтовиков Великой Отечественной войны, награжденных орденом Александра Невского.

Этот орден был учрежден еще Екатериной I в 1725 году в честь памяти деяний Петра Великого, воздвигнувшего новую столицу на берегах Невы. Именно Петр Алексеевич призвал в духовные и небесные покровители Санкт-Петербурга святого благоверного князя Александра Невского, по его же распоряжению 12 сентября 1724 года прах князя из Владимира был перенесен в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую лавру. Этот день отмечался в городе торжественным церемониалом — крестным ходом по Невскому проспекту. В чествовании Александровских кавалеров принимали участие члены царской семьи, генералитет русской армии, духовенство и войска.

Награждение орденом Александра Невского было отменено советской властью, но в годы Великой Отечественной войны орден Александра Невского, наряду с орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Нахимова и Ушакова, был восстановлен. В его статусе говорилось: «Орденом Александра Невского награждаются командиры Красной армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечившие успешные действия своих частей с минимальными потерями со своей стороны».

Ветеранский Клуб кавалеров имеет тесные связи с администрацией Санкт-Петербурга, служителями православной церкви, общественными организациями, вузами, школами, кадетскими корпусами, проводит большую патриотическую и воспитательную работу. «Главную цель Клуб видит в том, — писала газета «Вестник ветерана», — чтобы способствовать повышению уровня духовности современного общества, формированию патриотического сознания у граждан, прежде

всего — у молодежи на примере жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля Руси Великого князя Александра Невского, на примере фронтовиков Великой Отечественной войны и других защитников Отечества».[53]

За трудами праведными и общественной деятельностью мы, ветераны, не забывали общаться, писали друг другу письма, не забывали и своих однополчан, погибших в боях, старались по мере возможности бывать в тех местах, где вместе воевали, чтобы поклониться священным для нас могилам. Обычно ветераны 1-й танковой армии встречаются в Москве, Калинине, Белгороде и на Украине.

В апреле 1989 года Чертковский райком партии Тернопольской области (Украина) пригласил ветеранов 8-го гвардейского мехкорпуса на торжества по случаю 45-й годовщины освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Четыре с половиной десятилетия я не был в этих местах, и, конечно же, хотелось взглянуть на Чертков, который мы с таким трудом когда-то освобождали.

По пути мы с моим однополчанином Борисом Громовым решили заехать в город Хмельницкий (бывший Проскуров), чтобы навестить еще одного нашего товарища П. С. Лисовенко. Во время войны Петр Саввич был командиром батальона 19-й механизированной бригады, потом служил на Украине, в отставку ушел в звании подполковника.

Поезд Ленинград — Кишинев прибыл в Хмельницкий 6 мая. Петр Саввич встретил нас на вокзале. По дороге он показывал нам город, который мы узнавали и не узнавали. Когда-то еще Проскуров был центром Подольской губернии, в 1954 году в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией его переименовали в Хмельницкий. Теперь это областной центр с населением в 300 тыс. человек.

Лисовенко жил в центре города в отдельном деревянном доме с приусадебным участком. Теперь таких «владений», как он выразился, в центре города осталось не более трех-четырех. Скоро и их снесут и застроят новыми девятиэтажками.

Жена Петра Саввича — Людмила Николаевна — уже ждала нас, хлопотала с раннего утра. Кроме традиционной украинской выпивки — горилки с перцем, для гостей на стол она поставила принесенные со своего огорода свежие овощи и зелень — лучок, редиску, салат — и домашнюю украинскую колбасу, запах которой я помню еще с тех пор, когда женщины угощали нас при освобождении украинских сел. Под такую закуску не грех было выпить и рюмочку перцовки за встречу.

Петр Саввич был человеком скромным, в конце войны мы с

ним часто встречались, но он никогда не рассказывал мне о том, как он со своим штабом едва не угодил в руки немцев во время рейда 1-й гвардейской танковой армии по тылам врага. Наверно, на радостях от нашей встречи после рюмки перцовки он разговорился.

Случилось это здесь, недалеко от Черткова в марте 1944 года. Войска корпуса двигались разрозненно, батальоны то вырывались вперед, то отставали, наталкиваясь на отступающего противника. Сразу же завязывались жестокие и кровопролитные схватки. Погода была скверная — дождь со снегом. Дороги развезло.

Батальон шел уже вторые сутки, солдаты устали, засыпали на ходу. Лисовенко во главе колонны ехал со штабом на машине марки «шевроле» да еще приказал тащить на прицепе немецкую легковую машину, надеясь устранить неисправность, как только представится возможность. В процессе движения он уснул, колонна отстала, а штабная машина въехала в какое-то село, где было полно немцев. Глубокой ночью жандармы приняли нашу штабную машину за свою и пропустили вперед.

Лисовенко рассказывал:

«Вся моя штабная команда, сидевшая в кузове под брезентом, приготовилась к бою, хотя каждый понимал, что шансов выбраться из села слишком мало.

Машина вышла на открытую дорогу, но я понимал, что впереди — тоже немцы. Надо разворачиваться назад. Предупредил водителя, чтобы двигался не торопясь, иначе можно выдать себя, а как только выедем за село, чтоб жал на газ до упора. Жандармы были удивлены, что «шевроле» возвращается обратно. Когда машина в замедленном темпе проезжала мимо жандармского поста, солдаты кричали нам: «Дорт рус, дорт рус!» («Там русские!»).

Это-то нам как раз и надо было. Немцы не успели опомниться, как «шевроле» уже летел по шоссе на огромной скорости».

Лисовенко приумолк, наполнил наши рюмочки и продолжал: «Но на этом наши приключения не закончились. Удрав от немцев, мы едва не угодили под пушечный удар своих танков. У дороги стоял батальон Бочковского. Танкисты заметили мчащийся по дороге «шевроле» и открыли огонь. Пришлось сворачивать на перекресток и уводить машину, чтобы спрятаться за какой-нибудь бугор. За танками в атаку пошла пехота родного батальона. Хорошо, что замполит, возглавивший атаку, узнал свою машину, а то бы от нашего штаба ничего не осталось».

Закончив свой рассказ, Петр Саввич спохватился:

— Вот я тут о своих подвигах наговорил слишком много, а

как там наши фронтовые друзья — два Ивана — Острянин и Яценко, Вася Власенко, Юра Гиленков?..

— Что сказать тебе, Петр Саввич, — начал я, — время свое берет. Вот мы еще с Борисом держимся, другие — тяжело болеют, дают знать фронтовые раны. Многие однополчане ушли из жизни. Нет уже Васи Власенко, умер Юра Гиленков.

— И генерала Гиленкова уже нет? — переспросил Лисовенко. — Хороший товарищ был. Он совершенно лишен был «генеральской» болезни.

Я был согласен с Лисовенко: Гиленков никогда не кичился своим генеральским званием. После войны он закончил Высшую офицерскую школу, академию им. Фрунзе и академию Генерального штаба, последнее время служил в штабе Варшавского договора, был представителем штаба в Румынии. В 1982 году Юра приехал в Москву в очередной отпуск. Отдыхал на юге, отклонений в состоянии здоровья не замечал. По пути в Румынию, в Киеве, почувствовал себя плохо. Умер от сердечного приступа. Ему исполнилось тогда только 60 лет.

Мы еще раз помянули своих боевых товарищей и друзей и стали прощаться с гостеприимными хозяевами: надо было спешить в Чертков. Петр Саввич посадил нас на автобус, и мы расстались до новой встречи.

Встречи ветеранов в Черткове тоже запомнились. Нам была предоставлена возможность побывать в тех местах, где когда-то шли ожесточенные бои — в Бучаче и Залещиках. 8 мая мы посетили братское кладбище в селах Белобожица и Джурин. Тогда еще слова «Никто не забыт, ничто не забыто!» были в силе. Память о тех, кто пал за освобождение Украины, местные жители хранили свято. Это уже потом началось разрушение памятников освободителям и возведение памятников националистическим деятелям — Петлюре, Коновальцу, Бандере, Шухевичу и другим. Советский солдат-освободитель в понимании нынешних украинских националистических лидеров стал оккупантом.

В 1989 году я написал очерк — «Дела давно минувших дней». Он был посвящен поездке в Чертков. В нем есть такие строки:

> «Спустившись вниз и насладившись красотой Днестра, проехав Залещики, мы остановились у братской могилы. Рядом, на высоком покатом постаменте стоит грозная «тридцатьчетверка». Под ней мемориальная доска. На темном граните золотыми буквами высечены слова о том, что здесь, в Залещиках, сражались воины 8-го гвардейского механизированного корпуса, которые, форсировав Днестр, захватили плацдарм на его южном

берегу. Это память о погибших. Я почему-то подумал: «Ведь мы, оставшиеся в живых, тоже вложили частицу своего ратного труда в эту победу, значит, слова на памятной доске касаются и нас. Значит, и мы не забыты!»

Довелось мне побывать на Украине и позже, в 2004 году, когда она праздновала 60-ю годовщину со дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Наша петербургская делегация из пяти человек приняла участие в торжественном заседании, проходившем в Национальном дворце Украины. Появление в зале президентов Л. Кучмы, В. Путина, А. Лукашенко и Э. Алиева делегаты ветеранских организаций Украины и стран СНГ приветствовали стоя.

Главы государств, выступавшие перед ветеранами и трудящимися Киева, говорили о нерушимой дружбе славянских народов и наций. Народы-то всегда дружили, а вот политикам такая дружба не всегда по душе. За последние годы обострились отношения между Украиной и Россией, что никак не пошло на пользу двум независимым странам. Антироссийские настроения обернулись для Украины экономическим и политическим кризисом.

Я не политик и не хочу говорить о причинах, породивших кризисную ситуацию на Украине. Выводы пусть делают украинские политики и украинский народ, но мне очень не хочется, чтобы амбициозные политики ломали и сводили на нет нашу воинскую дружбу. Разве могу я враждебно относиться к моим побратимам — украинцам Петру Лисовенко, Кириллу Выдыборцу, братьям Василию и Григорию Власенко. Никогда!

Переписываясь, я рад был любой их весточке, и они радовались моим письмам. Разыскав после войны Василия Власенко, сразу же написал ему письмо. От него тут же получил ответ:

> «Здравствуй, дорогой Петр Михайлович! Бесконечно рад, что получил твои письма, — одно адресовано мне, другое переслал брат Григорий Прокофьевич.
>
> Я уже потерял надежду получить от кого-либо из наших сослуживцев 461-го дивизиона весточку. И вдруг — кто? Петька Демидов. Дорогой, я очень рад!»

Из письма Власенко я узнал, что при освобождении Украины комдив был тяжело ранен, лежал в госпитале «гоголевского» Миргорода, потом в Люблине, догонял свою бригаду, войну закончил в Берлине. По состоянию здоровья демобилизовался.

«Приехав домой (в г. Нежин), — писал Василий Прокофьевич, — 14 лет проработал директором МТС (машинно-тракторной станции), затем 2 года — председателем Нежинского райисполкома, но это, оказалось, не мои сани, хотя я и не хотел в них садиться, да что поделаешь. Затем пошел работать председателем самого захудалого колхоза и, проработав там 18 лет, в возрасте 59 лет ушел на пенсию. Все же дома сидеть не могу, немного работаю».

Потом от его брата Григория узнал, что Василий Прокофьевич тот самый «захудалый» колхоз вывел в передовые, сделал миллионером, известным на всю Украину. К его воинским орденам фронтовика добавился орден Ленина, затем ему присвоили звание Героя Социалистического труда. Десять лет (два созыва) Власенко был депутатом Верховного Совета СССР.

Вот о ком надо писать книги и делать кино, а не о бандитах, ставших в условиях украинской незалежности VIP-персонами.

Мои «Записки полевого командира» появились не случайно, хотя я никак не тяну на «героя» Великой Отечественной войны. Таких, как я, были миллионы. Но мы делали свое дело защищали Родину, за что были отмечены соответствующими наградами. В честь 60-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне по представлению президиума Клуба кавалеров ордена Александра Невского за мужество, проявленное в годы войны, и активное участие в патриотическом воспитании молодежи, я был награжден народными орденами «Великая Победа» и «Серебряная Звезда». Конечно, 85 лет, прожитых на свете, — это возраст, когда знаешь, что жизнь подходит к последней черте. Моя жизнь была трудной, но не бесцельной. В народе говорят: в жизни надо сделать три вещи: посадить дерево, вырастить сына и построить дом. Деревьев в своей жизни я посадил много, сына вырастил, теперь имею внучку и правнука, а вот что касается дома, каюсь, — своими руками не построил, было некогда: все личное время отнимала служба. Но я горжусь, что служил Родине, и, может, еще послужу.

Петр Демидов (слева) со своими родителями — матерью Евдокией Григорьевной, отцом Михаилом Трофимовичем и братом Кузьмой. Ленинград. 1937 г.

Ленинградский школьник Петя Демидов. 1935 г.

П. М. Демидов курсант 1-го Ленинградского артиллерийского училища. 1940 г.

П. М. Демидов учащийся 9-й Ленинградской артиллерийской спецшколы. 1940 г.

В лесу прифронтовом. Капитан П. М. Демидов (третий ряд — третий справа) среди офицеров 461 артдивизиона. Село Бездрик Сумская обл. 1943 г.

П. М. Демидов Начальник штаба 405-го дивизиона «катюш» 1944 г.

Капитан П. М. Демидов (первый ряд, второй слева) среди батарейцев 461-го артиллерийского дивизиона. 1943 г.

Начальник штаба 405-го гвардейского дивизиона «катюш» П. М. Демидов среди

однополчан. Сандомирский плацдарм. 1944 г.

Группа офицеров 461-го артиллерийского и 457-го минометного дивизионов в штабе 19-й гвардейской мехбригады. Первый ряд (слева направо): капитан Острянин, майор Зотов, капитан Самгин. Второй ряд: лейтенант Блинников, капитан Горбунов, капитан Федоров, капитан Демидов, старший лейтенант Семенов. Село Ширшовка Винницкая обл. 1944 г.

Боевые друзья, комбат И. М. Острянин и начальник связи И. П. Яценко. Лейпциг. 1943 г.

Солдат 1-го дивизиона 41-го минометного полка РС (катюш) А. Т. Терешин и командир дивизиона П. М. Демидов. Германия. 1945 г.

Комдив П. М. Демидов Берлин. 1945 г.

Дошли до Рейхстага. Берлин. 1945 г.

Начальник штаба артиллерии, 4-й ПД 1-й Армии Войска Польского, подполковник В. Певишкис (слева).

А. Бобров, командир артдивизиона и замполит 19 ГМБ, 8 ГМК, 1-й ГКТА Федоров. 1945 г.

Командир 4-й пехотной дивизии 1-й Армии Войска Польского генерал Кеневич. Германия. 1945 г.

П. П. Еловацкий командир батареи 19 ГМБ и И. М. Острянин командир 457-го отд. минбата, 8 ГМК, 1 ГКТА Берлин. 1945 г.

Могилы Героев Советского Союза, погибших на Курской дуге в 1943 г. Село Сырцово. Курская область.

И. Ф. Фролов, генерал, командующий артиллерией 1-й ГТА

Д. А. Драгунский, полковник, командир 55-й танковой бригады.

В. А. Почковский, капитан, командир 1-го батальона 1-й гвардейской танковой бригады 1945 г.

Ф. П. Липатенков, командир 19-й гвардейской мехбригады. 1942 г.

А. Ф. Бурда, подполковник, командир 64-й танковой бригады.

В. Н. Подгобрунский, знаменитый разведчик 1-й ГТА.

А. Л. Гетман командир 6-го (11-го) гвардейского танкового корпуса. 70-е годы.

Петр Лисовенко комбат 19-й гвардейской мехбригады. 1986 г.

М. Е. Катуков генерал-полковник. Конец 40-х годов.

Д. А. Драгунский. В отставке. 1975 г.

В. П. Власенко командир 461-го артдивизиона 19-й гвардейской мехбригады. Герой Социалистического труда. 70-е годы.

Майор П. М. Демидов на боевых стрельбах. Лужский артиллерийский полигон. Ленинградская область. 1956 г.

Майор П. М. Демидов на боевых стрельбах. Стругацко-Красненьский артиллерийский полигон. Ленинградская область. 1956 г.

Подполковник П. М. Демидов, командир дивизиона 5-й гвардейской артиллерийской бригады ЛенВО. 1958 г.

П. М. Демидов, командир парадной артиллерийской группы. Дворцовая площадь. Ленинград. 7 ноября 1958 г.

Встреча бывших выпускников 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Слева направо: Ж. Бастырев, Л. Марченко, Ю. Гиленков, М. Рякимов и П. М. Демидов. 1968 г.

Я — военный пенсионер. 1978 г.

Жан Кретьен (в центре), министр, затем премер-министр страны. Пребывание в Ленинграде делегации строителей Канады. Справа П. М. Демидов, начальник отдела внешних связей ЛенЗНИИЭП. 1975 г.

Сертификат. Участник Торжественного марша по Невскому проспекту в День Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

Встреча бывших выпускников 9-й Ленинградской артиллерийской спецшколы. П. М. Демидов — третий слева. 1976 г.

Встреча с суворовцами. День Советской Армии. Санкт-Петербург. 2002 г.

Члены клуба кавалеров ордена Александра Невского в Софийском соборе. Первый слева в первом ряду — П. М. Демидов, г. Пушкин, Ленинградская область. 2002 г.

Ветераны 1-й ТА: командир дивизиона 79-го минометного полка РС (катюш) П. Н. Друганов, начальник штаба 405-го дивизиона РС (катюш) П. М. Демидов (справа). Санкт-Петербург. 2002 г.

Не стареет душой ветеран. 2005 г.

Кавалеры ордена Александра Невского в церкви Святого князя Александра Невского(Усть-Ижора). П. М. Демидов в первом ряду — третий слева. 2005 г.

Празднование Дня памяти (12 сентября 2005 г.) небесного покровителя Санкт-Петербурга святого князя Александра Невского. Губернатор города В. И. Матвиенко (вторая справа).

Такой юной встретил Петр Михайлович свою будущую жену Ию Николаевну Дороднову. 1952 г.

Начальник отдела внешних сношений института ЛенЗНИИЭП П. А. Демидов. Санкт-Петербург. 1975 г.

Сын Юрий знакомится с легендарной «катюшей» машиной БМ-13. 1975 г.

Юрий Демидов, сын, курсант Высшего мореходного училища им. адмирала Макарова.1975 г.

Полковник в отставке в кругу семьи. Слева направо: жена Ия Николаевна, родственница Ирина Сергеевна Савченкова, внучка Настя. 1986 г.

Сын Ю. П. Демидов и правнук Павел. 2005 г.

Ветераны 1-й ГТА генералы: (слева направо) С. М. Кривошеин, Д. А. Драгунский, И. И. Гусаковский

notes

Примечания

1

Петров Г. Ф. Пискаревское кладбище. Ленинград, 1969. С. 6.

2

Катуков М. Е. На острие главного удара. М., 1985. С. 147.

3

Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО РФ), ф. 3389, оп. 1, д. 9, л. 24.

4

ЦАМО РФ, ф. 5598, оп. 1, д. 2, лл. 12–15.

5

ЦАМО РФ, ф. 5598, оп. 1, д. 1, лл. 49–50.

6

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 9, л. 35.

7

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 9, л. 36.

8

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 10, л. 6.

9

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 4, л. 22.

10

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 6, л. 43.

11

ЦАМО РФ, ф,3389, оп. 1, д. 4, лл. 25–29.

12

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 3, л. 8.

13

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1, д. 10, л.9.

14

ЦАМО РФ, ф. 3389, оп. 1,д. 1, л. 110.

15

ЦАМО РФ, ф. 3440, оп. 1, д. 22, лл. 28–29.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М., 1985. С. 185.

17

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 13.

18

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 19.

19

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, лл. 22–23.

20

Из неопубликованных писем Л. В. Дынер — автора этих записок.

21

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 30.

22

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 70.

23

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 72.

24

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 214, л. 78.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М., 1985. С. 182.

Бабаджанян А. Х. Дороги победы: М., 1972. С. 140.

27

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 85, л. 44.

Жуков Ю. А. Люди 40-х годов. М., 1969. С. 421.

29

Из воспоминаний ветеранов. Личный архив П. М. Демидова.

Дремов И. Ф. Наступала грозная броня. Киев, 1981. С. 62–63.

31

Там же. Дремов И. Ф. Наступала грозная броня. Киев, 1981. С. 62–63.

32

Газета «На разгром врага», 21 мая 1943 года.

33

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 554, л. 16.

34

Газета «Правда», 12 апреля 1944 года.

35

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 571, л. 497.

36

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 293, л. 14.

37

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 18.

Там же. ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 18.

39

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 572, л. 23.

Бабаджанян А. Х. Дороги победы. М., 1972. С. 192.

41

Газета «Правда», 24 августа 1944 года.

42

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 560, л. 107.

43

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 292, лл. 52–53.

44

Газета «На разгром врага», 18 ноября 1944 года.

45

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 582, лл. 102–103.

46

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 603, л. 119.

Дремов И. Ф. Наступала грозная броня. Киев, 1981. С. 120.

48

ЦАМО РФ, ф. 299. оп. 3070, д. 712, лл. 49–51.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 574.

Бабаджанян А. Х. Дороги победы. М., 1972. С. 234.

51

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 843, лл. 122–123.

52

ЦАМО РФ, ф. 299, оп. 3070, д. 799, л. 209.

Газета «Вестник ветерана» (С.-Петербург), март 2001 года.